

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

Том 26. № 3

2021

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тема номера: / Topic of the issue:

«Политические трансформации в России и мире: исторический опыт и прогнозные сценарии»

Political Transformations in Russia and the World: Historical Experience and Predictive Scenarios

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 26. No. 3

2021

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number ПИ № ФС77-78162 of March 13, 2020)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) and Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index, CrossRef (USA), DOAJ (Sweden), EBSCO (USA), Google Scholar (USA), JournalSeek (USA), MIAR (Spain), OCLC WorldCat® (USA), ProQuest (USA), Research Bible (Japan), ROAD (France), SHERPA/RoMEO (Spain), SSOAR (Germany), ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory (USA), Western Theological Seminary (Holland), ZDB (Germany), CyberLeninka (Russia), etc.**

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova, Yu.I. Nedelkina*

Editor of English texts *E.A. Agarkova*

Making up and technical editing: *O.N. Yadykina*

Relayed to print Apr. 1, 2021.

Date of publication July 2, 2021. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 24.8. Published pages 26.7.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–66). Order 104. «С» 14.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: <https://hfrir.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования

«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер ПИ № ФС77-78162 от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) и Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), CrossRef (США), DOAJ (Швеция), EBSCO (США), Google Scholar (США), JournalSeek (США), MIAR (Испания), OCLC WorldCat® (США), ProQuest (США), Research Bible (Япония), ROAD (Франция), SHERPA/RoMEO (Испания), SSOAR (Германия), ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory (США), Western Theological Seminary (Голландия), ZDB (Германия), КиберЛенинка (Россия) и др.**

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова,*

Ю.И. Неделькина

Редактор английских текстов *Е.А. Агаркова*

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 01.04.2021 г.

Дата выхода в свет 02.07.2021 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 24,8. Уч.-изд. л. 26,7.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–66 экз.). Заказ 104. «С» 14.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Tel.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: <https://hfrir.jvolsu.com>

Англояз. сайт: <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

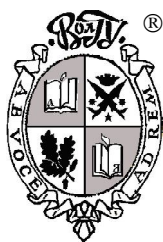
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2021

Том 26. № 3

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

2021

Volume 26. No. 3

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2021. Vol. 26. No. 3

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

***Topic of the issue: Political Transformations in Russia and the World:
Historical Experience and Predictive Scenarios***

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Director of the Publishing House
V.A. Gorelkin – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief
Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor
(Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* – Issue Editor
(Volgograd);
Senior Lecturer *P.I. Lysikov* – Assistant Editor (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.D. Barabanov* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.L. Kleytman* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *A.S. Skripkin* (Volgograd)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoston Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
A.P. Buzhilova (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu. Ya. Vin* (Moscow);
PhD (Political Sciences), Assoc. Prof. *Hale Henry*
(Washington, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *E. Yu. Giryva* (Saint
Petersburg);
Dr. Sc., Leading Researcher *S.V. Golunov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);

Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College
Station, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos*
(Athens, Greece);
Dr. Sc., Chief Researcher *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kuznetsov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kurilla* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
I.P. Medvedev (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Cand. Sc., Senior Researcher *B.A. Raev* (Rostov-
on-Don);
Dr. Sc., Prof. *O. Yu. Redkina* (Volgograd);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA)
Dr. Sc. *Szvák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk,
Belarus);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Cherkasov* (Washington, USA)

At the invitation of Chief Editor,
Prof. I.O. Tyumentsev,
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *V.A. Gorelkin* (Volgograd)
took the position of the Executive Editors
of the present issue

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2021. Т. 26. № 3

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

**Тема номера: «Политические трансформации в России и мире:
исторический опыт и прогнозные сценарии»**

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук, директор издательства *В.А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Архипова* – редактор номера (г. Волгоград);
ст. преп. *П.И. Лысков* – технический секретарь (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *М.А. Балабанова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.Д. Барабанов* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т.В. Евдокимова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *А.Л. Клейтман* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И.Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С.И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Перерва* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С.Г. Сидоров* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *А.С. Скрипкин* (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А.И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, доц. *А.И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н.Э. Вашкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А.А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (г. Москва);
PhD (политические науки), доц. *Гейл Генри* (г. Вашингтон, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Е.Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);

д-р полит. наук, ведущий науч. сотр. *С.В. Голунов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С.А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, гл. науч. сотр. *Е.Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. *И.И. Кузнецов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *И.И. Курилла* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, акад. РАН *И.П. Медведев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Б.А. Раев* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *О.Ю. Редькина* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М.А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А.Д. Таиров* (г. Челябинск);
канд. ист. наук, доц. *С.А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
д-р ист. наук, проф. *А.А. Черкасов* (г. Вашингтон, США)

По приглашению главного редактора проф. И.О. Тюменцева выпускающими редакторами номера являются д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград); канд. ист. наук *В.А. Горелкин* (г. Волгоград)

СОДЕРЖАНИЕ

Панкратов С.А., Горелкин В.А. Россия и мир в контексте современных векторов политических изменений 6

ПРОГНОЗНЫЕ СЦЕНАРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В РОССИИ И МИРЕ

Лебедева М.М. Политическая организация мира в условиях современных мегатрендов: сценарии развития 10

Джаббаринасир Х.Р. Влияние современного международного терроризма на основные мегатренды современной мировой политики 22

Зорин В.Ю., Волох В.А., Суворова В.А. Трансформация миграционной политики государств в период пандемии 34

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Коаччи Ф. Об универсальной силе социально-экономических прав: сравнение между Томасом Погге и Райнером Форстом [На англ. яз.] 45

Морозов И.Л. Политическая коммуникативистика: эволюция понимания роли информации в политическом процессе 58

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Благодер Ю.Г. Закат империи Цин: от традиционализма к конституционализму (по материалам российской печати) 72

Синицын Ф.Л. Формирование «общества потребления» в СССР: идеологический вызов для власти (1964–1982 гг.) ... 84

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Стризов А.Л. Пути политической модернизации России и традиции политической культуры 95

Вилков А.А., Шестов Н.И., Абрамов А.В. Социальный запрос на будущее России в политических проектах и массовом сознании граждан 108

Бронников И.А., Карпова В.В. Цифровое гражданство в Российской Федерации: политические риски и перспективы 123

Януш О.Б., Мухарямов Н.М. Институциональные основы языковой политики в России: виды на будущее 134

Евдокимов В.Б., Залоило М.В. «Журильский вопрос»: политико-правовые модели решения в аспекте конституционных преобразований 147

ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РОССИИ

Завьялова О.О. Публичные мероприятия как форма взаимодействия власти и русской общественности во второй половине 1850-х годов 158

Панкратов С.А., Морозов С.И. «Дистант» коммуникации: трансформация взаимодействия российского общества и власти в эпоху глобальной пандемии 172

Макаренко К.М., Панкратова Л.С. Современное состояние и перспективы развития женского протеста: от депривации к мобилизации [На англ. яз.] 182

Гаврилов С.Д., Азизова Д.К. Интеграция институтов публичной власти в процессе формирования государственной социальной политики на Юге России 191

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РФ

Ачкасов В.А., Абалян А.И. Российский этнофедерализм: становление и перспективы развития 203

Осипов И.В. Идея Уральской Республики в период государственной трансформации Российской Федерации 217

Михалев А.В. Трансформация системы политических символов на Дальнем Востоке России в XXI веке 227

Кришталь М.И. Пространственные особенности электорального конформизма в России в 2000-е годы 237

ОБЗОР

Соков И.А. Положение латиносов в США во время президентства Д. Трампа: обзор проблематики политических трансформаций в публикациях американских авторов за 2018–2020 годы 249

CONTENTS

Pankratov S.A., Gorelkin V.A. Russia and the World in the Context of Modern Vectors of Political Change 6

PREDICTIVE SCENARIOS OF POLITICAL TRANSFORMATIONS IN RUSSIA AND THE WORLD

Lebedeva M.M. Political Organization of the World in the Context of Contemporary Megatrends: Scenarios of Development 10

Jabbarinasir H.R. The Influence of Modern International Terrorism on the Main Megatrends of Modern World Politics 22

Zorin V.J., Voloh V.A., Suvorova V.A. Transformation of the Migration Policy of States During the Pandemic Period 34

THEORETICAL ASPECTS IN THE STUDY OF POLITICAL PROCESSES

Coacci F. On the Universal Power of Socioeconomic Rights: A Comparison Between Thomas Pogge and Rainer Forst 45

Morozov I.L. Political Communicativistics: The Evolution of Understanding the Role of Information in Political Process 58

HISTORICAL EXPERIENCE OF POLITICAL TRANSFORMATIONS

Blagoder Yu.G. The Decline of the Qing Empire: From Traditionalism to Constitutionalism (Based on Materials from the Russian Press) 72

Sinitsyn F.L. Forming The Consumer Society in the USSR: Challenges for Authorities (1964–1982) 84

POLITICAL PROCESS IN CONTEMPORARY RUSSIA

Strizoe A.L. Ways of Political Modernization of Russia and Traditions of Political Culture 95

Vilkov A.A., Shestov N.I., Abramov A.V. Social Demand for the Future of Russia Within Political Projects and Mass Political Consciousness 108

Bronnikov I.A., Karpova V.V. Digital Citizenship in the Russian Federation: Political Risks and Prospects 123

Yanush O.B., Mukharyamov N.M. Institutional Framework for Language Policy in Russia: Views for the Future 134

Evdokimov V.B., Zaloilo M.V. “Kuril Dispute”: Political and Legal Models of Solution in the Aspect of Constitutional Transformations 147

INTERACTION PRACTICES BETWEEN INSTITUTIONS OF POWER AND SOCIETY IN RUSSIA

Zavyalova O.O. Public Events as a Form of Interaction Between the Government and the Russian Public in the Second Half of the 1850s 158

Pankratov S.A., Morozov S.I. “Distant” Communication: Transformation of Interaction Between Russian Society and Authorities in the Era of the Global Pandemic 172

Makarenko K.M., Pankratova L.S. Contemporary State and Prospects of Female Protest Development: from Deprivation to Mobilization 182

Gavrilov S.D., Azizova D.K. Integration of Public Government Institutions in the Process of the State Social Policies Formation in the South of Russia 191

INSTITUTIONALIZATION OF THE REGIONAL SPACE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Achkasov V.A., Abalian A.I. Russian Ethnofederalism: Evolution and Development Prospects 203

Osipov I.V. The Idea of the Ural Republic During the State Transformation of the Russian Federation ... 217

Mikhalev A.V. Transformation of the System of Political Symbols in the Russian Far East in the 21st Century 227

Krishtal M.I. Spatial Features of Electoral Conformism in Russia in the 2000s 237

REVIEW

Sokov I.A. The Situation of Latinos in the United States During D. Trump’s Presidency: Overview of Political Transformations’ Issues in the Publications of American Authors for 2018–2020 249

РОССИЯ И МИР В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЕКТОРОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

RUSSIA AND THE WORLD IN THE CONTEXT OF MODERN VECTORS OF POLITICAL CHANGE

Выбор тематики настоящего номера «Политические трансформации в России и мире: исторический опыт и прогнозные сценарии» происходил в период, когда мир еще не столкнулся с угрозой распространения COVID-19. Подбор материалов для публикации был нацелен в первую очередь на выявление научно обоснованных прогнозов направлений и тенденций политических изменений на глобальном, региональном и национальном уровнях, исходя из опыта развития отдельных стран и мира в целом в конце XX – первые десятилетия XXI века. При этом подготовка большинства статей, вошедших в конечном итоге в номер, пришлось на середину 2020 г. в условиях поиска действенных политических, социально-экономических, медицинских и иных способов, механизмов противодействия проявлениям распространения пандемии.

В своем выступлении на заседании дискуссионного клуба «Валдай», посвященном теме «Уроки пандемии и новая повестка: как превратить мировой кризис в возможность для мира», Президент РФ В.В. Путин отметил: «Эпидемия коронавируса серьезно изменила общественную, деловую, международную жизнь. Скажу больше, повседневную, привычную жизнь каждого человека... Коронавирус не отступил, к сожалению, и представляет до сих пор серьезную угрозу. И вероятно, такой тревожный фон у многих лишь усиливает ощущение, что начинается какое-то совсем другое время, что мы не просто на пороге кардинальных перемен, а эпохи тектонических сдвигов, причем во всех сферах жизни» [2].

Следует отметить, что проблематика распространения пандемии не стала доминирующей в публикациях номера. Факторы, прогнозные сценарии политических трансформаций в мире и РФ представлены в многообразии теоретико-методологических подходов, точек зрения отечественных и зарубежных авторов. При этом, в отличие от эволюции, развития, модернизации и других типов изменений, трансформациям, с точки зрения большинства авторов, присущи характеристики качественных изменений системообразующих элементов, многовекторность, относительно высокие темпы, нередко значительное влияние на них субъективных факторов.

Открывается журнал разделом «Прогнозные сценарии политических трансформаций в России и мире», включающим три статьи. М.М. Лебедева (г. Москва, Россия) обосновывает возможные сценарии политического развития мира в первую очередь в зависимости от столкновения доминирующих мегатрендов и противоположных им трендов: глобализация / деглобализация, интеграция / дезинтеграция, демократизация / де-демократизация. Х.Р. Джаббаринасир (г. Тегеран, Иран) уделяет особое внимание влиянию терроризма на два мегатренда современной мировой политики – глобализацию и демократизацию, которые связаны с тремя уровнями политической организации современного мира – Вестфальской системой, системой межгосударственных отношений и политической системой государств. В статье В.Ю. Зорина, В.А. Волох, В.А. Суворовой (г. Москва, Россия) выделяется специфика трансформации миграционной политики стран в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19.

В следующий раздел номера «Теоретические аспекты исследования политических процессов» вошли две работы. Статья молодого исследователя Ф. Коаччи (г. Мачераты, Италия) публикуется на английском языке и включает сравнительный анализ элементов теории глобальной экономической справедливости, морального универсализма, институционального понимания прав

человека Т. Погге и критической теории политической и социальной справедливости, морально-конструктивистской концепции прав человека Р. Форста. В статье И.Л. Морозова (г. Волгоград, Россия) прослеживается эволюция концепций в сфере политической коммуникативистики, направленных на понимание роли информации в системе политических процессов с середины XX в. по настоящее время.

Заслуживают пристального внимания публикации, представленные в разделе «Исторический опыт политических трансформаций». В статье Ю.Г. Благодер (г. Краснодар, Россия) на основе анализа последнего десятилетия существования империи Цин выделяются доминирующие факторы, способствовавшие трансформации основ китайской государственности, и отражается освещение данных процессов в российской периодической печати. Работа Ф.Л. Синицына (г. Москва, Россия) посвящена выявлению вызовов для советской идеологии, связанных с формированием «общества потребления» в СССР, и ответа властей Советского Союза на эти вызовы в период правления Л.И. Брежнева (1964–1982).

Безусловный научный интерес для самого широкого круга исследователей представляют пять статей раздела «Политический процесс в современной России». А.Л. Стризое (г. Волгоград, Россия) анализирует феномен воспроизводства авторитарного сценария социальной и политической модернизации России в XX веке. Поиск ответа на вопрос о том, насколько концепт «социального государства», выведенный поправками к Конституции РФ на первый план внутрироссийской политической и социально-экономической повестки, способен удовлетворить запрос массового сознания российских граждан на образ будущего страны, осуществляется в статье А.А. Вилкова, Н.И. Шестова (г. Саратов, Россия), А.В. Абрамова (г. Мытищи, Россия). В работе И.А. Бронникова, В.В. Карповой (г. Москва, Россия) предложена концепция архитектуры построения цифрового гражданства, которая заключается в поэтапном внедрении цифровых сервисов. Узловые характеристики предмета, связанного с исследовательскими разработками и практическим проведением мер регулирования политико-языкового устройства современной России, режимами этнолингвистического многообразия страны, представлены в статье О.Б. Януш и Н.М. Мухарямова (г. Казань, Россия). Целью работы В.Б. Евдокимова, М.В. Залоило (г. Москва, Россия) стал анализ политико-правовых моделей разрешения территориальных споров в контексте поиска приемлемого решения территориального спора между Россией и Японией по поводу принадлежности Южных Курил.

Следующий раздел номера «Практики взаимодействия институтов власти и общества в России» состоит из четырех статей, объединенных анализом публичного политического пространства России. В работе О.О. Завьяловой (г. Ростов-на-Дону, Россия) рассматриваются публичные мероприятия, проходившие в столичных городах России в первые годы царствования Александра II, как одна из форм взаимодействия власти и общественности. С.А. Панкратов, С.И. Морозов (г. Волгоград, Россия) сосредоточили внимание на анализе формирования новых практик социально-политического взаимодействия граждан, электоральных групп населения с органами власти и управления РФ на основе «нового общественного консенсуса» и с учетом внедрения современных информационно-коммуникативных технологий. В статье К.М. Макаренко (г. Волгоград, Россия), Л.С. Панкратовой (г. Санкт-Петербург, Россия), представленной на английском языке, фокус исследовательского внимания направлен на изучение современного состояния и перспектив развития женского протеста в глобальной перспективе. Уточнению оптимальных прогнозных сценариев взаимодействия институтов публичной власти в процессе принятия решений, направленных на формирование социальной политики на Юге России, посвящена работа С.Д. Гаврилова, Д.К. Азизовой (г. Волгоград, Россия).

Статья В.А. Ачкасова, А.И. Абалян (г. Санкт-Петербург, Россия), в которой раскрываются особенности формирования и эволюции, перспективы российского этнофедерализма, открывает следующий раздел – «Институционализация регионального пространства РФ». Здесь же публикуется работа И.В. Осипова (г. Москва, Россия), в которой исследуется феномен Уральской Республики в контексте формирования федеративной модели государственного устройства Российской Федерации в 1993 году. В статье А.В. Михалева (г. Улан-Уде, Россия) осуществляется поиск универсальных для всего Дальневосточного региона политических символов и оценка потен-

циала их политической мобилизации. Выявлению пространственных закономерностей результатов конформистского голосования на федеральных выборах России в период 2000-х гг. посвящена статья М.И. Кришталя (г. Калининград, Россия).

Завершает журнал раздел «Обзор», включающий статью И.А. Сокова (г. Волгоград, Россия) по проблемным аспектам положения латиноамериканцев (граждан и не граждан США) за время президентства Д. Трампа, отраженным в новых работах американских авторов.

В подготовке данного тематического номера приняли участие более тридцати маститых и начинающих исследователей из трех стран, девяти регионов РФ, в том числе девять членов экспертного совета ВАК по политологии при Минобрнауки РФ. Конечно, удалось рассмотреть далеко не все аспекты политических трансформаций в России и мире, поскольку, как отмечает патриарх мировой политики Г. Киссинджер, «мы живем в исторический период, когда налицо упорная, временами почти отчаянная погоня за ускользающей от общего понимания концепцией мирового порядка» [1, р. 7]. Более того, в условиях пандемии, по мнению Ю. Хабермаса, на первый план стали выходить иные проблемы, которые можно решить только сообща [3]. На наш взгляд, вывод немецкого философа верен не только для процессов европейской интеграции, но и для вопросов международного сотрудничества в деле противодействия глобальным угрозам.

Надеемся на продолжение и развитие научной дискуссии на страницах нашего журнала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киссинджер, Г. Мировой порядок / Г. Киссинджер ; пер. с англ. В. Желнинова, А. Милукова. – М. : АСТ, 2019. – 544 с.
2. Путин, В. В. Выступление на итоговой пленарной сессии XVII ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» / В. В. Путин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64261> (дата обращения: 25.11.2020). – Загл. с экрана.
3. Habermas, J. 30 Jahre danach: Die zweite Chance. Merkels europapolitische Kehrtwende und der innerdeutsche Vereinigungsprozess / J. Habermas. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.blaetter.de/ausgabe/2020/september/30-jahre-danach-die-zweite-chance> (date of access: 07.04.2021). – Title from screen.

REFERENCES

1. Kissinger H. *Mirovoy poryadok* [World Order]. Moscow, AST Publ., 2019. 544 p.
2. Putin V.V. *Vystuplenie na itogovoy plenarnoy sessii XVII ezhegodnogo zasedaniya Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valday»* [Speech at the Final Plenary Session of the 17th Annual Meeting of the Valdai Discussion Club]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64261> (accessed 25 November 2020).
3. Habermas J. *30 Jahre danach: Die zweite Chance. Merkels europapolitische Kehrtwende und der innerdeutsche Vereinigungsprozess*. URL: <https://www.blaetter.de/ausgabe/2020/september/30-jahre-danach-die-zweite-chance> (accessed 7 April 2021).

Выпускающие редакторы номера
С.А. Панкратов, В.А. Горелкин

Information About the Authors

Sergey A. Pankratov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Head of the Department of International Relations, Political Science and Area Studies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, pankratov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1733-730X>

Vitaliy A. Gorelkin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of National and World History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, vgorelkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2277-3886>

Информация об авторах

Сергей Анатольевич Панкратов, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, pankratov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1733-730X>

Виталий Александрович Горелкин, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, vgorelkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2277-3886>

www.volsu.ru

ПРОГНОЗНЫЕ СЦЕНАРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В РОССИИ И МИРЕ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.2>

UDC 327
LBC 66.4

Submitted: 19.09.2020
Accepted: 22.01.2021

POLITICAL ORGANIZATION OF THE WORLD IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY MEGATRENDS: SCENARIOS OF DEVELOPMENT¹

Marina M. Lebedeva

MGIMO University MFA Russia, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines the scenarios of the political development of the world depending on the megatrends such as globalization, integration, democratization and the opposite trends – de-globalization, disintegration and de-democratization, as well as the current state of the political organization of the world, including the Westphalian system, the system of interstate relations (system of international relations) and political systems of the modern world states. *Methods and materials.* The political organization of the world is considered as a system consisting of three subsystems. In this regard, the main approach in the study is the systems approach. Scenario analysis is used as a research method. *Analysis.* Recently interest in scenarios of the political development of the world has sharply increased, which is reflected in the publications of many Russian and foreign authors. The scenarios of the political development of the world in the 21st century, after the crises associated with the terrorist attacks in 2001, the economic crisis that began in 2008 and the crisis in 2020 caused by the COVID-19 pandemic, began to be discussed especially intensively. Most researchers consider such scenarios based on ideas about the possible configuration of interstate relations, i.e. parts of the system of international (interstate) relations. It is shown that this parameter of analysis is important, but insufficient. It is proposed to consider the scenarios of the political development of the world on the basis of how megatrends and trends alternative to them will act, as well as how the political organization of the world will develop. *Results.* Four parameters of scenario analysis are identified: 1) time parameter in actions of (mega) trends; 2) differentiated actions (mega) trends in many indicators of economic and social interaction; 3) configuration of the leading states in the international arena (part of the system of international relations). This parameter is widely used by various researchers; 4) an evolutionary (smooth) or revolutionary (through conflicts, crises, etc.) way of transforming the political organization of the world. The combination of development in these parameters (it is possible to single out additional parameters) gives a picture of world politics in the future.

Key words: political organization of the world, megatrends, scenarios of the political development of the world, parameters of scenario analysis, globalization, the policy of isolationism.

Citation. Lebedeva M.M. Political Organization of the World in the Context of Contemporary Megatrends: Scenarios of Development. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 10-21. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.2>

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МИРА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ МЕГАТРЕНДОВ: СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ¹

Марина Михайловна Лебедева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются сценарии политического развития мира в зависимости от действия мегатрендов, таких как глобализация, интеграция, демократизация и противоположных им трендов – деглобализация, дезинтеграция и де-демократизация, а также современного состояния политической организации мира, включающей в себя Вестфальскую систему, систему межгосударственных отношений (систему международных отношений) и политические системы государств современного мира. *Методы и материалы.* Политическая организация мира рассматривается в качестве системы, состоящей из трех подсистем. В связи с этим основным подходом в исследовании является системный подход. В качестве метода исследования используется сценарный анализ. *Анализ.* В последнее время интерес к сценариям политического развития мира резко возрос, что отразилось в публикациях многих российских и зарубежных авторов. Особенно интенсивно стали обсуждаться сценарии политического развития мира в XXI в. после кризисов, связанных с террористическими атаками 2001 г., экономического кризиса, начавшегося в 2008 г., и кризиса, обусловленного пандемией COVID-19 в 2020 году. Большинство исследователей рассматривают такие сценарии исходя из представлений о возможной конфигурации межгосударственных отношений, то есть части системы международных (межгосударственных) отношений. Показывается, что этот параметр анализа является важным, но недостаточным. Предлагается рассматривать сценарии политического развития мира на основании того, как будут действовать мегатренды и альтернативные им тренды, а также, как будет развиваться политическая организация мира. *Результаты.* Выявлены четыре параметра сценарного анализа: 1) временной параметр в действиях (мега)трендов; 2) дифференцированные действия (мега)трендов по многим показателям экономического и социального взаимодействия; 3) конфигурация ведущих государств на международной арене (часть системы международных отношений). Этот параметр широко используется различными исследователями; 4) эволюционный (плавный) или революционный (через конфликты, кризисы и т. п.) путь преобразований политической организации мира. Сочетание развития по этим параметрам (возможно выделение и дополнительных параметров) дает картину мировой политики в будущем.

Ключевые слова: политическая организация мира, мегатренды, сценарии политического развития мира, параметры сценарного анализа, глобализация, политика изоляционизма.

Цитирование. Лебедева М. М. Политическая организация мира в условиях современных мегатрендов: сценарии развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 10–21. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.2>

Введение. Вопросы дальнейшего политического развития мира все больше привлекают внимание исследователей, точки зрения которых оказываются весьма разнообразными. Особенно остро эти вопросы стали стоять сегодня, поскольку пандемия COVID-19 внесла существенные изменения в экономическую и социальную жизнь не только государств, но и их взаимодействия на международной арене. Появились первые исследования и прогнозные сценарии дальнейшего развития мира. В большинстве своем они касаются восстановления мировой экономики. Однако не менее важными являются послед-

ствия пандемии для мировой политики. Более того, политические реалии оказывают и будут оказывать влияние на формирование экономических, социальных и других процессов современного мира. Разумеется, существует и обратный эффект.

Среди множества мирополитических мегатрендов современного развития выделяются три основных (глобализация, интеграция, демократизация), которые имеют политическую природу, но обусловлены научно-техническими и экономическими факторами. Наряду с ними действуют противоположные им тренды – деглобализация, дезинтеграция и де-

демократизация. Все три мегатренда и альтернативные им тренды развиваются по принципу волн, описанному С. Хантингтоном для процессов демократизации [21].

Другие тренды мирового политического развития, которые существуют в мире, могут быть сведены к указанным мегатрендам, либо они не являются обусловленными политическими причинами. Например, развитие коммуникационных и информационных технологий, безусловно, оказало сильнейшее влияние на мировую политику. Однако они не являются собственно политическими факторами развития. В свою очередь, другие процессы, имеющие политическое содержание, могут быть объяснены действием указанных мегатрендов и трендов. Например, миграция в современной Европе во многом обусловлена процессами глобализации и интеграции [15].

Исследовательский вопрос заключается в следующем: по каким параметрам возможно выстраивать сценарии политического развития мира в условиях влияния названных мегатрендов и противоположных им трендов, а также с учетом изменений, происходящих в политической организации мира, которая также испытывает воздействие процессов глобализации, интеграции, демократизации и альтернативных им волн. При этом политическая организация мира понимается как структура, образованная тремя основными уровнями: 1) Вестфальская политическая система; 2) система международных (межгосударственных) отношений, включающая в себя конфигурацию ведущих государств мира, а также иные структуры, образованные государствами (международные организации, интеграционные объединения, клубные форматы взаимодействия и т. п.); 3) совокупность политических систем различных государств мира. При этом все три уровня испытывают взаимное влияние друг друга, что в современных условиях при их одновременной трансформации образует эффект «идеального шторма» [14].

Методы и материалы. Политическая организация мира рассматривается в качестве системы, состоящей из трех подсистем. В связи с этим основным подходом в исследовании является системный подход. При рассмотрении различных уровней системы (в данном случае будут анализировать толь-

ко первых два уровня как непосредственно относящиеся к мировой политике) используются различные теории международных отношений. Так, при изучении влияния, которое мегатренды оказывают на Вестфальскую систему, применяется неолиберальная теория в ее варианте транснационализма, сформулированном Р. Кохейном и Дж. Наем [23], в то время как анализ системы международных (межгосударственных) отношений ориентирован в основном на реалистский подход. Такая эклектика теоретических подходов является обоснованной при анализе прикладных проблем [28].

В качестве метода исследования используется сценарный анализ.

Анализ. Процессы глобализации, интеграции и демократизации являются взаимообусловленными, поэтому четко разграничить их сложно. Тем не менее в данном случае глобализация понимается как транснационализация мировой политики, транспарентность национальных границ. Глобализация предполагает не только активность негосударственных акторов на мировой арене, о чем писали Р. Кохейн и Дж. Най, но и государств, а также гибридных акторов, сочетающих в себе черты государственных и негосударственных акторов. Однако, если говорить о негосударственных акторах, то они в процессах глобализации выполняют роль локомотива. При этом транспарентность границ ведет ко все большему размыванию Вестфальской системы.

В отличие от глобализации интеграция предполагает заключение межгосударственных соглашений, предусматривающих сближение государств. Кроме того, для интеграции характерна территориальная близость государств, хотя в последнее время все отчетливее наблюдается феномен трансрегионализма (см., например, [9; 27]), представляющего собой формирование объединений за пределами одного региона. Примерами трансрегионов могут служить БРИКС, МИКТА, «Один пояс, один путь» и другие. Трансрегионализм имеет целый ряд параметров, близких с интеграцией, в частности таких, как создание собственных институтов, например, Банка развития стран БРИКС.

В последние десятилетия интеграция имеет сходство с глобализацией также в свя-

зи с тем, что в интеграции становятся активно задействованными негосударственные акторы [22], хотя они и не являются ведущей силой в этом процессе, по крайней мере в настоящее время.

Если глобализация воздействует значительно на Вестфальский уровень политической организации мира, то интеграция, впрочем, как и дезинтеграция, влияют на уровень межгосударственных отношений в политической организации мира.

Наконец, демократизация в мировой политике представляет собой не только процесс увеличения количества демократических стран, согласно С. Хантингтону, но и демократизацию мировой политики за счет роста количества, как государственных, так и негосударственных участников, а также интенсификации международных переговоров по различным вопросам [15]. В этом смысле демократизация оказывается близкой к процессу глобализации. Демократизация и де-демократизация воздействуют на все три уровня политической организации мира. Увеличение количества акторов на мировой арене влияет на Вестфальскую систему, а возникновение демократических государств определяет в значительной степени, с одной стороны, структуру межгосударственных отношений, с другой – политическую систему того или иного государства.

В целом же в современном мире наблюдается своеобразный процесс «гибридизации» различных процессов и структур. Подобная гибридизация не является специфичной для мегатрендов. Она характерна и для многих других явлений и процессов в мировой политике. Например, сегодня отчетливо наблюдается гибридизация акторов [11].

Глобализация была одной из ведущих тем обсуждения в 1990-х годах. С началом нынешнего века внимание к глобализации резко снизилось. Более того, ряд исследователей сделали вывод о конце глобализации, и даже стали писать о деглобализации (см., например, [24]). Основанием для этого послужила политика ряда стран, в первую очередь США. Так, США с приходом Д. Трампа четко взяли курс на политику изоляционизма, выйдя из целого ряда международных договоров или заявив о выходе из них. В странах Европейского союза

изоляционизм, например, проявился в деятельности правых партий, направленной на закрытие национальных границ для того, чтобы ограничить миграцию в страны Западной Европы из Восточной Европы, обусловленную интеграционными процессами, а также из стран Ближнего Востока, которая стала возможной благодаря глобализации.

Распространение пандемии COVID-19 фактически вообще перекрыло границы в мире. Однако границы оказались закрытыми неравномерно по разным областям и секторам экономики. Так, пассажирские перевозки почти полностью прекратились. В то же время деятельность компаний, предоставляющих информационные и коммуникационные услуги по всему миру, резко возросла. В целом же политика изоляционизма различных государств все больше ведет к деглобализации.

Дезинтеграционные тенденции также наметились в XXI веке. Наиболее четко они проявились в связи с BREXIT. Высказывали подобные желания и другие страны ЕС. Усилились центробежные устремления внутри отдельных стран. Так, довольно бурно о своем желании отделения от Испании заявила Каталония. В Бельгии, Великобритании, в странах Ближнего Востока также развиваются подобные процессы. Однако одновременно идет и интеграция. Примером здесь может служить создание Евразийского экономического союза. Можно обсуждать, насколько эффективна деятельность ЕАЭС, однако в данном случае важен сам факт создания интеграционного объединения. В целом же в XXI в., скорее, стали преобладать дезинтеграционные процессы.

Аналогичный вектор развития наблюдается и в отношении процессов демократизации и де-демократизации. С точки зрения волн демократизации по С. Хантингтону, в настоящее время наблюдается откатная волна. То же можно сказать и о снижении международной переговорной активности, в частности по важнейшим международным проблемам безопасности, хотя одновременно переговоры по экономическим вопросам и ряду других вопросов развиваются.

Таким образом, в настоящее время тенденции политического развития мира имеют разнонаправленную динамику. Однако в целом

с начала XXI в. стали наблюдаться тенденции к затуханию мегатрендов и усилению влияния противоположных им трендов – деглобализации, дезинтеграции, де-демократизации. Особенно заметно эти процессы проявились во второй половине 2010-х годов. Очевидно, что такой вывод можно сделать только на основе качественного анализа современных реалий. Причины этого в значительной мере обусловлены общими принципами развития, которые имеют нелинейный характер и обладают волнообразной формой. Однако в том числе существуют и субъективные факторы. Слишком интенсивное действие мегатрендов в мире в конце XX в. привело к тому, что во многих государствах возобладали устремления, направленные на их сдерживание. Иллюстрацией данного тезиса может служить факт наличия политики противодействия правых партий миграционным потокам в ЕС.

В то же время представляется, что активизация противоположных мегатрендам процессов носит относительно временный характер, и это не сменит основной вектор мирового политического развития, связанный прежде всего с глобализацией, а также интеграцией и демократизацией, поскольку мегатренды определяются экономическими и научно-техническими факторами, действия которых все больше выходят за пределы национальных границ. Разумеется, волнообразный характер развития с очередными спадами в дальнейшем сохранится.

В связи с кардинальными трансформациями, происходящими на рубеже XX и XXI вв., исследователи и политики стали интенсивно обсуждать дальнейшие пути политического развития мира. Примечательно, что вопрос о том, как будет выстраиваться дальнейшая политическая организация мира, стал волновать не только авторов академических изданий, но и политиков, и журналистов. А. Меркель, Э. Макрон, а также лидеры других государств ни раз высказывали опасения о нарастании процессов хаотизации в мире и необходимости противодействия этому.

Большинство авторов, занимающихся анализом международных отношений, видят проблему в политике государств и трансформации системы межгосударственных (международных) отношений, то есть прежде все-

го в конфигурации, которую будут образовывать ведущие государства мира (см., например, [1; 8]). Обсуждаются различные модели такой конфигурации, с теми или иными модификациями. Эта исследовательская традиция не является новой. В 1990-е гг. она развивалась, как правило, в рамках реалистского подхода и стала во многом реакцией на доминирование США в мире после распада биполярной системы. В настоящее время чаще всего, в частности, в российской исследовательской литературе речь идет о многополярной (многоцентричной) системе. Эта литература весьма обширна. Однако появляются и другие варианты. Например, в последнее время интенсивно обсуждается вопрос о формировании новой биполярности, полюсами которой становятся США и КНР [5]. Обсуждается возможность противостояния полюсов [4], сравнивается биполярность периода «холодной войны» СССР – США с новой биполярностью. Так, Т. Бордачев отмечает, что в рамках новой биполярности, в отличие от эпохи «холодной войны», ядерный фактор оказывается менее значимым, а экономики двух государств – США и Китая – в значительной степени взаимозависимы. Однако несмотря на взаимозависимость Т. Бордачев отмечает опасность перерастания противостояния в военное столкновение, которого, тем не менее, существует шанс избежать [2]. В свою очередь, американские авторы нередко задаются вопросом, почему США теряют свою лидерскую роль в мировой политике. В частности, Дж. Миршаймер видит эту проблему в том, что США стали распространять идею либеральной демократии по всему миру [25].

Пандемия COVID-19 стимулировала дискуссии о будущих сценариях политического развития мира. В то же время следует отметить, что в XXI в. мир не в первый раз сталкивается с вызовами, которые сильно повлияли на мировую политику.

Первым таким вызовом стал международный (глобальный) терроризм. Террористические акты «Аль-Каиды», а затем и ИГИЛ, а также других подобных группировок по-новому поставили вопрос о национальной и международной безопасности. С одной стороны, террористические акты привели к усилению противодействия терроризму, что выразилось

в усилении контроля за пассажирами на транспорте, отслеживании передвижения и контактов подозрительных лиц, принятии в США Патриотического Акта [30] в 2001 г., который давал правительству и полиции широкие полномочия. Несмотря на то что в 2015 г. США вместо Патриотического Акта приняли Акт о свободе США [31], все эти и аналогичные им действия в США и других странах мира были направлены как на изоляционизм государств, так и на ограничения демократии. В результате в мире усилились тенденции к деглобализации и де-демократизации.

С другой стороны, как реакция на глобальный терроризм стало формироваться международное сотрудничество в борьбе с терроризмом, причем как на уровне государств и межгосударственных структур [3], так и на уровне негосударственных акторов [12]. Данный факт демонстрирует усиление глобализационного и интеграционного мегатрендов.

Экономический кризис, начавшийся с 2008 г., стал очередным вызовом для мировой политики. Как заметила С. Стрэндж, анализируя экономический кризис 1997–1998 гг., политическая и экономическая системы мира стали приходить в противоречие, поскольку глобализация экономики начала создавать проблему национальному государству [29]. В определенной степени, это противоречие усилилось и во время мирового экономического кризиса 2008 г. [19], который повлек за собой банкротства ряда предприятий, снижение уровня доходов, увеличение безработицы в различных странах мира, ослабление среднего класса, а как следствие – социальную нестабильность, усиление международной миграции [6] и т. п.

Разные исследователи давали различные прогнозы на политическое развитие мира после кризиса 2008 года. Один из векторов развития рассматривался как поляризация мира по линии индустриальные – постиндустриальные страны, согласно, например, таким авторам, как В.Л. Иноземцев [7], а также С.И. Лунев и Г.К. Широков [16]. По сути, это означало своеобразную «специализацию» в развитии мегатренда глобализации. Проведенный в МГИМО круглый стол по проблемам кризиса выявил различные точки зрения на будущее мировой

политики. Так, Д. Фельдман отметил, что по окончании кризиса последует хаотизация, возрастающая многовекторность внутри мировой политической системы, которая, однако, не приведет к утрате государствами ведущей роли [18]. В свою очередь, В.М. Кулагин, рассматривая мегатренды глобализации и демократизации, приходит к выводу, что они сохранят свое влияние на мир в дальнейшем [10].

Наконец, современный мирополитический кризис, вызванный пандемией COVID-19, также побудил специалистов в области мировой политики выступить со сценарными прогнозами дальнейшего политического развития мира. Например, Ф. Фукуяма выделяет следующие сценарии: 1) пессимистический сценарий, характеризующийся усилением, как пишет Ф. Фукуяма, национализма, ксенофобии, нападками на либеральный мировой порядок, наделением большими полномочиями государственные структуры; 2) позитивный сценарий, который предполагает возрождение либеральной демократии [20]. Иными словами, позитивный сценарий предполагает реализацию мегатрендов, а пессимистический сценарий – противоположных им трендов. При этом Ф. Фукуяма отмечает, что мир после пандемии потребует профессионализма и опыта. Однако, назвав пандемию «политическим стресс-тестом», Ф. Фукуяма скорее склонен полагать, что будет реализовываться пессимистический сценарий, поскольку в большинстве стран мира нет социального консенсуса и компетентных лидеров, а также рационального общественного обсуждения и социального обучения [20].

Другой сценарий предлагает К. Радд, который исходит из того, что мир ждет в будущем процесс хаотизации. При этом хаотизация охватит как внутреннюю политику государств, так и внешнюю. По мнению К. Радда, ни США, ни Китай не смогут стать лидерами, а вместо этого процесс хаотизации распространится на всю повестку дня мировой политики, начиная от безопасности и заканчивая международной торговлей [26].

Сценарии, представленные Ф. Фукуямой и К. Раддом, на первый взгляд, кажутся несопоставимыми. На самом деле эти исследователи фокусируют внимание на разных аспектах: Ф. Фукуяма – на трендах и мегатрен-

дах, а К. Радд – на политической организации мира, которая, действительно, находится в фазе «идеального шторма», то есть в определенном смысле хаоса. Поэтому при рассмотрении сценариев политического развития мира представляется важным учитывать и (мега)тренды развития, и политическую организацию мира.

Результаты. Сценарии мирополитического развития мира. Современная политическая организация, включающая в себя три основных уровня (Вестфальская система, система межгосударственных отношений, политические системы различных стран) под воздействием мегатрендов и альтернативных им трендов, находится в состоянии сильнейшей трансформации. Кризисные явления, в том числе те, с которыми мир сталкивался в XXI в., резко усиливают эти процессы, что находит отражение во многих публикациях российских и зарубежных исследователей. Однако разные исследователи обращают внимание на разные аспекты происходящего. В результате сценарные картины будущего политического развития мира выглядят весьма пестро.

Большинство авторов, описывая сценарии дальнейшего политического развития мира, делают акцент на межгосударственных отношениях (системе международных отношений в политической организации мира), причем в основном на конфигурации ведущих государств мира. До недавнего времени эти отношения были не только важными, но и фактически полностью определяющими мировую политику. Сегодня ситуация оказывается более сложной, поскольку многие факторы, обусловленные влиянием мегатрендов, воздействуя на возможные конфигурации государств-лидеров, делают прогнозы несостоятельными. Поэтому необходимо принимать во внимание политическую организацию мира в целом, а также развитие мегатрендов и альтернативных трендов. Кроме того, все же недооценивается роль международных организаций и других международных структур.

Влияние (мега)трендов на политическую организацию мира является многоаспектным и нередко разновекторным. Политическая организация мира также имеет и свои внутренние импульсы развития. Поэтому вряд ли

целесообразно разрабатывать сценарии с учетом одного какого-либо параметра, пусть и очень значимого. В связи с этим сценарный анализ требует выявления ряда параметров, по которым строится прогноз.

Временной параметр в действиях (мега)трендов. Если говорить о *краткосрочном прогнозе*, то, по всей видимости, в ближайшем будущем следует ожидать продолжения довольно сильного влияния таких трендов, как деглобализация, дезинтеграция и демократизация. Их действие обусловлено реакцией на бурный процесс глобализации и демократизации конца XX в., что сегодня проявляется в политике изоляционизма ряда стран. Кризисы нынешнего века усилили влияние этих трендов. Особенно отчетливо это проявилось в результате пандемии COVID-19. Однако, учитывая, во-первых, волнообразное развитие трендов и мегатрендов, во-вторых, то, что основной вектор развития мира представлен мегатрендами и обусловлен экономическими и научно-техническими факторами, в *среднесрочной перспективе* воздействие глобализации, интеграции и демократизации на политическую организацию мира вновь возрастет.

Другим параметром для определения сценарного развития выступают **дифференцированные действия (мега)трендов по многим показателям экономического и социального взаимодействия**. Среди показателей экономического и социального взаимодействия выступают сектора и области экономики, которые в большей или меньшей степени оказались подвержены политике изоляционизма. Кроме того, степень изоляционизма, например, в период пандемии определялась также уровнем заражения в той или иной стране и регионе. Поэтому и с географической точки зрения выявляется неравномерность в использовании политики изоляционизма. Тем не менее, очевидно, что в любом случае коммуникационные и информационные сферы получат дальнейшее развитие и будут способствовать активизации мегатрендов. Однако и другие сферы экономики также могут получить внезапное и бурное развитие. Например, снятие ограничений может повлечь за собой резкий всплеск туристической активности. Поэто-

му значимость параметра дифференциации, скорее всего, будет носить *краткосрочный характер*.

Следующий параметр сценарного прогноза, основанный на развитии политической организации мира, – **конфигурация ведущих государств** на международной арене (наиболее значимая часть **системы международных отношений**). Несмотря на то что большинство исследователей сосредотачивают свое внимание на этом параметре, представляется, что он один из наименее стабильных. В отличие от двух предыдущих параметров конфигурация ведущих государств в мире характеризуется не действием мегатрендов и трендов, а состоянием политической организации мира, которая находится в очень неустойчивом положении, в том числе в значительной степени под воздействием мегатрендов и трендов. В результате и сценарии развития предлагаются с очень большим диапазоном различий: от хаотизации до монополярного или биполярного мира. Однако рассматривать сценарии в зависимости от конфигурации государств в силу неустойчивости самой конфигурации можно только в *краткосрочном плане*, да и то с большой долей осторожности.

Система международных отношений испытывает влияние также других уровней политической организации мира (Вестфальской системы и политических систем различных государств). Сценарии здесь во многом определяются в зависимости от того, как будет выстраиваться глобальное управление, насколько активно и эффективно в этот процесс будут включены негосударственные акторы. Так, Е.В. Стецко видит в вовлечении негосударственных акторов в глобальное управление противодействие глобализационным вызовам [17]. Следует подчеркнуть, что противодействие именно вызовам, то есть негативным явлениям и их последствиям, но не самому процессу глобализации. При этом самым сложным в глобальном управлении оказывается «коммуникация и принятие решений в условиях множественности и разнородности акторов» [13, с. 32]. В любом случае это еще один аргумент в пользу нестабильности отношений в современной политической организации мира, а

значит и возможности только краткосрочных сценариев развития.

Наконец, последний параметр, который просматривается в сценарном анализе, определяется характером изменений: пойдет ли этот процесс по **пути эволюционных или революционных** (через конфликты, кризисы и т. п.) **преобразований политической организации мира** [13]. Очевидно, что эволюционный сценарий предпочтительнее. В этом случае он будет реализовываться в *среднесрочной или долгосрочной перспективе*. В принципе, в истории известны эволюционные пути развития в мире, которые предполагали своеобразную работу по «плану» или «проекту». Если говорить о конфликтах, то это различные варианты «дорожных карт» их урегулирования. В глобальном масштабе своеобразным проектом было создание ООН. Можно привести и многие другие приемы конструирования международных отношений и мировой политики. Другое дело, что, как правило, такие проекты создавались после сильнейших кризисов и войн.

В целом же сценарии дальнейшего мирополитического развития мира определяются параметрами, которые в различных сочетаниях и дают картину его возможного состояния. Эти параметры определяются мегатрендами и трендами, а также политической организацией мира. В данном случае рассмотрены четыре параметра, однако возможно выявление их большего числа. В частности, более глубокому анализу следует подвергнуть межгосударственный уровень связей и отношений в политической организации мира, обратив пристальное внимание не только на конфигурацию отношений ведущих государств, но и на международные организации и объединения.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31168 «Глобализация и деглобализация (изоляция) как два вектора политического развития мира».

The study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 20-011-31168 “Globalization and de-globalization (isolationism) as two vectors of the political development of the world”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барановский, В. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? / В. Барановский // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2019. – Т. 63, № 5. – С. 7–23. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-5-7-23>.
2. Бордачев, Т. К чему ведет американо-китайское противостояние / Т. Бордачев // *Россия в глобальной политике*. – 2020. – № 4 (июль/август). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/bipolarnost-balans/> (дата обращения: 18.09.2020). – Загл. с экрана.
3. Веселовский, С. С. Многостороннее сотрудничество в борьбе с транснациональным терроризмом / С. С. Веселовский. – М. : Навона, 2009. – 272 с.
4. Дегтерев, Д. Многополярность или «новая биполярность»? / Д. Дегтерев // *Российский совет по международным делам*. – 16.01.2020. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-ili-novaya-bipolyarnost/> (дата обращения: 18.09.2020). – Загл. с экрана.
5. Дынкин, А. Возможна новая биполярность – США и Китай : интервью корреспонденту Интерфакса 15 дек. 2018 г. / А. Дынкин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/interview/642384> (дата обращения: 18.09.2020). – Загл. с экрана.
6. Ивахнюк, И. Миграционный аспект глобального кризиса 2008 года / И. Ивахнюк // *Российский совет по международным делам*. – 11.06.2013. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnyu-aspekt-globalnogo-krizisa-2008-goda/> (дата обращения: 18.09.2020). – Загл. с экрана.
7. Иноземцев, В. Л. Воссоздание индустриального мира: контуры нового глобального устройства / В. Л. Иноземцев // *Россия в глобальной политике*. – 2011. – Т. 8, № 4. – С. 85–98. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/Vossozdanie-industrialnogo-mira-15397> (дата обращения: 18.09.2020). – Загл. с экрана.
8. Киссинджер, Г. Мировой порядок / Г. Киссинджер ; пер. В. Желнинов, А. Милюков. – М. : АСТ, 2015. – 544 с.
9. Кузнецов, Д. А. Дискуссии экспертов о перспективах и роли трансрегиональных проектов в Евразии: проблемы теоретического осмысления и практического воплощения / Д. А. Кузнецов // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 8 (2). – С. 163–171. – DOI: <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-163-171>.
10. Кулагин, В. М. Кризис экономический или кризис мирополитический? («круглый стол») / В. М. Кулагин // *Вестник МГИМО (У)*. – 2009. – № 5 (8). – С. 160–161. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://vestnikold.mgimo.ru/sites/default/files/vestnik/2009-5.pdf> (дата обращения: 18.09.2020). – Загл. с экрана.
11. Лебедева, М. М. Акторы современной мировой политики: тренды развития / М. М. Лебедева // *Вестник МГИМО (У)*. – 2013. – № 1. – С. 38–42. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/1507> (дата обращения: 18.09.2020). – Загл. с экрана.
12. Лебедев, М. В. Международное сотрудничество в борьбе с терроризмом: роль бизнеса / М. В. Лебедев // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2007. – № 3. – С. 47–53.
13. Лебедева, М. М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры / М. М. Лебедева // *Политические исследования*. – 2020. – № 4. – С. 24–35. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.03>.
14. Лебедева, М. М. Система политической организации мира: «Идеальный шторм» / М. М. Лебедева // *Вестник МГИМО (У)*. – 2016. – № 2. – С. 125–133. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/518/518> (дата обращения: 18.09.2020). – Загл. с экрана.
15. Лебедева, М. М. Современные мегатренды мировой политики / М. М. Лебедева // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2019. – Т. 63, № 9. – С. 29–37. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37>.
16. Лунев, С. И. Складывание новой мировой системы и Россия / С. И. Лунев, Г. К. Широков // *Pro et contra*. – 2002. – Т. 7, № 4. – С. 26–46.
17. Стецко, Е. В. «Глобальное управление» и роль неправительственных организаций в его становлении / Е. В. Стецко // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. – 2012. – № 4. – С. 110–115. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://terrahumana.ru/arhiv/12_04/12_04_23.pdf (дата обращения: 18.09.2020). – Загл. с экрана.
18. Фельдман, Д. М. Кризис экономический или кризис мирополитический? («круглый стол») / Д. М. Фельдман // *Вестник МГИМО (У)*. – 2009. – № 5 (8). – С. 158–160. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://vestnikold.mgimo.ru/sites/default/files/vestnik/2009-5.pdf> (дата обращения: 18.09.2020). – Загл. с экрана.
19. Харкевич, М. В. Кризис экономический или кризис мирополитический? («круглый стол») / М. В. Харкевич // *Вестник МГИМО (У)*. – 2009. – № 5 (8). – С. 163–168. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://vestnikold.mgimo.ru/sites/default/files/vestnik/2009-5.pdf> (дата обращения: 18.09.2020). – Загл. с экрана.
20. Fukuyama, F. The Pandemic and Political Order. It Takes a State / F. Fukuyama // *Foreign*

Affairs. – 2020. – July/August. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2020-06-09/pandemic-and-political-order> (date of access: 18.09.2020). – Title from screen.

21. Huntington, S. P. Democracy's Third Wave / S. P. Huntington // *The Journal of Democracy*. – 1991. – № 2. – P. 12–34.

22. Keating, M. The New Regionalism in Western Europe. Territorial Restructuring and Political Change / M. Keating. – Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 1998. – 242 p.

23. Keohane, R. O. Transnational Relations and World Politics: An Introduction / R. O. Keohane, J. S. Nye // *International Organization*. – 1971. – Vol. 25, № 3. – P. 329–349.

24. King, St. D. Grave New World. The End of Globalization. The Return of History / St. D. King. – New Haven ; London : Yale University Press, 2018. – 304 p.

25. Mearsheimer, J. Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities / J. Mearsheimer. – New Haven; London : Yale University Press, 2018. – 328 p.

26. Rudd, K. The Coming Post-COVID Anarchy. The Pandemic Bodes Ill for Both American and Chinese Power – and for the Global Order / K. Rudd // *Foreign Affairs*. – 2020. – May 6. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-05-06/coming-post-covid-anarchy> (date of access: 18.09.2020). – Title from screen.

27. Rüländ, J. Balancers, Multilateral Utilities or Regional Identity Builders? International Relations and the Study of Interregionalism / J. Rüländ // *Journal of European Public Policy*. – 2010. – № 17. – P. 1271–1283. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2010.513586>.

28. Sil, R. Analytic Eclecticism in the Study of World Politics: Reconfiguring Problems and Mechanisms across Research Traditions / R. Sil, P. Katzenstein // *Perspectives on Politics*. – 2010. – Vol. 8, № 2. – P. 411–431.

29. Strange, S. The Westfailure system / S. Strange // *Review of International Studies*. – 1999. – № 25 (3). – P. 345–354.

30. Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism (USA PATRIOT) Act of 2001. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.fincen.gov/resources/statutes-regulations/usapatriot-act> (date of access: 18.09.2020). – Title from screen.

31. USA FREEDOM Act of 2015. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2048/text> (date of access: 18.09.2020). – Title from screen.

REFERENCES

1. Baranovskiy V. Novyy miroporyadok: preodoleniye starogo ili yego transformatsiya? [New World Order: Overcoming the Old or its Transformation?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2019, vol. 63, no. 5, pp. 7–23. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-5-7-23>.

2. Bordachov T. K chemu vedet amerikano-kitayskoye protivostoyaniye [Where is the American-Chinese Confrontation Leading]. *Rossiya v globalnoy politike* [Russia in Global Affairs], 2020, no. 4 (July/August). URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bipolarnost-balans/> (accessed 18 September 2020).

3. Veselovskiy S.S. *Mnogostoronneye sotrudnichestvo v borbe s transnatsionalnym terrorizmom* [Multilateral Cooperation in the Fight Against Transnational Terrorism]. Moscow, Navona Publ., 2009. 272 p.

4. Degtrev D. Mnogopolyarnost ili «novaya bipolyarnost»? [Multipolarity or “New Bipolarity”?]. *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam* [Russian International Affairs Council]. 16.01.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-ili-novaya-bipolyarnost/> (accessed 18 September 2020).

5. Dynkin A. *Vozmozhna novaya bipolyarnost – SSHA i Kitay: intervyyu korrespondentu Interfaksa 15 dek. 2018 g.* [Possible New Bipolarity – the USA and China. Interview with an Interfax Correspondent on December 15, 2018]. URL: <https://www.interfax.ru/interview/642384> (accessed 18 September 2020).

6. Ivakhnyuk I. Migratsionnyy aspekt globalnogo krizisa 2008 goda [The Migration Aspect of the 2008 Global Crisis]. *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam* [Russian International Affairs Council]. 11.06.2013. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnyy-aspekt-globalnogo-krizisa-2008-goda/> (accessed 18 September 2020).

7. Inozemtsev V.L. Vossozdaniye industrialnogo mira: kontury novogo globalnogo ustroystva [Reconstruction of the Industrial World: the Contours of a New Global Structure]. *Rossiya v globalnoy politike* [Russia in Global Politics], 2011, vol. 8, no. 4, pp. 85–98. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Vossozdanie-industrialnogo-mira-15397> (accessed 18 September 2020).

8. Kissinger G. *Mirovoy poryadok* [World Order]. Moscow, AST Publ., 2015. 544 p.

9. Kuznetsov D.A. Diskussii ekspertov o perspektivakh i roli transregionalnykh proyektov v Yevrazii: problemy teoreticheskogo osmysleniya i prakticheskogo voploshcheniya [Expert Discussions

on Prospects and a Role of Transregional Projects in Eurasia: From Theory to Practical Implementation]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics], 2017, no. 8 (2), pp. 163-171. DOI: <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-2-163-171>.

10. Kulagin V.M. Krizis ekonomicheskoy ili krizis miropoliticheskoy? («kruglyy stol») [Economic Crisis or World Political Crisis? (“Round Table”)]. *Vestnik MGIMO (U)* [MGIMO Review of International Relations], 2009, no. 5 (8), pp. 160-161. URL: <http://vestnikold.mgimo.ru/sites/default/files/vestnik/2009-5.pdf> (accessed 18 September 2020).

11. Lebedeva M.M. Aktory sovremennoy mirovoy politiki: trendy razvitiya [Actors of Contemporary World Politics: Trends of Development]. *Vestnik MGIMO (U)* [MGIMO Review of International Relations], 2013, no. 1, pp. 38-42. URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/1507> (accessed 18 September 2020).

12. Lebedev M.V. Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo v borbe s terrorizmom: rol biznesa [International Cooperation in the Fight Against Terrorism: The Role of Business]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2007, no. 3, pp. 47-53.

13. Lebedeva M.M. Novyy mirovoy poryadok: parametry i vozmozhnyye kontury [New World Order: Parameters and Possible Contours]. *Polis. Politicheskkiye issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2020, vol. 4, pp. 24-35. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.03>.

14. Lebedeva M.M. Sistema politicheskoy organizatsii mira: «Idealnyy shtorm» [The System of Political Organization of the World: “Perfect Storm”]. *Vestnik MGIMO (U)* [MGIMO Review of International Relations], 2016, vol. 2, pp. 125-133. URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/518/518> (accessed 18 September 2020).

15. Lebedeva M.M. Sovremennyye megatrendy mirovoy politiki [Modern Megatrends of World Politics]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2019, vol. 63, no. 9, pp. 29-37. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37>.

16. Lunev S.I., Shirokov G.K. Skladyvaniye novoy mirovoy sistemy i Rossiya [The Formation of the New World System and Russia]. *Pro et Contra*, 2002, vol. 7, no. 4, pp. 26-46.

17. Stetsko Ye.V. «Globalnoye upravleniye» i rol nepravitelstvennykh organizatsiy v yego stanovlenii [Global Governance and the Role of Non-Governmental Organizations in its Formation]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye (Terra Humana)* [Society. Environment. Development (Terra Humana)], 2012, no. 4, pp. 110-115. URL: https://terrahumana.ru/arhiv/12_04/12_04_23.pdf.

18. Feldman D.M. Krizis ekonomicheskoy ili krizis miropoliticheskoy? («kruglyy stol») [Economic Crisis or World Political Crisis? (“Round Table”)]. *Vestnik MGIMO (U)* [MGIMO Review of International Relations], 2009, no. 5 (8), pp. 158-160. URL: <http://vestnikold.mgimo.ru/sites/default/files/vestnik/2009-5.pdf> (accessed 18 September 2020).

19. Kharkevich M.V. Krizis ekonomicheskoy ili krizis miropoliticheskoy? («kruglyy stol») [Economic Crisis or World Political Crisis? (“Round Table”)]. *Vestnik MGIMO (U)* [MGIMO Review of International Relations], 2009, no. 5 (8), pp. 163-168. URL: <http://vestnikold.mgimo.ru/sites/default/files/vestnik/2009-5.pdf> (accessed 18 September 2020).

20. Fukuyama F. The Pandemic and Political Order. It Takes a State. *Foreign Affairs*, 2020, July/August. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2020-06-09/pandemic-and-political-order> (accessed 18 September 2020).

21. Huntington S.P. Democracy's Third Wave. *The Journal of Democracy*, 1991, no. 2, pp. 12-34.

22. Keating M. *The New Regionalism in Western Europe. Territorial Restructuring and Political Change*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, 1998. 242 p.

23. Keohane R.O., Nye J.S. Transnational Relations and World Politics: An Introduction. *International Organization*, 1971, vol. 25, no. 3, pp. 329-349.

24. King St.D. *Grave New World. The End of Globalization. The Return of History*. New Haven; London, Yale University Press, 2018. 304 p.

25. Mearsheimer J. *Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven; London, Yale University Press, 2018. 328 p.

26. Rudd K. The Coming Post-COVID Anarchy. The Pandemic Bodes Ill for Both American and Chinese Power – and for the Global Order. *Foreign Affairs*, 2020, May 6. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-05-06/coming-post-covid-anarchy> (accessed 18 September 2020).

27. Rüländ J. Balancers, Multilateral Utilities or Regional Identity Builders? International Relations and the Study of Interregionalism. *Journal of European Public Policy*, 2010, no. 17, pp. 1271-1283. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2010.513586>.

28. Sil R., Katzenstein P. Analytic Eclecticism in the Study of World Politics: Reconfiguring Problems and Mechanisms across Research Traditions. *Perspectives on Politics*, 2010, vol. 8, no. 2, pp. 411-431.

29. Strange S. The Westfailure System. *Review of International Studies*, 1999, no. 25 (3), pp. 345-354.

30. *Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism (USA PATRIOT) Act of 2001*.

URL: <https://www.fincen.gov/resources/statutes-regulations/usa-patriot-act> (accessed 18 September 2020).

31. *USA FREEDOM Act of 2015*. URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2048/text> (accessed 18 September 2020).

Information About the Author

Marina M. Lebedeva, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Head of World Politics Department, MGIMO University MFA Russia, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation, mmlebedeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4162-0807>

Информация об авторе

Марина Михайловна Лебедева, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Российская Федерация, mmlebedeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4162-0807>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.3>

UDC 327
LBC 66.4(0)

Submitted: 27.08.2020
Accepted: 30.09.2020

THE INFLUENCE OF MODERN INTERNATIONAL TERRORISM ON THE MAIN MEGATRENDS OF MODERN WORLD POLITICS

Hasan R. Jabbarinasir

MGIMO University MFA Russia, Moscow, Russian Federation;
Institute for Social and Cultural Studies of the Ministry of Science, Research and Technology, Tehran, Iran

Abstract. *Introduction.* The article analyzes the influence of modern terrorism on two megatrends of contemporary world politics – globalization and democratization, which are linked with three levels of political organization of modern world – the Westphalian system, the system of interstate relations and the political system of states. *Methods and materials.* The methodology of systems approach is applied which allows identifying the variety of factors of mutual influence between terrorism and the selected trends. A simplified method of constructing a forecasting scenario is used, which provides a description of the influence of terrorism on the dynamics of the development of globalization and democratization in the future. The author relies on the ideas of a cyclical approach, according to which “upward” and “downward” stages are inherent characteristic of social and political processes. To understand the influence of terrorism as a factor of such cycles in the development of considered megatrends, scientific and analytical materials of Russian, Western and Iranian researchers are used. *Analysis.* It has been established that modern international terrorism uses the uneven distribution of benefits from globalization and its unifying characteristics in the sphere of culture and social relations in its destructive ideology and practice. As a result, globalization in the least developed countries is perceived in a negative way, and the risks of local rollbacks for this phenomenon remain. Long-term recommendations are proposed to improve the current situation. A scenario of anti-terrorist struggle, its state and prospects, and the dynamics of the two selected megatrends in the context of those scenarios have been developed. *Results.* It is concluded that terrorism is a significant negative factor for globalization and democratization. The first feels the influence of terrorism at the local level and it is unlikely to become a de-globalizing force, while the direct or indirect influence of international terrorism on the dynamic of democratization waves can be more significant.

Key words: megatrends, world politics, international terrorism, extremism, globalization, democratization.

Citation. Jabbarinasir H.R. The Influence of Modern International Terrorism on the Main Megatrends of Modern World Politics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 22-33. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.3>

УДК 327
ББК 66.4(0)

Дата поступления статьи: 27.08.2020
Дата принятия статьи: 30.09.2020

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА НА ОСНОВНЫЕ МЕГАТRENДЫ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Хасан Реза Джаббаринасир

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
г. Москва, Российская Федерация;
Институт социальных и культурных исследований Министерства науки, исследований и технологий ИРИ,
г. Тегеран, Иран

Аннотация. *Введение.* В статье анализируется влияние современного терроризма на два мегатренда современной мировой политики – глобализацию и демократизацию, которые связаны с тремя уровнями

политической организации современного мира – Вестфальской системой, системой межгосударственных отношений и политической системой государств. *Методы и материалы.* Применяется методология системного анализа, позволяющая выявить многообразие факторов взаимовлияния между терроризмом и рассматриваемыми трендами. Используется симплифицированный метод построения прогнозного сценария, предусматривающий описание влияния терроризма на динамику развития глобализации и демократизации в будущем. Автор опирается на идеи циклического подхода, согласно которому для динамики социально-политических процессов характерны «повышательные» и «понижательные» стадии. Для осмысления влияния терроризма в качестве фактора таких циклов в развитии выбранных мегатрендов привлечены научно-аналитические материалы российских, западных и иранских исследователей. *Анализ.* Установлено, что современный международный терроризм использует неравномерность распределения благ от глобализации и ее унифицирующие характеристики в сфере культуры и социальных отношений в своей деструктивной идеологии и практике, в результате чего глобализация в наименее развитых странах воспринимается в негативном ключе, а риски локальных откатов для данного феномена сохраняются. Предложены рекомендации долгосрочного характера по улучшению нынешней ситуации. Разработан сценарий антитеррористической борьбы, ее состояние и перспективы, а также динамика двух выбранных мегатрендов при каждом из них. *Результаты.* Сделан вывод о том, что терроризм является значительным негативным фактором для глобализации и демократизации. Для глобализации влияние терроризма ощущается на локальном уровне и вряд ли станет де-глобализирующей силой, тогда как на направление «волн» демократизации непосредственно или опосредованно влияние международного терроризма оказывается более значительным.

Ключевые слова: мегатренды, мировая политика, международный терроризм, экстремизм, глобализация, демократизация.

Цитирование. Джаббаринасир Х. Р. Влияние современного международного терроризма на основные мегатренды современной мировой политики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 22–33. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.3>

Введение. Современный терроризм – это сложный социально-политический феномен, который ввиду своей гибкости и постоянной трансформации используемых методов, идеологических мотивов и деструктивных практик пока не поддается должному теоретическому осмыслению. Более того, в академических и политических кругах нет единого определения термина «терроризм», которое поддерживалось бы всеми государствами, международными институтами и стало бы основой для международного сотрудничества по борьбе с этим явлением. Определение феномена терроризма не является проблемой исключительно академического сообщества, на практике, в зависимости от того, как определяется терроризм, принимаются меры по борьбе с ним, в том числе и на глобальном уровне.

В настоящей работе автор использует определение известных специалистов по проблематике мировой политики Дж. Бейлиса и С. Смита, которые подразумевают под терроризмом организованное незаконное использование насилия или угрозу его применения в международном (транснациональном) масш-

табе против группы людей или конкретных индивидуумов, а также их имущества для достижения политических целей, запугивания оппонентов и разжигания массового недовольства в обществе [14]. Учитывая, что современный терроризм носит транснациональный характер, в настоящей статье термины «терроризм» и «международный терроризм» во многом равнозначны. Автор уточняет, что идеология современного терроризма является преимущественно религиозноцентричной, поэтому под международным терроризмом в данной работе подразумевается религиозно-исламистский терроризм. Использование понятия «экстремизм» в соседстве с «терроризм»-ом автором аргументируется тем, что эти два феномена в современном контексте преимущественно выступают двумя сторонами одной медали. Опираясь на особое, ваххабитское – по сути насильственное – толкование исламских учений, они стремятся к тому, чтобы «вешать такфиристские ярлыки» не только на немусульман, но и на исповедующих ислам людей. Распространение такой идеологии по всему миру ставит на повестку дня борьбу не только с международным тер-

роризмом, но и с религиозным экстремизмом, которая должна вестись как «жесткими» методами, так и «мягкими».

Сегодня, на этапе предкризисного состояния Вестфальской системы международных отношений, террористические группировки получили возможность для реализации своей стратегии, заключающейся в переустройстве мира на иных, по мнению экстремистов, более справедливых началах. Такая совокупность проблем в международных отношениях представляет собой некий «идеальный шторм», который может стать катализатором непредсказуемых сдвигов в системе политической организации мира. Такое утверждение подводит нас к проблематике мегатрендов – долгосрочных и крупномасштабных процессов, определяющих качественное содержание эволюции мировой политики [8], и влияния на них международного терроризма.

Термин «мегатренды» впервые появился в опубликованной в 1982 г. одноименной книге американского футуролога Дж. Нейсбитта. Автор исследовал «основные направления движения, которые определяют облик и суть» изменяющегося американского общества [24]. С тех пор подходов к выделению мегатрендов в исследовательском дискурсе появилось множество; то, что для одних выступает *большим трендом* (например, прогресс инфокоммуникационных технологий) [2], для других является лишь фоном для развития других мегатрендов [7]. Однако, несмотря на вариативность трактовок в академических работах, главным критерием определения таких трендов представляется степень их нынешнего воздействия на векторы глобального развития и перспективы усиления его влияния в будущем.

Автор настоящей работы считает, в общих чертах мегатренды имеют три особенности:

- они возникают постепенно, однако по мере усиления их влияние может продолжаться не менее трех десятилетий;
- они оказывают влияние на самые различные аспекты жизни государства, общества в целом и отдельного человека в частности;
- они географически не привязаны к конкретным территориям, однако могут наиболее

ярко проявляться в том или ином географическом пространстве.

Опираясь на представленные выше дефиниции, можно сказать, что в какой-то степени и процессы, связанные с терроризмом, тоже могут быть представлены как мегатренд. Так, рост угрозы терроризма в некоторых научных и прогнозно-сценарных исследованиях называется мегатрендом современного мира [2; 19]. Логика такой позиции во многом исходит из артикулируемого в исследовательском дискурсе и наблюдаемого на практике «восточного» протеста против навязывания всему миру западных ценностей, нарастающего «порабощения» развивающихся стран более развитыми государствами. Такие социально-экономические и политические фрустрации генерируют мегатренд – усиление терроризма на религиозно-политической почве. Однако в настоящей работе автор считает терроризм не мегатрендом, а фактором изменения содержания/векторов развития таких трендов.

Цель настоящей статьи заключается в исследовании влияния международного терроризма на основные мегатренды современной мировой политики. В качестве таких *больших трендов* автор выбирает *глобализацию* и *демократизацию*. Обосновывается такая выборка тем, что обозначенные мегатренды оказывают влияние на динамику эволюции трех уровней политической организации современного мира – Вестфальской системы, системы межгосударственных отношений и политической системы государств, и изучение влияния терроризма на эти уровни имеет высокую научно-прикладную значимость.

Методология исследования. В представленной работе автор опирается на идеи циклического подхода, поскольку осмысление нелинейной динамики развития обозначенных выше мегатрендов и влияния терроризма на них требует применения теоретической альтернативы симплифицированным линейно-прогрессистским моделям развития современных мирополитических процессов. Концепт цикличности является достаточно распространенным средством теоретического анализа регулярных изменений, хотя внимание к нему носит преимущественно конъюнктурный, а не фундаментальный характер [13].

Проблематика цикличности в политической науке обсуждается в целом ряде работ. В. Пантин и В. Лапкин предлагают рассматривать политический процесс, основанный на кондратьевских волнах подъема и спада экономики [10], М. Калдор пишет о трансформации преобразовательной роли насилия/войны и появлении новых агентов изменения (agents of change) [21], В. Ильин циклически-волновую методологию рассматривает в контексте синергетики, делающей акцент на чередовании феноменов порядка и хаоса [6]. Последняя исследовательская позиция наиболее близка для нас, поскольку в нее вписывается цикличность в мировой политике с двумя фазами: цикла эволюции и революционного цикла (фазы хаотизации). Первый период способствует подъему в развитии, а во время второй фазы происходят спад и кризисы. Последовательность чередования порядка и хаоса, таким образом, представляется достаточно естественным ходом развития социально-политических процессов, и в этом контексте актуальным всегда остается вопрос осмысления катализаторов/факторов таких трансформаций.

Автор настоящей статьи попытается посмотреть, как современный международный терроризм оказывает воздействие на развитие, содержание и качественные характеристики выбранных *больших трендов* в мировой политике. При этом следует отметить, что цикличность наблюдается и в эволюции самого феномена терроризма. Известный терроролог Д. Рапорт укрупненно выделял четыре основные исторические волны терроризма – анархистскую, антиколониальную, новую левую, религиозную [25]. Сегодня ученые выделяют «пятую волну» терроризма, называя ее «полицентрическим или прокси-терроризмом» [4], который принципиально отличается от предшествующих видов по характеру, географическим масштабам, эффективности и степени используемости государствами для достижения геополитических целей.

Обозначенные тренды, на фоне эволюции терроризма, его усложнения и модификации с учетом аппликации экстремистами новейших технологий и приемов построения деятельности, актуализируют изучение влияния данного деструктивного феномена на основ-

ные мегатренды мировой политики. Применяемый же автором в настоящей работе циклический подход значим в части его аналитического применения, поскольку в рамках циклически-волновых концепций часто рассматриваются проблемы политического прогнозирования. В результате автор предлагает возможные сценарии борьбы с терроризмом в будущем и связанные с ними возможные векторы развития мирополитических мегатрендов.

Анализ. Исследование влияния терроризма на выбранные мегатренды требует концептуальных уточнений, учитывая то, что определения выбранных двух *больших трендов* вызывают дискуссии среди ученых и практиков. Однако в данной работе мы будем использовать наиболее известные дефиниции, не вдаваясь в подробности концептуальных дебатов относительно определений обозначенных явлений.

Влияние международного терроризма на глобализацию. Термин «глобализация» не имеет общепринятого определения. Хотя часто его связывают с экономической сферой, в том смысле, что глобализация привела к расширению, углублению и ускорению глобальной взаимозависимости. Однако глобализация выходит за рамки простого усиления экономического взаимодействия; она способствует быстрому перемещению в географическом пространстве не только товаров, услуг и людей, но и нематериальных ценностей вроде идей и культур. Превращение мира в «большую деревню» имеет безусловные плюсы, однако движение идей и материалов приводит к тому, что социально разнородные группы оказываются ближе друг к другу, что становится источником конфликтов, в том числе террористической направленности [15, р. 23]. Можно допустить, что в долгосрочной перспективе увеличение контактов между разнородными группами, их гомогенизация будет способствовать уменьшению предпосылок экстремистских идеологий [18], однако это прогноз достаточно отдаленной перспективы. На данный же момент в контексте угрозы терроризма глобализация формирует предпосылки насильственной практики.

В мирополитических исследованиях уже стало обычным утверждение о связи современного терроризма и глобализации. Большин-

ство профильных ученых указывают на то, что последняя способствовала расширению географических границ первого, укрупнению масштабов его деятельности и усилению влияния на глобальные процессы. Глобализация терроризма называется существенной чертой современного этапа развития данного феномена, который также проявляется беспрецедентным включением исламского компонента, «особенно в идеологическую базу многочисленных террористических структур» [5]. Возникновение нового, транснационального терроризма было детерминировано процессами глобализации и установлением нового мирового порядка. Одним из аспектов такого процесса является продвижение определенной модели глобализации, например, американской. Такая модель глобализации, особенно ее культурная массовизация на западный манер, несмотря на идеи Ф. Фукуямы, сторонника теории прямолинейного развития цивилизации, о конце истории, вызывает резкое неприятие в разных частях планеты, особенно в странах исламского цивилизационного ареала. Терроризм становится неким контрастоположением на глобализацию, кризисным вариантом реакции на ее проблемы, которые в местных восточных контекстах усиливаются еще и горьким опытом колониального прошлого, несправедливым распределением экономических богатств по линии «Север – Юг» и т. д. Хотя здесь нужно отметить и мнение тех специалистов, которые уверены, что терроризм выступает против глобализации не как таковой, а таким девиантным способом пытается обратить внимание на исключение из процесса глобализации определенных обществ [22].

По мнению иранских специалистов С. Садатинэжод и В. Масохиби, глобализация в своей «утробе» вырастила свой антипод; ее процессы, направленные на размывание социально-культурных и иных границ, привели к противоположному результату. Началось повышение значимости элементов религии, этничности, расы и сохранения локальных культур. Развиваясь и получая социальную поддержку, эти процессы неизбежно оказываются по разные стороны баррикад с глобализацией, поскольку делают акцент на выделении групп по конкретным социальным признакам и на локализации, что вступает в противоречие с

логикой развития глобализации [11]. Идеология современных террористов как раз использует эту диалектичную сущность глобализации для своих целей. Пример ИГ¹ показывает, что современные террористы, используя определенные внешние атрибуты вестфальского государства, социально-экономические и технические достижения глобализации [3], на самом деле выступают против нее. Хотя отметим, что локальность насильственной идеологии радикальных исламистов носит временный характер; конечная цель наиболее амбициозных террористических формирований заключается в создании *всемирного халифата*, что представляет собой тоже некую форму глобализации.

С опорой на приведенные выше аргументы рассматривать взаимовлияние терроризма и глобализации можно и концепцией глокализации, которая объясняет во многом нелинейный характер развития глобализации. Феномен глокализации, исходящий из логики сосуществования глобального и локального [27], не является предметом нашего анализа, однако он концептуально объясняет диалектичность природы глобализации, которой пользуются в своей идеологии современные террористы. Более того, в основе глокализационных процессов лежит, в числе прочих, идея «справедливого мира», которая является популярной в нарративах современных террористов.

Вызовы современного терроризма актуализируют поиск и нахождение наиболее оптимальных долгосрочных стратегий предотвращения его деструктивного влияния, в том числе на глобализацию. Предлагаемые подходы, такие как в концепции «диалога цивилизации» бывшего иранского президента М. Хатами, часто кажутся нереалистичными. Однако в современных условиях широкий спектр акторов – от государственных до негосударственных, должны способствовать изучению и укреплению ценностей и взглядов, способных формировать конструктивные основы взаимодействия исламской идентичности и процессов глобализации, особенно в виртуальном мире, ставшем основным каналом распространения деструктивных нарративов. Несмотря на умозрительность, государства и международные институты должны продвигать глобальное межцивилизационное взаимо-

действие, пропаганду значимости культурного разнообразия в мире, идею о возможности гармоничного сосуществования различных цивилизаций.

Терроризм и демократизация. Демократия и демократизация сегодня являются категориями, которые на практике претендуют на универсальность. Демократизация, по мнению известного американского ученого С. Хантингтона, происходит нелинейно, а волнами – за волной увеличения количества демократических государств в мире следует волна отката части из них в сторону авторитаризма [20]. Учитывая то, что демократизация является одним из главных мегатрендов современной мировой политики, актуальным будет осмысление влияния на него терроризма, потому что эти политические феномены часто «пересекаются» на практике, а «четвертая волна» демократизации, о которой пишут исследователи, часто носит характер силового навязывания демократического транзита [23]. При последнем подходе не только не усиливаются позиции демократии, а наоборот – возникает насильственная реакция, генерируются процессы де-демократизации.

В профильной научной литературе существуют, по крайней мере, два теоретических подхода к осмыслению взаимовлияния между демократией и терроризмом [16]. Сторонники первой точки зрения утверждают, что демократизация способствует уменьшению терроризма как явление, так как такая форма власти предлагает варианты выражения интересов среди граждан и поддерживает ненасильственное разрешение конфликтов. Такая логика в ее крайнем проявлении была характерна для администрации Дж. Буша-мл., который провозгласил демократию лучшим антиподом радикализма и террора, сделав продвижение демократии основным принципом так называемой Глобальной войны против терроризма. Такое поверхностное и «ложное умозаключение», по мнению К. Делакура, легло в основу оправдания смены американцами режимов в Афганистане и Ираке и постоянного давления на другие страны [17]. В итоге этой стратегии в названных странах, ее проявления в контексте «арабской весны», не только не уменьшилась угроза терроризма, но

и наоборот, наблюдается его беспрецедентное развитие.

Взгляды второй когорты исследователей исходят, соответственно, из противоположной позиции, согласно которой политические и гражданские свободы, возросшие возможности и большая степень терпимости к разным политическим ценностям (иногда граничащими с экстремизмом) при демократических системах используются террористами для своих целей. Свобода передвижения и ассоциации, которыми пользуются в ареале демократических стран, обеспечивают возможности для террористических групп укорениться в уязвимых обществах и действовать против своего правительства или иностранных государств [26]. В таком контексте в некоторых сегментах мусульманского мира (Иран, Египет, Палестина) движение за демократию и свободные выборы приводило к торжеству различных по степени крайности исламистов. Хотя здесь, как справедливо отмечает Г. Мирский, для многих «умеренных исламистов идея ре-исламизации общества не равнозначна тенденции к установлению “муллократии”» [9].

Исходя из приведенных выше исследовательских позиций и наблюдений на практике, связь между терроризмом и демократизацией представляется диалектической. Оба феномена оказывают влияние друг на друга, которое имеет как конструктивный, так и деструктивный эффект для динамики их развития. Признавая влияние международного терроризма на процессы демократизации, тем не менее, считать терроризм значительным фактором де-демократизации представляется достаточно гипертрофированной оценкой. Можно опираться на идеи С. Хантингтона, связавшего откатные волны с авторитаризмом, однако «варианты откатов могут быть разные, например, в архаизацию, распад государственности, которая приводит к формированию несостоявшихся государств» [6]. Такие тренды, в свою очередь, формируют благодатную почву для возникновения деструктивной насильственной идеологии современного терроризма. В этой связи, говоря о влиянии терроризма на такой мегатренд современности, как демократизация, можно выделить пять факторов, которые наиболее ярко проявляются на практике и оказывают влияние на динамику

данного *большого тренда* в современную эпоху террористической активности.

Во-первых, терроризм становится удобным средством в руках лидеров различных государств для продвижения политики ограничения свободы и прав своих граждан. Расширительные трактовки феномена, включение в список террористов неугодных властям политических оппонентов, недостаточная прозрачность антитеррористических мероприятий создают опасную ситуацию, ликвидирующую альтернативу насильственному решению политических, социально-экономических проблем.

Во-вторых, процессы демократизации в некоторых странах мусульманского мира привели к появлению на политической арене сил, склонных к применению методов терроризма в своей международной политике. С одной стороны, эти тенденции могут повысить популярность экстремистских нарративов, с другой – привести к внешнему силовому свержению демократически избранных правителей, что чревато разрушением политической системы государства, долгосрочной дестабилизацией и возникновением новых, более сильных очагов международного терроризма.

В-третьих, идеология современного международного терроризма противоречит ценностям демократического общества. Во многих слабых государствах активность террористических группировок становится препятствием на пути проведения демократических мероприятий, ставя под угрозу также верховенство законов государства. Именно в таких локальных масштабах терроризм становится значительным фактором де-демократизации. Репрессивные методы борьбы с террористами не всегда эффективны, особенно в нынешний век высоких технологий и виртуальной активности радикалов. Поэтому все актуальнее становится поиск и нахождение «мягких» инструментариев антитеррористической стратегии.

В-четвертых, некоторые исследователи считают важным параметром мегатренда демократизации развитие переговорных процессов в мире, поскольку сама демократия по сути представляется переговорным процессом [12]. В данном контексте проблема терроризма стала триггером очень широких и

регулярных переговорных процессов как на глобальном, так и региональном уровнях. Однако проблемой остается то, что такой параметр демократизации, несмотря на видимое развитие, уязвим перед геополитическими интересами ведущих акторов мировой политики. Переговоры, конечно, способствуют определенным успехам тактического характера, однако в плане стратегического сотрудничества в борьбе с терроризмом геополитические мотивы оказываются выше, что негативно влияет на процессы демократизации. Примеры событий «арабской весны», сирийского кризиса или афганского конфликта с обилием переговорных процессов / площадок (часто с противоположными позициями) по их урегулированию это подтверждают.

И, *в-пятых*, само понятие «демократизация» из-за регулярного силового продвижения данного процесса дискредитируется. Особенно, когда такая политика в отношении отдельных стран мусульманского мира, наиболее уязвимо с точки зрения восприятия терроризма, носит достаточно селективный характер. Поэтому авторитарные режимы могут еще сильнее сопротивляться демократическим преобразованиям, а поддерживаемые извне группировки прибегать к использованию насилия для демократических преобразований. Этот опасный замкнутый круг обычно губителен для демократии в отдельно взятой стране или в целом регионе, а террористы в такой ситуации из проводников интересов внешних держав могут превратиться в значительных деструктивных акторов с высокой степенью самоорганизации и самодостаточности.

Возможные сценарии борьбы с терроризмом и динамика мегатрендов. Влияние международного терроризма на основные мегатренды современной мировой политики представляется очевидным, но достаточно сложным остается вопрос о том, насколько терроризм способен к возникновению «откатных» циклов больших трендов. Этот вопрос требует разработки сценариев развития такого взаимовлияния в будущем и определения состояния каждого из рассмотренных нами мегатрендов при конкретном сценарии. Нужно подчеркнуть, что мегатренды – это во многом изучение будущего, а разработка сценариев, пусть и кажущихся умоглядными, в

этом контексте является логически адекватным исследовательским подходом. Автором предложены 2 больших сценария – **позитивный** и **негативный**, которые могут оставаться актуальными в течение 30–40 ближайших лет. Состояние каждого из мегатрендов при каждом сценарии представлено в схематичной форме (рис. 1–2).

1. *Позитивный сценарий.*

В рамках позитивного сценария автор выделяет *идеалистический* и *реалистический* сценарии. При долгосрочном *позитивно-идеалистическом сценарии* постепенно возникнут общества, стремящиеся к моральному совершенству, в которых идеология терроризма станет неприемлемой / не востребуемой. Государство и другие акторы будут спо-

собны на глобальном уровне решить вопросы терроризма. Несмотря на привлекательность, данный сценарий сверхоптимистичен и глубоко утопичен.

Позитивно-реалистический сценарий предполагает, что государства, осознавая угрозу терроризма, будут наращивать антитеррористическое сотрудничество, поскольку угроза насильственного экстремизма останется ключевой проблемой для национальной безопасности большинства из них. Можно ожидать возникновение относительно эффективной глобальной антитеррористической структуры, занимающейся как превентивными вопросами, так и гармонизацией политики разных стран в политическом, правовом, культурном и других аспек-

Рис. 1. Позитивный сценарий борьбы с терроризмом и динамика мегатрендов

Fig. 1. Positive counterterrorism scenario and the dynamic of megatrends

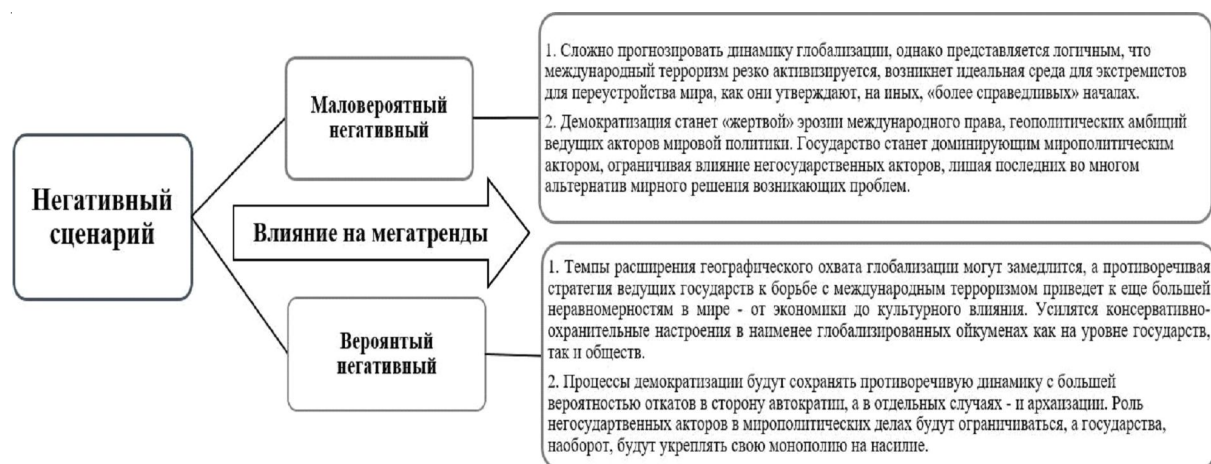

Рис. 2. Негативный сценарий борьбы с терроризмом и динамика мегатрендов

Fig. 2. Negative counterterrorism scenario and the dynamic of megatrends

тах борьбы с терроризмом. Идеино-правовой основой такого института может стать Глобальная контртеррористическая стратегия ООН. В рамках данного сценария государства могут использовать как «жесткосиловые», так и «мягкие» инструменты борьбы с международным терроризмом.

«Жесткосиловое» измерение.

– Главный акцент будет сделан на усилении центральной роли ООН, о которой регулярно заявляет Россия. Параллельно будет активизировано антитеррористическое сотрудничество в рамках и между другими крупными региональными институтами, такими как НАТО, ШОС, ОДКБ и др. Будут приняты международные концептуально-правовые акты и программы с участием значительного числа государств мира, направленные на борьбу с терроризмом через лишение его ресурсов – финансовых, технических и т. д. Пример деятельности Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) показывает, что такие возможности у международного сообщества существуют.

«Мягкая сила».

– Большое внимание будет уделено условиям возникновения и распространения терроризма и борьбы с ними. Возрастет роль религиозных учреждений в исламских странах, особенно если сохранится позитивная динамика их интернационализации – развития сотрудничества с разными научно-аналитическими центрами Запада и других государств. Такой регулярный диалог способен нивелировать значимость религиозно-экстремистских нарративов и усилить влияние позитивно мыслящих религиозных деятелей в уязвимых перед идеологией терроризма обществах.

– Предсказуемым представляется наращивание использования технологии искусственного интеллекта в антитеррористической борьбе. Можно ожидать сотрудничества государств в проведении совместной «виртуальной» борьбы с террористами, как это наблюдается сегодня на примере работы НАТО, ШОС и ОДКБ. Благодаря технологиям ИИ голоса авторитетных религиозных богословов и организаций будут постоянно «глушить» террористический дискурс, ограничивая вербовочные усилия радикалов.

2. *Негативный сценарий.*

Негативный сценарий борьбы с терроризмом тоже представлен двумя возможными вариантами развития событий: *маловероятный негативный* и *вероятный негативный*. При первом сценарии прогнозируем, что в ближайшие десятилетия эрозия международного права и критическое повышение градуса противоречий между ведущими центрами влияния в мире могут привести к дисфункции системы международных отношений и анархии в мировой политике, что станет импульсом для развития терроризма. Данный сценарий представляется самым неблагоприятным развитием событий.

Вероятный негативный сценарий предполагает, что глобального и всеобъемлющего консенсуса в борьбе с терроризмом между государствами не будет. Нормой станет низкий уровень антитеррористического взаимодействия. Для некоторых государств использование экстремистских группировок станет инструментом достижения (гео)политических целей в гораздо большей степени и открытой форме, чем это иногда наблюдается сегодня. Особенности борьбы с ИГ, вариативность подходов к классификации террористических группировок в мире, тенденция к взаимному обвинению крупных держав друг друга в оказании помощи террористам и другие примеры делают этот прогноз достаточно реалистичным. Реализация такого сценария «продлит» жизнь терроризму на еще несколько десятилетий, а текущая динамика его развития еще больше усилится.

Результаты. Вызовы современного терроризма для гармоничного человеческого общежития требуют изучения влияния данного феномена на основные тренды мирового развития. Проведенный нами анализ показал, что терроризм в разной степени влияет на динамику развития глобализации и демократизации, хотя установление существенности такой связи отличается – в случае с глобализацией это не так просто, как, например, с процессами демократизации.

На уровне теоретизирования в контексте поиска идеологических корней терроризма легко находится взаимосвязь между ним и глобализацией. Современный терроризм в условиях отсталости определенных обществ, их слабой включенности в глобальные процессы

стал формой насильственного установления «справедливости». Кажется, что идеология современных террористов исключает всякую глобализацию, однако в конечном счете исламские экстремисты стремятся к «своей» глобализации, которую ошибочно видят линейно-поступательным процессом.

Демократизация, несмотря на признание ее в качестве наиболее желаемой формы правления, удобной в том числе для ненасильственного разрешения конфликтов, достаточно уязвима перед современным терроризмом. Во многом в сохранении терроризма или его угрозы заинтересованы авторитарно настроенные режимы, так как обозначенная угроза позволяет таким правительствам удерживать власть. Однако, как показывает практика, в некоторых странах Востока демократизация, наоборот, может привести к власти радикальных исламистов, потенциальных симпатизантов или спонсоров международных террористов. В контексте ближневосточного региона, а еще шире – потенциально Центральной Азии и Южной Азии, выбор в дилемме демократизация или сохранение авторитарных режимов крайне сложен. Имеющийся опыт внешнего вмешательства с навязыванием демократии привели к росту терроризма и значительным кризисам государственности в обширном регионе. Такая стратегия, нарушающая процесс естественного «прихода» демократии с импульсами изнутри страны, привела к дискредитации демократизации как феномена и концепта. Данный момент широко используется современными террористами в их пропаганде для обоснования своей деструктивной деятельности. Представляется, что в обозримом будущем противоречивая взаимосвязь терроризма и демократизации будет сохраняться.

В целом наблюдения за нынешними тенденциями активности террористов показывают, что в любом случае терроризм останется значительным фактором в эволюции глобализации и демократизации, а осмысление такого взаимовлияния требует регулярного научного внимания.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Деятельность организации запрещена на территории РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архаизация государства: роль современных информационных технологий / М. М. Лебедева, М. В. Харкевич, Е. С. Зиновьева, Е. Н. Копосова // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 6. – С. 22–36. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.03>.
2. Галиуллин, М. З. Мегатренды мировой политики и глобальная безопасность / М. З. Галиуллин, Я. Я. Гришин. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2017. – 75 с.
3. Голунов, С. В. Террористический «халифат» как квазигосударство: проблема концептуализации / С. В. Голунов // Полития. – 2020. – № 2 (97). – С. 87–103. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-97-2-87-103>.
4. Дзалиев, М. И. Внимание, новая волна терроризма – «полицентрическая» / И. М. Дзалиев // Стратегические приоритеты. – 2018. – № 3 (19). – С. 74–88.
5. Добаев, И. «Новый терроризм»: глобализация и социально-экономическое расслоение / И. Добаев, А. Добаев // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 5. – С. 114–120.
6. Ильин, В. В. Структурность политосферы / В. В. Ильин // Полис. Политические исследования. – 1995. – № 1. – С. 98–99.
7. Лебедева, М. Современные мегатренды мировой политики / М. Лебедева // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 9. – С. 29–37. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37>.
8. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под ред. Т. А. Шаклеиной и А. А. Байкова. – Изд. второе, испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2014. – 448 с.
9. Мирский, Г. И. Исламский мир: «отстающее развитие» и мусульманский радикализм / Г. И. Мирский // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 8. – С. 89–103.
10. Пантин, В. И. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы / В. И. Пантин, В. В. Лапкин // Полис. Политические исследования. – 1998. – № 2. – С. 39–51.
11. Садатинэжд, С. Взаимовлияние глобализации и экстремизма / С. Садатинэжд, В. Масохиби // Фаслнома-е сиясати хоричи. – 2017. – № 3. – С. 121–162. – (На перс. яз.).
12. Сергеев, В. М. Демократия как переговорный процесс / В. М. Сергеев. – М. : МОНФ, 1999. – 147 с.
13. Тамбиева, З. С. Нелинейные процессы социального развития общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Тамбиева Зурида Сафарбиевна. – Ставрополь, 2005. – 154 с.
14. Baylis, J. The Globalization of World Politics, an Introduction to International Relations / J. Baylis, S. Smith. – N. Y. : Oxford University Press, 2005. – 481 p.

15. Brynjar, L. Globalisation and the Future of Terrorism: Patterns and Predictions / L. Brynjar. – London ; New York : Routledge, 2005. – 259 p.

16. Chenoweth, E. The Inadvertent Effects of Democracy on Terrorist Group Emergence / E. Chenoweth // Discussion Paper of the Belfer Center for Science and International Affairs. – 2006. – № 6. – 31 p.

17. Dalacoura, K. Islamist Terrorism and Democracy in the Middle East / K. Dalacoura. – Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2011. – 224 p.

18. Donald, B. The Geometry of Terrorism / B. Donald // Sociological Theory. – 2004. – Vol. 22, № 1. – P. 14–25.

19. Five Megatrends and Their Implications for Global Defense & Security // PwC. – November 2016. – 27 p.

20. Huntington, S. Democracy's Third Wave / S. Huntington // The Journal of Democracy. – 1991. – № 2. – P. 12–34.

21. Kaldor, M. Cycles in World Politics / M. Kaldor // International Studies Review. – 2018. – Vol. 20, iss. 2. – P. 214–222. – DOI: <https://doi.org/10.1093/isr/viy038>.

22. Khan, A. Globalization and terrorism: an overview / A. Khan, M. A. Ruiz Estrada // Quality & Quantity: International Journal of Methodology. – 2016. – Vol. 51 (4). – P. 1811–1819. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s11135-016-0367-5>.

23. McFaul, M. The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Noncooperative Transitions in the Postcommunist World / M. McFaul // World Politics. – 2002. – Vol. 54, № 2. – P. 212–244.

24. Naisbitt, J. Megatrends: ten new directions transforming our lives / J. Naisbitt. – N. Y. : Warner Books, 1982. – 290 p.

25. Rapoport, C. David. The Four Waves of Rebel Terror and September 11 / David C. Rapoport // The New Terrorism: Characteristics, Causes and Controls / ed. by Charles W. Kegley Jr. – New Jersey : Prentice Hall, 2003. – P. 36–52.

26. Schmid A. Terrorism and Democracy // Terrorism and Political Violence. – 1992. – Vol. 4, № 4. – P. 14–25.

27. Swyngedouw, E. Globalisation or 'glocalisation'? Networks, territories and rescaling / E. Swyngedouw // Cambridge Review of International Affairs. – 2004. – № 17 (1). – P. 25–48. DOI: <https://doi.org/10.1080/0955757042000203632>.

REFERENCES

1. Lebedeva M.M., Kharkevich M.V., Zinoveva E.S., Kuposova E.N. Arkhaizatsiia gosudarstva: rol sovremennykh informatsionnykh tekhnologii [State Archaization: The Role of Modern Information Technologies]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* [Polis. Political Studies Journal], 2016,

no. 6, pp. 22–36. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.03>.

2. Galiullin M.Z., Grishin Ia.Ia. *Megatrendy mirovoi politiki i globalnaia bezopasnost* [World Politics Megatrends and Global Security]. Kazan, Izd-vo Kazanskogo universiteta, 2017. 75 p.

3. Golunov S.V. Terroristicheskiei «khalifat» kak kvazigosudarstvo: problema kontseptualizatsii [Terrorist “Caliphate” as a Quasi-State: Problem of Conceptualization]. *Politiia* [Politeia], 2020, no. 2 (97), pp. 87–103. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-97-2-87-103>.

4. Dzlief M.I. Vnimanie, novaia volna terrorizma – «politsentricheskaia» [Attention, New Wave of Terrorism – «Polycentric»]. *Strategicheskie priority* [Strategic Priorities], 2018, no. 3 (19), pp. 74–88.

5. Dobaev I., Dobaev A. «Novyi terrorizm»: globalizatsiia i sotsialno-ekonomicheskoe rassloenie [“New Terrorism”: Globalization and Socio-Economic Stratification]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World Economy and International Relations], 2009, no. 5, pp. 114–120.

6. Ilin V.V. Strukturnost politosfery [Structurality of the Politosphere]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* [Polis. Political Studies Journal], 1995, no. 1, pp. 98–99.

7. Lebedeva M. Sovremennye megatrendy mirovoi politiki [Modern Megatrends of World Politics]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World Economy and International Relations], 2019, vol. 63, no. 9, pp. 29–37. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37>.

8. Shakleina T.A., Baikov A.A., eds. *Megatrendy. Osnovnye traektorii evoliutsii mirovogo poriadka v XXI veke* [Megatrends. The Main Trajectories of the Evolution of the World Order in the 21st Century]. 2nd ed. Moscow, Aspekt Press Publ., 2014. 448 p.

9. Mirskii G.I. Islamskii mir: «otstaiushchee razvitiie» i musulmanskii radikalizm [Islamic World: “Lagging Development” and Muslim Radicalism]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World Economy and International Relations], 2008, no. 8, pp. 89–103.

10. Pantin V.I., Lapkin V.V. Volny politicheskoi modernizatsii v istorii Rossii. K obsuzhdeniiu gipotezy [Waves of Political Modernization in the History of Russia. To the Discussion of the Hypothesis]. *Polis. Politicheskie issledovaniia* [Polis. Political Studies Journal], 1998, no. 2, pp. 39–51.

11. Sadatinezhod S., Masokhibi V. Vzaimovliianie globalizatsii i ekstremizma [The Mutual Influence of Globalization and Extremism]. *Faslnoma-e siyasati khorichi* [Foreign Policy Quarterly], 2017, no. 3, pp. 121–162. (In Persian).

12. Sergeev V.M. *Demokratiia kak peregovornyi protsess* [Democracy as a Negotiation Process]. Moscow, MONF, 1999. 147 p.

13. Tambieva Z.S. *Nelineinye protsessy sotsialnogo razvitiia obshchestva: avtoref. diss. ... kand. filos. nauk* [Nonlinear Processes of Social Development of Society: Cand. philos. sci. abs. diss.]. Stavropol, 2005. 154 p.
14. Baylis J., Smith S. *The Globalization of World Politics, an Introduction to International Relations*. New York, Oxford University Press, 2005. 481 p.
15. Brynjar L. *Globalisation and the Future of Terrorism: Patterns and Predictions*. London and New York, Routledge, 2005. 259 p.
16. Chenoweth E. The Inadvertent Effects of Democracy on Terrorist Group Emergence. *Discussion Paper of the Belfer Center for Science and International Affairs*, 2006, no. 6. 31 p.
17. Dalacoura K. *Islamist Terrorism and Democracy in the Middle East*. Cambridge, UK, Cambridge Univ. Press, 2011. 224 p.
18. Donald B. The Geometry of Terrorism. *Sociological Theory*, 2004, vol. 22, no. 1, pp. 14-25.
19. Five Megatrends and Their Implications for Global Defense & Security. *PwC*, November 2016. 27 p.
20. Huntington S. Democracy's Third Wave. *The Journal of Democracy*, 1991, no. 2, pp. 12-34.
21. Kaldor M. Cycles in World Politics. *International Studies Review*, 2018, vol. 20, iss. 2, pp. 214-222. DOI: <https://doi.org/10.1093/isr/viy038>.
22. Khan A., Ruiz Estrada M.A. Globalization and terrorism: an overview. *Quality & Quantity: International Journal of Methodology*, Springer, 2016, vol. 51 (4), pp. 1811-1819. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11135-016-0367-5>.
23. McFaul M. The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Noncooperative Transitions in the Postcommunist World. *World Politics*, 2002, vol. 54, no. 2. pp. 212-244.
24. Naisbitt J. *Megatrends: Ten New Directions Transforming Our Lives*. New York, Warner Books, 1982. 290 p.
25. Rapoport C. David. The Four Waves of Rebel Terror and September 11. Charles W. Kegley Jr., ed. *The New Terrorism: Characteristics, Causes and Controls*. New Jersey, Prentice Hall, 2003, pp. 36-52.
26. Schmid A. Terrorism and Democracy. *Terrorism and Political Violence*, 1992, vol. 4, no. 4, pp. 14-25.
27. Swyngedouw E. Globalisation or 'Glocalisation'? Networks, Territories and Rescaling. *Cambridge Review of International Affairs*, 2004, no. 17 (1), pp. 25-48. DOI: <https://doi.org/10.1080/0955757042000203632>.

Information About the Author

Hasan R. Jabbarinasir, Candidate of Sciences (Politics), Senior Lecturer, Department of Indo-Iranian and African Languages, MGIMO University MFA Russia, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation, jabbari@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3181-6101>

Информация об авторе

Хасан Реза Джаббаринасир, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры индо-иранских и африканских языков, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Российская Федерация, jabbari@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3181-6101>

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.4>

UDC 325:1

LBC 66.2(4)/66.2(8)

Submitted: 17.09.2020

Accepted: 22.01.2021

TRANSFORMATION OF THE MIGRATION POLICY OF STATES DURING THE PANDEMIC PERIOD

Vladimir J. Zorin

Institute of Ethnology and Anthropology named after N.I. Miklouho-Maclay
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir A. Voloh

State University of Management, Moscow, Russian Federation

Vera A. Suvorova

State University of Management, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to the transformation of migration policies during the COVID-19 coronavirus pandemic. The article discusses changes in migration processes in connection with the COVID-19. The aim of the article is to illustrate how the countries' migration policy has changed due to the pandemic and what measures have been developed to support migrants. **Methods and materials.** The research methodology includes general scientific research methods, such as analysis, synthesis, content analysis and the aristotelian method. As well as specific scientific methods, such as comparative legal and system analysis. The empirical basis of the study is the data of the General Administration for Migration Issues of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, the International Organization for Migration (IOM), and the United Nations (UN). **Analysis.** The authors conducted a comparative analysis of migration policies of various countries during the COVID-19 coronavirus pandemic. Considerable attention is paid to the measures taken by countries to provide various types of support to migrants. The authors also analyzed the activities of international organizations and the civil society. The authors concluded that measures to restrain the pandemic affected the implementation of funded integration projects in the European countries, some activities were postponed, however, the European countries made certain efforts to adopt new integration practices to support migrants during the COVID-19 pandemic. **Discussion.** The authors assessed the further development of migration processes and countries migration policies. **Results.** The authors effectuated a conclusion that the COVID-19 pandemic has had a significant impact on the transformation of migration processes and migration policies. The authors focused on how events in the migration sphere would develop, and what changes would take place in the migration policy of the Russian Federation. The research results presented in the article can be used to improve the migration policy of the Russian Federation in relation to labour migrants and to develop regulatory migration measures.

Key words: migration processes, transformation, migration policy of the Russian Federation, migration policy of foreign countries, pandemic of coronavirus infection COVID-19.

Citation. Zorin V.J., Voloh V.A., Suvorova V.A. Transformation of the Migration Policy of States During the Pandemic Period. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 34-44. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.4>

**ТРАНСФОРМАЦИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ
В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ****Владимир Юрьевич Зорин**Институт этнологии и антропологии им. Н.И. Миклухо-Маклая РАН,
г. Москва, Российская Федерация;
Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Российская Федерация**Владимир Александрович Волох**

Государственный университет управления, г. Москва, Российская Федерация

Вера Александровна Суворова

Государственный университет управления, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена вопросам трансформации миграционной политики стран в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Рассмотрены изменения миграционных процессов в связи с пандемией. Ставится цель показать, как изменилась миграционная политика государств из-за пандемии и какие меры разработали государства для оказания помощи мигрантам. *Методы и материалы.* При подготовке статьи авторами использовались как общенаучные методы исследования, такие как анализ, синтез, контент-анализ, формально-логический, так и частно-научные методы, такие как сравнительно-правовой и системный анализ. Эмпирической основой исследования выступают данные Главного управления по вопросам миграции МВД России, Международной организации по миграции (МОМ), Организации объединенных наций (ООН). *Анализ.* Авторами проведен сравнительный анализ миграционной политики различных государств в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Значительное внимание уделяется мерам, предпринятым государствами для оказания различного рода помощи мигрантам. Авторами также проведен анализ деятельности международных организаций и гражданского общества. Делается вывод, что меры по сдерживанию пандемии повлияли на реализацию финансируемых интеграционных проектов в европейских странах, некоторые мероприятия были отложены, но несмотря на это европейские страны постарались внедрить новые практики интеграции для оказания помощи мигрантам в период пандемии COVID-19. *Дискуссия.* Авторами приводится оценка дальнейшего развития событий, связанных с миграционными процессами и миграционной политикой государств. *Результаты.* Авторами делается вывод, что пандемия COVID-19 оказала значительное влияние на трансформацию миграционных процессов и миграционной политики государств. Авторы акцентируют внимание на том, как дальше будут развиваться события в миграционной сфере, какие изменения будут происходить в миграционной политике Российской Федерации. Изложенные в статье результаты исследования могут быть востребованы для совершенствования государственной миграционной политики Российской Федерации в отношении трудовых мигрантов и разработки регулирующих миграционных мероприятий. *Вклад авторов.* В.Ю. Зорин разработал контент статьи и осуществил ее общую научную редакцию. В.А. Волох проанализировал миграционную политику Российской Федерации и концепцию нового миграционного закона. В.А. Суворова проанализировала миграционную политику зарубежных государств и предложила схему исследовательского анализа.

Ключевые слова: миграционные процессы, трансформация, миграционная политика Российской Федерации, миграционная политика зарубежных стран, пандемия коронавирусной инфекции COVID-19.

Цитирование. Зорин В. Ю., Волох В. А., Суворова В. А. Трансформация миграционной политики государств в период пандемии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 34–44. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.4>

Введение. С момента первоначального сообщения от 31 декабря 2019 г. болезнь, известная как коронавирусная инфекция COVID-19, быстро распространилась по всему миру, что побудило Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ) объявить ее пандемией 11 марта 2020 года.

Вспышка COVID-19 нанесла серьезный ущерб социально-экономической деятельности, что привело к серьезной рецессии мировой экономики. Большинство стран отреагировали быстро и с самого начала кризиса попытались создать беспрецедентный пакет мер для рынка труда и социальной политики, направленный на снижение экономического шока и поддержку работников.

Согласно прогнозу занятости ОЭСР-2020, даже в более оптимистичном сценарии развития пандемии уровень безработицы в государствах-членах ОЭСР может достичь 9,4 % в IV квартале 2020 г., превысив все пики во времен Великой депрессии. Средняя занятость в 2020 г. прогнозируется на уровне между 4,1 и 5 % [1].

Пандемия COVID-19 повлияла на миграционные процессы в различных регионах, поскольку страны ограничили международные, трансграничные и внутренние перемещения, чтобы свести к минимуму распространение и воздействие пандемии. По состоянию на июнь 2020 г. 6 % аэропортов, 25 % пунктов пересечения сухопутной границы и 9 % пунктов пересечения морской границы были закрыты для въезда и выезда в Европейской экономической зоне [9]. По данным Frontex, количество нелегальных пересечений границ сократилось на 85 % по сравнению с предыдущим месяцем и составило около 900 [14].

Количество ходатайств о предоставлении убежища в I квартале 2020 г. оставалось на уровне того же периода в 2019 г., а затем значительно сократилось в связи с продолжающейся пандемией COVID-19 и соответствующими чрезвычайными мерами, введенными государствами-членами ЕС, включая приостановку регистрации заявок.

Пандемия также повлияла на занятость и интеграцию мигрантов, поскольку меры по закрытию и социальному дистанцированию оказали влияние на административные процедуры получения разрешений на проживание и

работу, а также на программы интеграции мигрантов [8].

В Российской Федерации, по данным Главного управления по вопросам миграции МВД России, с учетом приостановления на период с 15 марта по 15 июня 2020 г. отмечается уменьшение численности оформленных разрешений на работу на 56,3 % (с 48,7 тыс. до 21,3 тыс.) и на 30,5 % патентов (с 841,9 тыс. до 585 тыс.). В январе – апреле 2020 г. зафиксировано 4,1 млн фактов постановки иностранных граждан на миграционный учет (-20,3 %), в том числе по месту жительства – 145,3 тыс. (-22,6 %), по месту пребывания – 3,9 млн (-20,2 %), количество фактов снятия с миграционного учета – 3,4 млн (-7,1 %). В первые три месяца 2020 г. количество оформленных (переоформленных) патентов ежемесячно увеличивалось, а в апреле в сравнении с мартом текущего года отмечено их снижение на 39,6 %. При этом наибольший темп снижения наблюдается по оформлению патентов – 40,7 %, по переоформленным документам снижение составило 24 %. Снижение показателей связано с ситуацией в мире и мерами, принимаемыми Российской Федерацией по нераспространению коронавирусной инфекции.

По данным МВД России в период действия в стране ограничительных мер, связанных с распространением коронавирусной инфекции COVID-19, количество совершенных иностранцами преступлений в сравнении с аналогичным периодом предыдущего года снизилось на 11,4 % (2,8 тыс.).

Методы и материалы. При подготовке статьи авторами были использованы: общенаучные методы исследования, такие как анализ, синтез, контент-анализ, формально-логический. В качестве научно-исследовательских методов использованы сравнительно-правовой и системный анализ для раскрытия процессов трансформации миграционной политики в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19.

В качестве эмпирической базы исследования были использованы официальные материалы Главного управления по вопросам миграции МВД России, Международной организации по миграции (МОМ), Организации объединенных наций (ООН), официальные выступ-

ления и заявление руководителей государств по обозначенной в работе тематике.

Анализ. Возникновение нового вируса COVID-19 нанесло серьезный удар по экономике государств. На фоне пандемии на рынке труда стран произошло резкое сокращение рабочих мест, особенно в тех отраслях, где были заняты мигранты. В результате многие трудовые мигранты вернулись в свои страны с помощью двусторонних переговоров, которые позволили временно открыть границы для их возвращения. Так, по данным МОМ, более 230 000 афганцев без документов вернулись из Ирана и Пакистана в период с 1 марта 2020 г. по 30 мая 2020 г. [12].

Меры, направленные на сдерживание последствий пандемии, оказали непосредственное влияние на миграционную политику государств. Миграционная политика стран сильно различалась между собой, от полного закрытия границ для международных мигрантов до частичного. Кроме того, анализ оценок показателей управления миграцией (MGI), проведенный в период между 2018 и 2020 гг. до пандемии COVID-19, показал, что страны предоставляли мигрантам различную степень доступа к финансируемым государством медицинским услугам в зависимости от их миграционного статуса. Анализ, который охватил 51 страну, показал, что треть этих стран предоставляли одинаковый доступ к медицинской помощи как гражданам, так и мигрантам, независимо от их миграционного статуса. В половине опрошенных стран равный доступ к медицинской помощи зависел от миграционного статуса. Кроме того, 12 % стран предоставляли мигрантам доступ только к некоторым медицинским услугам, включая неотложную медицинскую помощь [10].

Например, США стали первой страной, обосновавшей ограничения иммиграции для защиты рынка труда. Президент США Д. Трамп 22 апреля 2020 г. издал Указ о приостановлении выдачи виз определенным категориям постоянных иммигрантов, которые «представляют риск для рынка труда США во время восстановления экономики после вспышки COVID-19». Согласно Указу в течение 60 дней иммиграция из-за рубежа была ограничена супругами и несовершеннолетними детьми граждан США и инвесторами-им-

мигрантами, которые инвестируют не менее 900 000 долларов в бизнес США. Такие страны, как Перу, Эквадор, Намибия полностью закрыли свои границы для мигрантов. Другие страны из-за нехватки трудовых ресурсов в различных отраслях экономики сделали определенные исключения. Так, Италия приняла предложение Кубы направить медицинский персонал в страну для оказания помощи больным коронавирусом. Германия и Соединенное Королевство организовали специальные чартерные рейсы для прилета сельскохозяйственных рабочих из Румынии, чтобы они оказали помощь в снятии урожая [15].

Некоторые страны предоставили мигрантам льготы или помощь. Например, в Португалии все иностранные граждане, ожидающие рассмотрения заявлений на иммиграцию, в том числе лица, ищущие убежища, были временно рассмотрены как постоянные жители, что позволило им получить доступ к медицинской помощи и другим льготам. Великобритания предоставила автоматическое продление статуса для многих временных работников, включая врачей, медсестер и медработников на один год. Китай автоматически продлевал разрешения на работу и проживание и оказывал социальную поддержку трудовым мигрантам, пострадавшим от коронавируса. Италия, нуждающаяся в трудовых мигрантах в отрасли сельского хозяйства, утвердила пути упорядочения статуса сельскохозяйственных работников и работников по уходу за домом [8].

В Польше 21 июня 2020 г. вступил в силу закон о введении пособия для людей, потерявших работу из-за пандемии COVID-19. Данное пособие распространяется в том числе на 3 категории иностранцев. Первая категория – иностранцы, имеющие временный вид на жительство или рабочую визу. Вторая категория – иностранцы, имеющие вид на жительство в Польше, и третья категория – иностранцы, имеющие статус беженца, лица, пользующиеся дополнительной защитой [11].

Правительство Испании ввело дополнительные меры для безопасного выполнения процедур интеграции мигрантов и лиц, ищущих убежища. Интервью с беженцами и лицами, ищущими убежища, которые обратились за такой помощью, проводились по телефону

с синхронным переводом. В Дании для оказания помощи беженцам во время пандемии была создана специальная горячая линия и организована он-лайн помощь с учебой для детей-беженцев при поддержке НПО Датский совет по делам беженцев [13].

В Австрии кампания ÖIF использовала SMS для информирования 70 000 беженцев и мигрантов о том, как найти информацию, связанную с коронавирусом. ÖIF также создала горячую линию для вопросов о коронавирусе, которая поддерживается на 9 языках. Сотрудники кампании оказывают информационную помощь по телефону и электронной почте лицам, имеющим право на убежище и дополнительную защиту, по телефону и электронной почте для получения информации и консультаций.

В Чешской Республике группа матерей из вьетнамской общины организовала пошив масок и другие формы поддержки беженцам. Они сшили и пожертвовали более 13 000 масок для лица, а также собрали средства, чтобы помочь больницам приобрести вентиляторы. В Португалии один муниципалитет подготовил 500 мест для карантина на случай необходимости изоляции иностранных работников сельского хозяйства. Правительство Португалии также опубликовало технический документ о получении медицинской помощи, предназначенный для медицинских работников, а также мигрантов и беженцев [8].

Одной из трудностей этой пандемии стало поддержание социальных контактов, когда встречи и мероприятия отменялись и действовали правила физического дистанцирования, что оказалось особенно трудным для мигрантов, которые не успели адаптироваться в принимающем государстве. Так, например, в Швеции была запущена онлайн-инициатива по изучению шведского языка, которая устанавливает виртуальные встречи между мигрантом и шведом, помогая решить проблемы языкового обучения. Во Франции были организованы языковые курсы для иммигрантов посредством дистанционного обучения.

Кроме того, следует отметить деятельность международных организаций и гражданского общества в период пандемии. Международная организация по миграции оказала помощь более 15 300 мигрантам, которые вер-

нулись в Эфиопию из Саудовской Аравии и других африканских стран и были помещены на карантин. Международная организация труда (МОТ) разработала рекомендации, которые помогут в разработке мер, обеспечивающих защиту трудовых мигрантов. МОТ предложило государствам расширить доступ к медицинским услугам и социальной защите трудовых мигрантов, предоставить всем трудовым мигрантам доступ к средствам правовой защиты, создать благоприятные условия для диалога между работодателями и мигрантами [3].

В связи с ростом дискриминационных настроений и насильственных действий в Европе по отношению к мигрантам, акторы гражданского общества предприняли ряд мер, например, голландская антидискриминационная организация запустила онлайн-кампанию, чтобы побудить людей высказаться против предрассудков и дискриминации в результате пандемии. Европейская сеть против расизма (ENAR) опубликовала документ, освещающий влияние COVID-19 на расовые общины.

Что касается миграционной политики Российской Федерации, то следует отметить, что МВД России последовательно принимались все необходимые меры для урегулирования правового положения иностранных граждан, находящихся на территории России и не имеющих возможности выехать на родину. Так, с 19 марта 2020 г. независимо от цели въезда всем иностранным гражданам была предоставлена возможность обратиться с заявлением о продлении срока действия разрешительных документов.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 18 апреля 2020 г. № 274 для всех иностранных граждан, прибывших в Россию как в визовом, так и безвизовом порядке, на период с 15 марта по 15 июня 2020 г. приостановилось течение сроков временного пребывания, временного или постоянного проживания, а также сроков, на которые иностранные граждане поставлены на учет по месту пребывания или зарегистрированы по месту жительства (в случае, если такие сроки истекают в указанный период) [5].

Таким образом, всем иностранным гражданам, находящимся на территории Российс-

кой Федерации, срок действия документов, который истек в указанный период, продлевался автоматически.

К разрешительным документам относятся: виза, разрешение на временное проживание, вид на жительство, миграционная карта, а также проставленные в ней отметки с истекающими сроками действия, удостоверение беженца, свидетельство о рассмотрении ходатайства о признании беженцем на территории Российской Федерации по существу, свидетельство о предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации, свидетельство участника Государственной программы, разрешение на работу, патент, разрешение на привлечение и использование иностранных работников.

В соответствии с Указом в период с 15 марта по 15 июня 2020 г. в отношении иностранных граждан не принимались решения о нежелательности пребывания, об административном выдворении, депортации, реадмиссии, лишении статуса беженца или временного убежища, об аннулировании ранее выданных виз, разрешений на временное проживание, видов на жительство, разрешений на работу, патентов и свидетельств участника Госпрограммы переселения соотечественников.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что меры по сдерживанию пандемии повлияли на реализацию финансируемых интеграционных проектов в европейских странах, некоторые мероприятия были отложены, но несмотря на это европейские страны постарались внедрить новые практики интеграции для оказания помощи мигрантам в период пандемии COVID-19. В Российской Федерации основной акцент сделан на урегулировании правового положения мигрантов.

Дискуссия. Аналитики рейтингового агентства Moody's Investors Service прогнозируют ухудшение ситуации в российской экономике из-за пандемии коронавируса и обвала цен на нефть. По мнению аналитиков, сложившаяся ситуация приведет к ускорению внутрироссийской миграции в ближайшие два года. Согласно прогнозу, россияне будут стремиться в крупные экономические центры, из-за чего менее развитые регионы столкнутся с долгосрочным падением доходов и замедлением экономического роста. Миграционный

отток коснется прежде всего регионов с низкими доходами населения и слабой системой социальной поддержки населения, с высокой занятостью в секторе услуг, близких к более развитым регионам [7].

Институт исследований и экспертизы Внешэкономбанка (ВЭБ РФ) спрогнозировал рост безработицы в России до 7 % в 2020 г., пик безработицы, по мнению экспертов, ожидается во II квартале, когда число безработных увеличится до 10 % от экономически активного населения [6].

По мнению Директора центра миграционных исследований Д. Полетаева: «Стоит ожидать роста теневой составляющей рынка труда, где иностранные работники будут конкурировать с россиянами и в этом случае их конкурентными преимуществами будет более низкая почасовая ставка оплаты труда, на которую они будут согласны, и готовность работать в тяжелых условиях, в том числе с опасностью для здоровья. События 2020 г. увеличат количество иностранцев, желающих приобрести ВНЖ (вид на жительство) или гражданство РФ, особенно среди трудовых мигрантов, имеющих длительный опыт работы и пребывания в РФ» [2]. Также эксперт отмечает, что после окончания ограничительных мер, связанных с эпидемией коронавируса, с одной стороны, возможно усиление эмиграции россиян из России, в том числе квалифицированных специалистов, на фоне экономического кризиса, с другой стороны, будет нарастать учебная миграция в Российскую Федерацию.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем выступлении заявил, что Россия в связи с развитием экономики скоро столкнется с нехваткой рабочих рук, поэтому страна заинтересована в притоке трудовых мигрантов. Президент подчеркнул, что речь идет о «молодых, здоровых, образованных людях, которые либо готовы получить образование и влиться в рынок труда, либо прямо приступить к работе, имея нужный уровень квалификации». При этом Президент призвал учитывать состояние рынка труда в разных регионах, а также развитие социальной инфраструктуры, чтобы «приток мигрантов не нарушал права граждан России, чтобы не было проблем с получением образовательных ус-

луг, с переполненностью учреждений здравоохранения [4].

ОЭСР рассматривались два эпидемиологических сценария на ближайшие 18 месяцев: один, где вирус продолжает отступать и остается под контролем, и второй, когда вторая волна быстрого заражения вспыхивает позднее в 2020 году. Согласно прогнозам ОЭСР, безработица увеличится до 9,4 % в среднем по ОЭСР к концу 2020 г. (по сравнению с 5,3 % в конце 2019 г.). В случае второй волны пандемии в конце 2020 г. уровень безработицы увеличится еще больше, до 12,6 %. Более того, прогнозы указывают только на постепенное восстановление: уровень безработицы останется на уровне или выше пикового уровня, наблюдаемого во время мирового финансового кризиса, достигнув 7,7 % к концу 2021 г. без второй волны (и 8,9 % в случае второй волны), с существенными различиями между странами. Уровень безработицы в марте 2021 г. снизился до 6,5 %.

Изменения экономической ситуации в странах окажут влияние на миграционные процессы. В 2019 г. число международных мигрантов достигло отметки в 272 млн, что на 14 млн превышает данные за 2017 год. Женщины составляют 48 % от общего числа мигрантов, около 38 млн – дети, 4,4 млн – международные студенты и 164 млн – трудовые мигранты. 75 % мигрантов – люди трудоспособного возраста (20–64 лет). Почти 31 % всех мигрантов проживают в Азии, 30 % – в Европе, 26 % – в Северной и Южной Америке, 10 % – в Африке и 3 % – в Океании [10].

По мнению ученых, миграционная политика государств может измениться в сторону ужесточения, поскольку многие государства увидели в закрытии границ во время пандемии определенные преимущества. С другой стороны, в результате нынешней пандемии спрос на квалифицированный медицинский персонал, вероятно, усугубится, а имеющиеся международные данные показывают, что как минимум 10 стран – США, Испания, Италия, Германия, Франция, Великобритания, Бельгия, Нидерланды Канада и Швейцария зависят от иностранных работников в медицинской сфере. Кроме того, ужесточение миграционной политики может привести к росту нелегальной миг-

рации, когда экономика стран будет восстанавливаться.

Результаты. Как показал проведенный анализ, пандемия COVID-19 оказала значительное влияние на трансформацию миграционных процессов и миграционной политики государств. Как будут дальше развиваться события, сложно прогнозировать, поскольку все зависит от того, как долго будут ощущаться последствия пандемии. Но вполне вероятно, что в условиях экономического спада и происходящих изменений на рынке труда некоторые явления будут продолжать влиять на форму и интенсивность миграции рабочей силы как внутри государств, так и на внешнюю трудовую миграцию.

По мнению авторов, некоторые категории иностранных работников, вероятно, будут менее востребованы для экономики принимающих стран в краткосрочной перспективе, например, те, которые работают в секторах, сильно пострадавших от пандемии, такие как производство, туризм и т. п. Другие могут оказаться еще более востребованными, например, медицинские работники.

Анализ миграционных политик стран показал, что страны предоставляют мигрантам различную степень доступа к финансируемым государством медицинским услугам в зависимости от их миграционного статуса, а также социальную защиту. Однако существует и ряд проблем, например, защита прав мигрантов. Поэтому авторы полагают, что Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции становится очень важен. Один из принципов Глобального договора – обеспечение должного уважения, защиты и осуществление прав человека всех мигрантов, независимо от их миграционного статуса, на всех этапах миграционного цикла. Кроме того, складывающаяся на сегодняшний день ситуация с миграцией в Европе показывает, что руководящий принцип, который в первую очередь приводит в действие Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, остается в силе: государствам необходимо работать вместе, помимо двустороннего и регионального сотрудничества, чтобы найти более эффективные способы решения проблемы миграции.

Анализ миграционной политики Российской Федерации показал, что государство в лице МВД России уже немало сделало, приняв оперативно ряд мер по продлению пребывания иностранных граждан на период кризиса в целях недопущения роста неурегулированных мигрантов. Такую работу, по мнению авторов, важно продолжить, распространив процесс на все категории мигрантов, которые вследствие кризиса могут оказаться в проблемной ситуации, в частности, на высококвалифицированных работников, членов семей.

Важно отметить, что Главным управлением по вопросам миграции МВД России разрабатывается проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части предоставления государственных услуг и исполнения функций в сфере миграции», предусматривающий расширение функционала федерального государственного унитарного предприятия «Паспортно-визовый сервис» Министерства внутренних дел Российской Федерации (Предприятия), а также уполномоченных организаций субъектов Российской Федерации. В рамках расширения полномочий Предприятия предполагается привлечение его к участию в осуществлении полномочий и оказанию содействия в предоставлении государственных услуг в сфере миграции в части: 1) оформления и выдачи виз и приглашений на въезд в Российскую Федерацию; 2) осуществления миграционного учета; 3) приема заявлений о продлении срока временного пребывания иностранного гражданина; 4) приема заявлений о выдаче разрешений на временное проживание, видов на жительство; 5) приема разрешительных документов для осуществления иностранными гражданами трудовой деятельности на территории Российской Федерации; 6) приема уведомлений, связанных с пребыванием (проживанием) иностранных граждан и осуществлением ими трудовой деятельности; 7) приема заявлений о приобретении российского гражданства, а также приема уведомлений о наличии у граждан Российской Федерации иного гражданства или о прекращении у них иностранного гражданства; 8) приема заявлений о выдаче паспорта граждани-

на Российской Федерации; 9) оказания содействия в проведении обязательной государственной дактилоскопической регистрации иностранных граждан и их фотографирования. Указанные изменения помогут противодействовать коррупционным проявлениям, посредническим и нелегальным коммерческим организациям, часто использующим мошеннические схемы при оказании государственных услуг в сфере миграции; сохранить уровень безопасности и повысить качество оказания государственных услуг; исключить очереди в подразделениях по вопросам миграции территориальных органов МВД России.

Необходимо отметить, что МВД России приступило к разработке концепции нового миграционного закона, который заменит два действующих акта о правовом положении иностранных граждан в РФ и миграционном учете иностранных граждан в РФ.

В документе прописан ряд новых подходов к миграционной политике. Например, планируется убрать трехступенчатость статусов, разрешение на временное проживание (РВП) будет отменено. Планируется введение ID-карт, которые будут содержать все данные об иностранцах, включая номер патента, отпечатки пальцев, а также сведения о месте работы. Такая новация позволит выявлять поддельные документы. Вид на жительство (ВНЖ), согласно наработкам ГУВМ, будет выдаваться либо в общем порядке, либо в упрощенном, но пока критерии не указаны. Также планируется ввести три этапа пребывания иностранцев в РФ – краткосрочное (до 90 дней), долгосрочное (для осуществления трудовой деятельности, получения образования, лечения и т. д.) и постоянное.

Таким образом, модернизация государственного управления в сфере миграции затронет все аспекты миграционных правоотношений, включая вопросы пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, регулирования трудовой миграции, осуществления контрольно-надзорных полномочий. В рамках плана мероприятий по реализации в 2020–2022 гг. Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. предусматривается кардинальное изменение мигра-

ционного законодательства посредством его систематизации.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сказать, что пандемия COVID-19 оказала существенное влияние на миграционную политику зарубежных государств и Российской Федерации. Страны несмотря на сложное экономическое положение постарались не оставить мигрантов в беде, внедряли новые практики интеграции, продлевали пребывание иностранных граждан в целях недопущения роста неурегулированных мигрантов, оказывали социальную помощь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борьба с коронавирусом (COVID-19). Вклад в глобальные усилия. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/coronavirus/en/> (дата обращения: 21.07.2020). – Загл. с экрана.
2. Дмитрий Полетаев «Миграционные последствия “идеального шторма”: каким будет влияние пандемии коронавируса на проблемы миграции?». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnye-posledstviya-idealnogo-shtorma-kakim-budet-vliyanie-pandemii-koronavirusa-na-problemy/> (дата обращения: 24.07.2020). – Загл. с экрана.
3. Краткий обзор политики МОТ – Защита рабочих-мигрантов во время пандемии COVID-19 // Европейский веб-сайт по интеграции. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/ilo-policy-brief-protecting-migrant-workers-during-the-covid-19-pandemic> (дата обращения: 22.07.2020). – Загл. с экрана.
4. Путин заявил о заинтересованности России в притоке мигрантов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://iz.ru/1031451/2020-07-04/putin-zaiavil-o-zainteresovannosti-rossii-v-pritoke-migrantov?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения 24.07.2020). – Загл. с экрана.
5. Указ Президента Российской Федерации от 18.04.2020 № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Официальный интернет-портал правовой информации. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004180001> (дата обращения: 21.07.2020). – Загл. с экрана.
6. Эксперты ВЭБ оценили влияние вируса на экономику России. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/12/04/2020/> (дата обращения: 21.07.2020). – Загл. с экрана.
7. Эксперты Moody’s предсказали рост миграции внутри России из-за пандемии. Какие регионы рискуют потерять население // РБК. – 20.05.2020. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/20/05/2020/> (дата обращения: 21.07.2020). – Загл. с экрана.
8. COVID-19’s impact on migrant communities / European Web Site On Integration. – 24.06.2020. – Electronic text data. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/covid-19s-impact-on-migrant-communities> (date of access: 21.07.2020). – Title from screen.
9. IOM COVID 19 Response – Situation Report 24 (17 July 2020). – Electronic text data. – Mode of access: <https://migration.iom.int/reports/iom-covid-19-response-situation-report-24-17-july-2020?close=true&covid-page=1> (date of access: 21.07.2020). – Title from screen.
10. Migration Data Portal. – Electronic text data. – Mode of access: https://migrationdataportal.org/?i=stock_abs_&t=2019&m=1 (date of access: 21.07.2020). – Title from screen.
11. Poland: Solidarity allowance due to COVID-19 for the unemployed applies to foreigners. – Electronic text data. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/poland-solidarity-allowance-due-to-covid-19-for-the-unemployed-applies-to-foreigners> (date of access: 22.07.2020). – Title from screen.
12. Return of undocumented afghans. – Electronic text data. – Mode of access: https://afghanistan.iom.int/sites/default/files/Reports/iom_afghanistan-return_of_undocumented_afghans_situation_report_24-30_may_2020.pdf (date of access: 22.07.2020). – Title from screen.
13. Spain introduces special COVID-19 integration measures. – Electronic text data. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/spain-introduces-special-covid-19-integration-measures> (date of access: 21.07.2020). – Title from screen.
14. Situation at EU external borders in April – Detections lowest since 2009. – Electronic text data. – Mode of access: <https://frontex.europa.eu/media-centre/news-release/situation-at-eu-external-borders-in-april-detections-lowest-since-2009-mJE5Uv> (date of access: 21.07.2020). – Title from screen.
15. Skill measures to mobilise the workforce during the COVID-19 crisis. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/skill-measures-to-mobilise-the-workforce-during-the-covid-19-crisis-afd33a65/> (date of access: 22.07.2020). – Title from screen.

REFERENCES

1. *Borba s koronavirusom (COVID-19). Vklad v globalnye usilija* [Tackling Coronavirus (COVID-19). Contributing to a Global Effort]. URL: <https://www.oecd.org/coronavirus/en/> (accessed 21 July 2020).
2. Dmitrij Poletaev «Migracionnye posledstviya «idealnogo shtorma»: kakim budet vliyanie pandemii koronavirusa na problemy migracii?» [The Migration Implications of the “Perfect Storm”: What Will Be the Impact of the Coronavirus Pandemic on Migration Problems]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnye-posledstviya-idealnogo-shtorma-kakim-budet-vliyanie-pandemii-koronavirusa-na-problemy/> (accessed 24 July 2020).
3. Kratkij obzor politiki MOT – Zashhita rabochih-migrantov vo vremja pandemii COVID-19 [ILO Policy Brief – Protecting Migrant Workers During the COVID-19 Pandemic]. *European web site on integration*. URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/ilo-policy-brief-protecting-migrant-workers-during-the-covid-19-pandemic> (accessed 22 July 2020).
4. Putin zajavil o zainteresovannosti Rossii v pritoke migrantov [Putin Announced Russias Interest in the Influx of Migrants]. URL: https://iz.ru/1031451/2020-07-04/putin-zaiavil-o-zainteresovannosti-rossii-v-pritoke-migrantov?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (accessed 24 July 2020).
5. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 18.04.2020 № 274 «O vremennyh merah po uregulirovaniju pravovogo polozhenija inostrannyh grazhdan i lic bez grazhdanstva v Rossijskoj Federacii v svjazi s ugroznoj dalnejshego rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii (COVID-19)» [Decree of the President of the Russian Federation of 18.04.2020 No. 274 “On Temporary Measures to Settle the Legal Status of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation because of the Threat of Further Spread of the New Coronavirus Infection (COVID-19)”]. *The official internet-portal of legal information*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004180001> (accessed 21 July 2020).
6. *Jeksperty VJeB ocenili vliyanie virusa na jekonomiku Rossii* [VEB Experts Assessed the Impact of the Virus on the Russian Economy]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/12/04/2020/5e919e0a9a7947391241d05b> (accessed 21 July 2020).
7. *Jeksperty Moody's predskazali rost migracii vnutri Rossii iz-za pandemii. Kakie regiony riskujut poterjat naselenie* [Moody's Experts Predicted an Increase in Migration Within Russia Due to the Pandemic. Which Regions Are at Risk of Losing Population]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/05/2020/5ebae4779a7947937ee59d01> (accessed 21 July 2020).
8. *COVID-19's Impact on Migrant Communities*. URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/covid-19s-impact-on-migrant-communities> (accessed 21 July 2020).
9. *IOM COVID 19 Response – Situation Report 24 (17 July 2020)*. URL: <https://migration.iom.int/reports/iom-covid-19-response-situation-report-24-17-july-2020?close=true&covid-page=1> (accessed 21 July 2020).
10. *Migration Data Portal*. URL: https://migrationdataportal.org/?i=stock_abs_&t=2019&m=1 (accessed 21 July 2020).
11. *Poland: Solidarity Allowance Due to COVID-19 for the Unemployed Applies to Foreigners*. URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/poland-solidarity-allowance-due-to-covid-19-for-the-unemployed-applies-to-foreigners> (accessed 22 July 2020).
12. *Return of Undocumented Afghans*. URL: https://afghanistan.iom.int/sites/default/files/Reports/iom_afghanistan-return_of_undocumented_afghans_situation_report_24-30_may_2020.pdf (accessed 22 July 2020).
13. *Spain Introduces Special COVID-19 Integration Measures*. URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/spain-introduces-special-covid-19-integration-measures> (accessed 21 July 2020).
14. *Situation at EU External Borders in April – Detections Lowest Since 2009*. URL: <https://frontex.europa.eu/media-centre/news-release/situation-at-eu-external-borders-in-april-detections-lowest-since-2009-mJE5Uv> (accessed 21 July 2020).
15. *Skill Measures to Mobilise the Workforce During the COVID-19 Crisis*. URL: <http://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/skill-measures-to-mobilise-the-workforce-during-the-covid-19-crisis-afd33a65/> (accessed 22 July 2020).

Information About the Authors

Vladimir J. Zorin, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Chief Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology named after N.I. Miklouho-Maclay of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leningradsky, 49, 125993 (GSP-3) Moscow, Russian Federation; Professor, Department of Political Science, Financial University Under the Government of the Russian Federation, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, v.y.zorin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1344-5765>

Vladimir A. Voloh, Doctor of Sciences (Politics), Associate Professor, Professor, Department of Public Administration and Political Technologies, State University of Management, Prosp. Ryazansky, 99, 109542 Moscow, Russian Federation, v.volokh@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1292-7631>

Vera A. Suvorova, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Public Administration and Political Technologies, State University of Management, Prosp. Ryazansky, 99, 109542 Moscow, Russian Federation, sailor_mun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9072-3039>

Информация об авторах

Владимир Юрьевич Зорин, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.И. Миклухо-Маклая РАН, просп. Ленинградский, 49, 125993 (ГСП-3) г. Москва, Российская Федерация; профессор департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, v.y.zorin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1344-5765>

Владимир Александрович Волох, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и политических технологий, Государственный университет управления, просп. Рязанский, 99, 109542 г. Москва, Российская Федерация, v.volokh@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1292-7631>

Вера Александровна Суворова, кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и политических технологий, Государственный университет управления, просп. Рязанский, 99, 109542 г. Москва, Российская Федерация, sailor_mun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9072-3039>

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.5>

UDC 172:340.12
LBC 66.0, 66.4(0),3

Submitted: 10.12.2020
Accepted: 05.02.2021

ON THE UNIVERSAL POWER OF SOCIOECONOMIC RIGHTS: A COMPARISON BETWEEN THOMAS POGGE AND RAINER FORST

Fabio Coacci

MGIMO University MFA Russia, Moscow, Russian Federation;
University of Macerata, Macerata, Italy

Abstract. *Introduction.* This article investigates the universal power of socioeconomic rights assessing their theoretical conceptualization and practical implication. *Methods.* Taking theoretical and empirical research into account – at the level of public ethics and political theory – the article carries out a comparative analysis of the elements of global economic justice theory, moral universalism and institutional understanding of human rights of Thomas Pogge and the critical theory of political and social justice and the moral constructivist conception of human rights of Rainer Forst. *Analysis.* On the one hand, Pogge’s cosmopolitan approach underlines serious non-compliance of socioeconomic rights at the global level because of the unjust distribution of rights and duties enforced by the current global institutional order. In this vein, the protection of socioeconomic rights is conceived as a (moral) negative duty not to deprive people of secure access to a basic human rights object, and socioeconomic rights, by imposing upon them unjust coercive social institutions. On the other hand, Forst’s perspective maintains that each right needs to be constructed on the very basic moral right to reciprocal and general justification which is conceived as the most universal and basic claim of every human being. *Results.* Drawing on the above-mentioned outlooks on socioeconomic rights, the universal power of socioeconomic rights is assessed in light of the satisfaction of universal basic needs, whose object is also the object of socioeconomic rights – a ‘conditio sine qua non’ for a worthwhile life – and the justification of the assigned duties at the global level.

Key words: socioeconomic rights, civil and political rights, duties, global justice, universalism, cosmopolitanism, constructivism.

Citation. Coacci F. On the Universal Power of Socioeconomic Rights: A Comparison Between Thomas Pogge and Rainer Forst. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 45-57. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.5>

УДК 172:340.12
ББК 66.0, 66.4(0),3

Дата поступления статьи: 10.12.2020
Дата принятия статьи: 05.02.2021

ОБ УНИВЕРСАЛЬНОЙ СИЛЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ: СРАВНЕНИЕ МЕЖДУ ТОМАСОМ ПОГГЕ И РАЙНЕРОМ ФОРСТОМ

Фабио Коаччи

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
г. Москва, Российская Федерация;
Университет Мачераты, г. Мачерата, Италия

Аннотация. *Введение.* Данная статья исследует универсальную силу социально-экономических прав, оценивая их теоретическую концептуализацию и практическое применение. *Методы.* Учитывая эмпирические и теоретические исследования – с точки зрения общественной этики и политической теории – в статье проводится сравнительный анализ элементов теории глобальной экономической справедливости, морального универсализма и институционального понимания прав человека Томаса Погге и критической теории политической и социальной справедливости и морально-конструктивистской концепции прав человека Райнера Форста. *Анализ.* С одной стороны, космополитический подход Погге подчеркивает серьезное несоблюдение социально-экономических прав на глобальном уровне из-за несправедливого распределения прав и обязанностей, которые были усилены нынешним глобальным институциональным порядком. В этом ключе защита социально-экономических прав воспринимается как (моральный) отрицательный долг не лишать людей безопасного доступа к основному объекту прав человека и социально-экономическим правам, навязывая им несправедливые принудительные социальные институты. С другой стороны, точка зрения Форста утверждает, что каждое право должно быть построено на самом основном моральном праве на взаимное и общее оправдание, которое задумано как наиболее универсальное и основное требование каждого человека. *Полученные результаты.* Опираясь на вышеупомянутые взгляды на социально-экономические права, их универсализм защищается в свете удовлетворения общих базовых потребностей, объектом которых также являются социально-экономические права – ‘*condotio sine qua non*’ для достойной жизни – и оправдание возложенных на них обязанностей на глобальном уровне.

Ключевые слова: социально-экономические права, гражданские и политические права, обязанности, глобальная справедливость, универсализм, космополитизм, конструктивизм.

Цитирование. Коаччи Ф. Об универсальной силе социально-экономических прав: сравнение между Томасом Погге и Райнером Форстом // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 45–57. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.5>

Introduction. The current global political and socioeconomic transformations, along with the recent global cross-cutting challenges of which the COVID-19 pandemic is a vivid example, are calling the humankind to find moral desirable and practically feasible solutions to transversal problems, such as the global (under)fulfilment of socioeconomic rights. In turn, a comprehensive explanation of the universal power of socioeconomic rights requires a theoretical justification, which outlines the reasons why socioeconomic rights ought to be considered as universal, and an assessment of their practical implementation, which regards how socioeconomic rights are to be realized [27, p. 50] and how the duties they entail can be justifiable [9]. Accordingly, it would be wrong to argue that socioeconomic rights have universal power only because they are not adequately protected – which is, in any, case a fact [22; 23] and the COVID-19 pandemic has also exacerbated socioeconomic inequalities [32] – as well as denying the fact that their under-fulfilment may be to some extent related to the lack of theoretical understanding of their universal relevance. Hence, this article aims at filling up the above-mentioned lacuna and fostering the debate on this topic

addressing Pogge’s and Forst’s conceptions of (universal) moral right and socioeconomic rights seeking to answer the following question: What is the universal power of the socioeconomic rights and to what extent the duties they entail can be justified?

This comparative research can be significant, in particular, for the Russian scientific context, and, in general, for the global scientific debate for two main reasons. Firstly, the Russian Federation has always been at the forefront in the dissemination of socioeconomic rights, and their defence as relevant fundamental rights, since the time its predecessor, the Soviet Union, signed and ratified the *International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights* (1966) and pushed other nations to join the Covenant. Secondly, in political philosophy and international relations, the dominant theories in the Russian scientific context are those of (moral and political) realism and statism [14] which are sceptical towards any form of universalism and believe that shared conception of moral norms and the practical enforcement of the fair distribution of rights and duties are possible only within the borders of a political community [18]. However, the international debate on universal fundamental

rights and the fair global distribution of rights and duties is gaining momentum throughout the world and a comparative analysis of two of the most preeminent theories on these matters is important for the Russian academia in order to be aware of the recent trends in the global normative and political theory. Accordingly, Russian scholars can further develop the scientific discussion with their noteworthy contribution critically opposing these rising arguments or integrating them into their (usually realistic) understanding of fundamental rights and justice. As a matter of fact, one of the two authors object of this analysis has already tried to include some elements of the realistic tradition – which has, by the way, ancient and robust roots and is still widespread in the international scientific context (it is left aside in this analysis just for a matter of time and focus) – in its critical theory of transnational justice [11]. Indeed, Forst recognizes the importance of cultural peculiarities in the elaboration and implementation of fundamental rights meanwhile also describing the global context as an important context of justice [9, p. 227; 8; 10] let alone of protection of fundamental socioeconomic rights and seeking to avoid parochialism and cultural positivism when it comes to define fundamental rights and their universal power [11, p. 452].

Methods. The article makes use of a comparative methodology which discusses the universal power of socioeconomic rights in the light of the argumentations sketched out by the cosmopolitan theorist Thomas Pogge and the critical and constructivist theorist Rainer Forst. Hence, the theory of universal justice, moral universalism and institutional understanding of rights of Thomas Pogge and the critical theory of political and social justice, the moral and political constructivist conception of rights and the really basic right to reciprocal and general justification of Rainer Forst will be examined in order to probe the universal power of socioeconomic rights and the duties they entail at the global level.

Building on different philosophical cum political backgrounds, both authors have worked to adequate and push further the theories of their mentors, which have been crowded the debate on this topic, to the current global challenges and the newest developments of global interactions and cultural contaminations. Accordingly, the theories of these two authors are apt to delve into

this topic for two main reasons. Firstly, in general, Pogge belongs to the analytical philosophical tradition while Forst is closer to the continental one: their opposite approach to the topic makes them appropriate for a comparative discussion. Secondly, in particular, Pogge draws his institutional conception of universal rights on Rawls understanding of justice and fundamental rights, while Forst, as a member of the last generation of the Frankfurt school, draws his interactional and constructivist conception of universal rights on the theories of Jürgen Habermas and Axel Honneth.

On the one hand, Pogge's cosmopolitan approach focuses on the current unjust, *qua* unfair, distribution of rights and duties at the global level founding the universal power of socioeconomic rights on their fully status of universal fundamental rights as human rights. From the practical point of view, Pogge maintains that the current global economic order, upheld by persons, *qua* individuals, and peoples, *qua* nation-states [29], replicates the unjust global socioeconomic inequalities and argues for more egalitarian reforms, such as a global resource dividend to tackle global extreme poverty. On the other hand, Forst argues for the moral and political construction of fundamental rights on the right to reciprocal and general justification. Accordingly, the latter right is the basis of the justification of all the other concrete rights insofar as a claim is reasonably justifiable when is reciprocal, i.e. impossible to be rejected by someone that raises it for him/herself, and general, i.e. impossible to exclude the affected person's objections to achieve general agreeability. From the practical point of view, Forst also assesses the global socioeconomic inequalities as disgraceful however looks at them as a problem of unjust distribution of (justificatory) power in the global context of force and domination shaped by one-sided and large coerced cooperation and dependency rather than interdependence. Accordingly, Forst claims for a more just transnational order, such as the terms of international trade established by the WTO, which have to be adequately justified to and by those persons and peoples that are subject to that order and are affected by those norms.

A brief sketch of other specific elements which differentiate Pogge's and Forst's views on universal rights and socioeconomic and political

justice can be helpful to understand why their argumentations are apt for the analysis of the topic of this article. Firstly, while Pogge singles out the main minimal characters which a criterion of justice must accomplish, Forst outlines a higher-order principle which makes it possible to evaluate the validity of each claim of justice and to specific rights. In this regard, Pogge focuses more on the content of justice and fundamental rights, while Forst refers more to the (recursive and relational) construction of its principles and fundamental rights. Secondly, concerning the spatial dimension of justice and the claim to basic rights, Pogge has a significantly universal understanding of justice and rights, since he presupposes the principles of justice and human rights as being valid also at global level, while Forst endorses a relatively contextualized approach toward justice and rights since he conceives the context as a 'conditio sine qua non' for the existence of a ground of justice. Lastly, Pogge does not adopt a free-standing toward justice but openly opts for a specific common measure whose conditions are outlined in order to sketch out a universal minimal criterion of justice, and fundamental rights, worldwide shareable. On the other hand, Forst understands social justice and fundamental rights as constructed on the principle of reciprocal and general justification establishing the proviso for the justification of its claim. In the next section their perspective on social justice and universal fundamental rights will be analysed in order to carry out the investigation of the universal power of socioeconomic rights and their feasible realization at the global level.

As briefly touched upon in the introduction, and as the illustration of their core argumentation will show in the next section, the degree of the research on the universal power remains scarce, although it is gaining attention above all in the light of the rising global inequality in socioeconomic opportunities and conditions and the unstoppable acceleration of the globalization. Making use of a comparative methodology, not only does this article seek to highlight the divergences and the points in common between these theories on the topic analysed, but, also and foremost, aims at pushing a little bit further their argumentations in order to add a new piece in the debate on the universalism of socioeconomic rights. Accordingly, this article seeks to go beyond the two authors' position

sketching out a conception of universalism of socioeconomic rights which takes together the moral urgency to ensure secure access to the object of basic socioeconomic rights with the political relevance of specific relations which give rise to peculiar, thus more demanding, duties of justice besides the global ones related to our membership to the human community.

In order to provide a satisfactory and comprehensive answer to the research question of the article, the scope of the analysis is restricted to the debate on global justice and the universalism of socioeconomic rights. To this regard, the universal power of socioeconomic rights is examined in the framework of the two authors' elements of the theory of socioeconomic justice and fundamental rights which outline the principles and norms which should rule intersubjective interactions. Moreover, the fulfilment of socioeconomic rights is analysed focusing on the measures according to which secure access to the object of the socioeconomic rights ought to be equally granted and, therefore, on the organization of an equal distribution of fundamental moral benefits (e.g. claims, liberties, powers, resources) and burdens (e.g. duties and liabilities). Finally, the universal power of socioeconomic rights is investigated vis-à-vis the two authors' argumentations. The results are drawn upon their understanding of the universalism of fundamental rights seeking to fill up their lack to explain how socioeconomic rights ought to be conceived as universal rights.

Before proceeding, a further clarification is required, as obvious as it may sound. In order to frame the discussion on the universalism of socioeconomic rights, it is necessary to bear in mind that the entitlement, and the respective adjudication, of a right imposes duties (negative or positive) on others and, thus, the universality of a right is linked to the legitimacy or justification (reciprocal and general in Forst's reasoning) to impose a corresponding duty to others and, because of that, the more rights are demanding the stronger is the justification for their enforceability.

Analysis. In his very basic understanding of justice, Pogge defines social justice as "a social system's practices or 'rules of the game', which govern interactions among individual and collective agents as well as their access to material resources" and a concept associated with "the

morally appropriate and, in particular, equitable treatment of persons and groups” [27, p. 37]. Thus, Pogge endorses an institutional understanding of justice, following Rawls who conceives justice as the “first virtue of social institutions” [28, p. 3].

In order to assess social institutions as just or unjust a criterion of justice is required, which, according to Pogge, should be *single* and *universal* that is accepted by all persons and peoples as the basis for moral judgements about the global order [27, p. 39]. This criterion of justice ought to be conceived in such a way that is able to gain universal acceptance, and meanwhile, to be respectful of the various individual and collective conceptualization of different, and necessarily more demanding, criteria of justice [27, p. 40]. Thus, the universal criterion of justice presupposes a common measure according to which the distribution of benefits and burdens is to be conceived. In this regard, this common measure can be investigated according to the priority which individuals and groups attribute to some values and aspirations, as well as some concrete good, such as food and water, which may be understood as the object of socioeconomic rights. If one is not available to give up his/her particular good – such as power, resources, primary goods, capabilities, liberties, welfare – ought not to claim for social institutions and coercive norms which would deprive others of it. Further on, the article will try to understand the extent to which socioeconomic rights satisfy the requirements of a common measure of social justice.

In order to understand if socioeconomic rights can be assessed as part of this universal criterion of justice, it is worth to analyse the characters of certain basic goods in terms of which the acceptable core criterion of basic justice ought to be formulated. According to Pogge, they need to be basic, broad and abstract in order to be considered so relevant that each human being would recognize them to be valid for an intersubjective, potentially universal, comparability and at the same time not harmful for each human life. Rather than picking a specific type of basic goods – such as power for Forst [9, p. 248], Rawl’s social primary good [28, p. 53], Dworkin’s resources [7, p. 311], capabilities [26] for Sen [30] and Nussbaum [21], Arneson’s welfare [2],

Nozick’s liberty-rights [20] – Pogge opts for a hybrid approach which describes the four aspects in which the demand for basic goods should be severely limited [27, p. 44]. First, basic goods should be defined as the only essential goods without which a conception of a worthwhile life would be impossible. Second, the demand for these essential basic goods should be limited both quantitatively and qualitatively to what Pogge defines as a *minimally adequate* share. Third, not the goods themselves are fundamental but rather the access to these basic goods. Lastly, basic goods should also be limited probabilistically. Indeed, social institutions can only provide persons with basic goods within certain limits. The global socioeconomic order would, thus, be fully just if each person affected had secure access to minimally adequate shares of all basic goods [27, p. 44]. Whether the object of fundamental socioeconomic rights ought to be assessed as a valid basic good will be discussed further on.

Placing the question of how human rights should be conceived, Pogge argues for a validity of moral human rights which are independent of any social order: an idea, according to him, which has been widely and progressively acknowledged since the aftermath of the World War II [27, p. 58]. The acknowledgement of the universality of moral rights is traced back to the common phrase ‘international recognized human rights’ [27, p. 59] enshrined in the UDHR whose Preamble underlines the Declaration to state moral human rights that exist independently of itself and which are entitled to each human being as such without distinction of any kind [33].

Pogge understands socioeconomic rights as universal as civil and political rights explaining their universality in the frame of the universality of human rights. Just to briefly recall the characters which give potential universal status to the general concept of right, the notion of human right, can be seen as “a special class of moral concerns, namely ones that are among the *most weighty* of all as well as *unrestricted* and *broadly shareable*” [27, p. 60]. Its universal appeal may be also reinforced through the coincidence of the object of the basic human needs with the object of a human right, intending the object in a broader sense. Pogge means the object of a right as whatever the right is a right to, such as freedoms-from, freedoms-to, as well as physical security,

adequate food supply, health assistance and standard of living. Even though this work is not so ambitious to precisely single out a comprehensive list of basic needs [17], as basic objects of fundamental rights, an overall and simplistic sketch of what are basic needs can be reached posing the point in negative terms, i.e. the lack of what would make a human being not survive and not live a worthwhile existence. In this regard, one could hardly deny that at least minimum standard of living and a certain degree of freedom can be universally considered as very basic needs, and thus, basic objects of moral rights.

However, intending rights as basically moral claim to something, they necessarily require more or less demanding duties on others. The imposition of these duties, which is carried out by social institution, ought to be properly enforced. According to Pogge's institutional understanding of human rights, "a human right is a moral claim on any coercive social institutions imposed upon oneself and therefore a moral claim against anyone involved in their design or imposition", in other words, human rights should be conceived "primarily as claims on coercive social institutions and secondarily as claims against those who uphold such institutions" [27, p. 51]. Social institutions and persons upholding and continuing them share responsibility insofar as the institutional order imposes constraints on persons affecting their lives and playing an important role in the reproduction of human misery [27, p. 55]. Nevertheless, what is relevant for the purpose of this work, i.e. to understand the justification of the corresponding duties of socioeconomic rights, is the reason why other persons may bear some responsibilities toward the others and, accordingly, which are the duties should justly be imposed on them.

Pogge argues that the moral responsibility of persons, and, in turn, of social institutions entitled to avoid disrespect of human rights, and, thus, insecurity of access to their object, is a matter of negative duties, which have more weight than positive duties, such as the duty to assistance (which Rawls thinks wealth societies owe to burdened societies, but which is not a matter of justice, rather only of humanitarian aid [29, p. 106]). Negative duties consist in duties to not harm the others which "impose specific minimal constraints <...> on conduct that worsens the situation of others" [27, p. 52]. Thus, in order to preserve the

'fairness of the game', any coercive institutional order must ensure certain minimal respect of human rights.

In order to enforce a more just institutional order – eradicating systemic poverty, hence upholding universal socioeconomic rights – Pogge's most relevant practical proposal is the Global Resource dividend (GDR). According to the GDR, "states can be required to share a small part of the value of any resources they decide to use or sell" [27, p. 203] in order to compensate people suffering from extreme poverty related to radical inequality which is reinforced by an institutional order upheld by wealth states [24; 25]. Even though, at first glance, this argument appears convincing, it has attracted sound criticisms related to the feasibility and efficacy of this reform, because of, for example, the so-called 'resource curse' [19, p. 639] which refers to those countries, relatively poor in terms of wealth and often run by dictators, which are, by the way, plenty of natural resources [1].

According to Forst, first of all, for the concept of social justice to be meaningfully applicable, a 'context of justice' must exist: a context of political and social relations of cooperation as well as conflict, which calls for a just order, the establishment of which the members owe one another [9, p. 15]. In order to speak about justice, interrelations among individual and collective agents are necessary insofar as they require just rules and norms to be enforced. According to this assumption, the quest for justice, and protection of socioeconomic rights, becomes more and more legitimate at the global scale insofar as the interactions among individual and collective agents are getting always tighter. Secondly, "the core idea of a just order nevertheless consists in the idea that its rules and institutions of social life be free of all forms of arbitrary rule or domination" [9, p. 189]. In this regard, avoiding arbitrariness may refer not only to the even-handed requirement for social institutions, but also to their practical commitment to fighting against arbitrariness and domination, which may include morally arbitrary inequalities in socioeconomic opportunities and conditions.

Rather than singling out the most basic values of justice, Forst elaborates the assumptions according to which the question of justice can be considered as valid. Since justice refers to the

interactions among individual and collective agents, its principles must be constructed relationally and, hence, reciprocally and generally justified. Therefore, the highest and really basic principle of social justice which prevails normatively and criterially over all the other values is “the principle of reciprocal and general justification, according to which every claim to goods, rights, or freedoms must be grounded reciprocally and generally, whereby one side may not project its reasons onto the other, but must discursively justify them” [9, p. 194]. The principle of justification, along with the criteria of reciprocity and generality, can be defined as a higher-order principle which goes beyond the classical contents of justice establishing the criteria to evaluate the claim to such content (further on an assessment of the extent to which the claim to socioeconomic rights matches those criteria will be carried out).

As previously underlined, Forst founds social and political justice on the very basic right (and duty) to equal justification. The basic moral right to justification can, thus, be conceived as the right on which all the other rights can be morally constructed and according to which they can be just(ifiab)ly claimed. So conceived, the latter are rights that no one can with good reasons withhold from other persons [9, p. 5].

In Forst’s theory, the criteria of reciprocity and generality are explained as follow: “*Reciprocity* means that no one may refuse the particular demands of others that one raises for oneself (reciprocity of content), and that no one may simply assume that others have the same values and interests as oneself or make recourse to ‘higher truths’ that are not shared (reciprocity of reasons). *Generality* means that reasons for generally valid basic norms must be sharable by all those affected. <...>. Principles and norms can claim to be valid only if they can be agreed to reciprocally (without demanding more from others than one is also willing to concede, and without projecting one’s own interests and convictions on others) and generally (without excluding anyone concerned and their needs and interests), that is, those principles and norms that <...> no one can ‘reasonably’ reject” [9, pp. 6, 80].

Therefore, only those norms which are reciprocally and generally justifiable can be assessed as just and valid so long as they avoid the reasons of some persons to prevail to those

of others and include the reasons of all those affected. Moreover, what is important to understand is that reasons of persons and people are equally worth to be heard and equally count in shaping the distribution of rights and duties and, thus, social institutions insofar they respect the reciprocity and generality criteria which, so, serve as a filter for claims and reasons that can be ‘reasonably rejected’.

According to Forst, the basic right to justification, from which all the other rights derive, is a universal moral right which is in no case possible to deny to a person since no one’s right to justification, the basis of all rights of human being, can be ignored. In this regard, Forst conveys that the moral constructivism, opposed to the political constructivism, shows that “moral persons, both in a given context and beyond it, must grant certain rights to one another, right that they owe one another, in a moral sense” [9, p. 200]. Accordingly, even though Forst conceives of moral constructivism as almost always related to political relations, he seems to leave space to claims of fundamental rights which can also overcome it. Forst argues that, according to the principle of reciprocal and general justification, each human being has a basic right to justification, that is “a right to adequate reasons for the norms of justice that are to be generally in force. Respect of this right is generally required in a deontological sense, which expresses the basic moral equality” [9, p. 195]. As underlined above, the adequacy of those reasons is evaluated according to the criteria of reciprocity and generality which are, thus, the ground on which reasons can be disqualified if they are not reciprocally and generally justifiable. As a consequence, there is a basic right to equal justification which does not presume, however, strictly material equality. In any case, Forst admits that “fundamental justice is recursively and discursively determined with reference to the necessary conditions for fair opportunities for justification” [9, p. 197]. That is to say that persons in a context of justice ought to be correspondingly provided with the opportunities, power, goods, liberties to exercise the right to justification. This is relevant because without these basic means, among which the most important is the *justificatory power* [9, p. 196], persons and peoples are not enabled to autonomously uphold and justify rules and norms,

such as those enforced by the WTO in relation to the global trade, which to some extent concretely affect their existence and, thus, ought to be justified.

Unlike Pogge, Forst does not conceive a clear-cut distinction between moral and legal, or judicial, rights [9, p. 197] rather they are conceptualized in an intermingled way insofar as moral rights represent the core of legal rights as well as moral justification is the core of political justification. Thus, moral basic rights constructed on the right to justification are conceivable in the universal moral context but their validity must be demonstrable in “particular political contexts in which persons demand certain rights as both moral persons and citizens” [9, p. 218]. This contextualized universalism seems to admit the universality of some basic rights, such as fundamental socioeconomic rights, but binds their validity to the potential existence of these rights in a particular context softening their universal power, however without drawing a line between their universal entitlement and their practical realization.

Through the analysis of Pogge’s and Forst’s theories we can sketch out three different but intertwined assessments of the universal power of socioeconomic rights, an argument which is partially left unsolved in their reasoning. The first understands the basic object of socioeconomic rights as ‘*conditio sine qua non*’ for a worthwhile life and investigates the reasons why basic socioeconomic rights accomplish the requirements of a universal criterion of justice. The second reasons on the extent to which the universal power of socioeconomic rights can be founded on the very basic right to reciprocal and general justification. The third – which is the one differing the most from the two authors’ argumentations, thus corresponding to the most original adding contribution of this article to the debate – is based on the fundamental commitment of social justice to avoiding morally arbitrary inequalities and, accordingly, explains how the duties that socioeconomic rights entail can be justified according to their moral urgency.

First of all, it is necessary to clarify some points about Pogge’s reasoning on the universalism of socioeconomic rights. As underlined before, he understands socioeconomic rights as human rights, and the latter as a valid universal criterion of universal justice [27, p. 56].

Accordingly, Pogge takes to some extent for granted the universal power of socioeconomic rights on the ground of the universalism of human rights focusing mainly on the realization, or more properly on the grave (under)fulfilment, of both basic socioeconomic rights and civil and political rights at the global level.

Therefore, the proof of the universal power of socioeconomic rights exploring it in the requirements of a basic criterion of global justice would not only pursue the main aim of this article but it would also be helpful to fill the lack of explanation of the universalism of socioeconomic rights in Pogge’s theory of global justice. Just to recall the main features of the universal criterion of justice, as conceived by Pogge, it ought to work with a thin, modest, not exhaustive, and shareable conception of human flourishing. As a matter of fact, it is possible to conceive some basic means which are universally recognized as essential for each human being beyond any social, ethnic, national, religious difference (whose respect, by the way, is the main reason for this conception to be thin). Without doubt, the object of socioeconomic rights corresponds to many of the universally recognized essential means for a worthwhile life, such as nutrition, clothing, a safe shelter, basic standards of living. Accordingly, socioeconomic rights ought to be recognized as universal insofar as the availability of the enjoyment of their core object is essential for a worthwhile life.

Basic socioeconomic rights, accomplishing the four desiderata of a universal criterion of justice together, are not in contrast with more specific conceptions of human flourishing and other more demanding criteria of justice, which may enforce a greater protection of them [27, p. 43]. Thus, in explaining the reason why socioeconomic rights have a certain universal power, it is also necessary to bear in mind that this universalism ought to be conceived in a really basic sense.

The second argumentation in favour of the universal power of socioeconomic rights seeks to probe the extent to which socioeconomic rights can be universally founded, or morally and politically constructed, on the very basic moral right to justification and how the normative universalism of these rights can be reciprocally and generally justified at the global level.

According to Forst, the emancipatory demand to justice is possible to be made as long as a person has the proper means which let him or her autonomously formulate it, and, thus, be respected as an agent of justification able to ask for and receive justification. If that is true that “victim of injustice is not primarily the person who lacks certain goods, but the one who does not ‘count’ in the production and distribution of goods” [9, p. 2], it is also true that without certain basic goods human beings would not be able at all to exercise their very basic right to reciprocal and general justification.

An apt clarifying example may be that of climate change mainly caused by the excessive pollution of affluent countries and wealth persons [4; 31] that use an amount of the common resource of the atmospheric capacity to absorb CO₂ much larger than persons living in poor countries [34] which, however, shoulder much of the burden related to climate change, such as massive desertification. What does it make impossible for those persons to exercise their very basic right to ask justification for the actions of persons which are responsible for unduly harming them? It seems clear that some pertinent means, such as knowledge and basic standard of living including food, water, a safe shelter, health, in addition to a basic justificatory power and a structure to justification are required in order to make persons enjoy their very basic right to reciprocal and general justification. Therefore, the ‘empowerment’ of persons that does not fully count as addressee and actor of justification is a constitutive element of the entitlement of the very basic moral right to justification to each person. Accordingly, the universal power of basic socioeconomic rights, insofar as they provide a person, as agent of justice, with the capacity to exercise their right to justification, seems to be justified by the principle of justification itself and able to be constructed on the right to justification.

Even though Forst’s defence against objection to socioeconomic rights seems less powerful than that of Pogge who explains their violation as an unduly harm and delves into the negligible charge that affluent persons and peoples should shoulder to ensure secure access to the basic object of socioeconomic rights, what is relevant here is the recognition of the fact that socioeconomic rights can be justified both

reciprocally and generally and thus can be morally, and also politically, constructed on the very basic right to justification. Indeed, Forst argues that “human rights to certain material goods are to be justified with reference to the necessary conditions for establishing a justified basic structure as well as – and this is crucial – with reference to the minimal standard of a life worthy of a human being, which may be justifiably withheld from no one, given the present level of available resources. In this sense, human rights are not only rights to certain freedoms but also rights to goods, the demand of which can be justified both reciprocally and generally” [9, p. 226]. According to this reasoning, basic socioeconomic rights cannot be denied to anyone, and their respect, along with their adequate realization, is a (reciprocally and generally justified) duty of each human being and social order.

If the basic moral right to justification is the paramount right whose entitlement ought not to be denied to anyone, therefore, basic socioeconomic rights, along with civil and political rights, are the required and essential justificatory conditions through which the basic moral right to justification can be concretely exercised by everyone. In this sense, the basic socioeconomic rights can find the source of their universal power in the moral right to justification insofar as their existence and enjoyment are indispensable for avoiding the exclusion of a person from the global realm of justification. As a consequence, it is possible to argue that the universalism of basic socioeconomic rights, constructed on the very basic rights to justification, is justified in moral terms and even not hardly realizable in practical terms. However, according to Forst, the existence of these rights ought to be recursively recognized in a context of political and social relations of cooperation as well as conflict, which calls for a just order, the establishment of which the members owe one another, i.e. in a context of justice. The extent to which the embryonal fast growing global socioeconomic order can be considered as a proper context for justice is debatable, even though there are few doubts on the fact that the global intersubjective interactions are so intensive that they call for at least a minimal just order so that also Forst admits that “the global context is, thus, an important context of justice and responsibility in addition to the more particular political ones” [9,

p. 227]. Indeed, the global intersubjective interactions have reached such a level that everyone is to some extent affected by the decisions of others and, thus, to the same extent, they must be considered part of a (global) context of justice. Moreover, if the claim to minimal socioeconomic rights is morally founded and potentially reciprocally and generally justifiable, the inexistence of a basic structure to ensure their enjoyment makes this claim even more urgent.

A third argumentation to assess the universal power of socioeconomic power is related to the justification of their corresponding duties according to the essential commitment of social justice to fight against (socioeconomic) inequalities which are morally arbitrary such as those related to fate and social contingencies. This defence seeks to take together the moral desirability and the practical feasibility of socioeconomic rights, envisioning their universal power in the light of the moral urgency of the secure access to their object and the existence of political relations in which this claim can concretely be framed.

The entitlement, and the respective adjudication, of moral and legal rights impose moral and legal duties on others and, thus, the universality of a right is linked to the legitimacy or justification (reciprocal and general in Forst's reasoning) to impose its corresponding duties to others. Accordingly, the lower is the secure access to the basic object of fundamental rights, the more justifiable ought to be considered in imposition of the corresponding duties.

To start with, an idea of the justification of duties related to socioeconomic rights can be outlined in the light of the Kantian common possession of the surface of the Earth [13, pp. 117–119] and the Lockean proviso according to which “no man but he can have a right to what that is once joined to, at least where there is enough, and as good, left in common for others” [16, p. 12]. Indeed, these two argumentations may envision a partial justification of the duty to let others enjoy basic socioeconomic rights as a negative duty not to harm them unduly (and, in case of harm, as a duty to provide for adequate compensation).

Negative duties are generally assessed as stronger than the positive ones, since the former are considered as less burdensome than the latter and, for this, some, such as libertarians, argues

against the universality of socioeconomic rights underlining the burdensome (positive) duties they entail [27, p. 70; 29, p. 106]. Besides arguing for the fact that the secure access to the basic object of socioeconomic rights is (also) a matter of negative duties (recalling Pogge reasoning), this part seeks to explain the justification of the corresponding duties which socioeconomic rights entails undercutting the sharp distinction between negative and positive duties and considering the moral urgency of the fulfilment of their object.

A duty to provide (basic) socioeconomic opportunities, i.e. to provide secure access to the basic object of socioeconomic rights, can be also explained in the light of the principles of redress of morally arbitrary socioeconomic inequalities. Indeed, since human agents do not deserve opportunities deriving from social contingencies and fate, they ought not only to bear responsibility to avoid harming another unduly but also a partial responsibility to make arbitrarily disadvantage persons enjoy secure access to the object of socioeconomic rights. Furthermore, the justification of this duty can be reasonably accepted as it entails a negligible burden comparing to the wide variety of benefits for the worst-off. As a matter of fact, we can think about the example of a billionaire obliged to consider as just duties, say, a tax, which would ensure many people secure access to the object of the right to food, insofar as this is reasonably possible and concretely feasible. Not only does this example clarify how the corresponding duties of basic socioeconomic rights are justifiable but sheds also light on how the relation between duties and rights can be understood according to the assessment of the measurement of the lower burden of the former vis-à-vis the greater benefit of the latter.

Result. Combining the three argumentations sketched out in the analysis, it is possible to conclude that socioeconomic rights ought to have universal power within the minimal threshold which ensures a worthwhile life [12, p. 71] and which in no case everyone would deny for him/herself, in relation to the secure access to their minimal objects and in a shared ground of justice, i.e. a context of cooperation as well as conflict, such that of the current global socioeconomic order. To sum up, since everyone would recognize the core object of socioeconomic rights, in term of basic needs, as essential for a worthwhile life

and fundamental socioeconomic rights cannot be denied without excluding a person from the global realm of justification, and thus violating their very basic right to justification, fundamental socioeconomic rights ought to be recognized as universal. It is crucial to bear in mind that the universal power of the claim to the basic object of socioeconomic rights is related to the moral urgency of the secure access to that object, the negligible burden it entails to others and the extent of the (global) ground of justice, shaped by global institutions and transnational agents, in which the claim is practically enforceable.

Furthermore, it is plausible that the overall under-fulfilment of socioeconomic rights, along with the rising in socioeconomic inequalities at the global level, may be due to a general reluctance toward the recognition of the universal power of socioeconomic rights. Indeed, the scarce attention they use to catch in the promotion of global social and economic institutions, along with the spread denial of a universal position equal to the civil and political rights, may be the reasons which, at least partially, explain the ongoing disrespect of these rights. Therefore, this supposition – which is, by the way, not more than a mere speculation – looks at the asymmetry in the theoretical attention and the practical realization of these rights as a potential reason for the under-fulfilment of the secure access to their basic object. The latter ought to be ensured not only because would it entail negligible burdens on the side of persons that should shoulder it, but first and foremost because of the universal power of the socioeconomic rights and the relevance of the secure access to their basic object for a worthwhile life.

Accordingly, the main findings of the paper lie on the reconsideration of socioeconomic rights according to their relevance for a worthwhile life, the reasonable justification of the duties the counterpart ought to bear and the overall positive result of the relativeness of their fulfilment. These considerations, above all the last one, may sound extremely ambiguous and, for this, require further explanation. The innovative point this paper seeks to unfold corresponds to the embryonal sketch of a new approach toward rights which recognizes the universal power of socioeconomic rights considering, however, their relative scope and realization. Moreover, accepting the universality of different, and sometimes conflicting, categories

of fundamental rights, it is impossible to deny that an absolute fulfilment of all of them is a chimera (and also the absolute fulfilment of only one of them may be considered as impossible [27, p. 180]). The main issue at stake here is that no system of rights can avoid the potential conflict rising in the attempt to fulfil different fundamental rights due to the inner interrelation among them. In any case, if the potential conflict rising among rights must not be denied, it is also necessary not to deny the potentially mutual reinforcing of different rights [15, p. 6; 3; 5; 6; 35]. Accordingly, the universal realization of socioeconomic rights can be ensured only through reforms which take into account how rights are related one another and how their corresponding duties are morally justifiable and practically enforceable. One of the main directions of further research will, thus, be the theorization of the investigation of the right balance between different rights and the best viable and feasible way to establish the universal secure access to their basic object along with the explanation of the limits of the global protection of basic rights due to reasonable national resistances.

REFERENCES

1. Armstrong C. Dealing with Dictators. *The Journal of Political Philosophy*, 2020, vol. 28, no. 3, pp. 307-331.
2. Arneson R. Equality and Equal Opportunity for Welfare. *Philosophical Studies*, 1989, vol. 56, no. 1, pp. 77-93.
3. Boyle K. Stocktaking on Human Rights: The World Conference on Human Rights, Vienna 1993. *Political Studies*, 1995, vol. 43, no. 1, pp. 79-95.
4. Caney S. Cosmopolitan Justice, Responsibility, and Global Climate Change. *Leiden Journal of International Law*, 2005, vol. 18, no. 4, pp. 747-775.
5. Donnelly J. The Social Construction of International Human Rights. Dunne T., Wheeler N.J., eds. *Human Rights in Global Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999, pp. 71-102.
6. Donnelly J. The Relative Universality of Human Rights. *Human Rights Quarterly*, 2007, vol. 29, no. 2, pp. 281-306.
7. Dworkin R. What is Equality? Part 2: Equality of Resources. *Philosophy and Public Affairs*, 1981, vol. 10, no. 4, pp. 283-345.
8. Forst R., translated by J.M.M. Farrell. *Context of Justice: Political Philosophy Beyond Liberalism*

and Communitarians. Berkeley, University of California Press, 2002. 385 p.

9. Forst R., translated by F. Jeffrey. *The Right to Justification: Elements of a Constructivist Theory of Justice*. New York, Columbia University Press, 2012. 368 p.

10. Forst R. The Point and Ground of Human Rights: A Kantian Constructivist view. Held D., Maffettone P., eds. *Global Political Theory*. Cambridge, Polity Press, 2016, pp. 22-39.

11. Forst R. A Critical Theory of Transnational (In-)Justice: Realistic in the Right Way. Brooks T., ed. *The Oxford Handbook of Global Justice*. Oxford, Oxford University Press, 2020, pp. 451-473.

12. Harari Y.N. *21 Lessons for the 21st Century*. London, Jonathan Cape, 2018. 432 p.

13. Kant I., edited and translated by M.C. Smith. *Perpetual Peace: A philosophical Sketch. 1795*. London, George Allen & Unwin Brothers, 1903. 204 p.

14. Kropatcheva E., Tsygankov A.P., ed. Power And National Security. *Routledge Handbook of Russian Foreign Policy*. Abingdon, Routledge, 2018, pp. 43-59. URL: <https://www.routledgehandbooks.com/doi/10.4324/9781315536934-4> (accessed 13 January 2021).

15. Landman T. *The Scope of Human Rights: From Background Concepts to Indicators*. Essex, Human Rights Center, 2005. 32 p.

16. Locke J., Macpherson C.B., ed. *Second Treatise on Civil Government*. Indianapolis, Hackett, 1980. 124 p.

17. Maslow A.A Theory of Human Motivation. *Psychological Review*, 1943, vol. 50, no. 4, pp. 370-396.

18. Mikalsen K.K. No cosmopolitan morality without state sovereignty. *Philosophy and Social Criticism*, 2017, vol. 43, no. 10, pp. 1072-1094.

19. Nili S. Our problem of global justice. *Social Theory and Practice*, 2011, vol. 37, no. 4, pp. 629-653.

20. Nozick R. *Anarchy, State, and Utopia*. New York, Basic Books, 1974. 367 p.

21. Nussbaum M.C. *Creating Possibilities*. Cambridge, Harvard University Press, 2011. 256 p.

22. Oxfam International. *Public Good or Private Wealth*. London, Oxfam GB, 2019. 106 p.

23. Oxfam International. *Reward Work, not Wealth*. London, Oxfam GB, 2018. 24 p.

24. Pogge T. Cosmopolitanism and Sovereignty. *Ethics*, 1992, vol. 103, no. 1, pp. 48-75.

25. Pogge T. An Egalitarian Law of Peoples. *Philosophy and Public Affairs*, 1994, vol. 23, no. 3, pp. 195-224.

26. Pogge T. Can the Capability Approach Be Justified? *Philosophical Topics*, 2002, vol. 30, no. 2, pp. 167-228.

27. Pogge T. *World Poverty and Human Rights, Cosmopolitan Responsibilities and Reforms*. 2nd ed., Cambridge, Polity Press, 2008. 304 p.

28. Rawls J. *A Theory of Justice*. Cambridge, Harvard University Press, 1971. 560 p.

29. Rawls J. *The Law of People*. Cambridge, Harvard University Press, 1999. 208 p.

30. Sen A. Equality of What. *Tanner Lectures on Human Values, vol. 1*. McMurrin S.M., ed. Cambridge, Cambridge University Press, 1980, pp. 195-220.

31. Singer P. *One World, The Ethics of Globalization*. New Haven, Yale University Press, 2004. 272 p.

32. Stiglitz J. *Conquering the great divide*. International Monetary Fund, 2020. 3 p. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2020/09/COVID19-and-global-inequality-joseph-stiglitz.htm> (accessed 12 January 2021).

33. The United Nations. *Universal Declaration of Human Rights*. Paris, UN, 1948. 8 p.

34. World Bank. *CO2 emissions (metric tons per capita)*. 2014. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EN.ATM.CO2E.PC> (accessed 5 December 2020).

35. World Conference on Human Rights. *Vienna Declaration and Programme of Action*. Vienna, OHCHR, 1993. 20 p.

Information About the Author

Fabio Coacci, Postgraduate Student, Department of World Political Processes, Lecturer, Department of Public Administration, School of Governance and Politics, MGIMO University MFA Russia, Prosp. Vernadskogo, 76, 111395 Moscow, Russian Federation; Postgraduate Student and Assistant Lecturer, Department of Political Science, Communication and International Relations, University of Macerata, Via Giovanni Mario Crescimbeni, 30/32 Macerata, Italy, 62100, f.coacci1@unimc.it, <https://orcid.org/0000-0002-4504-6067>

Информация об авторе

Фабио Коаччи, аспирант кафедры мировых политических процессов, преподаватель кафедры государственного управления, Факультет управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, просп. Вернадского, 76, 111395 г. Москва, Российская Федерация; аспирант и ассистент преподавателя кафедры политологии, коммуникации и международных отношений, Университет Мачераты, Виа Джованни Марио Крешимбени, 30/32, 62100 г. Мачерата, Италия, f.coacci1@unimc.it, <https://orcid.org/0000-0002-4504-6067>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.6>

UDC 321.022
LBC 66.09

Submitted: 10.08.2020
Accepted: 05.02.2021

POLITICAL COMMUNICATIVISTICS: THE EVOLUTION OF UNDERSTANDING THE ROLE OF INFORMATION IN POLITICAL PROCESS

Ilya L. Morozov

Volgograd Institute of Management of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is a survey study, the purpose of which is to analyze the evolution of concepts in the field of political communicativistics, aimed at understanding the role of information in the system of political processes from the middle of the 20th Century to the present day. *Methods and materials.* As the main toolkit for working with scientific texts, methods of qualitative text analysis, focused on the study of the conceptual description of social problems, aspects of the interaction between government and society were used. As materials for the analysis, the texts of Russian and foreign scientists devoted to the study of the role of information in public administration and in political processes and published in one of the leading scientific periodicals or central scientific publishing houses were used. *Analysis.* The article establishes the objective factors of enhancing scientific research in the subject area of political communicativistics in the 20th Century, examines the modern understanding of the role of information in the processes of public administration, the influence of the general information theory and the cybernetic approach on the development of Russian political communication. *Result.* Modern political science concepts do not demonstrate a unified understanding of the “information future” image that emerges under the influence of the “digital revolution”. The range of approaches is wide, from the libertarian assumption of a gradual weakening of the state functions and the transition to direct democracy, when citizens are in direct contact with each other using the technologies of the information and communication system of Internet and do not need the mediation of professional state administrators, to the revival of totalitarian forms of government based on control over information flows. The tendency of Russian scientists to correlate with the trends of state policy, shifting their research topics to the political aspects of information security, social networks and the activity of opposition public associations on the Internet, was revealed as the dominant trend at the current stage. This trend is ambiguous – it corresponds to the nature of modern challenges and threats in the information sphere, but in the future it can negatively affect the volume and quality of fundamental theoretical developments, and decrease the interest in them.

Key words: information, state, power, political science, communication, security, mass media.

Citation. Morozov I.L. Political Communicativistics: The Evolution of Understanding the Role of Information in Political Process. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 58-71. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.6>

УДК 321.022
ББК 66.09

Дата поступления статьи: 10.08.2020
Дата принятия статьи: 05.02.2021

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАТИВИСТИКА: ЭВОЛЮЦИЯ ПОНИМАНИЯ РОЛИ ИНФОРМАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Илья Леонидович Морозов

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья является обзорным исследованием, цель которого состоит в анализе эволюции концепций в сфере политической коммуникативистики, направленных на понимание роли инфор-

мации в системе политических процессов с середины XX в. по настоящее время. *Методы и материалы.* В качестве основного инструментария работы с научными текстами использованы методы качественного анализа текста, ориентированные на изучение концептуального описания социальных проблем, аспектов взаимодействия власти и общества. В качестве материалов для анализа использовались тексты российских и зарубежных ученых, посвященные изучению роли информации в государственном управлении и политическом процессе в целом, опубликованные в одном из ведущих научных периодических изданий или центральных научных издательствах. *Анализ.* В статье установлены объективные факторы активизации научного поиска в предметной области политической коммуникативистики в XX в., рассмотрено современное понимание роли информации в процессах государственного управления, влияние общей теории информации и кибернетического подхода на развитие российской политической коммуникативистики. *Результат.* Современные политологические концепции не демонстрируют единого понимания образа «информационного будущего», которое возникнет под воздействием «цифровой революции». Разброс подходов широк, от либертарианского предположения постепенного ослабления функций государства и перехода к прямой демократии, когда граждане напрямую контактируют между собой с помощью технологий информационно-коммуникационной системы Интернет и не нуждаются в посредничестве профессиональных государственных управленцев, до возрождения тоталитарных форм государственного управления на основе контроля над информационными потоками. В качестве доминирующей на текущем этапе тенденции выявлено стремление российских ученых смещать тематику исследований на политические аспекты информационной безопасности и социальные сети, активность оппозиционных общественных объединений в Интернете. Данная тенденция неоднозначна – соответствует характеру современных вызовов и угроз в информационной сфере, но в перспективе может негативно сказаться на объеме и качестве фундаментальных теоретических разработок, снижении интереса к ним.

Ключевые слова: информация, государство, власть, политическая наука, коммуникация, безопасность, СМИ.

Цитирование. Морозов И. Л. Политическая коммуникативистика: эволюция понимания роли информации в политическом процессе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 58–71. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.6>

Введение. Политическая коммуникативистика – динамично развивающееся направление российской политологии, решающее как теоретико-концептуальные задачи осмысления закономерностей и особенностей информационного взаимодействия между акторами политического процесса в постиндустриальном обществе, так и практические аспекты управления политическими процессами. Информация, как один из ключевых инструментов в системе государственного управления, ее генезис, характер, технологии применения, входит в предметное поле политической коммуникативистики и находится в фокусе внимания ведущих ученых-политологов России и зарубежных стран. Целью данной статьи является обзор основных концепций, представленных в сфере понимания роли информации в политическом процессе и системе современного государственного управления¹ в частности, в их эволюции с середины XX в. по настоящее время.

Методы и материалы. В качестве основного инструментария работы с текстами

использованы методы качественного анализа текстов (Н. Фэркло), ориентированного на изучение концептуального описания социальных проблем, аспектов взаимодействия власти и общества [12, с. 201–211; 36]. Отбор текстов производился по следующим критериям: текст российского автора посвящен концептуальным вопросам политической коммуникативистики (предметно – роли информации в государственном управлении) и опубликован в период с 90-х гг. XX в. по настоящее время в одном из ведущих российских научных периодических изданий по политическим наукам, индексируемым Scopus, Web of Science или RSCI (с включением в ядро РИНЦ), монография (фундаментальная научная работа) опубликована в одном из центральных научных издательств. Исходя из специфики предметной области данной статьи, при формировании выборки научных периодических изданий использовались не только показатели Science Index (SI) и Индекса Херфиндаля (ИХ) Российской Научной Электронной Библиотеки для журналов по направлению

«Политика. Политические науки» (выстраиваемый на количественных показателях рейтинг подвержен весьма существенным колебаниям по годам [1, с. 72]), но также научно-тематическая специализация и субъективный показатель – научный авторитет издания в профессиональном сообществе [2].

Тексты ведущих зарубежных авторов использовались в той степени, которая необходима для выявления научной преемственности между зарубежной и российской коммуникативистикой, осмысления зарубежной составляющей фундамента российских концепций. Диссертации и учебные пособия не анализировались даже в том случае, если автор являлся ведущим ученым в сфере коммуникативистики (см., например, [8]).

Анализ. Общая теория информации, понимаемая в роли универсального инструмента управления базовыми процессами в социуме, начала интенсивно разрабатываться в 1940–1950-х годах. Активизации научного поиска в данном направлении способствовали два фактора:

– опыт Второй мировой войны выявил возросшее значение средств связи и контроля над информационными потоками как в техническом аспекте, так и в аспекте эффективности пропаганды и контрпропаганды;

– интенсивное развитие систем автоматизированного сбора и обработки информации открыло перспективу работы с базами данных и информационными массивами такого объема, который был ранее невозможен, что потенциально вело к революционным изменениям в сферах управления социально-политическими и экономическими процессами.

Основоположником общей теории информации можно назвать американского математика К. Шеннона [32; 33; 37; 38], внесшего значительный вклад и в становление криптографии, кибернетики и автоматики («Математическая теория коммуникаций» 1948 г., «Современные достижения теории связи» 1950 г., «Некоторые задачи теории информации» 1950 г., «Теория связи в секретных схемах» 1945 г.). Применительно к процессам государственного управления актуальны его общетеоретические размышления относительно природы информации и механизмов ее передачи. К. Шеннон выдвинул предположение о мате-

риальном характере информации, на работу с которой распространяются те же законы и принципы, что и при манипуляциях с массой и энергией. Основной проблемой работы с информацией является сохранение точности передаваемого сообщения при движении от источника к адресату [33, с. 25], поскольку при «транспортировке» информации К. Шеннон предполагал ее неизбежное искажение из-за возникающих помех. Поэтому при выстраивании информационных систем предлагалось закладывать схемы, позволяющие обеспечить дублируемую проверку подлинности исходного сообщения.

Родоначальником кибернетической теории управления выступил американский исследователь-математик Н. Винер [4; 5] («Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине», 1948 г., «Кибернетика и общество», 1950 г., «Творец и Голем», 1963 г.). Он уподоблял нервную систему живого существа механике автомата, поскольку обе они направлены на процесс преодоления энтропии, в том числе и за счет регулирования информационных потоков. Если в технологической части кибернетической теории Н. Винера далеко не во всех случаях оправдала ожидания своего разработчика, то применительно к сфере государственного управления Н. Винер роль информации определил точнее: «Удел информации в типичном американском обществе состоит в том, чтобы превратиться в нечто такое, что может быть куплено или продано... Какие бы средства ни имела раса или биологический вид, всегда можно определить и измерить количество информации, которое может получить эта раса, и отличить его от количества информации, доступной для особи» [4, с. 145]. Со временем процесс принятия и реализации управленческих решений будет полностью автоматизирован и нивелирует личностные различия между индивидами.

Применительно к теории государственного управления концепцию Н. Винера адаптировал и конкретизировал К. Дойч [35] («Нервы управления: модели политической коммуникации и контроля», 1963 г.), сравнивший политические коммуникации с нервной системой человека, осуществляющей связь со всеми органами. Политическое управление осуществляется за счет регулирования правитель-

ством информационных потоков в политической системе, что позволяет в нужный момент оказывать мобилизующее воздействие на массы, побуждать их к выгодным для власти решениям. К. Дойч с опорой на работы Н. Винера впервые предложил рассматривать политическую систему как разновидность коммуникативных систем.

На основе анализа работ Н. Винера и К. Дойча можно сделать вывод, что в информационно-кибернетических теориях феномен коммуникации раскрывается как процесс обмена информационными единицами в рамках сложносоставных эволюционирующих (трансформирующихся) систем и их сегментов, которые, в свою очередь, способны генерировать, принимать, накапливать и перерабатывать информацию. Современная теория государственного управления рассматривает феномен массовых коммуникаций с учетом кибернетической теории информации, теории коммуникативных сетей, теории организации и принятия управленческих решений.

Эволюция кибернетического подхода применительно к пониманию государственного управления оказала глубокое влияние на развитие политической науки и политических практик, трансформировавшись в системный подход, особое внимание уделяющий принципам информационного обмена между входящими в общую политическую структуру элементами. Сформулирована классическая модель функционирования политической системы в изложении американского политолога Дэвида Истона, в которой важнейшую роль играли процессы «ввода» и «вывода» управленческой информации в аппарат принятия решений [7].

В 1982 г. американский футуролог Дж. Нейсбит, описывая последствия технологической революции 1960–1970-х гг., отмечал: «...два недавних изобретения сыграли ключевую роль в превращении всей планеты в одну экономическую деревню: реактивный самолет и спутниковая связь. Наверное, наиболее важным компонентом является все-таки спутниковая связь. С ее помощью задержка информации стала почти нулевой» [14, с. 88–89]. Понимание политико-управленческой роли информации и особенностей самого информационного потока в эволюции современных го-

сударств стало объектом исследования политологов на следующем этапе развития науки.

Современные концепции, описывающие информационный управленческий ресурс, в той или иной степени опираются как на общую теорию информации, так и на теорию постиндустриальной фазы развития человечества, разработанную во второй половине XX века. В 2002 г. вышло обзорное исследование британского профессора Ф. Уэбстера «Теории информационного общества» (издано на русском языке в 2004 г. [28]). Автор дал подробный критический обзор основных информационных концепций, разработанных западной политологией и футурологией на тот период, например, теории Д. Бэлла, М. Кастельса, Г. Шиллера, Э. Гиденса, Ю. Хабермаса.

Ф. Уэбстер обращает внимание на количественное взрывное увеличение информационных потоков в современном мире и запрос на специалистов, способных на качественную обработку и генерацию информации. Одним из ключевых трендов на рынке труда является сокращение рабочих мест в промышленном производстве, в которое внедряются компьютерные технологии управления и роботизированные линии производства и сборки изделий и одновременное увеличение спроса на рабочую силу в области информационного обслуживания – журналисты, редакторы, системные аналитики, инженеры по проектированию и обслуживанию компьютерных сетей.

Ф. Уэбстер скептически относится к терминам «информационное общество» или «постмодерн», называя грядущую эпоху постфордистской, главный признак которой – переход от массового производства, основанного на труде взаимозаменяемых работников, к системе гибкой специализации, где возникает спрос на работников с уникальными навыками, работающих по проектному принципу, заменить которых на рынке труда работодателю крайне сложно. Информатизация современной жизни, по мнению Ф. Уэбстера, не есть самостоятельный феномен, задающий параметры дальнейшего развития мира. Информатизация в его понимании лишь сопутствующий процесс закономерного развития капиталистических отношений в экономике, вышедших на глобальный уровень.

М. Кастельс [9; 10; 11] вводит понятие информационного капитализма как особо безжалостной формы эксплуатации, вышедшей на уровень глобального присутствия и обладающей повышенной адаптацией к окружающему миру [9, с. 113–120]. Особенностью современности стало развитие сетевого принципа взаимосвязи акторов социальных, политических, экономических и иных процессов. Глобализация усиливает интеграцию между наиболее развитыми участниками сетевого процесса, но усиливает дезинтеграцию и маргинализирует отстающих акторов. Информационный капитализм разделяет акторов глобального процесса на неравноправные категории работников в зависимости от степени доступа к качественным информационным ресурсам. В привилегированном положении находятся работники, чья квалификация и таланты позволяют производить уникальный востребованный на рынке информационный продукт. В основание социально-экономической пирамиды опускаются «избыточные производители», по терминологии М. Кастельса, способные лишь на стандартизированный труд, спрос на который будет неуклонно снижаться по мере автоматизации производственного процесса.

М. Кастельс предположил, что Интернет перехватит ключевую роль политического информационного канала у телевидения, положит конец информационным системам, централизованно производящим информацию и транслирующим ее на большие гомогенные аудитории [9, с. 94–99].

Г. Шиллер, американский политолог и социолог марксистских убеждений, автор работы: «Массовые коммуникации и американская империя», стал известен в отечественной науке благодаря вышедшей на русском языке в 1980 г. книге «Манипуляторы сознанием». В отличие от других теоретиков коммуникаций в информационном обществе, Г. Шиллер сосредоточился на вопросах экономической бедности и социальной несправедливости, нарастающих в информационную эпоху, представлял политико-экономический методологический подход, особенностями которого были:

– стремление выявить в любом массмедийном тексте его скрытый за поверхностным сообщением смысл;

– системный анализ, основанный на выявлении позиции и роли конкретного массмедийного актора в общей социально-экономической системе страны и мира;

– марксистская периодизация исторического процесса с выявлением ключевых особенностей, присущих капиталистической системе на каждом этапе развития, исследование политических коммуникаций в спектре таких феноменов, как власть, контроль и выгода.

С точки зрения Г. Шиллера, информация превратилась в товар, на доступ к которому влияет классовое неравенство. Западное общество, в котором ключевую роль начинают играть информация и коммуникации, он называл корпоративным капитализмом. Г. Шиллер отмечает: «Заправила средствами массовой информации Америки создают, обрабатывают, ловко оперируют и полностью контролируют распространение информации, которая определяет наши представления, установки, а в конечном счете и наше поведение» [34, с. 17]. Качественная профессиональная информация, способная сыграть важную роль в развитии бизнеса или в государственном управлении, как правило, находится в экспертных базах данных, доступ к которым коммерциализирован. К качественной информации имеют доступ только богатые люди. Для бедняка остается «информационный мусор», который не столько призван сориентировать человека в окружающей его действительности, чем обеспечить виртуальное бегство от нее. Информация в открытых массовых коммуникационных каналах обширна, но однообразна. Обыватель может быть подключен к сотне телевизионных каналов, но все они дают практически одинаковый набор бесполезных для личностного развития информационных стимулов: спортивные состязания, боевики, комедии, «мягкая порнография», рок-музыка, «мыльные оперы».

По теории Г. Шиллера, информационная революция имеет классовое происхождение, призвана укрепить позиции господствующих слоев и ослабить сопротивление социальных аутсайдеров. Достигается это путем увеличения «пропасти между знаниями» представителя элитных слоев и рядового гражданина. Качественное образование и постоянное

его обновление через доступ к экспертным базам знаний могут себе позволить богатые, удел бедных – некачественное образование в юности и доступ только к «информационному мусору», который развлекает своего потребителя, отвлекает его от профессионального совершенствования, содержит массу сплетен и недостоверной квазинаучной информации и мало ценных знаний. Если ценные знания в открытом доступе все же есть, то они не систематизированы, перемешаны с «информационным мусором», а потому их использование затруднено.

Ю. Хабермас представляет теоретико-методологические традиции Франкфуртской философской школы, автор концепции публичной сферы в политике и государственном управлении [29]. Публичная сфера – пространство формирования общественного мнения, независимое от государства и экономических корпораций. Свободная циркуляция информации в обществе – основа публичной сферы. Идеальная публичная сфера представляется как работа честных парламентариев, открыто обсуждающих проблемы и решения, работа добросовестных государственных служащих, воплощающих эти решения в жизнь, все политические процессы проходят открыто, общество в полной мере и точно информировано о них.

Феномен публичной сферы впервые складывается в Великобритании в XVIII в. в результате выхода предпринимателей из-под идеологической опеки церкви и монархии. В противовес феодальным идеологам представители развивающегося капитализма поддерживали деятелей творческого труда: литераторов, ученых, художников. Постепенно появляются профессиональные СМИ. Итогом данного процесса стало формирование к середине XIX в. «классической» публичной сферы открытого типа, допускающей дискуссии, критику действий власти, гласность и относительную независимость действующих в публичной сфере информационных акторов от экономических центров и государства.

В XX в. публичная сфера приходит в упадок: пресса превращается в пропагандиста и агента рекламы, литература утрачивает классические черты и ориентируется на развлечение читателей, власть начинает управлять

людьми с помощью манипуляции информационными потоками. Однако публичная сфера получает поддержку с неожиданной стороны – от государства, которое заинтересовано в противовесе частным корпорациям. Благодаря заинтересованности со стороны институтов государственного управления удается сохранить важные опорные элементы публичной сферы – бесплатные библиотеки, систему высшего образования, статистические службы, музеи, галереи, все те источники, из которых получает информацию об окружающем мире простой человек.

Британский социолог Э. Гидденс предложил теорию, согласно которой развитие капитализма порождает необходимость тотальной слежки за гражданами как со стороны государственных служб, так и коммерческих корпораций. Сначала фиксируются и статистически обобщаются коммерческие предпочтения (траты, характер покупок), затем, со вступлением развития социума в информационно-компьютерную стадию [6], слежка приобретает всеобъемлющий и автоматизированный характер. Человеческая жизнь в традиционной общине (село) веками протекала с большой долей участия соседей, однако переселение в город дало обманчивое ощущение приватности. В городе соседские связи слабы и интерес частных индивидов друг к другу понижен, однако в ходе своей деятельности человек оставляет много информационных «следов» (созданные на рабочем месте электронные материалы, политические и социальные высказывания, лечение, покупки, отдых), которые фиксируются государственными службами и частными корпорациями. Информация о человеке постепенно накапливается в различных базах данных, а компьютерные сетевые технологии позволяют объединять информацию из разных баз в одну, формируя практически идентичную электронную копию жизни человека. Э. Гидденс предупреждал о сохранении тоталитарных тенденций в современных развитых государствах именно по причине тотальной «прозрачности» человеческой жизни.

В российской политологии политическая коммуникативистика как предметное направление научного поиска интенсифицировала свое развитие с 1990-х гг. (в предшествую-

ший советский период в основном преобладали работы, посвященные теоретическим и практическим аспектам политической пропаганды и контрпропаганды). Одними из первых в демократической России информационными аспектами политической коммуникативистики применительно к государственному управлению заинтересовались советские и российские ученые в области журналистики, рекламы и психологии. Термин «коммуникативистика» был введен в российскую науку научным сотрудником факультета журналистики МГУ Л.М. Земляновой. Среди современных ведущих российских ученых, внесших весомый вклад в развитие отечественной теории политических коммуникаций, можно отметить А.И. Соловьева, К.Г. Холодковского, Л.Н. Тимофееву, А.Н. Чумикова, А.В. Шевченко, О.В. Афанасьеву, М.Н. Грачева и других.

Л.Н. Тимофеева [25; 26; 27] указывала на следующие предметные направления политической коммуникативистики:

- политическая коммуникация как феномен, ее роль в формировании политического ландшафта социума;

- изучение правовых и этических ограничений в воздействии политических коммуникаций на общественное сознание [27].

А.Н. Чумиков отмечал, что главной целью политического коммуникатора является управление восприятием коммуниканта [30]. Коммуникатор в процессе управления коммуникантом решает одну из трех задач (иногда их комбинацию):

- создать несуществующее ранее мнение;
- усилить имеющееся мнение;
- изменить имеющееся мнение.

Коммуникативистика терминологически раскрывается А.Н. Чумиковым как управление восприятием целевых групп с помощью сознательного производства посланий и размещения их в специально организованных коммуникационных каналах. Ученый обращает внимание на четыре новых фактора коммуникаций, обозначившихся в XXI в.:

1. Виртуализация информационного пространства, порожденная эффектом перенасыщенности политического рынка – большое число политических партий, лидеров, общественных групп. Потребитель не может изучить их все с позиций рационализма и реаль-

ности, на первый план выходит иррациональное восприятие наиболее ярких образов, курсирующих в информационном пространстве.

2. Изменения в коммуникативных стратегиях. Традиционная стратегия предполагала информационный обмен между властью и избирателем, осуществляемый через привычные, проверенные временем СМИ (газеты, телевидение). Сейчас избиратель все меньше согласен участвовать в этой схеме на правах зависимого коммуниканта. На смену приходит новая схема, когда избиратели напрямую обсуждают между собой предлагаемый правительством политический продукт без участия и вне контроля самого правительства.

3. Систематизация информационной среды. Локальные и специализированные базы данных постепенно заменяются глобальными и универсальными.

4. Целевая группа как социологическое понятие применительно к медийной среде постепенно утрачивает значение. Это обусловлено появлением значительного (теоретически неограниченного) количества информационных каналов, из которых каждый индивид выбирает нужное ему сам. Ранее количество телеканалов, доступных газет и радиостанций было количественно ограничено, что позволяло источнику информации выявлять свою целевую группу и адаптироваться к ее запросам.

А.В. Шевченко так же отмечает упоминаемый ранее феномен политического поведения человека в условиях информационного общества – «человек коммуникативный» стремится вывести вопросы политического дискурса и принятия решений из системы государственно-политических отношений в систему социально-политических, достигая решения в ходе взаимодействия с другими индивидами, а не с органами власти. А.В. Шевченко считает право на информацию и коммуникацию естественным свойством человека, обусловленное его биопсихосоциальной сущностью [31].

А.И. Соловьев [23; 24] указывает, что теория коммуникации начала формироваться в 20-е гг. XX в. под влиянием потребностей пропаганды. К базовым критериям идентификации политических коммуникаций А.И. Соловьев относит публичный характер и символическую природу информационных обменов,

поскольку именно символы служат основой для идентификации политических объектов в сознании человека [23]. Процесс коммуникации теряет эффективность, если акторы используют несопадающие принципы символизации информации. Возникает эффект «разговора на разных языках», в результате которого власть и общество перестают понимать друг друга.

Данный автор отрицает теорию профессора В.П. Пугачева о вероятности возникновения информационно-финансового тоталитаризма как глобальной политической системы будущего [16; 17]. По мнению А.И. Соловьева, информационная революция и развитие Интернета как раз подрывают тоталитарные тенденции, приводят к формированию сетевых политических структур, не поддающихся контролю со стороны государства. Вслед за британским профессором Б. МакНейром он рассматривает феномен медиакратии – концентрации информационных ресурсов в руках властных кругов, которые через разрушение барьеров между публичной и частной сферами жизни общества и другими механизмами управления массовым сознанием берут под контроль политическое поведение граждан.

Российский социум представляется как особо уязвимый для медиакратического воздействия ввиду слабости исторического опыта позитивного взаимодействия между властью и обществом. Не случайно российская элита на рубеже XX и XXI вв. сосредоточила усилия на взятии под контроль центральных СМИ. При этом альтернативные и независимые системы коммуникаций, как, например, социальные сети в Интернете, система авторских блогов, подвергаются жесткому государственному давлению под предлогом борьбы с экстремизмом и аморальными субкультурами.

А.И. Соловьев вводит термин «медиапринудительное голосование» [24], указывая, что разнообразие современных коммуникаций продуцирует новые образы власти, вырабатывает новые ценностные иерархии, нормы, институты и цели. Коммуникации стимулируют привлечение культурного капитала в политику, ориентируясь на «человека развлекающегося». Виртуализация политического пространства приносит в политическое информацион-

ное поле смешение вымышленных и реальных событий. Из шоу-бизнеса заимствуются стили взаимодействия профессионального политика и рядовых граждан, содержательность приносится в жертву зрелищности, занимательности. В итоге доминирует культура политического развлечения, формирующая очень поверхностный и обманчивый образ реального политического процесса.

Постмодерн превращает формирование общественно значимых мнений в удел профессионалов, в спланированное и оплачиваемое ремесло. Так же развитие современных коммуникаций породило новый стиль жизни – всех со всеми и одновременно порознь. Не выходя из дома, индивид может дистанционно осуществлять значительное число контактов как с гражданами, так и с органами власти.

Социальные сети, трансформирующиеся под воздействием интернет-технологий, порождая новые эффекты и закономерности политических коммуникаций, находятся в центре научного внимания И.В. Мирошниченко и Е.В. Морозовой, которые отмечают: «В политической сфере сетевая коммуникация становится системообразующим источником репродуцирования всех социальных институтов, определяя формат социальных и политических отношений» [13, с. 88], а также выявляют изменения процесса публичного управления, который становится многослойным, многосторонним, а политические инструменты влияния и контроля все более распределяются между множественными индивидуальными и коллективными акторами. За государством сохраняется роль модератора и инициатора проектной и экспертной деятельности сетевых сообществ, используя технологии краудсорсинга.

Н.К. Радина [18; 19; 20; 21] обращает внимание на необходимость исследования новых форм политического участия, порождаемых цифровой эпохой. Автор выделяет такой управленческий ресурс, как мобилизация онлайн-комментаторов при формировании общественного мнения на ту или иную значимую политическую тематику. Среди новых проблем, порожденных онлайн-коммуникациями, Н.К. Радина отмечает распространение формата антисоциального поведения в виде троллинга (сетевое словесное хулиганство), гриффинга (онлайн-вандализм), флейма (словесная

война с переходом на личности, когда сама первопричина спора становится не важной и забывается полемизирующими сторонами в ходе противоборства) [18; 19, с. 118]. Изучив характер мотивации в «цифровой ритуальной коммуникации в форме онлайн-комментирования политического контента» [19, с. 126], возможно более детально и целеориентированно проектировать коммуникативные инструменты и стратегии (включая инструменты защиты в конфликтной политической коммуникации).

Результаты. В XX в. доминирующий вектор развития человечества сместился в сферу цифровых технологий, революционно интенсифицировавших информационные потоки и разнообразивших источники их генерации, что неизбежно отразилось на характере политических процессов и сформировало запрос на изучение информации как политического феномена. В несколько этапов происходит становление нового направления научного поиска – политической коммуникативистики как междисциплинарного предметного поля (см. рисунок):

- 1-й этап (1940-е гг.) – общая теория информации;
- 2-й этап (1950-е гг.) – кибернетическая теория информации;
- 3-й этап (1960–1980-е гг.) – развитие зарубежных школ политической коммуникативистики: школа медиаэффектов (Колумбийский университет США), школа «неинформированного избирателя» (Мичиганский универ-

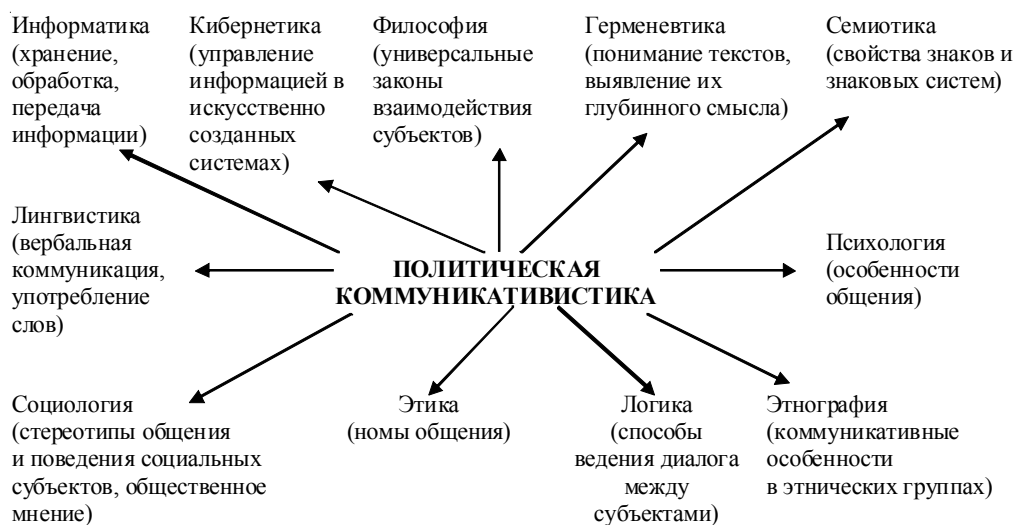
ситет США), школа «убеждающей коммуникации» (Йельский университет, школа реконструкции политического сознания (У. Гемсон) и другие;

– 4-й этап (конец 1980-х – 1990-е гг.) – институционализация политической коммуникативистики в рамках политической науки в России;

– 5-й этап (конец 1990-х – настоящее время) – «секьюритизация» предметного поля политической коммуникативистики как в России, так и за рубежом, выдвигание в фокус внимания вопросов информационных войн, технологий «мягкой силы», пропаганды в условиях массового развития информационно-коммуникационных систем и основанных на них новых формах интерактивного взаимодействия массовых аудиторий (технологии Web2.0).

Обзор изученных научных публикаций позволяет сформулировать следующие выводы относительно эволюции понимания роли информации в системе государственного управления:

- увеличение информационных потоков и усиление их влияния на политический процесс с середины XX в. начало формировать запрос на разработку как теорий общего (объяснительного) рода, так и на практические рекомендации по использованию информационных технологий в государственном управлении, что с 90-х гг. стало одной из актуальных задач российской политологии, в рамках которой успешно сформировалось новое направление научного поиска – политичес-

Взаимосвязь политической коммуникативистики с сопредельными областями научного знания

кая коммуникативистика. Опираясь на классические зарубежные концепции и методологию (общая теория информации – К. Шеннон, кибернетический подход – Н. Винер, К. Дойч), российская коммуникативистика в начале XXI в. предложила несколько теорий, объясняющих ключевую роль информации в современных политических процессах и технологиях государственного управления;

– не ставя под сомнение прогнозы о поступательно растущем значении информации и усилении внимания государств к информационному фактору внешней и внутренней политики, современные концепции не демонстрируют единого понимания образа «информационного будущего», которое возникнет под воздействием «цифровой революции». Разброс подходов широк, от либертарианского предположения постепенного ослабления функций государства и перехода к прямой демократии, при которой граждане напрямую контактируют между собой с помощью технологий информационно-коммуникационной системы Интернет и не нуждаются в посредничестве профессиональных государственных управленцев, до возрождения тоталитарных форм государственного управления на основе контроля над информационными потоками;

– выдвинута гипотеза о грядущей медиакратии как новой форме реализации политической власти, обусловленной растущим значением информации в управленческих процессах, что может способствовать как становлению меритократии («власти лучших» – выделяющихся высокими морально-нравственными качествами и профессиональной компетенцией государственных служащих и политических лидеров), так и росту влияния популистских политических сил, пробуждающих низменные чувства и агрессивные инстинкты социальных групп и отдельных индивидов;

– прогнозируется, что тренд на стремление со стороны государственных институтов к жесткому (запретительно-репрессивному) стилю управления информационными потоками будет усиливаться, однако насколько успешными будут данные действия, покажет практика ближайшего десятилетия.

Завершив концептуальное становление, российская политическая коммуникативисти-

ка вышла на уровень успешного решения прикладных задач, связанных с оценкой роли информации в политических процессах и особенностей технологических манипуляций с ней применительно к конкретным ситуациям [3; 14; 22].

В качестве доминирующей сейчас тенденции явно прослеживается стремление ученых коррелировать с трендами государственной политики, смещая тематику исследований на политические аспекты информационной безопасности и политическую роль социальных сетей, активность оппозиционных общественных объединений в Интернете. Сходной тематике посвящена и значительная часть заявок на соискание грантовой поддержки, поступающая в российские научные фонды в сфере данной предметной области политологии в последние годы. Данная тенденция неоднозначна – соответствует характеру современных вызовов и угроз в информационной сфере, но в перспективе может негативно сказаться на объеме и качестве фундаментальных теоретических разработок, снижении интереса к ним.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Под государственным управлением понимается «деятельность органов государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности» (Федеральный закон от 28.06.2014 М 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О стратегическом планировании в Российской Федерации»), под информацией понимаются «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» (Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 03.04.2020) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдонин, В. С. О чем говорят рейтинги? Журналы по политической науке в системе РИНЦ / В. С. Авдонин, Е. Ю. Мелешкина // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 4. – С. 69–88.
2. Авдонин, В. С. Политическая наука в журналах: анализ инструментов и показателей в информационных системах / В. С. Авдонин, Е. Ю. Мелешкина // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 87–111.

3. Ахременко, А. С. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных / А. С. Ахременко, Д. К. Стукал, А. П. Петров // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 2. – С. 73–91.
4. Винер, Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / Н. Винер. – М. : Наука. Гл. ред. изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с.
5. Винер, Н. Творец и будущее / Н. Винер. – М. : АСТ, 2013. – 732 с.
6. Гидденс, Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М. : Весь мир, 2004. – 241 с.
7. Истон, Д. Категории системного анализа политики / Д. Истон // Политология / сост. : М. А. Вассилик, М. С. Вершинин. – М. : Гардарики, 2000. – С. 319–331.
8. Кастельс, М. Власть коммуникации : учеб. пособие / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2016. – 564 с.
9. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004. – 328 с.
10. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
11. Кастельс, М. Информационное общество и государство благосостояния: финская модель / М. Кастельс, М. Химанен. – М. : Логос, 2002. – 219 с.
12. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер. – Харьков : Гуманитарный центр, 2009. – 356 с.
13. Мирошниченко, И. В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля / И. В. Мирошниченко, Е. В. Морозова // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 82–102.
14. Нейсбит, Дж. Мегатренды / Дж. Нейсбит. – М. : АСТ, 2003. – 308 с.
15. Политическая коммуникативистика : монография / под ред. Л. Н. Тимофеевой. – М. : РАПН, 2012. – 427 с.
16. Пугачев, В. П. Информационно-финансовый тоталитаризм: российский эксперимент по американскому сценарию / В. П. Пугачев // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. – 1999. – № 4. – С. 3–32.
17. Пугачев, В. П. Информационный тоталитаризм как перспектива либеральной демократии в XXI веке / В. П. Пугачев // На рубеже веков. – 1997. – № 4. – С. 45–51.
18. Радина, Н. К. Власть в информационном поле природных и техногенных катастроф (по материалам документальных фильмов) / Н. К. Радина // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 1. – С. 112–124.
19. Радина, Н. К. Цифровая политическая мобилизация онлайн-комментаторов материалов СМИ о политике и международных отношениях / Н. К. Радина // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 2. – С. 115–129.
20. Радина, Н. К. Управление массмедийным дискурсом как функция коммуникативного кода власти / Н. К. Радина // Политическая наука. – 2017. – № 2. – С. 138–156.
21. Радина, Н. К. Цифровое политическое участие: эффективность электронных петиций негосударственных онлайн-платформ (на материале Change.org) / Н. К. Радина, Д. А. Крупная // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 6. – С. 113–127.
22. Соловей, В. Д. Цифровая мифология и избирательная кампания Дональда Трампа / В. Д. Соловей // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 5. – С. 122–132.
23. Соловьев, А. И. Коммуникация и культура: противоречия поля политики / А. И. Соловьев // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 6. – С. 6–17.
24. Соловьев, А. И. Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи / А. И. Соловьев // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 2. – С. 124–132.
25. Тимофеева, Л. Н. Политическая коммуникативистика как мультидисциплинарное поле исследований / Л. Н. Тимофеева // Политика развития, государство и мировой порядок : материалы VIII Всерос. конгресса политологов / под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. – М. : Аспект Пресс, 2018. – С. 529–530.
26. Тимофеева, Л. Н. Политическая коммуникативистика: мировая и российская проекции / Л. Н. Тимофеева // Политическая наука. – 2016. – № 2. – С. 74–100.
27. Тимофеева, Л. Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления / Л. Н. Тимофеева // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 5. – С. 41–54.
28. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
29. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2000. – 380 с.
30. Чумиков, А. Н. Политическая коммуникативистика: актуальные задачи и технологии прикладного применения / А. Н. Чумиков // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 5. – С. 55–67.
31. Шевченко, А. В. Устойчивость политической системы: «человек коммуникативный» против «человека политического» / А. В. Шевченко // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 5. – С. 68–83.

32. Шеннон, К. Работы по теории информации и кибернетике / К. Шеннон. – М. : Изд-во иностр. лит., 1963. – 830 с.

33. Шеннон, К. Современные достижения теории связи / К. Шеннон // Информационное общество. – М. : АСТ, 2004. – С. 23–40.

34. Шиллер, Г. Манипуляторы сознанием / Г. Шиллер. – М. : Мысль, 1980. – 326 с.

35. Deutsch, K. W. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control / K. W. Deutsch. – London : Free Press of Glencoe, 1967. – 316 p.

36. Li Sum-hung, E. Systemic Functional Political Discourse Analysis. A Text-based Study / Eden Sum-hung Li, Percy Liuen-tin Lui, Andy Ka-chun Fung. – London ; New York : Routledge 2020. – 269 p.

37. Shannon, C. E. Communication Theory of Secrecy Systems / C. E. Shannon. – Electronic text data. – Mode of access: <https://archive.org/details/bstj28-4-656/mode/2up> (date of access: 06.08.2020). – Title from screen.

38. Shannon, C. E. A Mathematical Theory of Communication / C. E. Shannon. – Electronic text data. – Mode of access: <https://archive.org/details/bstj27-3-379> (date of access: 06.08.2020). – Title from screen.

REFERENCES

1. Avdonin V.S., Meleshkina E.J. O chem govornjat rejtingi? Zhurnaly po politicheskoy nauke v sisteme RINC [What Do Ratings Say? Political Science Journals in the RSCI System]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], 2019, no. 4, pp. 69-88.

2. Avdonin V.S., Meleshkina E.J. Politicheskaja nauka v zhurnalax: analiz instrumentov i pokazatelej v informacionnyh sistemah [Political Science in Journals: Analysis of Tools and Indicators in Information Systems]. *Politicheskaja nauka* [Political Science], 2020, no. 1, pp. 87-111.

3. Ahremenko A.S., Stukal D.K., Petrov A.P. Set ili tekst? Faktory rasprostraneniya protesta v socialnyh media: teorija i analiz dannyh [Network vs Message? In Protest Diffusion on Social Media: Theoretical and Data Analytics Perspectives]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], 2020, no. 2, pp. 73-91.

4. Viner N. *Kibernetika, ili Upravlenie i svjaz v zhitovnom i mashine* [Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 344 p.

5. Viner N. *Tvorec i budushhee* [Creator and the Future]. Moscow, AST Publ., 2013. 732 p.

6. Giddens J. *Uskolzajushhij mir. Kak globalizacija menjaet nashu zhizn* [Runaway World:

How Globalization is Reshaping Our Lives]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2004. 241 p.

7. Iston D. Kategorii sistemnogo analiza politiki [Categories for the Systems Analysis of Politics]. *Politologija* [Political Science]. Moscow, Gardariki Publ., 2000, pp. 319-331.

8. Kastels M. *Vlast kommunikacii: ucheb. posobie* [Communication Power: Study Guide]. Moscow, GUVShE, 2016. 564 p.

9. Kastels M. *Galaktika Internet: Razmyshlenija ob Internete, biznese i obshhestve* [The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society]. Yekaterinburg, U-faktorija Publ., 2004. 328 p.

10. Kastels M. *Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kultura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow, GUVShE, 2000. 608 p.

11. Kastels M., Himanen M. *Informacionnoe obshhestvo i gosudarstvo blagosostojanija: finskaja model* [The Information Society and the Welfare State: The Finnish Model]. Moscow, Logos Publ., 2002. 219 p.

12. Ticher S., Meyer M., Vodak R., Vetter E. *Metody analiza teksta i diskursa* [Methods of Text and Discourse Analysis]. Kharkov, Gumanitarnyy tsentr, 2009. 356 p.

13. Miroshnichenko I.V., Morozova E.V. Setevaja publichnaja politika: kontury predmetnogo polja [Network Public Policy: Outlines of Subject Field]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], 2017, no. 2, pp. 82-102.

14. Nejsbit Dzh. *Megatrendy* [Megatrends]. Moscow, AST Publ., 2003. 308 p.

15. Timofeeva L.N., ed. *Politicheskaja kommunikativistika: monografija* [Political Communication. Monograph]. Moscow, RAPN, 2012. 427 p.

16. Pugachev V.P. Informacionno-finansovyy totalitarizm: rossijskij jeksperiment po amerikanskomu scenariju [Information and Financial Totalitarianism: A Russian Experiment Following the American Scenario]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12, Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Ser. 12. Political Sciences], 1999, no. 4, pp. 3-32.

17. Pugachev V.P. Informacionnyj totalitarizm kak perspektiva liberalnoj demokratii v XXI veke [Informational Totalitarianism as a Perspective of Liberal Democracy in the 21st Century]. *Na rubezhe vekov* [At the Turn of the Century], 1997, no. 4, pp. 45-51.

18. Radina N.K. Vlast v informacionnom pole prirodnyh i tehnogennyh katastrof (po materialam dokumentalnyh filmov) [Power in the Information Field of Natural and Man-Made Disasters (Based on Materials from Documentaries)]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], 2013, no. 1, pp. 112-124.

19. Radina N.K. Cifrovaja politicheskaja mobilizacija onlajn-kommentatorov materialov SMI o politike i mezhdunarodnyh otnoshenijah [Digital Political Mobilization of Online Commenters on Publications About Politics and International Relations]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2018, no. 2, pp. 115-129.

20. Radina N.K. Upravlenie massmedijnym diskursom kak funkciya kommunikativnogo koda vlasti [Management of Massmedia Discourse as a Function of the Communicative Code of Power]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2017, no. 2, pp. 138-156.

21. Radina N.K., Krupnaja D.A. Cifrovoe politicheskoe uchastie: jeffektivnost jelektronnyh peticij negosudarstvennyh onlajn-platfom (na materiale Change.org) [Digital Political Participation: The Effectiveness of Electronic Petitions by Non-Governmental Online Platforms (Based on Change.org)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2019, no. 6, pp. 113-127.

22. Solovej V.D. Cifrovaja mifologija i izbiratel'naja kampanija Donalda Trampa [Digital Mythology and Donald Trumps Election Campaign]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2017, no. 5, pp. 122-132.

23. Solovev A.I. Kommunikacija i kultura: protivorechija polja politiki [Communication and Culture: Contradictions in the Field of Politics]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2002, no. 6, pp. 6-17.

24. Solovev A.I. Politicheskij diskurs mediakratij: problemy informatsionnoj epokhi [Political Discourse of Mediocracies: Problems of the Information Epoch]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2004, no. 2, pp. 124-132.

25. Timofeeva L.N. Politicheskaya kommunikativistika kak multidistsiplinarnoe pole issledovaniya [Political Communication Studies as a Multidisciplinary Field of Research]. *Politika razvitiya, gosudarstvo i mirovoy poryadok: materialy VIII Vseros. kongressa politologov* [Development Policy, State and World Order. Materials of the 8th All-Russian Congress of Political Scientists]. Moscow, Aspect Press Publ., 2018, pp. 529-530.

26. Timofeeva L.N. Politicheskaya kommunikativistika: mirovaya i rossiyskaya proektsii [Political Communication Studies: World and Russian

Perspectives]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2016, no. 2, pp. 74-100.

27. Timofeeva L.N. Politicheskaya kommunikativistika: problemy stanovleniya [Political Communication Studies: Problems of Formation]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2009, no. 5, pp. 41-54.

28. Uebster F. *Teorii informatsionnogo obshchestva* [Theories of the Information Society]. Moscow, Aspect Press Publ., 2004. 400 p.

29. Khabermas Yu. *Moralnoe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral Concioussness and Communicative Action]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2000. 380 p.

30. Chumikov A.N. Politicheskaya kommunikativistika: aktualnye zadachi i tekhnologii prikladnogo primeneniya [Political Communicativistics: Topical Tasks and Technologies of Application]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2009, no. 5, pp. 55-67.

31. Shevchenko A.V. Ustoychivost politicheskoy sistemy: «chelovek kommunikativnyy» protiv «cheloveka politicheskogo» [Stability of Political System: Homo Communicativus vs Homo Politicus]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2009, no. 5, pp. 68-83.

32. Shennon K. *Raboty po teorii informatsii i kibernetike* [Works on Information Theory and Cybernetics]. Moscow, Izd-vo Inostr. lit., 1963. 830 p.

33. Shennon K. Sovremennye dostizheniya teorii svyazi [Modern Achievements of Communication Theory]. *Informacionnoe obshhestvo* [Information Society]. Moscow, AST Publ., 2004, pp. 23-40.

34. Shiller G. *Manipulyatory soznaniem* [The Mind Managers]. Moscow, Mysl' Publ., 1980. 326 p.

35. Deutsch K.W. *The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control*. London, Free Press of Glencoe, 1967. 316 p.

36. Li Sum-hung Eden, Percy Liuen-tin Lui, Andy Ka-chun Fung. *Systemic Functional Political Discourse Analysis. A Text-based Study*. London; New York, Routledge, 2020. 269 p.

37. Shannon C.E. *Communication Theory of Secrecy Systems*. URL: <https://archive.org/details/bstj28-4-656/mode/2up> (accessed 6 August 2020).

38. Shannon C.E. *A Mathematical Theory of Communication*. URL: <https://archive.org/details/bstj27-3-379> (accessed 6 August 2020).

Information About the Author

Ива L. Morozov, Doctor of Sciences (Politics), Associate Professor, Professor, Department of Public Administration and Management, Volgograd Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, politkon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8241-5880>

Информация об авторе

Илья Леонидович Морозов, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и менеджмента, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, politkon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8241-5880>

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.7>

UDC 94(510)+94(470)“19/...”
LBC 63.3(0)53+63.3(2)53

Submitted: 22.08.2020

Accepted: 22.01.2021

THE DECLINE OF THE QING EMPIRE: FROM TRADITIONALISM TO CONSTITUTIONALISM (BASED ON MATERIALS FROM THE RUSSIAN PRESS)

Yuliya G. Blagoder

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The purpose of this study is to describe significant historical events that have transformed the foundations of Chinese statehood, and to emphasize the peculiarities of their reflection in the Russian periodicals. The article presents the characteristics of the Qing Empire's last decade of existence. This topic is relevant in the study of both world and national history, since the monarchical system in Russia during this period was also experiencing a profound crisis. *Methods and materials.* Based on the principle of historicism, the dialectical method of scientific knowledge was applied. The systematic and comparative methods made it possible to combine and compare various publications within one research project. Publications of Russian magazines and newspapers of various ideological orientations, aimed at mass and elite readers, are used as a historical source. Among them are magazines “Vestnik of Asia” and “News of the Ministry of Foreign Affairs” for a professionally trained reader, as well as literary and political (“Northern Notes”, “Russian Thought”, “Vestnik of Europe”) and historical and literary (“Vestnik of Foreign Literature”) publications of a moderately liberal orientation. Such popular science (with a literary and literary-political trend) magazines as “Russian wealth”, “The whole world”, “Vestnik Znaniya”, “The world” propagandized the achievements of European civilization, including the positive results of reforms held in China on the European model, among the broad strata of the Russian population. The largest amount of information about reforms in China and calls to carry out or, on the contrary, prevent such transformations in Russia, is contained in newspapers of various ideological orientations, such as “Russian Banner”, “St. Petersburg Vedomosti”, “Speech”, “Pravda” and “Neva Star”. *Analysis.* The articles containing information on the reasons and content of the reform activities of the Qing dynasty were analyzed. The role of Russian periodicals in the formation of ideas of various social groups about the political, socio-economic changes taking place in China is shown. Political and socio-economic problems that have analogies in the Russian Empire are emphasized. *Results.* The idealization of the Chinese culture of the past centuries is now a thing of the past. In the pages of newspapers and magazines, the image of China was quickly transformed. Despite the irregular and haphazard flow of information and the borrowing of subjective assessments of authors from foreign publications, representatives of various Russian ideological trends fought among themselves, using subjects from the life of modern China as examples. China's movement from traditionalism to constitutionalism was of the greatest interest to the Russian progressive public.

Key words: Qing Empire, reforms in China, Xinhai Revolution, Russian Empire, image of China, Russian periodicals.

Citation. Blagoder Yu.G. The Decline of the Qing Empire: From Traditionalism to Constitutionalism (Based on Materials from the Russian Press). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 72-83. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.7>

ЗАКАТ ИМПЕРИИ ЦИН: ОТ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА К КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМУ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОЙ ПЕЧАТИ)

Юлия Гариевна Благодер

Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Цель данного исследования – описать знаменательные исторические события, трансформировавшие основы китайской государственности, и подчеркнуть особенности их отражения в российской периодической печати. В статье представлена характеристика последнего десятилетия существования империи Цин. Монархическая система России в этот период также переживала глубокий кризис. С опорой на принцип историзма применялся диалектический метод научного познания. Системный и сравнительный методы позволили объединить и сопоставить в рамках одного исследовательского проекта различные печатные издания и разнообразные публикации. В качестве исторического источника используются публикации российских журналов и газет различной идеологической направленности, ориентированных на массового и элитарного читателя. Показана роль российской периодической печати в формировании представлений различных социальных групп о политических и социально-экономических изменениях, происходивших в Китае. Подчеркиваются политические и социально-экономические проблемы, имеющие аналогию в Российской империи. Идеализация китайской культуры минувших столетий ушла в прошлое. На страницах газет и журналов образ Китая быстро трансформировался. Несмотря на нерегулярное и бессистемное поступление информации, заимствование субъективных оценок авторов иностранных изданий, представители различных российских идеологических направлений вели между собой борьбу, используя в качестве примеров сюжеты из жизни современного Китая. Наибольший интерес российской прогрессивной общественности вызвало движение Китая от традиционализма к конституционализму.

Ключевые слова: империя Цин, реформы в Китае, Синьхайская революция, Российская империя, образ Китая, российская периодическая печать.

Цитирование. Благодер Ю. Г. Закат империи Цин: от традиционализма к конституционализму (по материалам российской печати) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 72–83. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.7>

Введение. Монархическая форма правления в Китае насчитывает не одно тысячелетие. Одна династия сменяла другую, но базовые подходы к организации управления оставались неизменными. В XX в. политическая система подверглась глубокой трансформации: традиционный уклад попал под мощный удар достижений европейского прогресса и принципов конституционализма.

Не одно поколение ученых пытается выявить причины крушения империй Цин, назвать факторы, вызвавшие социальный раскол и повлиявшие на поведение лидеров и их последователей, выбор ими цели и средств ее достижения. Это направление исторической науки достаточно успешно развивается и не теряет своей актуальности и сегодня.

Цель данного исследования иная: не столько описать знаменательные исторические события, потрясшие основы китайской государственности, сколько подчеркнуть особенности их отражения в российской периодической печати. Характеристика образа предреволюционного Китая начала XX в., созданного российской периодикой, существенно влиявшей на формирование общественных представлений об иностранных державах, имеет для науки не меньшее значение, чем систематизация сведений о последних годах существования цинской монархии. Выбор информации, форма ее преподнесения и оценка – это не просто «взгляд со стороны» российского любознательного публициста, желающего развлечь скучающего обывателя. Это попыт-

ка «говорить» с читателем о проблемах собственного государства, поиск тождественных явлений и общественных настроений как в империи Цин, так и в Российской империи, к примеру, связанных с ростом революционного движения и попытками правящей династии сохранить власть, зарождением многопартийности и парламентаризма.

Растущие (или падающие) тиражи давали подсказку издателям и редакторам об интеллектуальных запросах читателей, поэтому на страницах своих журналов и газет они намерено размещали сюжеты, которые, одновременно, выполняли просветительские функции (выступали проводниками бесценного опыта, накопленного сопредельной державой) и пропагандировали постулаты той идеологии, которая была им близка.

Несмотря на обилие научных работ по истории Китая, исследование образа угасающей империи Цин, сформированного различными российскими периодическими изданиями, характеристика созданной ими мозаики событий и политических портретов проводится впервые.

Методы, материалы. Начиная с конца XIX в. увеличивается число россиян (военных, ученых, дипломатов, предпринимателей и пр.), посещавших Китай. Число публикаций об этой стране выросло. Изменилось и их качество: они стали наполняться разнообразными сюжетами, как достоверными, полученными от очевидцев, так и маловероятными – домыслами публицистов, никогда не посещавших Среднюю империю. Российская пресса, особенно ориентированная на образованные круги общества, внимательно наблюдала за трансформацией политической и экономической систем государств Востока и была заинтересована в появлении очерков, разжигавших полемику. В первую очередь это касалось тем, которые были актуальны для России.

В качестве исторического источника в представленном исследовании выступают публикации российских газет и журналов начала XX века. Данная статья является частью комплексного исследования образа Китая в российской периодической печати, поэтому здесь представлены результаты анализа лишь отдельных периодических изданий различной идеологической направленности и

жанров, ориентированных как на элитарные круги, так и широкую общественность. Выделим несколько групп изданий:

1) журналы, имеющие узкую профессиональную аудиторию: «Вестник Азии» – издание Общества Русских ориенталистов (Харбин), распространявшийся на территории Российской империи в основном среди китаеведов; «Известия Министерства иностранных дел» – столичное издание для сотрудников дипломатического ведомства, представителей политической элиты и научного мира;

2) литературно-политические журналы: «Северные записки» – столичный ежемесячник демократической направленности; «Русская мысль» – ежемесячное московское издание, востребованное представителями интеллигенции, сторонниками умеренно реформаторских взглядов; «Вестник Европы» – петербургский ежемесячник умеренно либеральных взглядов, уделявший повышенное внимание политике и истории;

3) историко-литературные журналы: «Вестник иностранной литературы», публиковавший переводы зарубежной литературы, очерки о политических событиях, происходивших в мире, заметки о научных открытиях и технических изобретениях;

4) научно-популярные (с литературным и литературно-политическим уклоном) журналы: «Русское богатство» – рупор либерального народничества, освещавший текущие новости науки и проблемы международных отношений; «Весь мир» и «Вестник знания» – издания, пропагандирующие результаты научных достижений и подвергавшие критике европоцентристские принципы международной политики; «Мир» – издание радикально-демократической идеологической направленности для провинциальных обывателей;

5) газеты различной идеологической направленности:

а) популярные в просвещенных кругах умеренных реформаторов газеты «Санкт-Петербургские ведомости» и «Речь»;

б) радикально националистическая, православная, монархическая газета Союза русского народа «Русское знамя»;

в) печатные издания российской социал-демократической партии («большевиков») «Правда» и «Невская звезда».

Несмотря на различие идеологических позиций, данные издания стремились отвечать запросам времени и размещать на своих страницах передовую информацию, в том числе касающуюся перемен, происходящих в сопредельных державах.

Характеристика политических преобразований в Китае начала XX столетия требует исследования не только конкретных причин трансформации, но и особенностей развития различных сфер общественной жизни с учетом меняющейся ситуации. В связи с этим с опорой на принцип историзма применялся диалектический метод научного познания. Системный и сравнительный методы позволили, используя тематическую тождественность, объединить и сопоставить в рамках одного исследовательского проекта различные (по идеологической направленности, читательской аудитории и пр.) печатные издания и разнообразные (по тематике, жанрам, объему) публикации. Благодаря историко-типологическому анализу представлен обзор событий определенного исторического периода и указаны факторы, оказавшие влияние на выбор сотрудниками редакций той или иной информации.

Анализ. В начале XX в. Китай переживал сложные времена: усиливалась экспансия иностранных держав, стремительно углублялся экономический кризис, росло недовольство населения. Правящая династия стояла на распутье: сохранять сложившийся уклад или начать реформы. Судя по количеству публикаций в российских периодических изданиях и их информационной насыщенности, наибольший интерес редакционных коллегий, готовивших материалы в печать, вызывали сюжеты о составе, функционировании и трансформации политической системы империи Цин.

В указанный выше период российская модель управления также нуждалась в реорганизации, общество не было удовлетворено политикой царствующих Романовых, формировалась оппозиция. Образы государственных деятелей империи Цин вызывали интерес российской периодики не обособленно, а в контексте проблемы, связанной с конфронтацией защитников традиционной системы управления и сторонников западного конституционализма, что для России того времени было актуально. Впрочем, не стоит забывать о заин-

тересованности представителей военной элиты и торгово-промышленных кругов Российской империи в расширении и укреплении влияния на Дальнем Востоке (увеличение числа концессий, строительство КВЖД и пр.).

Среди публикаций наиболее ярко выделяются те, которые повествуют о противостоянии всемогущей Цы Си и императора Цзай Тяня (Гуансюй). Несмотря на восхищение несокрушимым характером правительницы, либерально настроенные российские издания называли ее «в высшей степени сухим и эгоистичным человеком» [33, с. 9], защитницей «хищнических подвигов чиновников и мандаринов» [20, с. 80]. Российские консерваторы были осторожны в оценках и приукрашивали факты ее биографии. Для того чтобы подчеркнуть политический талант Цы Си, намеренно императора Цзай Тяня изображали человеком слабым, легко поддающимся влиянию людей, «неврастеником... единственной целью жизни которого были наслаждения» [35, с. 22]. «Сто дней реформ» представляли не передовой стратегией дальновидного молодого монарха, а борьбой Кан Ювэя и Цы Си – людей выдающегося дарования и энергии. Российская периодика была избирательной: она говорила о проектах реформ, открывающих достижения европейского прогресса путь в Китай, но подробно их содержание не раскрывала; отмечала рост недовольства нововведениями Гуансюй в среде аристократии и сановников, но примеров, подтверждающих обострение отношений между консервативным большинством чиновников и прогрессивной интеллигенцией, не приводила. Это можно объяснить тем, что «лихорадочная реформаторская деятельность увлекающегося Богдыхана продолжалась недолго» [27, с. 1]. Цы Си и ее сторонники предприняли решительные действия, чтобы сохранить существовавшую ни одно столетие систему власти. В империи Цин начался период реакции: страну захлестнули аресты оппозиционеров, казни редакторов, ликвидация газет, успевших почувствовать свободу, издание указов, запрещающих обсуждать решения правительства. Отсутствие поддержки со стороны политической элиты погубило проекты молодого императора [14]. Среди россиян были и сторонники, и противники политики Гуансюй. Сказывалось

влияние негативного образа, созданного перидикой, внушавшей читателю, что не стоило неопытному императору, «слабому физически и нравственно, бороться с женщиной замечательно умной и с феноменальной твердостью воли» [40, с. 42].

Политика иностранцев в Поднебесной была беспринципной и корыстной, поэтому страна не спешила «открывать двери»; подданных Сына Неба «по-прежнему восхищал человек не сильный и могущественный, а справедливый и добродетельный» [40, с. 42]. Китай еще не был готов к радикальным и быстрым переменам, но военная и экономическая экспансия иноземцев все-таки заставила сторонников правящей династии взглянуть на тысячелетний опыт своего государства и народа под иным углом. Компромиссной можно считать позицию реформатора и, одновременно, убежденного сторонника сохранения самобытных начал китайской государственности и культуры Чжан Чжидуна, обладавшего огромным авторитетом в обществе. Как писал «Вестник Азии», блестящая эрудиция сановника поражала окружающих, честность не вызывала сомнения, деяния (строительство новых производств, способных обеспечить армию всем необходимым, учебных заведений европейского образца и др.) были бескорыстными [1, с. 209].

Пойти на уступки самодержавный режим Николая II заставила революция 1905–1907 годов. Маньчжурскую аристократию вынудили признать необходимость глубоких преобразований восстание ихэтуаней, череда стихийных бунтов в провинциях в последующие годы и агрессия со стороны Великих держав. В 1903–1908 гг. правительство Цы Си все-таки приступает к реорганизации административного аппарата и ротации кадров [30], создает несколько новых министерств, преобразовывает систему местного управления, обсуждает вопрос о введении Конституции. Примечательно то, что российская прогрессивная общественность в этот же период ратовала за скорейшее проведение подобных реформ в своем Отечестве. Несмотря на то что «китайский опыт» мог быть, если не полезным, то, по крайней мере, интересным, российская периодика о позитивных инициативах (и некоторых успехах) в Китае писала очень мало.

Смерть вдовствующей императрицы (1908 г.) коренным образом изменила ситуацию. Покой в Запретном городе был нарушен: «свыше тысячи придворных чинов, опасаясь за свою жизнь, пытались бежать, захватив не только свои пожитки, но и все попадавшиеся под руку ценные предметы» [15]. Одни защитники идеалов династии скрывались в европейских миссиях, другие, потерявшие надежду на реставрацию прежних порядков, предпочли уехать в провинцию. «С императрицей умерли все попытки ее сподвижников вернуть страну на путь старого порядка, вернее – беспорядка» [33, с. 10]. Не случайно А. Спицын в своей статье, опубликованной в «Вестнике Азии», играет словами «порядок» и «беспорядок».

Обновленная политическая элита с большим энтузиазмом начинает трансформировать привычный уклад. На фоне внутри- и внешнеполитических противоречий во всех областях жизни общества «...идет кипучая работа. Китай не только пунктуально, но и сознательно стремится осуществить программу реформ» [33, с. 30]. Экономическое положение страны было сложным: рост налогов и цен, нехватка продовольствия, сокращение масштабов торговли. Платежи по иностранным займам, народные волнения, эпидемии стремительно усугубляли ситуацию.

План мероприятий правительства императора Пу И предусматривал сокращение расходов Запретного города, реформу знаменных войск и судебной системы, упорядочение налогов, строительство учебных заведений (планировалось к 1914 г. увеличить число грамотных в стране до 1 %). Была создана комиссия по составлению нового уголовного кодекса, изданы указы об отмене ссылок и казней. Четкое определение функций выборных органов власти (Парламента, Конституционного комитета, провинциальных совещательных комитетов) должно было многое изменить в системе управления и отношении общества к власти [16; 36]. Предполагалось предоставить возможность общественности оценивать деятельность чиновников, контролировать распределение средств, направляемых на улучшение условий жизни нуждающихся.

Было объявлено о намерении реформировать армию: обновить вооружение, улучшить условия жизни солдат, создать разведы-

вательные подразделения, расширить и укрепить гавани и форты, финансировать строительство судов иностранного образца, пригласить специалистов из Японии, США, Германии, Великобритании для обучения новобранцев [7; 17; 29]. Важным шагом было создание училищ, кадетских корпусов, в перспективе военной Академии, военно-медицинского училища. Реформа вооруженных сил дала толчок преобразованиям в других сферах, что могло существенно поднять уровень жизни населения и укрепить обороноспособность империи. Примером служит активное строительство промышленных предприятий, распространение телеграфного сообщения.

Анализ публикаций показал, что как российские, так и китайские элитарные круги не были солидарны в выборе направления развития своего государства: в двух империях защитники монархии и традиций отстаивали приоритет уже сложившихся принципов в политике, культуре, экономике; оппоненты демонстрировали готовность взаимодействовать с Западом и реформировать бюрократическую систему [23, с. 2]. В газете «Новое время» отмечалось, что разговоры о Конституции еще десять лет назад вызвали бы смех. Теперь Верховный Совет разрабатывает ее основы.

Насущный не только для китайцев, но и россиян вопрос об эффективности бюрократической системы интересовал многих ученых, политиков, публицистов. Преподаватели и студенты Восточного института Н.В. Кюнер, А.В. Рудаков, П.С. Тищенко, чрезвычайный посланник И.Я. Коростовец изучали биографии наиболее авторитетных государственных деятелей империи Цин, среди которых были незаурядные натуры, интеллигенты, отличающиеся высокой интеллектуальной культурой конфуцианской традиции и современными европейскими знаниями [4]. Как отмечали исследователи, многие чиновники обладали солидным опытом, продвигались по карьерной лестнице не за счет денег и родственных связей, а благодаря дисциплинированности и таланту. Как писал П.С. Тищенко, «...китайский народ встречает всякий раз глухим ропотом, иногда даже открытым восстанием, попытки заменить “корыстолюбивых” мандаринов “просвещенным” управлением европейской администрации» [34, с. 2].

Европейские газеты, а вслед за ними и некоторые российские, напротив, приводили примеры порочности системы управления, во главе которой стояли маньчжуры. Журнал «Вестник иностранной литературы» цитировал китайского мандарина Гу Хунмина, который отмечал, что завоевание страны «маньчжурскими дикими воинами сплотило лучшую часть китайского народа и спасло его культуру» [21, с. 16], но со временем, привыкнув к роскоши, аристократия перестала уважать народ и ответственно относиться к своим обязанностям. В пламенных речах Ли Юаньхуна антиправительственные лозунги переплетались с националистическими заявлениями об осквернении китайской культуры «маньчжурскими рабами» [22, с. 56]. Политик обличал власть, торгующую титулами и чинами, обирающую народ. В ответ правящая элита от имени малолетнего императора Пу И обращалась к подданным с наставлением «сохранить единодушие, соблюдать законы, хорошо трудиться, оказывать друг другу взаимную поддержку в деле нравственного самоисправления и распространять просвещение» [16, с. 60].

Члены Общества Русских ориенталистов считали китайцев народом «с выдающимися духовными дарованиями» [27, с. 10], но невежественным и неспособным откликнуться на призывы просвещенных китайских реформаторов. Мощная волна революционных настроений прокатилась с Юга на Север, «захватив не только разнообразные общественные слои, но и некоторую часть администрации» [33, с. 8]. Массовое недовольство и сопротивление фиксировалось и на окраинах империи (к примеру, Тибете). Как справедливо отмечала газета «Правда», широкие слои общества «еще недостаточно втянуты в революцию... Крестьянство, не имея руководителя в лице пролетариата, страшно забито, пассивно, темно, равнодушно к политике» [5]. Противники реформ среди императорской фамилии и военно-бюрократической элиты вели закулисные игры с целью замедлить процесс конституционализации и развития парламентаризма, реорганизации всей системы центрального управления. Тем не менее «с каждым днем страна делается все интереснее, приобретая европейскую, или вернее, международную физиономию» [27, с. 14].

Первая русская буржуазно-демократическая революция не смогла разрешить социально-экономические противоречия, поэтому «революционная тема» (на примере Китая) не теряла актуальности. Позиции различных политических сил и, соответственно, периодических изданий отличались. Так, занимавшая промонархические позиции газета «Русское знамя» усмотрела тождественность событий 1911 г. в Китае и 1905–1907 гг. в России. Анализируя «китайский опыт», лукавила, отмечая, что династию вынудили приступить к реформам не бедственное положение народа и угроза потери суверенитета, а «разнузданность населения и всяческое проявление своеволия, особенно в высших слоях» [37]. Издание черносотенцев события, происходящие как в России, так и Китае, именовало исключительно словом «смута». Газета «Речь», в отличие от иных изданий, пыталась разобраться в ситуации и дать объективную оценку состоянию политической системы и экономики Китая, рассказать о социальном противостоянии, трудностях, с которыми сталкивались реформаторы, желающие породить в стране «пламя, горение, массовый взрыв» [31].

Журнал «Известия Министерства иностранных дел» представлял не только факты, но и комментарии к ним. На его страницах российский военный специалист полковник К.И. Вогак предупреждал о тяжелых последствиях придворных интриг [10], а действительный статский советник И.Я. Коростовец, служивший в Китае, обращал внимание на рост могущества провинциальных губернаторов, создававших собственные армии, и пассивность центральной власти в борьбе с ними [37].

Имена Юань Шикая и Сунь Ятсена [3; 13; 24] напрямую связаны с борьбой сторонников конституционной монархии и республиканцев. Репутация Юань Шикая была неоднозначной: монархист или республиканец, одаренный патриот-реформатор или безжалостный диктатор. Политическая беспринципность этого государственного деятеля, обладающего «умением перебрасывать ружье с левого плеча на правое и обратно» [12], сурово оценивалась в России и конституционными демократами [2], и социал-демократами [5], и монархистами. Сунь Ятсен, как пишет жур-

нал «Весь мир», «вдохновившись идеалом мира, труда, правосудия» [24, с. 25], призывал к созданию революционной партии. Газета «Невская звезда» считала его «европейски образованным представителем боевой и победоносной китайской демократии, ...человеком, полным благородства и героизма» [8]. Симпатии российских социал-демократов были на стороне Китайской Национальной партии.

Переживая с древнейших времен междоусобицы, смены династий, восстания, китайцы сохраняли национальную самобытность, «расовую и культурную стойкость» [28, с. 1006]. Коренным образом изменила жизнь страны Синьхайская революция [9; 28; 32].

Судя по заметкам периодической печати, Россия, как и Европа, с недоверием встретила известие о свержении монархии в Китае. Вновь наблюдается всплеск заявлений о «желтой опасности», движении из Азии «громаднейшего дракона, который примет крылья аэропланов и потребует возмездие за все несправедливости, совершенные иноземцами» [11]. Необходимо отметить, что новости из Китая не подавались читателю в качестве сенсационных. Так, на 3–5 страницах можно было найти несколько предложений в разделах «Телеграммы» и «Внешние известия» (газета «Санкт-Петербургские ведомости»); «Телеграммы», «Революция в Китае» и «Из иностранных газет» (газета «Речь») и пр. В выпусках за первое полугодие 1911 г. газеты «Санкт-Петербургские ведомости» предреволюционные события остались без комментариев. Весьма лаконичные, но тревожные сообщения, перепечатанные из европейских газет, появились здесь лишь во втором полугодии 1911 года.

Десятки изданий повторяли истории о мощном кризисе, проявлявшемся во всех сферах жизни китайского общества. Собственно, процесс смены власти в Китае для российских читателей оставался загадкой. Эта позиция периодических изданий вполне объяснима, так как в Российской империи антимонархические призывы звучали в программах лишь немногочисленных партий-радикалов. Большая часть прогрессивной общественности Российской империи поддерживала либеральные идеи и реформаторскую деятельность,

способную эффективно трансформировать экономическую и политическую системы монархического государства. Российские консерваторы и умеренные либералы считали, что монархия в Китае не сможет защитить себя, и «свобода диких инстинктов борцов за республику будет угрожать... социальному порядку в Китайской империи» [18].

Китай жил «особой лихорадочной жизнью, из которой исключена всякая плановость» [26]. Цитируя «Times», газета «Речь» констатировала, что «симпатии большинства образованных китайцев в Пекине с революционерами» [6]. Российская периодика сообщала о вооруженных столкновениях революционных и правительственных войск в Чифу, Ханкоу, Шанхае, Нанкине, Харбине, поджогах административных зданий и усадеб мандаринов, убийствах маньчжур. Все декабрьские номера «Санкт-Петербургских ведомостей» с красноречивыми названиями «Беспорядки в Китае», «Волнения в Китае», «Бунт в Китае», «Смута в Китае» содержали мизерные заметки о захвате восставшими городов, переходе армии на сторону повстанцев и безуспешной попытке правительственных сил восстановить порядок.

Правящая элита жестоко расправлялась с восставшими. О казнях повстанцев писали часто и подробно. В одной из заметок в газете «Русское знамя», дающей жесткий идеологический отпор любому проявлению революционного инакомыслия, отмечалось участие французского палача в обучении китайцев использовать гильотину и демонстрации ее во время казни в Кантоне 93 лидеров революционного движения. Завершив повествование фразой: «Жаль, что наши крамольники не в Китае» [19], издание не упустило возможность подчеркнуть свою промонархическую позицию. Анализируя ситуацию в Китае, газета отмечает: «Заправила революции сделалась еще наглее» [38], но «правительство вместо грозного оклика революционерам просит пощады. Власть, боящаяся своего народа, не достойна своего назначения» [39]. Анализируя информацию, «Вестник Европы» полагал, что гибель монархии в Поднебесной и становление республиканского строя были мучительными. «Императорский двор уступил республиканской идее: теперь Китай пронизыва-

ли новые настроения, в которых бился лихорадочный пульс возрождения», – сообщали «Северные записки» [25, с. 174].

Китай вступил в семью конституционных государств. Корреспонденты из Шанхая распространяли информацию об итогах деятельности Мирной конференции, подготовке к созыву Национального собрания делегатов всех провинций, избрании Сунь Ятсена главой Временного республиканского правительства. Впрочем, некоторые российские публицисты считали, что еще нескоро придут в Китай мир и благополучие. Последующие события, связанные в первую очередь с усилением власти Юань Шикая, подтверждают правильность этих предположений.

Результаты. Анализ публикаций показал, что российская периодика начала XX в. достаточно информативна, чтобы ее можно было использовать в качестве исторического источника при создании образа империи Цин, переживавшей в указанный выше период глубокую трансформацию политической системы.

Публикации журналов и газет дают возможность понять, как оценивали текущие события, происходящие в стране и мире, представители различных российских идеологических направлений, социальных групп. В ходе работы была выявлена информация, интересовавшая периодику и ее читателей: во-первых, частные и глобальные вопросы всеобщей истории (причины угасания маньчжурской династии, политика иностранных держав в Китае); во-вторых, актуальные проблемы, волнующие общественность в России (политика императора Николая II, формирование оппозиции, рост революционных настроений).

В начале XX столетия интерес русской периодики к бурным политическим событиям, происходившим в Китае, не был устойчивым. Публикации, в большинстве изданий довольно редкие, о предреволюционных событиях в Китае не столько характеризовали образцы вынужденной, но активной реформаторской политики монархического режима, сколько ориентировали российского читателя на поиск причин негодования народа в деспотии чуждой китайцам маньчжурской аристократии.

Желая говорить о насущных проблемах своего Отечества, но не решаясь это делать открыто, российская интеллигенция превраща-

ет в арену идеологического противостояния периодические издания, содержащие информацию о Китае. Оппозиционные российскому правительству журналы и газеты выделяли экономические проблемы и социальные противоречия в Цинской и Российской империях, искали примеры их тождественности. Российские либеральные издания, внимательно следившие за всеми перипетиями китайской политики, успехи Поднебесной ставили в пример собственному, по их мнению, безынициативному правительству. Социал-демократические газеты считали, что монархическая форма государственного правления в Китае представляла олицетворением отсталости и неискоренимых социально-экономических проблем. Издания российских монархистов примеры жестокости солдат и революции, и контрреволюции использовали в качестве свидетельства непоправимой катастрофы, к которой неминуемо приведет ослабление власти императора. Надежда китайского народа на улучшение условий жизни большинством изданий связывалась не с революционными преобразованиями, а с реформаторской деятельностью цинской династии.

Политика западных держав по отношению к государствам Востока получала неоднозначную оценку российских авторов. Одни издания создавали образ агрессивного Запада и Японии, нещадно эксплуатирующих население и не уважающих местные традиции, и беспомощного Китая. Другие – представляли публике прогрессивные в научном и техническом развитии западные страны и невежественный Китай. Многие российские издания перепечатывали заметки из других источников, получавших сведения американских и европейских информационных агентств. Ориентируясь на обывателя, они не ставили перед собой задачу разобраться в сути проблем, поэтому, не задумываясь, пропагандировали ценности европейской цивилизации. Если во второй половине XIX в. авторы спорили о приоритете западной или восточной культуры, акцентируя внимание на особенностях и темпе духовного и технического развития, то в начале XX в. у приверженцев европейского уклада уже не было повода критиковать косность китайской цивилизации, так как налицо были позитивные перемены. Впрочем, «запад-

ники» не сдавали свои позиции и по-прежнему, теперь больше для малообразованной публики, создавали негативный психологический портрет подданных Сына Неба.

Периодика в начале XX в. являлась наиболее доступным источником информации о Китае среди широких слоев российского населения. Образ Китая быстро трансформировался. Идеализация китайской культуры, присущая публикациям XVIII–XIX вв., ушла в прошлое. Россияне теперь «видели» не сказочную страну мудрецов, таинственных иероглифов, изысканного этикета и утонченных декоративных изделий, а империю нищеты и бесправия населения, жестокости и алчности элиты, борьбы сторонников монархии и реформаторов. Российские периодические издания дали понять читателям, что остановить трансформацию политической системы в Китае уже невозможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бельченко, А. Воспоминания о Чжан Чжидуне / А. Бельченко // Вестник Азии. – 1910. – № 3. – С. 208–210.
2. Беседа с нашим посланником в Китае Коростовцом // Речь. – 1911. – № 334. – С. 5.
3. Беседа с Юань Шикаем // Санкт-Петербургские ведомости. – 1911. – № 254. – С. 3.
4. Благодер, Ю. Г. Образы китайских чиновников в российской публицистике XIX – начала XX века / Ю. Г. Благодер // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 7-2 (13). – С. 24–28.
5. Борьба партий в Китае // Правда. – 1913. – № 100. – С. 2.
6. В русско-азиатском банке // Речь. – 1911. – № 272. – С. 3.
7. В. Ш. Китайский флот по сообщениям китайской печати // Вестник Азии. – 1909. – № 1. – С. 245–249.
8. Вл. Ильин (Ленин В. И.). Демократия и народничество в Китае // Невская звезда. – 1912. – № 17. – С. 1.
9. Гальберштадт, Л. И. Китайская революция / Л. И. Гальберштадт // Русская мысль. – 1911. – № 11. – С. 18–20.
10. Евреинов, Б. Н. Осада Дипломатических миссий в Пекине май – август 1900 г. / Б. Н. Евреинов // Известия Министерства иностранных дел. – 1912. – № 4. – С. 124–210.

11. Желтая опасность // Санкт-Петербургские ведомости. – 1911. – № 284. – С. 4.
12. Из иностранных газет // Речь. – 1911. – № 273. – С. 3.
13. Избрание Сун Ят-сена президентом Китайской республики // Санкт-Петербургские ведомости. – 1911. – № 284. – С. 3.
14. Иовль, В. Пекин зимою / В. Иовль // Вестник Европы. – 1907. – № 12. – С. 585–599.
15. Китай // Вестник Азии. – 1913. – № 15. – С. 57.
16. Китай накануне Конституции (с проектом законов) // Вестник Азии. – 1909. – № 1. – С. 57–74.
17. Китайская армия по сообщениям китайской печати // Вестник Азии. – 1909. – № 1. – С. 243.
18. Китайская революция // Санкт-Петербургские ведомости. – 1911. – № 273. – С. 4.
19. Китайский суд // Русское знамя. – 1911. – № 148. – С. 3.
20. Кудрин, Н. Е. Пробуждение Китая / Н. Е. Кудрин // Русское богатство. – 1909. – № 10. – С. 64–86.
21. Маньчжурская аристократия в Китае // Вестник иностранной литературы. – 1912. – № 1. – С. 16–20.
22. Материалы к истории Китайской революции // Вестник Азии. – 1913. – № 16–17. – С. 53–59.
23. Милюков, П. Реформы или революция в Китае? / П. Милюков // Речь. – 1911. – № 283. – С. 2.
24. Мои воспоминания. Очерк доктора Сунь-Ят-Сена // Весь мир. – 1912. – № 15. – С. 24–26.
25. Моравский, В. Первый год китайской республики / В. Моравский // Северные записки. – 1913. – № 3. – С. 174–178.
26. Народные бедствия в Китае // Речь. – 1911. – № 272. – С. 3.
27. Новиков, Н. Задачи Общества Русских ориенталистов в связи с общественно-политическим состоянием Дальнего Востока / Н. Новиков // Вестник Азии. – 1909. – № 1. – С. 1–19.
28. Павлович, М. Революционное движение и политическая партия в современном Китае / М. Павлович // Вестник знания. – 1911. – № 11. – С. 1006–1013.
29. Реформирование знаменных войск // Вестник Азии. – 1909. – № 1. – С. 243.
30. Реформы в Маньчжурии // Вестник Азии. – 1909. – № 2. – С. 179.
31. С. И. Р. Китайская революция // Речь. – 1911. – № 279. – С. 5.
32. Семенов, Е. Китайская революция / Е. Семенов // Мир. – 1912. – № 1. – С. 122–130.
33. Спицын, А. Современные общественно-политические течения в Китае / А. Спицын // Вестник Азии. – 1910. – № 4. – С. 5–32.
34. Тищенко, П. С. Китайская благотворительность / П. С. Тищенко. – Владивосток : Изд-во Восточного института, 1905. – 12 с.
35. Торкет К. Гробницы китайских повелителей / К. Торкет // Весь мир. – 1911. – № 36. – С. 22–25.
36. Тужилин, А. Основные элементы нового государственного строя Китая / А. Тужилин // Вестник Азии. – 1910. – № 5. – С. 4–46.
37. У соседей (Китай) // Русское знамя. – 1911. – № 213. – С. 2.
38. У соседей (Китай) // Русское знамя. – 1911. – № 235. – С. 2.
39. У соседей (Китай) // Русское знамя. – 1911. – № 243. – С. 2.
40. Шкуркин, П. Из недавнего прошлого Китая / П. Шкуркин // Вестник Азии. – 1915. – № 35–36. – С. 39–55.

REFERENCES

1. Belchenko A. Vospominaniya o Chzhan Chzhidune [Memories of Zhang Zhidong]. *Vestnik Azii* [Vestnik of Asia], 1910, no. 3, pp. 208-210.
2. Beseda s nashim poslannikom v Kitae Korostovcom [Conversation with our Envoy in China I.Ya. Korostovets]. *Rech'* [Speech], 1911, no. 334, p. 5.
3. Beseda s Yuan' Shikaem [Conversation with Yuan Shikai]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [St. Petersburg Vedomosti], 1911, no. 254, p. 3.
4. Blagoder Yu.G. Obrazy kitajskih chinovnikov v rossijskoj publicistike XIX – nachala XX veka [Images of Chinese Officials in Russian Journalism of the 19th – Early 20th Centuries]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2011, no. 7-2 (13), pp. 24-28.
5. Bor'ba partij v Kitae [The Struggle of Parties in China]. *Pravda* [Pravda], 1913, no. 100, p. 2.
6. V russko-aziatskom banke [In the Russian-Asian Bank]. *Rech'* [Speech], 1911, no. 272, p. 3.
7. V. Sh. Kitajskij flot po soobshcheniyam kitajskoj pechati [Chinese Fleet According to the Chinese Press]. *Vestnik Azii* [Vestnik of Asia], 1909, no. 1, pp. 245-249.
8. VI. Il'in (Lenin V.I.). Demokratiya i narodnichestvo v Kitae [Democracy and Populism in China]. *Nevskaya zvezda* [Neva Star], 1912, no. 17, p. 1.
9. Gal'bershtadt L.I. Kitajskaya revolyuciya [Chinese Revolution]. *Russkaya mysl'* [Russian Thought], 1911, no. 11, pp. 18-20.
10. Evreinov B.N. Osada Diplomaticheskikh missij v Pekine maj – avgust 1900 g. [Siege of Diplomatic Missions in Beijing May – August, 1900]. *Izvestiya Ministerstva inostrannyh del* [News of the Ministry of Foreign Affairs], 1912, no. 4, pp. 124-210.

11. Zheltaya opasnost' [Yellow Danger]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [St. Petersburg Vedomosti], 1911, no. 284, p. 4.
12. Iz inostrannyh gazet [From Foreign Newspapers]. *Rech'* [Speech], 1911, no. 273, p. 3.
13. Izbranie Sun Yat-sena prezidentom Kitajskoj respubliki [Election of Sun Yat-Sen as President of the Republic of China]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [St. Petersburg Vedomosti], 1911, no. 284, p. 3.
14. Iovl' V. Pekin zimoy [Beijing in Winter]. *Vestnik Evropy* [Vestnik of Europe], 1907, no. 12, pp. 585-599.
15. Kitaj [China]. *Vestnik Azii* [Vestnik of Asia], 1913, no. 15, p. 57.
16. Kitaj nakanune Konstitucii (s proektom zakonov) [China on the Eve of the Constitution (With Draft Laws)]. *Vestnik Azii* [Vestnik of Asia], 1909, no. 1, pp. 57-74.
17. Kitajskaya armiya po soobshcheniyam kitajskoj pečati [The Chinese Army According to the Chinese Press]. *Vestnik Azii* [Vestnik of Asia], 1909, no. 1, p. 243.
18. Kitajskaya revolyuciya [The Chinese Revolution]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [St. Petersburg Vedomosti], 1911, no. 273, p. 4.
19. Kitajskij sud [Chinese Court]. *Russkoe znamya* [Russian Banner], 1911, no. 148, p. 3.
20. Kudrin N.E. Probuzhdenie Kitaya [The Awakening of China]. *Russkoe bogatstvo* [Russian Wealth], 1909, no. 10, pp. 64-86.
21. Man'chzhurskaya aristokratiya v Kitae [Manchu Aristocracy in China]. *Vestnik inostrannoj literatury* [Vestnik of Foreign Literature], 1912, no. 1, pp. 16-20.
22. Materialy k istorii Kitajskoj revolyucii [Materials for the History of the Chinese Revolution]. *Vestnik Azii* [Vestnik of Asia], 1913, no. 16-17, pp. 53-59.
23. Milyukov P. Reformy ili revolyuciya v Kitae? [Reforms or Revolution in China?]. *Rech'* [Speech], 1911, no. 283, p. 2.
24. Moi vospominaniya. Oчерк doktora Sun'-Yat-Sena [My Memories. Essay by Dr. Sun-Yat-Sen]. *Ves' mir* [The Whole World], 1912, no. 15, pp. 24-26.
25. Moravskij V. Pervyj god kitajskoj respubliki [The First Year of the Chinese Republic]. *Severnye zapiski* [Northern Notes], 1913, no. 3, pp. 174-178.
26. Narodnye bedstviya v Kitae [People's Disasters in China]. *Rech'* [Speech], 1911, no. 272, p. 3.
27. Novikov N. Zadachi Obshchestva Russkikh orientalistov v svyazi s obshchestvenno-politicheskim sostoyaniem Dal'nego Vostoka [Tasks of the Russian Orientalists Society in Connection with the Socio-Political State of the Far East]. *Vestnik Azii* [Vestnik of Asia], 1909, no. 1, pp. 1-19.
28. Pavlovich M. Revolyucionnoe dvizhenie i politicheskaya partiya v sovremennom Kitae [The Revolutionary Movement and the Political Party in Modern China]. *Vestnik Znaniya*, 1911, no. 11, pp. 1006-1013.
29. Reformirovanie znamennyh vojsk [Reforming the Banner Troops]. *Vestnik Azii* [Vestnik of Asia], 1909, no. 1, p. 243.
30. Reformy v Man'chzhurii [Reforms in Manchuria]. *Vestnik Azii* [Vestnik of Asia], 1909, no. 2, p. 179.
31. S.I.R. Kitajskaya revolyuciya [Chinese Revolution]. *Rech'* [Speech], 1911, no. 279, p. 5.
32. Semenov E. Kitajskaya revolyuciya [The Chinese Revolution]. *Mir* [The World], 1912, no. 1, pp. 122-130.
33. Spicyn A. Sovremennye obshchestvenno-politicheskie techeniya v Kitae [Modern Socio-Political Trends in China]. *Vestnik Azii* [Vestnik of Asia], 1910, no. 4, pp. 5-32.
34. Tishenko P.S. *Kitajskaya blagotvoritel'nost'* [Chinese Charity]. Vladivostok, Izd-vo Vostochnogo instituta, 1905. 12 p.
35. Torket K. Grobnicy kitajskih povelitelej [Tombs of Chinese Rulers]. *Ves' mir* [The Whole World], 1911, no. 36, pp. 22-25.
36. Tuzhilin A. Osnovnye elementy novogo gosudarstvennogo stroya Kitaya [Basic Elements of the New State System of China]. *Vestnik Azii* [Vestnik of Asia], 1910, no. 5, pp. 4-46.
37. U sosedej (Kitaj) [At Neighbors (China)]. *Russkoe znamya* [Russian Banner], 1911, no. 213, p. 2.
38. U sosedej (Kitaj) [At Neighbors (China)]. *Russkoe znamya* [Russian Banner], 1911, no. 235, p. 2.
39. U sosedej (Kitaj) [At Neighbors (China)]. *Russkoe znamya* [Russian Banner], 1911, no. 243, p. 2.
40. Shkurkin P. Iz nedavnego proshlogo Kitaya [From the Recent Past of China]. *Vestnik Azii* [Vestnik of Asia], 1915, no. 35-36, pp. 39-55.

Information About the Author

Yuliya G. Blagoder, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Department of History, Philosophy and Psychology, Kuban State Technological University, Moskovskaya St, 2, 350072 Krasnodar, Russian Federation, blagoder_1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5257-1188>

Информация об авторе

Юлия Гариевна Благодер, доктор исторических наук, доцент кафедры истории, философии и психологии, Кубанский государственный технологический университет, ул. Московская, 2, 350072 г. Краснодар, Российская Федерация, blagoder_1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5257-1188>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.8>

UDC 94(47+57)“1964/1982”:316.75
LBC 63.3(2)633-2

Submitted: 13.08.2020
Accepted: 22.01.2021

FORMING THE CONSUMER SOCIETY IN THE USSR: CHALLENGES FOR AUTHORITIES (1964–1982)

Fedor L. Sinitsyn

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In the 1960s, the formation of a consumer society began in the USSR. At the same time, the differences in living standard and quality of life between the segments of the population became more and more noticeable. These phenomena were in conflict with the Soviet ideology – the basis of the political system of the USSR. However, the problem of the consumer society formation in the USSR and the associated challenges to the Soviet system have not yet been sufficiently studied in historiography. *Methods and materials.* The methodological background of the research is based on the principles of scientific objectivity and historicism, as well as the general scientific and special methods typical for historical research. The research base includes both published and unpublished documents found by the author in the Russian State Archive of Contemporary History, the Russian State Archive of Socio-Political History and the Central State Archive of the City of Moscow. *Analysis.* The Soviet power tried to respond to the challenges of consumer society within the framework of the new political and ideological concept of Developed Socialism. One of the tasks of the country’s development at this stage was declared to be the achievement of a high standard of living in the country, as well as the widespread introduction of a system of material incentives. This policy has had a certain effect. However, the previous challenges for the Soviet system remained, and new problems arose. The wage growth outstripped the growth of labor productivity, and the commodity deficit became one of the main reasons for the decline in the effectiveness of the material incentive system. To solve the problems listed above, the authorities introduced innovations in policy: reducing the rate of income growth and the population’s desire to consume, increasing the role of moral incentives, fighting surplus money, and pursuing people for non-labor income. These innovations were in conflict with the policy aimed at increasing the welfare of the population. *Results.* Thus, the response of Soviet ideology to the challenges of the consumer society was to implement mutually exclusive measures. First, the authorities, while officially promoting a policy of increasing living standards, in practice sought to limit the growth of consumption. Second, material incentives to work and the rejection of equalization were introduced simultaneously with the censure of enrichment. In addition, the authorities failed to eradicate the negative manifestations of the consumer society for the Soviet ideology. In general, the inability of Soviet ideology to provide an adequate response to the challenges of consumer society was one of the manifestations of the ideological impasse in which the country was during the period under review. Problems related to the standard of living of the population became one of the time mines that undermined the Soviet system and led to its collapse.

Key words: consumer society, standard of living, material incentives, moral incentives, deficit, USSR, Leonid Brezhnev.

Citation. Sinitsyn F.L. Forming The Consumer Society in the USSR: Challenges for Authorities (1964–1982). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 84-94. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.8>

УДК 94(47+57)“1964/1982”:316.75
ББК 63.3(2)633-2

Дата поступления статьи: 13.08.2020
Дата принятия статьи: 22.01.2021

ФОРМИРОВАНИЕ «ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ» В СССР: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ ДЛЯ ВЛАСТИ (1964–1982 гг.)

Федор Леонидович Синицын

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В 1960-х гг. в СССР началось формирование «общества потребления», возрастали различия в уровне и качестве жизни разных слоев населения. Эти явления входили в конфликт с советской идеологией – основой политической системы СССР. Власти страны пытались дать ответ на вызовы «общества потребления» в рамках новой политико-идеологической концепции «развитого социализма». Одной из задач этого этапа развития страны было объявлено достижение в стране высокого уровня жизни, а также была широко внедрена система материального стимулирования. Эта политика дала определенный эффект. Однако вызовы, с которыми до этого столкнулась советская система, сохранились, а также возникли новые проблемы. Рост оплаты труда стал опережать рост его производительности, а товарный дефицит стал одной из главных причин снижения эффективности системы материального стимулирования. Для решения перечисленных выше проблем власти ввели новшества в политику: снижение стремления населения к потреблению и темпов роста доходов, повышение роли морального стимулирования труда, борьба с «излишками» денег у населения, преследование за «нетрудовые доходы». Эти новшества входили в противоречие с политикой, направленной на рост благосостояния населения.

Ключевые слова: «общество потребления», уровень жизни, материальное стимулирование, моральное стимулирование, дефицит, СССР, Л.И. Брежнев.

Цитирование. Сеницын Ф. Л. Формирование «общества потребления» в СССР: идеологический вызов для власти (1964–1982 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 84–94. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.8>

Введение. Формирование «общества потребления» в СССР – тема, имеющая высокую актуальность¹. В последние десятилетия «общество потребления» во всем мире достигло пика своего развития. Важными остаются проблемы роста уровня жизни, благосостояния, а также осознанного потребления.

Задачей исследования, представленного в данной статье, является выявление вызовов для советской идеологии, связанных с формированием «общества потребления» в СССР, и ответа властей Советского Союза на эти вызовы в период правления Л.И. Брежнева (1964–1982).

Методы и материалы. Проблема формирования «общества потребления» в СССР и связанных с ним вызовов для советской системы еще недостаточно изучена в отечественной и зарубежной историографии. В имеющихся трудах раскрыты отдельные аспекты этой темы [8; 29; 30; 54].

Источниковая база исследования включает в себя как опубликованные, так и неопубликованные документы, выявленные автором в Российском государственном архиве новейшей истории, Российском государственном архиве социально-политической истории и Центральном государственном архиве г. Москвы. В этот комплекс источников входят в основном документы ЦК и МГК КПСС, а также других партийных и советских органов. В качестве источников использованы также со-

ветские публикации, изданные в рассматриваемый период, которые содержат информацию об уровне жизни и потреблении в СССР.

В качестве методологической основы представленного в статье исследования взяты принципы научной объективности и историзма. Из числа общенаучных использованы исторический и логический методы, которые позволили раскрыть генезис, развитие и сущность явлений, рассматриваемых в статье. На основе исторического и логического методов применены методы системного анализа. В тесной связи с общенаучными методами использованы другие специальные методы, характерные для исторического исследования, в том числе хронологический, историко-описательный и историко-генетический.

Анализ. Особенностью рассматриваемого периода было повышение внимания населения СССР к проблеме материального благосостояния [17, л. 173; 19, л. 9; 50, л. 259; 12, л. 11–12; 13, л. 130, 145; 38, л. 32; 21, л. 45; 22, л. 122; 23, л. 19–21]. В СССР началось формирование «общества потребления» с тенденцией к постоянному росту запросов со стороны населения [5, с. 88; 12, л. 12; 48, л. 58; 39, л. 35; 27, л. 63], стала популярной «педагогика счастья» – воспитание детей с основным упором на удовлетворение материальных запросов. К концу 1970-х гг. рост материальных затрат на детей в семье в 1,5 раза опережал рост доходов семьи [42, л. 4].

В стране возрастали различия в уровне и качестве жизни разных слоев населения (хотя они были меньше, чем в капиталистических странах) [57, р. 79]. Во-первых, принцип неравного распределения «по труду» позволял установить достаточно высокий размер зарплаты, гонораров, премий для отдельных работников. Во-вторых, имущественное неравенство проявлялось в сфере частного строительства [56, р. 43–44], во владении автомобилями [5, с. 88], бытовой техникой, мебелью и пр. Несмотря на то что в СССР были установлены ограничения на личное имущество [38, л. 22], некоторые люди их обходили – в первую очередь это касалось так называемой «номенклатуры», работников торговли, «снабженцев» и др. Из-за этого складывалось впечатление, что одни группы населения «переобеспечены», а другие – не имеют возможности даже «удовлетворить прожиточный минимум» [38, л. 21]. Кроме того, разница в уровне жизни имела «региональный» аспект [13, л. 145; 16, л. 17].

С одной стороны, рост уровня жизни, несомненно, был достижением и рассматривался властями как благо, с другой – сопутствовавшие ему явления входили в конфликт с «коммунистическими идеалами» и даже, как считали некоторые партийные идеологи, с «интересами общества» [52, с. 21].

Во-первых, происходило умаление моральных («идеологических») основ трудовой деятельности советских граждан в пользу материальных [38, л. 32]. Во-вторых, «идеалам» явно противоречило «обрастание» людей частной собственностью [31, с. 124]. «Обуржуазивание» советских людей отмечали иностранцы [18, л. 86].

Некоторые граждане СССР, сохранившие приверженность «идеалам», отрицательно реагировали на новые явления, считая, что из-за них советское общество пришло к «начальной стадии разложения». Они призывали срочно привести образ жизни советских людей в соответствие с марксистско-ленинской идеологией (вплоть до полной ликвидации частной собственности, к которой они относили дачи, автомобили и пр.) [19, л. 10; 16, л. 17; 38, л. 21, 24, 28, 30–31, 37]. Кроме того, вызов неравномерности благосостояния способствовал росту социальной напряженности в стране [5, с. 88].

Советская идеология в рассматриваемый период попыталась дать ответ на вызовы «общества потребления», принимая во внимание и стремление людей к достатку, и заинтересованность государства в повышении производительности труда, и установки идеологии.

Во-первых, важность «материального фактора» и рост потребления фактически были обозначены как положительные явления [3, с. 3, 17; 46, с. 200, 203], не мешающие духовной жизни человека и не противопоставленные ей [39, л. 35]. В свою очередь, государство декларировало свою обязанность обеспечивать население товарами и услугами [37, с. 22].

Во-вторых, была еще раз подчеркнута допустимость обладания личной собственностью [38, л. 23].

В-третьих, было объявлено, что, хотя «общественный интерес» имеет в СССР первенство, он должен «правильно, разумно сочетаться» с «личным интересом» [52, с. 22; 44, с. 21; 45, с. 48; 46, с. 199].

В-четвертых, власти декларировали относительную «нормальность» неравномерности благосостояния в стране. Мало того, была обозначена допустимость временного сохранения «частнособственнической психологии» (как «пережитка», который в будущем должен исчезнуть). Спокойному восприятию этого «пережитка» способствовала констатация, что его проявления на практике – это отдельные, редкие случаи [47, л. 8; 38, л. 23; 39, л. 37].

Практическое воплощение ответа властей СССР на вызовы «общества потребления» состояло в том, что, во-первых, одной из задач этапа «развитого социализма» было объявлено достижение в стране высокого уровня жизни [3, с. 17; 4; 37, с. 5].

Главным инструментом повышения уровня жизни в СССР был рост заработной платы. В период с 1960 г. до середины 1970-х гг. доходы населения выросли почти в 2 раза, а к началу 1980-х гг. повысились еще в среднем на 17 % [51, с. 4]. Кроме того, в СССР осуществлялись сокращение или отмена ряда налогов, повышение размеров пенсий и других видов социального обеспечения [37, с. 10]. В дополнение государство предоставляло гражданам пользование общественными фондами

потребления (ОФП), обеспечивая бесплатное жилье, образование, здравоохранение, низкую стоимость некоторых товаров и услуг.

Одновременно для людей были расширены возможности владения собственностью, в том числе путем строительства «кооперативного» жилья, дач и гаражей. Так, в 1964 г. в жилищно-строительных кооперативах состояли 260 тыс., к концу 1971 г. – 1 729 тыс. пайщиков [53, с. 4].

Во-вторых, во второй половине 1960-х гг. в СССР была широко внедрена система материального стимулирования труда (в том числе в рамках расширения хозрасчета, осуществленного в ходе «косыгинской реформы»). Была поставлена задача не допускать при начислении зарплаты «уравнительного подхода» [35, с. 15; 44, с. 19].

Хотя моральное стимулирование также применялось (вручение правительственных наград, присвоение почетных званий, занесение на доску почета и пр.), однако в ходе «косыгинской реформы», как считает Т. Томпсон [59, р. 56], оно было практически «забыто» в пользу максимизации материального стимулирования. Это утверждение нужно откорректировать – моральное стимулирование было не забыто, а ушло на второй план. Кроме того, иногда присутствовала путаница между двумя видами стимулирования – так, добавление хорошо работающим людям дополнительных дней к отпуску представляли как моральное поощрение [50, л. 251], хотя оно, скорее, является материальным.

Политика, реализованная властями в сфере повышения благосостояния населения, дала определенный эффект. В 1965–1970 гг. личное потребление граждан страны увеличилось на 142 %, значительно улучшилось их питание, расширилось потребление промышленных товаров [39, л. 35] и платных услуг [32, с. 209–210] (Л.И. Брежнев отмечал, что «достигнутый уровень жизни трудящихся нужно расценивать как большую победу» [48, л. 58]). Система материального стимулирования во второй половине 1960-х гг. также показала свою действенность [7, с. 57–58; 51, с. 42].

Однако вызовы, с которыми столкнулась советская система, сохранялись. Введение системы материального стимулирования входило в определенный конфликт с «коммунистическими идеалами».

Моральный, «идеологический» аспект труда на ряде предприятий был практически отброшен [1, с. 17]. Это обстоятельство было отмечено некоторыми западными советологами, которые увидели в новациях советской политики признак «движения на пути к разложению социализма и реставрации капитализма» [44, с. 18]. Советские идеологи, в свою очередь, оправдывали внедрение материального стимулирования недостаточной «сознательностью» основной массы граждан СССР, стремились представить материальную заинтересованность как «меньшее зло», временно допустимое явление [35, с. 13, 18; 44, с. 21].

Кроме того, советские идеологи в действительности предлагали смириться с тем, что «при социализме еще имеются проявления фактического неравенства» [52, с. 21]. На практике власти избегали сокращения доходов «номенклатуры» и приближенных к ней лиц, оправдывая это тем, что «существующие... высокие оклады заработной платы далеко не так велики, чтобы могли образовываться миллионные состояния» [38, л. 22].

Возможность установить значительный размер зарплат, премий и пр., во-первых, привела к тому, что рост оплаты труда часто стал опережать рост его производительности [7, с. 58; 44, с. 18]).

Во-вторых, возникли разного рода злоупотребления. В 1975 г. власти выявили, что некоторые руководители предприятий и организаций производили из фондов материального поощрения выплаты «за выполнение работ, не связанных с производственной деятельностью», а также специально добивались снижения плановых заданий [26, л. 190–191]. В 1981 г., выступая на XXVI съезде КПСС, Л.И. Брежнев вновь указал на факты «выдачи незаслуженных премий» [9, с. 77].

С другой стороны, несмотря на введение премиальной системы, в стране в некотором роде сохранялась «уравниловка». Усилиями властей существенно сократилась разница между минимальной и средней заработной платой, что рассматривалось как положительное явление. Однако в итоге получилось, что все люди получали зарплату в среднем всего в два раза выше минимально установленной в стране [12, л. 12].

Несмотря на начальную эффективность системы материального стимулирования и достигнутый рост уровня жизни, проблемы в экономике СССР не дали этим тенденциям развиваться. В стране еще с начала 1960-х гг. отмечался дефицит «товаров народного потребления» [12, л. 12]. В 1970-х гг. во многих регионах периодически наблюдался острый недостаток продовольствия. К началу 1980-х гг. дефицит превратился в «бедствие национального масштаба» [8, с. 253–254; 29, с. 36–37]. Эта проблема вызывала все большее беспокойство населения [12, л. 12; 23, л. 19; 28, л. 17].

Товарный дефицит стал одной из главных причин торможения роста благосостояния в СССР [58, р. 35]. Так, к 1970 г., несмотря на рост потребления большинства продуктов питания, оно оставалось даже ниже норм, официально установленных в стране [32, с. 113]. Фактически сохранялась «хлебно-картофельная диета», усугубленная значительным потреблением сахара. Власть была вынуждена пересмотреть «нормы рационального потребления» в сторону их существенного снижения, что означало ухудшение структуры питания граждан СССР. Но и сниженные нормы не были достигнуты (за исключением потребления сахара) [30, с. 75].

Торможение роста потребления привело к снижению эффективности системы материального стимулирования, что отмечал в декабре 1972 г. Л.И. Брежнев [54, с. 371]. Значительная часть денег, которые выплачивались людям в виде заработной платы, оставалась неизрасходованной. Если в 1971–1986 гг. производство товаров потребления в СССР выросло в 2,1 раза, то количество денег в обращении – в 3,1 раза [29, с. 37]. Кроме того, из-за низкой производительности труда на многих производствах, их работники получали от государства гарантированную, но фактически не заработанную плату [55, с. 33], которая, соответственно, не была обеспечена товарами и услугами.

Разница между реальной (обеспеченной товарами и услугами) и фактической заработной платой граждан СССР явственно отразилась в солидной сумме их денежных сбережений [6, с. 247–248]. К 1981 г. остаток вкладов достиг 156,5 млрд руб. [29, с. 37], остаток наличных денег на руках у населения в 1964–

1982 гг. увеличился с 1,03 до 3,81 млрд руб. [2, с. 114–132].

Дефицит способствовал росту «теневой экономики», расширению «спекуляции» [20, с. 12–13]. Советские граждане пытались «выкручиваться», «доставать» необходимые товары и услуги, что способствовало дальнейшему отходу от «коммунистических идеалов».

В связи с этим в 1970-х гг. и начале 1980-х гг. о «частнособственнических проявлениях» власти стали говорить, как о распространенном явлении. Стремление людей к благосостоянию все чаще рассматривалось теперь как «стяжательство» [34, с. 66], «рвачество» [33, с. 335], «накопительство». Иногда даже вполне нормальное с точки зрения социалистического общества желание жить лучше воспринималось «в штыки». Сюда же относилась критика «педагогики счастья» [12, л. 12; 42, л. 4; 39, л. 37; 25, л. 19].

Для решения перечисленных выше проблем власти ввели новшества в политику. Во-первых, трудности роста уровня жизни было решено нивелировать путем снижения стремления советских граждан к потреблению. Кроме того, был признан обоснованным «некоторый разрыв между потребностями населения и возможностями общества их удовлетворить» [40, с. 7; 3, с. 17].

Для того чтобы поставить потребление под контроль, граждан СССР призывали руководствоваться официально установленными «рациональными нормами потребления» [32, с. 76; 43, с. 5]. Советская идеология делала упор на пропаганду осознанного потребления и порицание «культы потребления», в возникновении которого обвиняли Запад [14, л. 207; 39, л. 34–35, 37].

Во-вторых, был сделан упор на «сознательность» в труде. В «материальном аспекте» этот упор проявился во внушении людям, что распределение доходов в СССР происходит именно «по труду» [31, с. 124], и поэтому каждый, кто желает хорошо заработать, должен и хорошо трудиться. В «идейном аспекте» пропагандировалось первенство «общественного интереса» и «коллективной материальной заинтересованности» [37, с. 9; 46, с. 198]. Советская идеология и пропаганда апеллировали к энтузиазму людей [10, л. 8; 49, л. 15]. Однако действенность таких лозунгов

не была высокой, так как, согласно данным социологических исследований, проведенных в СССР в рассматриваемый период, уровень энтузиазма в советском обществе существенно снизился.

Практическим воплощением использования упора на «сознательность» было усиление роли морального стимулирования труда. Кроме того, фактически пресекалось подкрепление морального стимулирования материальным [15, л. 7; 11, л. 14].

Во второй половине 1970-х гг. произошел новый пересмотр политики, имевший целью формирование более сбалансированного подхода к моральному и материальному стимулированию. Власти понимали, что материальное поощрение необходимо сохранять, однако были ужесточены требования к такому поощрению [59, р. 49, 59–60]. В целом считалось лучшим решением сочетание материального и морального стимулирования «соответственно конкретным условиям». Кроме того, усилилось стремление представлять материальное стимулирование в качестве «морального» [1, с. 17–19; 36, с. 8].

Результаты продвижения морального стимулирования были слабыми, и к началу 1980-х гг. значительная часть трудящихся высказывала свое неудовлетворение последним [51, с. 42].

В-третьих, власти пытались снизить темпы роста доходов граждан. В сентябре 1968 г. Совет министров СССР принял постановление о недопущении роста зарплаты, если он опережает рост производительности труда. С 1970 г. предприятиям были установлены предельные ассигнования на содержание аппарата управления [7, с. 58–59]. В 1977 г. Госплан СССР предлагал вовсе отказаться от повышения заработной платы и ликвидировать премии [54, с. 359]. За злоупотребления материальным стимулированием применялись санкции [26, л. 193].

Было также объявлено, что в СССР осуществляется «ликвидация некоторых излишеств в оплате труда отдельных категорий работников». Однако на практике устранялись не «излишества», а «необоснованный разрыв в уровне оплаты» путем повышения зарплаты низкооплачиваемых работников [51, с. 8], а не снижения зарплаты высокооплачиваемых.

В-четвертых, власти вели борьбу с «излишками» денег у населения, пытаясь вывести их в оборот. Одним из главных инструментов этого процесса было повышение цен на многие продовольственные и промышленные товары, которое ежегодно происходило с 1968 г. [5, с. 177], что помогло несколько уменьшить избыточную денежную массу [29, с. 37]. Кроме того, поддерживались высокие цены на мебель, электронную, бытовую технику и другие товары.

Решение о массовом производстве в СССР легковых автомобилей, продажная цена которых была достаточно высока, было вызвано в том числе необходимостью вывода в оборот большой массы наличных денег, накопленных гражданами страны [41, с. 215]. Аналогичную функцию (как минимум, косвенно) имело создание жилищно-, дачно- и гаражно-строительных кооперативов, платных («хозрасчетных») поликлиник и пр.

В-пятых, извлечение гражданами СССР «нетрудовых доходов», получение ««левых» зарплаток» [34, с. 66] рассматривались как «нарушение социалистических законов», а люди, совершившие такие нарушения, подлежали преследованию по закону. На борьбу со «спекуляцией» имелся социальный запрос от населения [39, л. 37; 25, л. 19; 27, л. 38], которое все больше страдало от дефицита самых необходимых товаров. Однако на практике такие правонарушения далеко не всегда выявлялись, а санкции в отношении лиц, их совершивших, иногда были слабыми [24, л. 114].

Результаты. Таким образом, ответ советской идеологии на вызовы «общества потребления» заключался в реализации фактически взаимоисключающих мер. Во-первых, власти, официально пропагандируя рост уровня жизни и принимая соответствующие меры (повышение размера заработной платы, пенсий и пр.), на практике стремились ограничить рост потребления. Это вело к провалу одной из целей «развитого социализма» и подрыву доверия людей к государству.

Во-вторых, материальное стимулирование труда и отказ от «уравниловки» внедрялись одновременно с порицанием «обогащения». Кроме того, упор на материальное стимулирование и официальное признание «неравенства» людей в этом аспекте явно противо-

речили «коммунистическим идеалам». Власти сознавали это и пытались сгладить упор на материальное стимулирование путем комбинирования его с моральным, однако в итоге оказалось, что эффективность морального стимулирования была невысокой. В итоге не только моральное, но и материальное стимулирование не смогло достичь нужных результатов, так как заработанные деньги часто оставались у людей «мертвым грузом» из-за товарного дефицита.

Кроме того, власти не смогли искоренить «негативные» для советской идеологии проявления «общества потребления». Борьба с «обогащением» и «частнособственническими проявлениями», несмотря на заявления о ее успехах, не приносила должного результата. В стране росла «спекуляция» и «теневая экономика». Ударом по «идеалам» был явно более высокий, чем у «простых» граждан, уровень жизни «номенклатуры».

В целом неспособность советской идеологии дать адекватный ответ на вызовы «общества потребления» стала одним из проявлений «идеологического тупика», в котором страна оказалась в рассматриваемый период. Проблемы, связанные с реальным достижением высокого уровня жизни населения, стали одной из «мин замедленного действия», которые подорвали советскую систему и привели ее к краху.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ «Общество потребления» – это состояние социума, которое характеризуется массовым потреблением материальных благ и формированием соответствующей системы ценностей и установок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров, А. И. Материальное и моральное стимулирование труда – важные факторы повышения эффективности и качества / А. И. Александров. – Л. : Изд-во СХИ, 1978. – 20 с.
2. Баланс денежных доходов и расходов населения СССР, 1924–1990 гг. (Эволюция в цифрах, персоналиях и методическом обеспечении) : сб. материалов. – М. : МБИ, 2007. – 308 с.
3. Бромлей, Н. Я. Уровень жизни в СССР (1950–1965 гг.) / Н. Я. Бромлей // Вопросы истории. – 1966. – № 7. – С. 3–17.
4. Бурлацкий, Ф. О строительстве развитого социалистического общества / Ф. Бурлацкий // Правда. – 1966. – 21 дек. – С. 4.
5. Вестник Архива Президента: Специальное издание: Генеральный секретарь Л.И. Брежнев: 1964–1982. – М., 2006. – 240 с.
6. Восленский, М. Номенклатура / М. Восленский. – М. : Захаров, 2016. – 640 с.
7. Голанд, Ю. Косыгинская реформа: упущенный шанс или мираж? / Ю. Голанд, А. Некипелов // Российский экономический журнал. – 2010. – № 6. – С. 44–66.
8. Гушин, А. А. Обострение проблемы товарного дефицита в СССР в 1960-х – начале 1980-х гг. в ракурсе истории повседневности / А. А. Гушин // Проблемы гуманитарного образования: филология, журналистика, история : сб. науч. ст. III Международ. науч.-практ. конф. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. – С. 252–258.
9. XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза : стеногр. отчет. – М. : Политиздат, 1981. – Т. I. – 382 с.
10. Документы по подготовке материалов XXIV съезда КПСС // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). – Ф. 80. – Оп. 1. – Д. 100. – 101 л.
11. Замечания Л.И. Брежнева, 1971 г. // РГАНИ. – Ф. 104. – Оп. 1. – Д. 41. – 63 л.
12. Записки отдела, парторганов // РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 60. – Д. 39. – 67 л.
13. Записки отдела, парторганов // РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 63. – Д. 88. – 208 л.
14. Записки отделов ЦК КПСС // РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 64. – Д. 71. – 247 л.
15. Записки отделов ЦК КПСС // РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 67. – Д. 110. – 246 л.
16. Записки отделов ЦК КПСС // РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 73. – Д. 243. – 22 л.
17. Записки, письма // РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 33. – Д. 224. – 190 л.
18. Записки, письма // РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 59. – Д. 24. – 148 л.
19. Записки, письма Всесоюзного общества «Знание» // РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 33. – Д. 241. – 24 л.
20. Здравомыслов, А. Г. Социально-политические аспекты механизма торможения / А. Г. Здравомыслов // Механизм торможения: истоки, действие, пути преодоления. – М. : Политиздат, 1988. – С. 9–24.
21. Информации (Бауманский РК КПСС) // Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГАМ). – Ф. П-63. – Оп. 1. – Д. 2247. – 120 л.
22. Информации (Бауманский РК КПСС) // ЦГАМ. – Ф. П-63. – Оп. 1. – Д. 2288. – 131 л.
23. Информации (Бауманский РК КПСС) // ЦГАМ. – Ф. П-63. – Оп. 1. – Д. 2417. – 101 л.

24. Информации (Бауманский РК КПСС) // ЦГАМ. – Ф. П-63. – Оп. 1. – Д. 2463. – 143 л.
25. Информации (Бауманский РК КПСС) // ЦГАМ. – Ф. П-63. – Оп. 1. – Д. 2500. – 190 л.
26. Информации (МГК КПСС) // ЦГАМ. – Ф. П-4. – Оп. 172. – Д. 50. – 193 л.
27. Информации (Пролетарский РК КПСС) // ЦГАМ. – Ф. П-80. – Оп. 1. – Д. 1788. – 124 л.
28. Информации (Сокольнический РК КПСС) // ЦГАМ. – Ф. П-85. – Оп. 1. – Д. 2262. – 168 л.
29. Кирсанов, Р. Г. Состояние потребительского рынка в СССР (конец 1970-х – начало 1990-х гг.) / Р. Г. Кирсанов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 7. – С. 36–41.
30. Клинова, М. А. Нормы рационального питания в СССР второй половины 1950-х – 1980-х гг.: причины и векторность трансформаций / М. А. Клинова // Ученые записки : электрон. науч. журн. Курского гос. ун-та. Исторические науки и археология. – 2017. – № 4 (44). – С. 73–78. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://scientific-notes.ru/#new-number?id=49> (дата обращения: 18.08.2020). – Загл. с экрана.
31. Козлов, Г. Об этапах развития коммунистического способа производства / Г. Козлов // Вопросы экономики. – 1971. – № 7. – С. 115–128.
32. Комаров, В. Е. Доходы и потребление населения СССР / В. Е. Комаров, У. Г. Чернявский. – М. : Наука, 1973. – 238 с.
33. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М. : ИМЛ при ЦК КПСС, 1987. – Т. 13. – 509 с.
34. Косолапов, Р. Вклад XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС в разработку теоретических и политических проблем развитого социализма и перехода к коммунизму / Р. Косолапов // Коммунист. – 1982. – № 5. – С. 54–67.
35. Мальцев, Н. А. Материальное и моральное стимулирование труда в промышленности / Н. А. Мальцев. – М. : Мысль, 1965. – 95 с.
36. Материальное и моральное стимулирование работников и предприятий. – Киев : Знание, 1976. – 29 с.
37. Михайлов, М. Что решил сентябрьский пленум ЦК КПСС : Меры по дальнейшему повышению благосостояния советского народа / М. Михайлов, А. Мотылев. – М. : Политиздат, 1967. – 32 с.
38. Переписка редакции журнала «Коммунист» // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 599. – Оп. 1. – Д. 274. – 116 л.
39. Переписка редакции журнала «Коммунист» // РГАСПИ. – Ф. 599. – Оп. 1. – Д. 692. – 108 л.
40. Планирование народного потребления в СССР (современные проблемы) / под ред. В. Ф. Майера и П. Н. Крылова. – М. : Экономика, 1964. – 136 с.
41. Попов, Г. Х. В первых рядах строителей коммунизма / Г. Х. Попов. – М. : Московский международный университет, 2018. – 636 с.
42. Поручение Зимянина М.В. // РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 73. – Д. 248. – 8 л.
43. Саркисян, Г. С. Социальная политика и повышение народного благосостояния в условиях развитого социализма / Г. С. Саркисян // Доходы трудящихся и социальные проблемы уровня жизни населения СССР. – М. : НИИ труда, 1973. – С. 4–15.
44. Сибирев А. И. Ленинские идеи хозрасчета и претворение их в жизнь / А. И. Сибирев. – Л. : Знание, 1969. – 21 с.
45. Смирнов, Г. Л. XXIV съезд КПСС и формирование нового человека / Г. Л. Смирнов. – М. : Знание, 1972. – 48 с.
46. Смирнов, Г. Л. Советский человек: формирование социалистического типа личности / Г. Л. Смирнов. – М. : Политиздат, 1971. – 463 с.
47. Стенограмма выступления Г.Л. Смирнова, 1967 г. // РГАНИ. – Ф. 104. – Оп. 1. – Д. 25. – 21 л.
48. Стенограмма Международного совещания коммунистических и рабочих партий, 1969 г. // РГАНИ. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 309. – 108 л.
49. Стенограммы заседаний Ученого совета АОН при ЦК КПСС // РГАСПИ. – Ф. 606. – Оп. 1. – Д. 383. – 450 л.
50. Стенограммы зональных совещаний идеологических работников РСФСР // РГАНИ. – Ф. 5. – Оп. 34. – Д. 119. – 275 л.
51. Терешков, И. И. Материальное и моральное стимулирование труда: экономические основы, новые формы и системы: опыт БССР и других союзных республик / И. И. Терешков. – Минск : БНИИ НТИ и ТЭИ, 1981. – 50 с.
52. Федосеев, П. Диалектика развития социализма / П. Федосеев // Коммунист. – 1965. – № 14. – С. 18–29.
53. Хинчук, В. М. Законодательство о жилищных, дачных и гаражных кооперативах / В. М. Хинчук. – М. : Московский рабочий, 1975. – 95 с.
54. Шаттенберг, С. Леонид Брежнев : Величие и трагедия человека и страны / С. Шаттенберг. – М. : Политическая энциклопедия, 2018. – 623 с.
55. Шатунова, Т. М. Что случилось с социализмом в России? / Т. М. Шатунова // Socio Time. Социальное время. – 2017. – № 1. – С. 30–39.
56. Armstrong, J. A. Ideology, Politics, and Government in the Soviet Union: An Introduction / J. A. Armstrong. – New York ; Washington : Praeger Publishers, 1974. – 236 p.
57. Churchward, L. G. The Soviet Intelligentsia: An Essay on the Social Structure and Roles of the Soviet Intellectuals During the 1960s / L. G. Churchward. –

London ; Boston : Routledge & Keagan Paul, 1973. – 204 p.

58. Colton, T. J. The Dilemma of Reform in the Soviet Union / T. J. Colton. – New York : Council on Foreign Affairs, 1986. – 120 p.

59. Thompson, T. L. Ideology and Policy: The Political Uses of Doctrine in the Soviet Union / T. L. Thompson. – Boulder ; San Francisco ; London : Westview Press, 1989. – 220 p.

REFERENCES

1. Aleksandrov A.I. *Material'noe i moral'noe stimulirovanue truda – vazhnye factory povysheniya effektivnosti i kachestva* [Material and Moral Incentives of Labor – Important Factors for Improving Efficiency and Quality]. Leningrad, Izd-vo SKhI, 1978. 20 p.

2. *Balans denezhnyh dokhodov i raskhodov naseleniya SSSR, 1924–1990 gg. (Evolyutsiya v tsifrakh, personaliyakh i metodicheskoy obespechenii): sb. mat'rialov* [Balance of Monetary Incomes and Expenditures of the Population of the USSR, 1924–1990 (Evolution in Numbers, Personnel and Methodological Support): Collection of Materials]. Moscow, MBI, 2007. 308 p.

3. Bromley N.Ya. Uroven' zhizni v SSSR (1950–1965 gg.) [The Standard of Living in USSR (1950–1965)]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1966, no. 7, pp. 3-17.

4. Burlatskiy F. O stroitel'stve razvitogo sotsialisticheskogo obshchestva [Regarding the Construction of a Developed Socialist Society]. *Pravda*, 1966, 21 December, p. 4.

5. *Vestnik Arhiva Prezidenta: Spetsial'noe izdanie: General'nyi sekretar' L.I. Brezhnev: 1964–1982* [Bulletin of the Presidential Archive: Special Edition: General Secretary Leonid Brezhnev: 1964–1982]. Moscow, 2006. 240 p.

6. Voslenskiy M. *Nomenklatura* [Nomenclature]. Moscow, Zakharov Publ., 2016. 640 p.

7. Goland Yu., Nekipelov A. Kosygin'skaya reforma: upushchennyi shans ili mirazh? [Kosygin Reform: Lost Chance or Mirage?]. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal* [Russian Economical Journal], 2010, no. 6, pp. 44-66.

8. Gushchin A.A. Obostrenie problemy tovarnogo defitsita v SSSR v 1960-kh – nachale 1980-kh gg. v rakurse istorii povsednevnosti [Aggravation of the Problem of Commodity Deficit in the USSR in the 1960s – Early 1980s in the Perspective of the History of Everyday Life]. *Problemy gumanitarnogo obrazovaniya: filologiya, zhurnalistika, istoriya* [The Problems of Humanitarian Education: Philology, Journalism, History]. Penza, Izd-vo PGU, 2016, pp. 252-258.

9. *XXVI s'ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza: stenogr. otchet* [26th Congress of the Communist Party of the Soviet Union: Verbatim Report]. Moscow, Politizdat Publ., 1981, vol. 1. 382 p.

10. Dokumenty po podgotovke materialov XXIV s'ezda KPSS [Documents on Preparation of Materials of the 24th Congress of CPSU]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii (RGANI)* [Russian State Archive of Contemporary History], f. 80, op. 1, d. 100. 101 l.

11. Zamechaniya L.I. Brezhneva, 1971 [Notes of L.I. Brezhnev, 1971]. *RGANI*, f. 104, op. 1, d. 41. 63 l.

12. Zapiski otdela, politorganov [Memos of Department, Party Bodies]. *RGANI*, f. 5, op. 60, d. 39. 67 l.

13. Zapiski otdela, politorganov [Memos of Department, Party Bodies]. *RGANI*, f. 5, op. 63, d. 88. 208 l.

14. Zapiski otdelov TsK KPSS [Memos of Departments of the CC of CPSU]. *RGANI*, f. 5, op. 64, d. 71. 247 l.

15. Zapiski otdelov TsK KPSS [Memos of departments of the CC of CPSU]. *RGANI*, f. 5, op. 67, d. 110. 246 l.

16. Zapiski otdelov TsK KPSS [Memos of departments of the CC of CPSU]. *RGANI*, f. 5, op. 73, d. 243. 22 l.

17. Zapiski, pis'ma [Memos, Letters]. *RGANI*, f. 5, op. 33, d. 224. 190 l.

18. Zapiski, pis'ma [Memos, Letters]. *RGANI*, f. 5, op. 59, d. 24. 148 l.

19. Zapiski, pis'ma Vsesoyuznogo obshchestva «Znanie» [Memos, Letters of the “Znanie” All-Union Society]. *RGANI*, f. 5, op. 33, d. 241. 24 l.

20. Zdravomyslov A.G. Sotsial'no-politicheskie aspekty mehanizma tormozheniya [Socio-Political Aspects of the Mechanism of Inhibition]. *Mekhanizm tormozheniya: istoki, deystvie, puti preodoleniya* [The Mechanism of Inhibition: Sources, Action, Ways of Overcoming]. Moscow, Politizdat Publ., 1988, pp. 9-24.

21. Informatsii (Baumanskiy RK KPSS) [Information Note (Baumanskiy District Committee of CPSU)]. *Central'ny gosudarstvennyy arkhiv g. Moskvy (TsGAM)* [Central State Archive of the City of Moscow], f. P-63, op. 1, d. 2247. 120 l.

22. Informatsii (Baumanskiy RK KPSS) [Information Note (Baumanskiy District Committee of CPSU)]. *TsGAM*, f. P-63, op. 1, d. 2288. 131 l.

23. Informatsii (Baumanskiy RK KPSS) [Information Note (Baumanskiy District Committee of CPSU)]. *TsGAM*, f. P-63, op. 1, d. 2417. 101 l.

24. Informatsii (Baumanskiy RK KPSS) [Information Note (Baumanskiy District Committee of CPSU)]. *TsGAM*, f. P-63, op. 1, d. 2463. 143 l.

25. Informatsii (Baumanskiy RK KPSS) [Information Note (Baumanskiy District Committee of CPSU)]. *TsGAM*, f. P-63, op. 1, d. 2500. 190 l.

26. Informatitsii (MGK KPSS) [Information Note (Moscow City Committee of CPSU)]. *TsGAM*, f. P-4, op. 172, d. 50. 193 l.
27. Informatsii (Proletarsky RK KPSS) [Information Note (Proletarsky District Committee of CPSU)]. *TsGAM*, f. P-80, op. 1, d. 1788. 124 l.
28. Informatsii (Sokol'nichesky RK KPSS) [Information Note (Sokolnichesky District Committee of CPSU)]. *TsGAM*, f. P-85, op. 1, d. 2262. 168 l.
29. Kirsanov R.G. Sostoyanie potrebitel'skogo rynka v SSSR (konets 1970-h – nachalo 1990-h gg.) [The State of the Consumer Market in the USSR (Late 1970s – Early 1990s)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bulletin of the Buryatia State University], 2014, no. 7, pp. 36-41.
30. Klinova M.A. Normy ratsional'nogo pitaniya v SSSR vtoroy poloviny 1950-h – 1980-h gg.: prichiny i vektornost' transformatsiy [Norms of Rational Nutrition in the USSR in the Second Half of the 1950s – 1980s: Causes and Vectors of Transformations]. *Uchenye zapiski: elektron. nauch. zhurn. Kurskogo gos. un-ta. Istoricheskie nauki i arkheologiya* [Scientific Notes: Electronic Scientific Journal of the Kursk State University. Historical Sciences and Archeology], 2017, no. 4 (44), pp. 73-78. URL: <http://scientific-notes.ru/#new-number?id=49> (accessed 18 August 2020).
31. Kozlov G. Ob etapah razvitiya kommunisticheskogo sposoba proizvodstva [Regarding the Stages of Development of the Communist Mode of Production]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economy], 1971, no. 7, pp. 115-128.
32. Komarov V.E., Chernyavskiy U.G. *Dohody i potrebleniye naseleniya SSSR* [Incomes and Consumption of the Population of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 238 p.
33. *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyutsiyah i resheniyah s'ezdov, konferentsiy i plenumov TsK* [The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plena of the Central Committee]. Moscow, IML pri TsK KPSS, 1987, vol. 13. 509 p.
34. Kosolapov R. Vklad XXIV, XXV i XXVI s'ezdov KPSS v razrabotku teoreticheskikh i politicheskikh problem razvitogo sotsializma i perehoda k kommunizmu [Contribution of the 24th, 25th and 26th Congresses of the CPSU to the Development of Theoretical and Political Problems of Developed Socialism and the Transition to Communism]. *Kommunist* [The Communist], 1982, no. 5, pp. 54-67.
35. Mal'tsev N.A. *Material'noe i moral'noe stimulirovaniye truda v promyshlennosti* [Material and Moral Stimulation of Labor in Industry]. Moscow, Mysl' Publ., 1965. 95 p.
36. *Material'noe i moral'noe stimulirovaniye rabotnikov i predpriyatiy* [Material and Moral Stimulation of Workers and Enterprises]. Kiev, Znanie Publ., 1976. 29 p.
37. Mihaylov M., Motylev A. *Chto reshil sentyabr'skiy plenum TsK KPSS: Mery po dal'neyshemu povysheniyu blagosostoyaniya sovetского naroda* [What the September Plenum of the CPSU Central Committee Decided: Measures to Further Improve the Welfare of the Soviet People]. Moscow, Politizdat Publ., 1967. 32 p.
38. Perepiska redaktsii zhurnala «Kommunist» [Editorial Correspondence of the “Kommunist” Magazine]. *Rosyiskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political History], f. 599, op. 1, d. 274. 116 l.
39. Perepiska redaktsii zhurnala «Kommunist» [Editorial Correspondence of the “Kommunist” Magazine]. *RGASPI*, f. 599, op. 1, d. 692. 108 l.
40. Meier V.F., Krylov P.N., eds. *Planirovaniye narodnogo potrebleniya v SSSR (sovremennyye problemy)* [Planning of National Consumption in the USSR (Modern Problems)]. Moscow, Ekonomika Publ., 1964. 136 p.
41. Popov G.H. *V pervykh ryadah stroiteley kommunizma* [In the First Ranks of the Communism Builders]. Moscow, Moskovsky mezhdunarodnyy universitet, 2018. 636 p.
42. Poruchenie Zimyanina M.V. [Instruction of M.V. Zimyanin]. *RGANI*, f. 5, op. 73, d. 248. 8 l.
43. Sarkisyan G.S. Sotsial'naya politika i povysheniye narodnogo blagosostoyaniya v usloviyakh razvitogo sotsializma [Social Policy and the Improvement of People's Welfare under Developed Socialism]. *Dohody trudyashchihsya i sotsialnyye problemy urovnya zhizni naseleniya SSSR* [The Incomes of Working People and Social Problems of the Life Standard of Population in the USSR]. Moscow, NII Truda, 1973, pp. 4-15.
44. Sibirev A.I. *Leninskie idei hozrascheta i pretvoreniye ih v zhizn'* [Lenin's Ideas of Self-Financing and Their Implementation]. Leningrad, Znanie Publ., 1969. 21 p.
45. Smirnov G.L. *XXIV s'ezd KPSS i formirovaniye novogo cheloveka* [24th Congress of the CPSU and the Formation of a New Human Being]. Moscow, Znanie Publ., 1972. 48 p.
46. Smirnov G.L. *Sovetskiy chelovek: formirovaniye sotsialisticheskogo tipa lichnosti* [The Soviet Human Being: Formation of a Socialist Type of Personality]. Moscow, Politizdat Publ., 1971. 463 p.
47. Stenogramma vystupleniya G.L. Smirnova, 1967 g. [Verbatim of the G.L. Smirnov's Speech]. *RGANI*, f. 104, op. 1, d. 25. 21 l.
48. Stenogramma Mezhdunarodnogo soveshchaniya kommunisticheskikh i rabochikh partiy, 1969 g. [Verbatim of the International Meeting of

Communist and Workers' Parties, 1969]. *RGANI*, f. 10, op. 1, d. 309. 1081.

49. Stenogrammy zasedaniy Uchenogo soveta AON pri TSK KPSS [Verbatim of Meetings of the Academy of Social Sciences at the CC of the CPSU]. *RGASPI*, f. 606, op. 1, d. 383. 4501.

50. Stenogrammy zonal'nyh soveshchaniy ideologicheskikh rabotnikov RSFSR [Verbatim of Meetings of Ideological Workers of RSFSR]. *RGANI*, f. 5, op. 34, d. 119. 2751.

51. Tereshkov I.I. *Material'noe i moral'noe stimulirovanie truda: ekonomicheskie osnovy, novye formy i sistemy: opyt BSSR i drugih soyuznykh respublik* [Material and Moral Stimulation of Labor: Economic Foundations, New Forms and Systems: The Experience of the BSSR and Other Republics]. Minsk, BNII NTI i TEI, 1981. 50 p.

52. Fedoseev P. *Dialektika razvitiya sotsializma* [Dialectics of the Development of Socialism]. *Kommunist* [The Communist], 1965, no. 14, pp. 18-29.

53. Hinchuk V.M. *Zakonodatel'stvo o zhilishchnykh, dachnykh i garazhnykh kooperativakh* [Legislation on Housing, Dacha and Garage Cooperatives]. Moscow, Moskovsky rabochy Publ., 1975. 95 p.

54. Schattenberg S. *Leonid Brezhnev: Velichie i tragediya cheloveka i strany* [Leonid Brezhnev: The Greatness and Tragedy of Man and the Country]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2018. 623 p.

55. Shatunova T.M. *Chto sluchilos' s sotsializmom v Rossii?* [What Happened to Socialism in Russia?]. *Socio Time*, 2017, no. 1, pp. 30-39.

56. Armstrong J.A. *Ideology, Politics, and Government in the Soviet Union: An Introduction*. New York; Washington, Praeger Publishers, 1974. 236 p.

57. Churchward L.G. *The Soviet Intelligentsia: An Essay on the Social Structure and Roles of the Soviet Intellectuals During the 1960s*. London; Boston, Routledge & Keagan Paul, 1973. 204 p.

58. Colton T.J. *The Dilemma of Reform in the Soviet Union*. New York, Council on Foreign Affairs, 1986. 120 p.

59. Thompson T.L. *Ideology and Policy: The Political Uses of Doctrine in the Soviet Union*. Boulder; San Francisco; London, Westview Press, 1989. 220 p.

Information About the Author

Fedor L. Sinitsyn, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Leninsky, 32a, 119334 Moscow, Russian Federation, permcavt@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2299-204X>

Информация об авторе

Федор Леонидович Синицын, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, просп. Ленинский, 32а, 119334 г. Москва, Российская Федерация, permcavt@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2299-204X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.9>

UDC 323.2(470+571)

LBC 66.3(2Рос),15

Submitted: 01.03.2021

Accepted: 01.04.2021

WAYS OF POLITICAL MODERNIZATION OF RUSSIA
AND TRADITIONS OF POLITICAL CULTURE

Aleksander L. Strizoe

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article analyzes the phenomenon of reproducing authoritarian scenario of social and political modernization of Russia in the XX century. It is noted that the stability of political tradition of authoritarian governance can be explained by the mechanisms of action of the constants of Russian political culture, the presence of a certain modernization potential in authoritarian political institutions, as well as by geopolitical and geoeconomic conditions. *Methods.* Using the general scientific principle of complementarity, the author compares sociocultural, institutional and civilizational (technological) approaches to the analysis of Russian political culture. Causal explanations in combination with the analog method make it possible to reveal the relationship between the constants of political culture and various non-political practices of social life. The systemic and sociocultural approach is used to consider homogeneity and heterogeneity in the political culture of Russia, as well as the role of values in its impact on the process of modernization. *Analysis.* The author substantiates the conclusion that explanations of the content of Russian political culture, as well as the mechanisms and stability of its impact on the political process, are to be sought in the foundations of social organization and management of Russian society, the peculiarities of maintaining its social discipline and resolving conflicts, as well as in political experience of actors. It is argued that the depth of the split in the political culture of Russia and the strength of its impact on society and the political process are exaggerated. The manifestations of the unity of value orientations and political attitudes of the elite and wide strata of the population are considered. A variant of the periodization of Russian modernization is presented, demonstrating the historical logic of solving the problems of modernization, the objective conditionality of a gradual transition from an authoritarian to a democratic way of its implementation. The article shows the possibility of using integrating values of Russian political culture to substantiate the democratic version of its development.

Key words: political modernization, political culture, values, traditions, authoritarianism, democracy, features and stages of Russian modernization.

Citation. Strizoe A.L. Ways of Political Modernization of Russia and Traditions of Political Culture. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 95-107. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.9>

**ПУТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ
И ТРАДИЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ****Александр Леонидович Стризое**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье анализируется феномен воспроизводства авторитарного сценария социальной и политической модернизации России в XX веке. Отмечается, что устойчивость политической традиции авторитарного управления может объясняться механизмами действия констант российской политической культуры, наличием у авторитарных политических институтов определенного модернизационного потенциала, а также геополитическими и геоэкономическими условиями. *Методы.* На основе использования общенаучного принципа дополнительности сопоставляются возможности социокультурного, институционального и цивилизационного (технологического) подходов к анализу российской политической культуры. Причинные объяснения в сочетании с методом аналогий позволяют выявить взаимосвязь констант политической культуры с разнообразными неполитическими практиками социальной жизни. Системный и социокультурный подходы используются при рассмотрении гомогенности и гетерогенности в политической культуре России, а также роли ценностей в ее воздействии на процесс модернизации. *Анализ.* Автор обосновывает вывод о том, что объяснение содержания российской политической культуры, а также механизмов и устойчивости ее воздействия на политический процесс следует искать в основаниях социальной организации и управления российского общества, особенностях поддержания в нем общественной дисциплины и разрешения конфликтов, а также в политическом опыте акторов. Высказывается мнение о том, что глубина раскола политической культуры России и сила его воздействия на общество и политический процесс преувеличены. Рассмотрены проявления единства ценностных ориентаций и политических установок элиты и широких слоев населения. Представлен вариант периодизации российской модернизации, демонстрирующий историческую логику решения задач модернизации, объективную обусловленность постепенного перехода от авторитарного к демократическому пути ее осуществления. В статье показана возможность использования интегрирующих ценностей российской политической культуры для обоснования демократического варианта ее развития.

Ключевые слова: политическая модернизация, политическая культура, ценности, традиции, авторитаризм, демократия, особенности и этапы российской модернизации.

Цитирование. Стризое А. Л. Пути политической модернизации России и традиции политической культуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 95–107. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.9>

Введение. За прошедший XX в. в России функционировали три различных по своему политическому содержанию и идеологическому оформлению государственных формы – монархически-имперская, советская и постсоветская. Все они в большей или меньшей мере пытались решать задачи экономической и социально-политической модернизации страны. При этом всякий раз, за исключением кратких периодов, в новых социально-исторических условиях в отношениях народа и власти воспроизводилась авторитарная традиция. Этот феномен устойчивости авторитарной политической традиции нуждается в анализе и осмыслении хотя бы потому, что сегодня и общество, и власть, и

российское политическое знание оказались перед необходимостью ответить на вопросы о перспективах изменения сложившегося политического устройства страны, а также о векторах ее социальной и идеологической трансформации.

Методы. В первом приближении устойчивость политической традиции авторитарного управления может объясняться механизмами действия констант российской политической культуры, среди которых, по общему мнению, доминируют авторитарные или близкие к ним ценности и смыслы. Принятие этой гипотезы сталкивается с необходимостью понять, как внутренне гетерогенная и, более того, расколота, по мнению многих исследо-

вателей (см., например: [4; 11; 12; 15]), российская политическая культура смогла оказать столь явное и устойчивое воздействие. С начала XX в. кардинально изменилась культура российского общества и образ жизни всех его слоев. Ценности индустриального модерна, индивидуальной свободы и выбора, городского уровня и стиля жизни, вестернизированной (в том числе по-советски) массовой культуры не могли не сказаться на традициях социального управления и политической коммуникации. Возникает вопрос о мере и тенденциях изменения российского авторитаризма и перспективах его сохранения как среды и одного из важнейших архетипов российской модернизации.

Второй возможный подход к объяснению авторитарного тренда российской модернизации восходит к обоснованной еще Т. Гоббсом идее, согласно которой изъятие у общества политических прав при сохранении гражданских (в том числе «права на самостоятельно усмотренную выгоду», на интеллектуальную автономию и автономию частной жизни), фактически создающее авторитарный режим, может обеспечить одновременно и социально-экономическое развитие, и социально-политический порядок (см. подробнее: [19, с. 118–121]). Опыт диктатуры О. Кромвеля и последовавшая затем «Славная революция» 1688 г., явившая миру компромисс либерального и консервативного крыла английской элиты, показали возможности авторитаризма как гаранта успешного развития процесса модернизации. Незавершенность российской модернизации в XX в. при слабости демократически ориентированных политических сил делала неизбежным скатывание к авторитарному сценарию трансформации общества и государства.

Третью возможность обоснования устойчивости авторитарного режима социально-политического управления дает нам рассмотрение геополитического и геоэкономического контекста развития России в XX веке. Самая большая в мире сухопутная граница в сочетании с растущей и часто принимающей насильственные формы борьбы соседних народов и государств за независимость и политическое самоутверждение требовала не только мощной армии, но и способности к быстрой мобилизации необходимых в кризисных

ситуациях социальных ресурсов. Постепенное истощение удобно расположенных минеральных и сырьевых ресурсов повышало их стоимость, создавало риски дефицита и требовало, особенно в экстремальных условиях, централизованного контроля за их распределением. Эти факторы обуславливали существование большого централизованного аппарата власти и управления. Именно такие «жесткие» с точки зрения системного подхода организации могут обеспечить единство действий различных социальных сил в чрезвычайных ситуациях, а также концентрацию и распределение дефицитных ресурсов жизнеобеспечения и развития в интересах всего социального целого.

Представляется необходимым сопоставить эти подходы, выявив их взаимосвязь и взаимную дополнительность. Опираясь на принцип детерминизма и метод аналогий, можно представить варианты описания проявлений гомогенности российской политической культуры. Объяснение исторической инерции авторитарных тенденций политической культуры России и возможности актуализации ее демократических тенденций позволит выявить роль в этом процессе объединяющих ценностей и ценностных ориентаций.

Анализ. Среди выделенных нами вариантов объяснения устойчивости авторитарной политической традиции второй и третий раскрывают ее цивилизационно-технологические и организационно-управленческие основания. Оба эти варианта описывают, по существу, объективные условия развития российского политического процесса, детерминирующее влияние которых совпадает с мотивирующим действием констант политической культуры. Выделение этих оснований и выявление их связи с константами политической культуры важны для понимания ее укорененности в разнообразных неполитических практиках социальной жизни. Подчеркнуть это обстоятельство следует еще и потому, что достаточно часто встречаются попытки обусловить содержание политической культуры преимущественно политическими факторами. Например, как пишет Н.С. Сабирова, «политическая культура – это часть политико-правовой системы, всецело зависящая от политического режима государства» [16, с. 146].

По нашему мнению, истоки объяснения содержания той или иной политической культуры, а также механизмов и устойчивости ее воздействия на политический процесс следует искать, прежде всего, в основаниях социальной организации и управления конкретных обществ, особенностях поддержания в них общественной дисциплины и разрешения конфликтов, а потом уже в историческом и политическом опыте. Логику такого подхода к интерпретации политических ценностей как составного элемента политической культуры выразил Э. Шилз: «Центральная система ценностей имплицитно связана с более фундаментальным началом, чем власть. Власть является носителем принципов порядка, которые, однако, выходят за ее собственные рамки и служат средством ее регуляции или, по крайней мере, служат стандартом, на основе которого оценивается существующая власть» [24, с. 163]. Принципы социального порядка и жизнеустройства, о которых говорил Э. Шилз, выражают смысл установок и ориентаций, вплетенных в практики повседневности и легитимированных обычаями, моралью, религией, опытом многих поколений. Все это воплощает совокупный цивилизационный и социокультурный опыт, обладающий значительной исторической инерцией и выходящий по своему содержанию за границы весьма подвижных и изменчивых смысловых полей политико-идеологических концептов, и во многом объясняет устойчивость констант самой политической культуры.

Обратимся теперь к вопросу о структурной гетерогенности российской политической культуры. Концепция социокультурного раскола как основной специфической черты российской истории, восходящая к известной позиции Н. Бердяева [1, с. 7, 16], приобрела в последние десятилетия свое «второе дыхание» в трудах А.С. Ахиезера. Не отрицая факта неоднородности и гетерогенности российской культуры вообще и политической в частности, мы полагаем, что глубина ее раскола и сила его воздействия на общество и политический процесс в нашей социальной и политической теории несколько преувеличены. С точки зрения концепции раскола и отсутствия органического единства в российской истории и культуре трудно объяснить тот факт, что освоение евразийского пространства обеспечило

гегемонию русской культуры в имперский и советский периоды российской истории, как наиболее зрелой и развитой, сохранив в то же время культурное разнообразие этого пространства. При этом, несмотря на наличие в русской культуре, как и во всякой другой, консервативных идей и деструктивных начал, ее прогрессивное содержание и конструктивное влияние на иные, в том числе не только евразийские, народы и культуры не отрицается самими разными исследователями.

В кризисные периоды политической истории России XVII–XX вв. мы могли наблюдать социально-политическую консолидацию общества, совпадение установок и ориентаций «верхов» и «низов», позволявших избавиться от угроз внешнего завоевания и сохранить страну, найдя новые условия баланса сил и интересов. Эта консолидация базировалась, прежде всего, на объединяющей все основные слои российского общества ценности государства. Сущность и предназначение государства могли пониматься по-разному, но сам факт угрозы его существованию и сохранению как независимой, суверенной политической силы, олицетворяющей народ и страну, оказывался достаточным, чтобы глубокие социально-экономические и политико-идеологические различия, разделяющие русское общество, временно отходили на второй план.

И «верхи», и «низы» российского общества в период индустриальной модернизации второй половины XIX – начала XXI в. во многом были едины в понимании отношений государственной власти и народа как отношений патрона и клиента. Даже сегодня большинство российских граждан склонно избирать не позицию активного гражданского участия, а позицию стороннего наблюдателя за ходом политического процесса, заинтересованного получателя государственных субсидий, социальной помощи и льгот. Модель патроната – клиентеллы, доминировавшая в советский период в организационных отношениях на промышленном производстве, не только сохранилась в постсоветских государственных корпорациях, но и воспроизводилась в частном бизнесе и многих иных социальных организациях.

Большая часть российской политической элиты, равно как и сообщества граждан-под-

данных, ассоциировала государственную (политическую) власть, прежде всего, с силой – императивным принуждением, волевым актом, действием, быстро и радикально меняющим положение дел в стране. Этим объясняется тот факт, что доминирующие черты образа политика в современном семантическом поле власти совпадают в большей мере с чертами образа «государственного человека», «представителя исполнительной власти», должностного лица, губернатора, чем с образами «публичного политика», «партийного лидера», «депутата». Попытки кардинально изменить ситуацию предпринимались, но фактически ничего не меняли. Так, в свое время В.И. Ленин критиковал современные ему парламентские учреждения стран Европы за фактическое полное подчинение исполнительной власти крупному капиталу, настаивая на переходе к советской системе, альтернативной парламентаризму (см., например: [9, с. 46; 10, с. 255]). Но уже в 1922 г. сотрудничавший с большевиками профессор права М.А. Рейснер в статье «Централизация, разделение функций и Советы» признавал существование сходной проблемы: «Совдепия превращается в Исполкомию» (цит. по: [13, с. 52]). Аналогичным образом попытки выстроить систему реального разделения властей без перекоса в сторону исполнительной власти, предпринятые в России в 1992–1993 гг., закончились силовым сценарием изменения соотношения сил во власти и конституционным закреплением «суперпрезидентской республики».

И российский политический класс, и рядовые граждане в системе приоритетов политического действия при выборе средств действия предпочитают прямой, непосредственный контакт с представителями власти или целевой аудиторией политико-правовой процедуре, последовательному движению по инстанциям, обсуждениям и согласованиям. В разные эпохи этот прямой контакт принимал формы то «челобитных и писем трудящихся», то доносов и «сигналов с мест», то поездок первых лиц по стране, «прямых линий» и «телевизионных мостов». При этом с обеих сторон предполагалось, что именно в непосредственном прямом контакте открывается без промежуточных искажений истина действительного положения дел, «правда жиз-

ни», реальная политическая ситуация. В соответствии с этим формировались и оценки эффективности действий как управляющих, так и управляемых: и власть и граждане «прощали» друг другу отклонения от норм, правил и процедур, отдавая предпочтение реально полученным результатам, будь то усиление державной мощи или изменения в жизни простых людей. Краткие и во многом случайные моменты психоэмоционального резонанса, возникающие в непосредственном контакте отдельных представителей «верхов» и «низов», ценились больше, чем длительная, устойчивая, хорошо организованная работа больших масс людей.

Во многом сходны и стили политической активности российских «верхов» и «низов». Во-первых, это сходство обнаруживается в дискретности усилий. О трудовых проявлениях такой дискретности писал еще В.О. Ключевский. А.И. Уткин относил ее к одной из черт национального характера русских [23, с. 513–514]. По нашему мнению, это уникальное чередование крайней степени активности с колоссальной инертностью и почти ничем не пробиваемой пассивностью имеет и политическую проекцию: кардинальные ломки прежнего политического уклада, беспощадные «русские бунты» сменялись в истории нашей политической модернизации периодами консервативного застоя и «загнивания», когда начатые реформы сворачивались, а социальные проблемы накапливались и обострялись, приводя к распаду социальных связей и деградации институтов власти и управления. Импульсивность реакций, волонтаризм порывов и кампанейщина, когда сиюминутные увлечения способны затмить все иные, в том числе стратегические цели, хорошо знакомы российской политической практике.

Вторым проявлением такого сходства политических стилей, во многом дополняющим первое, является политическая бескомпромиссность, доминирующая и в элите, и в массе, неумение и нежелание идти на взаимные уступки в выстраивании политического порядка и отношений между народом и властью. Обычно эту неуступчивость российские исследователи справедливо адресуют политической власти. Так, В.М. Сергеев констатирует: «Историческим проклятием россий-

кой элиты является ее “недоговороспособность”, неумение и, главное, нежелание договариваться с обществом. Именно “самодержавный произвол” погубил российскую монархию в 1917 г., привел к распаду СССР, поставил “новорожденную Россию” на край распада и гибели в 1993 г.» [17, с. 21]. Однако существует не менее серьезная проблема публичного обсуждения и взаимного согласования общих интересов, а также организации совместных действий, во-первых, между различными группами граждан, а во-вторых, между гражданами и активистами, постоянными участниками и руководителями общественных организаций и объединений. Неэффективность такого взаимодействия создает ситуацию, когда, по словам В.Л. Римского, «у большинства активистов не складывается понимания политики как совокупности средств и методов решений важнейших общественных проблем, а неумение и нежелание договариваться о совместных решениях понижает уровень их реальной значимости» [15, с. 67].

При этой неуступчивости противостоящим силам и интересам и власть и общество в России всегда были более лояльны и снисходительны к «своим», «единокровным», близким по кланово-корпоративному или сословному духу представителям. Отмеченное в русской литературной классике желание «Ну как не порадовать родному человечку!» хорошо знакомо представителям и «верхов», и «низов». Оно проявлялось в суррогатах социальной солидарности, когда они, «закрывая глаза» на многие их «прегрешения» и «слабости», часто шли в сообществе «своих» – светском, деловом, чиновничьем, общинном, соседском, – на неоправданные компромиссы и сомнительные сделки. Одновременно с этим виновники неудач, ошибок и «перегибов», как правило, находились не в своей среде: ими могли быть и простые «стрелочники» на местах, и «голова», которая у рыбы гниет, как известно, первой...

Описанные нами проявления единства политической культуры России объясняют устойчивость основ российского политического порядка, в котором сложились парадоксальные отношения между народом и властью, обществом и государством. Характеризуя эту парадоксальность, В.Б. Пастухов от-

мечал, что «русскому обществу с государством всегда плохо, а без государства невозможно» [11, с. 111]. Аналогичное можно сказать и о русском государстве, которое всегда тяготилось своими социальными функциями, но было неспособно решить важнейшие задачи самосохранения и развития без мобилизации широких слоев населения. Парадоксальность этих отношений во многом объясняет и долготерпение «низов», и самоуверенный консерватизм «верхов», признававших необходимость смены политических декораций и модернизационных усилий исключительно в ситуации внешнего давления, угрожающей их благополучию и безопасности.

Непоследовательность модернизационных устремлений, обусловленная слабостью прогрессистски настроенной элиты и относительной малочисленностью ее поддержки в обществе, наталкивалась на активное неприятие и пассивный саботаж не только среди консервативно настроенных «верхов», но и среди значительной массы «низов» города и деревни. При этом желание сторонников модернизации ликвидировать наиболее острые противоречия, вопиющие несправедливости и безнадежно отжившие нормы и учреждения одобрялось и даже поддерживалось большинством, но всякий раз, когда за первыми шагами обновления стала просматриваться необходимость долговременной и систематически организованной работы по кардинальному изменению социально-политического порядка и привычного уклада жизни, число сторонников перемен заметно сокращалось, а их позитивное содержание выхолащивалось. Тот факт, что политическая модернизация «сверху» осуществлялась без привлечения широких слоев населения, часто объясняется незаинтересованностью элиты в реальной демократизации общества. Однако этот факт может быть объяснен также нежеланием и неспособностью широких слоев населения, в частности, в силу ограниченности их социального опыта и интересов, расширять горизонты своей повседневной жизни, использовать открывшиеся возможности включения в публичные общественно-политические процессы. Причины и проявления этого достаточно подробно исследованы в литературе (см.: [7; 14; 15; 18; 22]).

С определенными оговорками авторитарная политическая культура может быть согласована и с курсом на модернизацию политической системы. Это обусловлено не только тем, что демократические политические нормы и формы организации далеко не сразу наполняются адекватным содержанием, практиками гражданского участия, реально-го плюрализма, парламентаризма и гражданского контроля, а политико-правовые инновации, воплощающие цивилизационный прогресс, обгоняют социокультурную эволюцию социума. Дело еще и в том, что модернизация и в своих первичных, органических проявлениях в Англии или во Франции, и в иных, вторичных, догоняющих формах далеко не сразу решила свои исторические задачи.

Эта историческая стадийность, различающаяся не только содержанием, но и глубиной трансформации социума, в «снятом» виде присутствует и в современных теоретических моделях модернизации. Так, П. Штомпка выделяет три толкования модернизации: 1) историческое (модернизация – это вестернизация или американизация); 2) релятивистское («инновации в моральных, этических, технологических и социальных установках, которые вносят свой вклад в улучшение условий человеческого существования»); 3) аналитическое (модернизация – комплекс структурных изменений, формирующий специфический, современный тип личности) [25, с. 173–175]. Представляется, что эта классификация подходов может быть развернута темпорально, как периодизация углубляющегося процесса социальной трансформации.

Первым этапом модернизации в этом случае выступает политика, в которой доминирует внешнее копирование образцов социальной и политической организации стран-лидеров модернизации. В российской истории это период реформ второй половины XIX в., также период 1905–1907 годов. Второй этап предполагает наряду с социально-экономической институциональной трансформацией изменение политической архитектуры – конструирование политических институтов, основанных, говоря языком Дж. Ролза, на справедливости и иных социально значимых добродетелях. Это конструирование призвано обеспечить, прежде всего, эффективное функциони-

рование макросоциального порядка, одной из сторон которого был бы прогресс в социально-гуманитарной сфере. Попыткой решить эти задачи был, по нашему мнению, советский и отчасти постсоветский этап российской модернизации.

Наконец, третий этап модернизации предполагает такую структурную перестройку социальных и политических институтов, которая, наряду с созданием условий инновационного развития сложившегося порядка, затрагивала бы и обновление практик повседневности и тем самым выходила бы на уровень изменения личностных характеристик человека. Тем самым возникает возможность достижения оптимального соответствия практик гражданского демократического участия с системой ценностей и ориентаций образа жизни личности. Современная повестка дня в политико-правовой сфере приближает российское общество к решению этих задач. Это позволит в максимально возможной, по сравнению с предыдущими этапами модернизации, мере наполнить демократические формы соответствующими их духу практиками, минимизировать авторитарные проявления российской политической культуры.

Одними из итогов осуществленной в России модернизации стало формирование определенного типа личности, доминирующего в обществе. По словам В.Б. Пастухова, Россия «встала рядом с Европой. Она вошла в шеренгу культур “победившей индивидуальности”, но заняла в этой шеренге самое крайнее место. Потому что индивидуализация в России не сопровождалась персонализацией. “Советский человек” оказался больше именно индивидом, чем личностью. “Азиатчина” была вытеснена из его сознания в его подсознание» [11, с. 116]. Эту оценку подтверждают и российские социологи, указывающие на атомизацию российского общества и низкий уровень социальной солидарности в нем, без которой трудно представить демократически организованную гражданскую активность.

Как справедливо отмечал Дж. Дьюи, «Демократия гораздо шире, чем особая политическая форма, чем способ организации управления... Она есть нечто более широкое и глубокое. Она... есть образ жизни, социальный и индивидуальный» (цит. по: [20, с. 16]).

При этом в основе этого образа жизни лежит личный опыт жизни в коллективе, совместного решения общих проблем. По мысли Дж. Дьюи, «Ясное осознание того, что представляет собой жизнь в ассоциации во всех ее аспектах, и составляет идею демократии» [6, с. 109]. Проповедуя ценности коллективизма в официальной идеологии, советский социализм во многом извращал и сковывал бюрократическим контролем и заорганизованностью личную инициативу и коллективную самоорганизацию, убивая тем самым ростки демократии. Без современных форм культивирования этих черт личности вряд ли возможно рассчитывать на успех институциональной политической модернизации.

Выход на личностный уровень модернизационных изменений возможен, поскольку на предшествующих этапах социальных трансформаций были созданы не только институциональные и политико-правовые формы современной демократии, но и такие ее социокультурные предпосылки, как урбанизация общества и формирование модернизационно ориентированной массовой культуры. Масштаб и значение решения этих задач, как показала история перестройки и постсоветских реформ, все еще не осознаны в достаточной мере политической элитой российского общества.

Во второй половине XX в. СССР превратился в городское общество с кардинально новой поселенческой структурой, потребностями и культурой. Сегодня электоральный ландшафт России определяют более десятка городов-миллионников и крупных городов, оказывающих инновационное воздействие на настроения, образ жизни и развитие значительного ареала сельских территорий. Городская субкультура генерирует и воспроизводит важные для демократической политики ценности информации, знания, инноваций, личного достоинства, плюрализма и самоорганизации. Важнейшим результатом модернизационного процесса в XX в. было формирование советской массовой культуры, ориентированной на смысложизненные и эстетические ценности интеллигенции. Сама советская интеллигенция, привыкшая к положению культурного авангарда, постоянно оппозирующего политико-идеологическому официозу, настолько увлеклась ставшими ей доступны-

ми в конце 80-х гг. западными культурными модами и стандартами, что не заметила полной утраты своих позиций в отечественной массовой культуре. Сегодня роль «законодателей мод» в российской массовой культуре играют ценности и стандарты англо-саксонской массовой культуры, а также дворово-криминальной субкультурной архаики, а также соответствующие им установки и образцы политического сознания и поведения в публичной сфере. Тем не менее в ней не утрачены стремление к образованию, индивидуальному самовыражению, свободному выбору, чувства ответственности и терпимости к иным взглядам, значимые для решения задач модернизации.

Уже с конца 50-х гг. XX в. наше общество испытывает на себе неуклонно нарастающие, разнообразные по содержанию и направленности глобальные цивилизационные и социокультурные влияния. Их отражением являются динамика потребностей и ценностей как личности, так и широких слоев населения, их растущее разнообразие и усложнение. Выражением этого является тенденция к росту социальной активности, стремление граждан к социальной автономии и самоорганизации. Попытки советского, а затем и постсоветского консерватизма остановить эти процессы, представив их как катастрофическое по своим последствиям разрушение традиционной идентичности и противопоставив им разные варианты изоляционизма, как показывает политический опыт, несмотря на их возможный временный успех, лишены исторической перспективы.

Ориентированная на национальные интересы стратегия социально-политической модернизации не может игнорировать объективные процессы глобализации и информационной открытости. Ответом на эти вызовы является постоянное совершенствование форм и средств управления социальной активностью. В свете этого весьма актуальны высказанные почти век назад соображения Дж. Дьюи: «Демократию надо постоянно открывать и переоткрывать заново, переделывать и преобразовывать; воплощающие ее политические, экономические и социальные институты должны все время меняться и перестраиваться с учетом тех сдвигов, которые происходят по мере фор-

мирования у людей новых потребностей и появления новых источников их удовлетворения... Демократия как форма жизни не может стоять на месте. Чтобы жить, ей нужно развиваться в соответствии с переменами, уже свершившимися и только грядущими. Если демократия не движется вперед, если пытается остаться неизменной, она вступает на путь регресса, ведущий к ее угасанию» (цит. по: [20, с. 12]). Одним из проявлений такого регресса и угасания являются проавторитарные по духу и содержанию тенденции к имитации демократической идеологии, ценностей, практик и процедур, своеобразные «симулякры демократии», существующие в политической культуре современных сложноорганизованных обществ.

Развитие современных социальных и политических технологий, апеллирующих к социокультурным основаниям управления массовым политическим поведением, делает актуальным выявление и использование демократического потенциала российской политической культуры. Прежде всего, отметим, что демократические традиции и тенденции всегда присутствовали в российской политической культуре, проявляясь в общинной, сословно-корпоративной, либеральной и социалистической формах. Напомним, что даже в махрово-консервативной черносотенной среде этот демократизм, по мнению В.И. Ленина, присутствовал: «В нашем черносотенстве есть одна чрезвычайно оригинальная и чрезвычайно важная черта, на которую обращено недостаточно внимания. Это – темный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий» [8, с. 19]. Демократические проявления политической культуры противостояли авторитарным в той мере, в какой были сильны и последовательны их представители в самом обществе, а также в элите. Такая сила во многом поддерживается социально-экономической политикой, использующей логику развития и возможности цивилизационно-технологического и культурного прогресса. Не меньшую роль играет и создание демократических политико-правовых институтов, особенно на локальном и муниципальном уровне.

Важным фактором консолидации сторонников демократически ориентированной модернизации являются объединяющие ценнос-

ти и связанные с ними ориентации политического поведения. Их актуализация могла бы снизить риски социально-политического раскола общества. Такая актуализация базируется на возможности переинтерпретации ценностей в современном обществе. Ценностный релятивизм, подвижность и размытость границ большинства базовых ценностей и культурных норм допускает наличие нескольких вариантов их интерпретаций, часто дополняющих друг друга. Как писал А. Турен, нужно отличать «культурные ориентации, составляющие систему исторического действия, от социальных норм, которые служат инструментами воспроизводства и легитимации установленного порядка» [21, с. 73]. Это отличие позволяет видеть различные средства и варианты достижения общих целей, сохранения общих идеалов и ценностей в современном плюралистическом обществе с его гибкими институциональными и сетевыми структурами. Одной из основ плюрализма путей и средств действия сегодня является изменение соотношения индивидуального и коллективного начал в технологической и экономической организации общества. Выражением этого изменения стали полиморфизм собственности в современной экономике, конвергентные тенденции в образе и стиле жизни. Практически – политической проекцией этих процессов стало появление и широкое распространение современных идеологических концептов, построенных на основе сочетания элементов классических мировоззренческих доктрин. Среди них можно назвать социал-либерализм, социал-демократизм, социал-консерватизм, либеральный консерватизм.

Если говорить о ценности сильного государства, то наравне с ее традиционным военно-державным и запретительно-ограничительным истолкованием сегодня необходимо культивировать понимание государства как умной, справедливой, «мягкой» силы, противостоящей не только классическим внешним угрозам, но и таким современным вызовам, как экстремизм и терроризм, организованная преступность и коррупция, различные формы мошенничества. Очевидно также, что умная и «мягкая» сила государственной справедливости проявляется в современной экономической и социальной политике, стимулирующей не

только деловую активность, но и иные ее проявления, значимые для общества. При этом важнейшая для российской политической культуры ценность справедливости, как показывают последние данные ВЦИОМ, все больше воспринимается гражданами не эгалитарно (примерно одинаковый для всех уровень жизни – 17 %), а либерально-демократически (равенство всех перед законом – 32 %) [3].

Интерпретация функции государственного патроната сегодня должна быть скорректирована с учетом изменения ее адресной направленности. Традиционно патронат органов власти связывался с защитой социально уязвимых слоев и групп, в отношении которых в российском обществе сложился устойчивый консенсус (семьи, имеющие детей, инвалиды, ветераны, пенсионеры). Однако необходимость минимизировать новые риски и вызовы требует поддержки инновационно ориентированных социальных слоев и групп, которые обеспечивают ускоренное научно-технологическое развитие страны, поддержания здоровья общества и его медико-биологической безопасности. Их политическое сознание в большей мере ориентировано на демократические ценности, активность и самостоятельность, а потому государственный патронат в их отношении связан с созданием условий для этого, со стимулированием развития их социального капитала.

Ценность прямого действия проявляет себя в современной политической культуре не только в формах локальных (муниципальных, поселенческих) референдумов и голосований. Электронные средства коммуникации во все большей мере превращают прямые обращения граждан к органам и представителям власти в часть повседневной жизни, требуют придать этому взаимодействию характер диалога [2, с. 68–69; 5, с. 25]. Развитие и совершенствование таких форм демократического участия предполагает повышение их прозрачности и эффективности, превращение их в форму постоянного гражданского контроля за принятием решений, особенно на местном уровне. В современном обществе возникают возможности демократического прочтения таких особенностей российской политической культуры, как ограниченность (пунктирность) компромиссов и дискретность усилий и граждан-

ской активности. В условиях растущей социальной мобильности бесконфликтная адаптация мигрантов в местных сообществах требует от принимающей стороны обозначить средствами межкультурной коммуникации как круг вопросов, при решении которых мигранты должны принять и соблюдать сложившийся нормативный порядок, так и сферу, где сохраняется их локальная автономия. Необходимость этого обусловлена тем, что неполитические по своей природе культурные нормы и традиции гендерного, конфессионального и кланово-корпоративного характера нельзя полностью стереть или игнорировать. Однако, не будучи ограничены, они могут провоцировать политические конфликты. Аналогичный принцип пунктирности нормативных запретов и дозволений, по нашему мнению, должен сохраняться и при решении проблем ряда других сообществ, например, субкультурных или маргинальных. Насыщенность современного общества рисками и чрезвычайными ситуациями ставит вопрос о таких режимах управления и политического реагирования, при которых необходимы кратковременные активные массовые действия в сочетании со строгими массовыми ограничениями. В современном политическом и социокультурном пространстве, в котором ни политические действия, ни их отсутствие не могут носить абсолютного, неограниченного характера, многие черты российской культуры и ментальности могут получить новые истолкования и проявления. Социальные технологии XXI в. дают возможности для подобного демократически ориентированного политического конструктивизма.

Выводы. Ценности и традиции российской политической культуры отражают не только исторический и политический опыт общества, но и социокультурный опыт самосохранения, управления и развития. Достижение этих целей предполагает интеграцию и консолидацию дифференцированного во многих отношениях сообщества. По мере решения задач социальной и политической модернизации в XX в. доминирование авторитарных тенденций в российской политической культуре ослаблялось. Современный этап развития России создает предпосылки для демократического решения задач политической модер-

низации при снижении вероятности раскола общества. Важную роль в снижении рисков раскола может сыграть переинтерпретация интегрирующих ценностей российской политической культуры, отражающая социокультурную специфику начала XXI века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – Париж : YMCA-PRESS, 1955. – 160 с.
2. Бессонова, О. Э. Гражданские жалобы как демократический механизм обратной связи / О. Э. Бессонова // Социологические исследования. – 2019. – № 1. – С. 63–74.
3. ВЦИОМ: аналитический обзор. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/spravedlivaja-rossija-za-pravdu-i-patrioty-rossii-perspektivu-obedinenija> (дата обращения: 26.02.2021). – Загл. с экрана.
4. Глебова, И. И. Политическая культура современной России: новые расколы / И. И. Глебова // Россия и современный мир. – 2006. – № 1. – С. 17–39.
5. Голуб, О. Ю. Современные модели социального диалога с использованием электронной коммуникации: региональное измерение / О. Ю. Голуб // Siberian Socium. – 2020. – Т. 4, № 2 (12). – С. 21–31.
6. Дьюи, Дж. Общество и его проблемы / Дж. Дьюи. – М. : Идея-Пресс, 2002. – 160 с.
7. Левашов, В. К. Политическая культура современного российского общества: социологическое измерение и практики / В. К. Левашов // Социологические исследования. – 2018. – № 7. – С. 50–60.
8. Ленин, В. И. О черносотенстве / В. И. Ленин // Полное собр. соч. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1961. – Т. 24. – С. 19.
9. Ленин, В. И. Государство и революция / В. И. Ленин // Полное собр. соч. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1962. – Т. 33. – 433 с.
10. Ленин, В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский / В. И. Ленин // Полное собр. соч. – 5-е изд. – М. : Госполитиздат, 1963. – Т. 37. – 579 с.
11. Пастухов, В. Б. Государство раскольников. Карма российской власти / В. Б. Пастухов // Общественные науки и современность. – 2011. – № 5. – С. 105–117.
12. Патрушев, А. И. Социокультурный раскол и проблемы политической трансформации России / А. И. Патрушев, А. Д. Хлопин // Россия реформирующаяся. – 2007. – № 6. – С. 301–318.
13. Петербургский, М. Ю. Классовая интерпретация психологической теории права по М.А. Рей-

снеру / М. Ю. Петербургский // Право и политика. – 2018. – № 10. – С. 48–57.

14. Петухов, В. В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик / В. В. Петухов // Социологические исследования. – 2019. – № 12. – С. 21–31.
15. Римский, В. Л. Политическая и общественная активность российских граждан / В. Л. Римский // Общественные науки и современность. – 2007. – № 5. – С. 60–68.
16. Сабирова, Н. С. Модель политической культуры современной России / Н. С. Сабирова // Власть. – 2020. – № 6. – С. 146–150.
17. Сергеев, В. М. Исторические истоки русской политической культуры / В. М. Сергеев // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 4. – С. 8–22.
18. Соловьев, А. И. Культура и политика: контуры взаимодействия в современной России / А. И. Соловьев // Власть. – 2020. – № 6. – С. 300–304.
19. Стризов, А. Л. Политика и общество: социально-философские аспекты взаимодействия / А. Л. Стризов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1999. – 340 с.
20. Стур, Дж. Дж. Открывая демократию заново. Статья 1 / Дж. Дж. Стур // Полис. Политические исследования. – 2003. – № 5. – С. 12–24.
21. Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А. Турен. – М. : Научный мир, 1998. – 204 с.
22. Условия активизации гражданского участия в малых и средних городах России. ФОМ. Итоговый отчет по проекту. – М. : ФОМ, 2014. – 192 с.
23. Уткин, А. И. Русские войны. Век XX-й / А. И. Уткин. – М. : Алгоритм : Эксмо, 2008. – 528 с.
24. Шилз, Э. Власть и ценности / Э. Шилз // Сравнительное изучение цивилизаций / сост. Б. С. Ерасов. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 556 с.
25. Штомпка, П. Социология социальных изменений : пер. с англ. / П. Штомпка ; под ред. В. А. Ядова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

REFERENCES

1. Berdiaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origin of Russian Communism]. Paris, YMCA-PRESS, 1955. 160 p.
2. Bessonova O.E. *Grazhdanskie zhaloby kak demokraticeskii mekhanizm obratnoi sviazi* [Civil Complaints as a Democratic Feedback Form]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Research], 2019, no. 1, pp. 63-74.
3. *VTsIOM: analiticheskii obzor* [Russian Public Opinion Research Center (VCIOM): Analytical Review]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/spravedlivaja-rossija-za-pravdu-i>

patrioty-rossii-perspektivy-obedinenija (accessed 26 February 2021).

4. Glebova I.I. Politicheskaja kultura sovremennoj Rossii: novye raskoly [Political Culture of Contemporary Russia: New Cleavages]. *Rossija i sovremennyyi mir* [Russia and the Contemporary World], 2006, no. 1, pp. 17-39.

5. Golub O.Iu. Sovremennye modeli sotsialnogo dialoga s ispolzovaniem elektronnoy kommunikatsii: regionalnoe izmerenie [Contemporary Models of a Social Dialogue Using Electronic Communication: The Regional Dimension]. *Siberian Socium*, 2020, vol. 4, no. 2 (12), pp. 21-31.

6. Dewey J. *Obshchestvo i ego problemy* [The Public and Its Problems]. Moscow, Idea-Press Publ., 2002. 160 p.

7. Levashov V.K. Politicheskaja kultura sovremennogo rossiiskogo obshchestva: sotsiologicheskoe izmerenie i praktiki [Political Culture of Modern Russian Society: Sociological Dimension and Practices]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Research], 2018, no. 7, pp. 50-60.

8. Lenin V.I. O chernosotenstve [The Black Hundreds]. *Polnoye sobraniye sochinenij*, Moscow, Gospolitizdat Publ., 1961, vol. 24, p. 19.

9. Lenin V.I. Gosudarstvo i revoliutsiia [The State and Revolution]. *Polnoye sobraniye sochinenij*, Moscow, Gospolitizdat Publ., 1962, vol. 33. 433 p.

10. Lenin V.I. Proletarskaja revoliutsiia i renegat Kautskii [The Proletarian Revolution and the Renegade Kautsky]. *Polnoye sobraniye sochinenij*, Moscow, Gospolitizdat Publ., 1963, vol. 37. 579 p.

11. Pastukhov V.B. Gosudarstvo raskolnikov. Karma rossiiskoi vlasti [The State of Dissenters]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World], 2011, no. 5, pp. 105-117.

12. Patrushev A.I., Khlopin A.D. Sotsiokulturnyi raskol i problemy politicheskoi transformatsii Rossii [Sociocultural Cleavage and Problems of Russia's Political Transformation]. *Rossija reformiruiushchiasia*, 2007, no. 6, pp. 301-318.

13. Peterburgskii M.Yu. Klassovaja interpretatsiia psikhologicheskoi teorii prava po M.A. Rejsneru [Class Interpretation of the Psychological Theory of Law According to M.A. Rejsner]. *Pravo i politika*, 2018, no. 10, pp. 48-57.

14. Petukhov V.V. Grazhdanskoe uchastie v sovremennoj Rossii: vzaimodeistvie politicheskikh i

sotsialnykh praktik [Civic Participation in Russia Today: Interaction of Social and Political Practices]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Research], 2019, no. 12, pp. 21-31.

15. Rimskii V.L. Politicheskaja i obshchestvennaja aktivnost rossiiskikh grazhdan [Political and Social Activities of Russian Citizen]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World], 2007, no. 5, pp. 60-68.

16. Sabirova N.S. Model politicheskoi kultury sovremennoj Rossii [Model of Political Culture of Modern Russia]. *Vlast*, 2020, no. 6, pp. 146-150.

17. Sergeev V.M. Istoricheskie istoki russkoi politicheskoi kultury [Historical Origins of Russian Political Culture]. *Polis. Politicheskije issledovaniia* [Polis. Political Studies], 2012, no. 4, pp. 8-22.

18. Soloviev A.I. Kultura i politika: kontury vzaimodeistviia v sovremennoj Rossii [Culture and Politics: The Contours of Interaction in Modern Russia]. *Vlast*, 2020, no. 6, pp. 300-304.

19. Strizoe A.L. *Politika i obshchestvo: sotsialno-filosofskie aspekty vzaimodeistviia* [Politics and Society: Socio-Philosophical Aspects of Interaction]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 1999. 340 p.

20. Stuhr J.J. Otkryvaia demokratsiiu zanovo. Statia 1 [Rediscovering Democracy. Article 1]. *Polis. Politicheskije issledovaniia* [Polis. Political Studies], 2003, no. 5, pp. 12-24.

21. Touraine A. *Vozvrashchenie cheloveka deistvuiushchego. Ocherk sotsiologii* [Return of the Actor. Essay on Sociology]. Moscow, Nauchnyi mir Publ., 1998. 204 p.

22. *Usloviia aktivizatsii grazhdanskogo uchastii v malykh i srednikh gorodakh Rossii. FOM. Itogovy otchet po projektu* [Conditions for Activating Civil Participation in Small and Medium-Sized Cities of Russia: Final Report on the FOM (Public Opinion Foundation) Project]. Moscow, FOM, 2014. 192 p.

23. Utkin A.I. *Russkie voiny. Vek XX-i* [Russian Wars: The Twentieth Century]. Moscow, Algoritm; Eksmo Publ., 2008. 528 p.

24. Shils E. Vlast i tsennosti [Power and Values]. Erasov B.S., ed. *Sravnitelnoe izuchenie tsivilizatsii* [Comparative Study of Civilizations]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1999. 556 p.

25. Sztompka P., Yadov V.A., ed. *Sotsiologija sotsialnykh izmenenii* [The Sociology of Social Change]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996. 416 p.

Information About the Author

Aleksander L. Strizoe, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Sociology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, strizoe@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3241-0480>

Информация об авторе

Александр Леонидович Стризове, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, strizoe@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3241-0480>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.10>

UDC 323.2

LBC 66.3(2Рос),0

Submitted: 17.09.2020

Accepted: 22.01.2021

SOCIAL DEMAND FOR THE FUTURE OF RUSSIA WITHIN POLITICAL PROJECTS AND MASS POLITICAL CONSCIOUSNESS

Aleksander A. Vilkov

Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation

Nikolaj I. Shestov

Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation

Andrei V. Abramov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The purpose of this article is to find out to what extent the “social state” concept, brought to the fore of domestic political, social, and economic agendas by amendments to the Constitution of the Russian Federation, is able to satisfy the demand of the mass political consciousness in Russia for the image of the country’s future. *Methods and materials.* To solve this problem, a wide range of general scholarly and specific political science approaches and methods were used. The conclusions are based on the results of opinion polls conducted by the largest social surveys research organizations of Russia (i.e. “Russian Public Opinion Research Center”, “Levada-Center”, and “Public Opinion Foundation”), analysis of the programs of political parties, speeches of Russian politicians, as well as on the observation over the Russian political process. *Analysis.* The views of citizens on the prospects for the development of relations between the state and society in Russia are analyzed in relation to the political projects of leading Russian political actors; the prospects of key projects of the existing political, social, and economic system optimization in the context of their compliance with the needs of various social groups in modern Russia are considered; estimation of social risks of their implementation is given. *Results.* An inference is made that formation of a socially desired image of the future of Russia requires a significant adjustment of the main Russian political actors’ activities. Domestic political parties need a renewal of their leadership and relevant institutional and ideological reformatting; the highest bodies of state power need to adjust the political course – first of all, it is necessary to establish control over the use of natural resources, introduce a differentiated taxation system, and stimulate production. The lack of a clear response from government bodies and party structures to society’s requests for a just, socially responsible state creates risks for the stability of the domestic social and political system, and can be used by destructive political forces to implement the scenario of a “colour revolution” in Russia.

Key words: public opinion, image of the future, political projects, social demand, mass political consciousness of Russians.

Citation. Vilkov A.A., Shestov N.I., Abramov A.V. Social Demand for the Future of Russia Within Political Projects and Mass Political Consciousness. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 108-122. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.10>

УДК 323.2

ББК 66.3(2Рос),0

Дата поступления статьи: 17.09.2020

Дата принятия статьи: 22.01.2021

СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАПРОС НА БУДУЩЕЕ РОССИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ И МАССОВОМ СОЗНАНИИ ГРАЖДАН

Александр Алексеевич Вилков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация

Николай Игоревич Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Российская Федерация

Андрей Вячеславович Абрамов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Целью настоящей статьи является поиск ответа на вопрос о том, насколько сегодня концепт «социального государства», выведенный поправками к Конституции РФ на первый план внутрироссийской политической и социально-экономической повестки, способен удовлетворить запрос массового сознания российских граждан на образ будущего страны. *Методы и материалы.* Для решения указанной проблемы использован широкий набор общенаучных и специально-политологических подходов и методов (исторический, социологический, компаративный, аксиологический). Выводы базируются на результатах социологических опросов, проведенных крупнейшими социологическими службами России (ВЦИОМ, Левада-Центр, ФОМ), анализе программ политических партий, выступлений российских политических деятелей, а также на наблюдении за российским политическим процессом. *Анализ.* Проанализированы представления граждан о перспективах развития взаимоотношений между государством и обществом в России в их соотношении с политическими проектами ведущих российских политических акторов; рассмотрены перспективы ведущих проектов оптимизации существующей политической и социально-экономической системы в контексте их соответствия запросам различных социальных групп в современной России, дана оценка социальным рискам их реализации. *Результаты.* Сделан вывод о том, что формирование социально востребованного образа будущего России требует существенной корректировки деятельности основных российских политических акторов. Отечественным политическим партиям необходимо обновление лидерского состава и соответствующее институциональное и идеологическое переформатирование; высшим органам государственной власти необходима корректировка политического курса: прежде всего шаги в направлении установления контроля над использованием природных ресурсов, внедрения дифференцированной системы налогообложения, мер по стимулированию производства. Отсутствие внятного ответа со стороны государственных органов и партийных структур на запросы общества о справедливом, социально ответственном государстве создает риски для устойчивости отечественной социально-политической системы, может использоваться деструктивными политическими силами для реализации сценария «цветной революции» в России. *Вклад авторов.* Разработка концепции статьи, написание вводного раздела, анализ программ политических партий и материалов социологических опросов, общее редактирование принадлежит А.А. Вилкову. Проведение теоретико-методологического анализа социального запроса на образ будущего России и его историческую обусловленность осуществил Н.И. Шестов. Сбор, систематизацию и анализ результатов социологических опросов, отражающих представления россиян о социально справедливом общественно-политическом устройстве страны реализовал А.В. Абрамов.

Ключевые слова: общественное мнение, образ будущего, политические проекты, социальный запрос, массовое политическое сознание россиян.

Цитирование. Вилков А. А., Шестов Н. И., Абрамов А. В. Социальный запрос на будущее России в политических проектах и массовом сознании граждан // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 108–122. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.10>

Введение. Усиление внутривнутриполитических конфликтов во многих странах современного мира, в том числе передовых по показателям политического и экономического благополучия, и обострение, особенно в последние годы, международных отношений в очередной раз актуализировали в повестке глобального и странового политических процессов проблему выбора обществами стратегий и моделей своего развития. Для российского

общества и политической элиты актуальность такого выбора была устойчивой на протяжении всего постсоветского периода и в результате потерь в ресурсах функциональности, которые понесло государство от попыток его радикального реформирования, и в силу несостоявшихся надежд российских граждан на быструю и безболезненную интеграцию в культурное и экономическое пространство Запада. Недавние изменения в Конституции

РФ, закрепившие ежегодную индексацию социальных выплат и пенсий, обязанность государства поддерживать доступность и качество медицинского обслуживания, гарантию социальной поддержки детей и другие изменения, представляют собой, по сути, усилие властной элиты сформулировать для российского общества новые ориентиры для политического взаимодействия с ней и для общего продвижения страны к социально-экономическому благополучию. Понятие «социальное государство» призвано образно обозначить общий позитивный тренд укрепления солидарности общества и власти в их представлениях о будущем России и продвижении к этому будущему. Однако важнейшее значение имеет вопрос: насколько это усилие в том виде и в том порядке, в котором оно было реализовано, соответствует социальным ожиданиям большинства российского населения?

Большинство граждан современных стран, и Россия здесь не исключение, воспринимает политическое бытие на уровне обыденного сознания. В массовом сознании постоянно идет творческая работа над образом будущего страны, государства, общества и человека, опирающаяся на житейский опыт отдельных людей и социальных групп. Результатом является обычно несистематический, фрагментарный политический образ будущего [23, с. 89–90]. Вместе с тем он обладает мощным мотивационным потенциалом, который может выступать эффективным мобилизационным ресурсом, стимулирующим и консолидирующим активность и социальную энергию общества. В то же время, если этот образ недостаточно коррелирует с идеологическими моделями и теоретическими проектами, выработанными властной и интеллектуальной элитами и внедряемыми в массовое сознание, он может стать дестабилизирующим и деструктивным фактором политического процесса.

Насколько сегодня концепт «социального государства», выведенный поправками к Конституции РФ на первый план внутрироссийской политической и социально-экономической повестки, способен удовлетворить запрос массового сознания российских граждан на образ будущего страны? Такой образ, который был бы способен в обозримой перспек-

тиве поддерживать демократическую устойчивость политического процесса в нашей стране, достигнутую немалыми усилиями власти и общества в последние годы. И крайне уязвимую, как показывает опыт сопредельных с Россией стран, для внешних диверсий. Поиск ответа на этот вопрос является целью настоящей статьи.

Методы. Попытки изучения представлений о будущем в массовом сознании россиян неоднократно предпринимались представителями различных социально-гуманитарных наук. Среди исследований последних лет можно отметить философские [1], социологические [4; 9; 11] и социально-психологические [13; 14; 22] интерпретации народного образа грядущего. Во многих из указанных работ приводятся результаты авторских эмпирических исследований, что придает данным публикациям особую ценность. Вместе с тем собственно политологическое осмысление темы происходило довольно редко. К числу немногочисленных исключений из правила можно отнести исследования образов будущего в конституционных проектах [12], в публичном общественно-политическом дискурсе [3], а также публикацию о проектировании будущего в программатике российских политических партий [21].

Несмотря на то что проблему нельзя назвать неизученной, пока еще нет специального научного исследования, в котором содержался бы анализ базовых ценностных ориентиров россиян и их представлений о справедливом общественном устройстве в их сопоставлении с политическими проектами ведущих российских политических акторов и государственно-конституционными преобразованиями 2020 года. Осознание необходимости такого исследования предопределило выход данной статьи.

Для определения того, насколько инициированный политическими элитами концепт «социального государства» способен удовлетворить запрос массового сознания российских граждан на образ будущего страны, авторы использовали широкий набор как общенаучных, так и специально-политологических подходов и методов. Был осуществлен анализ первичных и вторичных результатов исследований общественного мнения. Статья строит-

ся на интерпретации результатов социологических опросов, проведенных крупнейшими социологическими службами России: ВЦИОМ, Левада-Центр, ФОМ, а также на основе изучения программ политических партий, выступлений российских политических деятелей и наблюдений за российским политическим процессом.

Анализ. Можно выделить два уровня факторов, на практике существенно затрудняющих сведение ориентиров, важных для общества и элиты для их солидарного движения в политическое будущее, к какому-либо универсальному теоретическому понятию. Даже если это понятие (например, «социальное государство», «правовое государство», «гражданское общество» и т. д.) прочно укоренилось в современных политических дискурсах и не вызывает отторжения у участников политического процесса.

Один фактор – это давление на сознание участников современного политического процесса знания о прошлом государства и общества (особенно ближайшем), существенно возросшего в последние десятилетия благодаря развитию средств массовых коммуникаций. Другой фактор – текущее состояние россий-

ской социально-политической системы, в контексте которого сознание граждан должно вести поиск связи своих представлений о будущем общества и государства со смыслом понятия «социальное» и «правовое» государство.

У разных поколений связь между отношением к прошлому, настоящему и будущему складывается специфически (табл. 1).

Наиболее привлекательными в качестве примеров для подражания в будущем большинству российских граждан кажутся дореволюционное время и брежневская эпоха. Это понятно. В нормальном обществе всегда доминирует запрос на социальную и политическую стабильность, спокойную, размеренную жизнь без социальных катаклизмов.

Вместе с тем переломные эпохи («лихие 1990-е», сталинский СССР и октябрь 1917 г.) поколение Z оценивает гораздо позитивнее, чем граждане старшего и среднего возрастов, бывшие реальными современниками этих исторических процессов. Для молодого поколения, чье сознание изначально нацелено на освоение больших объемов противоречивой информации, не существенны те моменты в политическом опыте советских государств и общества, которые старшему поколению ме-

Таблица 1. Значимые различия в отношении к прошлому, настоящему и будущему России у представителей четырех поколений россиян

Table 1. Significant differences in the attitude to the past, present and future of Russia among representatives of four generations of Russians

Характеристики отношения к прошлому, настоящему и будущему России	Поколения россиян			
	ВВ (1944– 1968 г. р.)	X (1969– 1984 г. р.)	Y (1985– 1999 г. р.)	Z (2000– 2003 г. р.)
Позитивная оценка настоящего России **	4,01	4,48	4,43	3,91
Способность влиять на настоящее России **	3,39	4,14	4,54	4,39
Позитивная оценка будущего России **	4,59	5,05	4,67	4,53
Способность влиять на будущее России **	4,19	4,56	5,07	4,95
Ценность коллективного прошлого как источника уроков для будущего **	5,46	5,97	5,50	5,38
Общая воспринимаемая преемственность коллективной истории **	4,89	4,78	4,58	4,40
Дореволюционное время как образец для будущего России *	3,28	3,29	2,76	2,55
Время после Февральской революции как образец для будущего России *	1,54	1,84	2,13	2,05
Время после Октябрьской революции как образец для будущего России *	1,52	1,74	2,00	2,19
Сталинское время как образец для будущего России *	1,75	2,26	2,31	2,27
Брежневское время как образец для будущего России *	2,69	2,90	2,42	2,37
Время перестройки как образец для будущего России *	1,84	1,60	2,01	2,15
Ельцинский период как образец для будущего России *	1,59	1,55	1,83	2,39

Примечание. Источник: [14, с. 83–84]. * – 5-балльная шкала; ** – 7-балльная шкала.

шают быть единодушным в признании советской внутренней политики в XX столетии образцом для подражания в будущем. Тем, что можно сегодня и завтра на уровне Конституции связать с понятиями «правовое государство» и «социальное государство».

Сознание субъектов политики балансирует между потребностью в политическом выборе остаться в границах рационального и безопасного. То есть в границах политических идей и решений, найденных предками и проверенных их опытом. И в то же время пониманием, что изменения необходимы и сейчас, и, особенно, в будущем. Границы этого балансирования массового сознания существенно шире, чем те, которые ему способны задать понятия «социальное государство», или «правовое государство». Отечественные политологи, в 90-е гг. прошлого века оптимистично писавшие о перспективах либеральной модернизации России, о развитии начал гражданственности и самоуправления в общественной и государственной жизни, о вхождении России в «семью демократических народов», уже столкнулись однажды с проблемой несовместимости реалий российской политики в понятийный аппарат либеральной теории. Они не могли себе представить, насколько спустя десятилетие политические предпочтения граждан и элит, мотивации их выбора в пользу образа будущего страны качнутся в сторону консерватизма и традиционализма, соответствующих ценностей и практик [2; 8; 20]. Если помнить реальный советский опыт, то границы этого баланса определяла масштабная и относительно стройная по смыслу система советской официальной идеологии, которая все естественные подвижки в массовом сознании в его отношении к будущему вводила в достаточно жесткое русло смыслов и политических дискурсов.

В чем, пожалуй, едины участники современного политического процесса в нашей стране (вне зависимости от их идеологических предпочтений), так это в использовании в своих представлениях на тему образа будущего крайне мифологизированных образов как досоветского, так и советского политического опыта. «Мифологизированных» не в смысле их недостоверности, а в плане высокой эмоциональности и устойчивой стереотипности

формулировок и оценок, которые стоят за этими образами.

Необходимо отметить еще одно немаловажное обстоятельство. Позитивное отношение молодежи к советскому опыту свидетельствует не столько о ее консерватизме и усвоении от старших лишь «моделей пассивного выживания и адаптации» [9, с. 36], сколько о недовольстве настоящим. Советское прошлое противопоставляется молодыми современности. На основании качественного анализа интервью студентов московских вузов исследователи В.А. Касамара и А.А. Сорокина формулируют пять дихотомий, связанных с восприятием поколением Z Советского Союза и современной России (см. табл. 2).

Совершенно очевидно, что в сознании молодежи возникает не образ советского прошлого, которое хотели бы восстановить молодые люди (они не жили в СССР и мало о нем знают), а образ некоего идеального общества под условным брендом «Советский Союз». Об отсутствии ностальгии по СССР у молодых ясно свидетельствуют данные социологических исследований. Согласно опросу ВЦИОМ, среди респондентов, сожалеющих о распаде СССР, преобладают люди пенсионного возраста (85 %), доля молодых составляет лишь 27 %. Большая часть поколения Z о крушении Советского Союза не сожалеет (39 %) или не имеет ясного мнения на этот счет (34 %) [24].

Социологи отмечают еще одну «точку соприкосновения» поколений – скептическую оценку современности. По данным исследований, на протяжении довольно длительного времени россияне испытывают чувства неуверенности и тревоги. Согласно опросам Левада-Центра, среди проблем, волнующих россиян на протяжении более двадцати лет, преобладают боязнь болезней, угроза мировой войны, страх перед произволом, беззаконием и бедностью [5]. Как видно из данного списка, неудовлетворенными у большинства россиян остаются материальные потребности.

Таким образом, сложившееся в массовом сознании представление о будущем является комбинацией отрицательных суждений о некоторых аспектах настоящего, которому противопоставляются фрагменты мифологизированного прошлого.

Таблица 2. Основные дихотомии при сравнении СССР и современной России

Table 2. Key dichotomies when comparing the USSR and contemporary Russia

СССР	Современная Россия
Дружелюбная атмосфера, взаимопомощь	Недоверие друг к другу, чувство ненависти, враждебность
Идеология, объединяющая людей	Отсутствие национальной идеи
Советские культурные достижения	Прозападная массовая культура
Социальные гарантии	Социальная незащищенность
Великая держава	Слабое коррупционное государство

Примечание. Источник: [11, с. 112].

Субъекты нынешней российской политики, оценивая реалии досоветского и советского времени, обмениваясь такими воспоминаниями (прежде всего в интернет-пространстве), маркируют, таким образом, «точку невозврата» в отечественном либерально-демократическом политическом процессе. Ту «точку», после прохождения которой социально-политической системе не дано вернуться в своем развитии назад. Большинство авторов разнообразных проектов будущего России сходятся в том, что будущее невозможно воспроизвести в каких-либо, прежде известных, национально-исторических форматах. Они признают, что логика современных глобализационных процессов во всем мире обуславливает необходимость двигаться только вперед. Это признают не только сторонники либерального развития России по «магистральной дороге цивилизации» в направлении «общечеловеческих ценностей», но и идеологи некоммунистических проектов в духе Г.А. Зюганова [10], а также авторы неоконсервативных проектов в духе А.Г. Дугина [6] и А.А. Проханова.

Элита получила сегодня возможность, при отсутствии внятно сформулированной идеологии коммуникации ее с российским гражданским обществом, «оптимизировать» свою работу над системой мотивирования граждан к патриотическому мышлению и поведению.

За счет, прежде всего, выделения в советском политическом опыте тех знаковых событий и процессов, которые настраивают сознание граждан на оптимистический лад и вселяют в него уверенность, что Россию ждет великое будущее даже в том случае, если мы сегодня ничего точно об этом будущем сказать не можем. В настоящий момент в нашей стране осуществлена очень удобная для управления локализация научных и публичных дис-

куссий на тему будущего страны. Суть ее в том, чтобы свести публичные дискуссии на тему советского прошлого и постсоветского будущего нашей страны до масштаба, не угрожающего стабильности демократических институтов в нашей стране в условиях политической и экономической модернизации, которая раз за разом начинается и, к сожалению, каждый раз заканчивается результатами, не удовлетворяющими ни общество, ни элиту.

Локализация социально значимых знаний и оценок вокруг отдельных исторических событий позволяет решить проблему, чрезвычайно важную для нынешней российской власти. Проблему поддержания ее легитимности в пространстве внутрироссийской политики в условиях, когда в мировой политике по разным причинам эта легитимность в последние годы понесла заметный ущерб. Центральное место в технологиях налаживания позитивных коммуникаций с гражданским обществом и стремлении повлиять таким образом на социальный запрос на будущее занимают оценки и образы Великой Отечественной войны, подвига в ней советских граждан. Так формируется доминантный патриотический дискурс коммуникаций общества и власти, а также внутрисоциальных коммуникаций.

Дискурс обеспечивает, как показало минувшее голосование по поправкам к Конституции РФ, взаимопонимание нынешней российской властной элиты с достаточно большим числом рядовых граждан. В то же время официальная актуализация патриотического дискурса таит в себе, в перспективе, и определенный риск для легитимности действующей власти. Источником угрозы, на наш взгляд, является то, что в массовом сознании граждан способность ныне действующих институтов Российского государства управлять

политическим процессом, в том числе формировать социальный запрос на его будущее, напрямую и тесно увязывается с Великой Отечественной войной и Победой. В официальных и неофициальных дискурсах на эту тему массовому сознанию трудно найти ответ на ключевой для легитимности власти вопрос: к какому будущему состоянию политики, какими путями и с какими интересами нынешняя властная элита намерена вести гражданское общество в «светлое будущее».

В этих дискурсах, при всей их яркости и продуктивности для решения задачи патриотического воспитания, содержится в основном лишь доступная массовому сознанию российских граждан информация о том, от какого сложного, противоречивого и драматичного прошлого их намерена увести действующая элита. Критически неясен при этом ответ на ключевой вопрос: насколько будет соответствовать это будущее массовым ожиданиям безопасности, справедливости, этичности политики? Нынешние патриотические дискурсы коммуникации властной элиты и гражданского общества, дискурсы о Великой Отечественной войне и Великой Победе не содержат на этот счет какой-либо убедительной информации. По крайней мере, в том масштабе и того качества, которые позволили бы гражданскому обществу мифологически, на уровне устойчивых формул политической коммуникации, соединить свою патриотическую рефлексию на тему войны и Победы со своими ожиданиями «светлого будущего» для себя и своих потомков.

Акцент на историческом преемстве действующей власти не вредит ее легитимности до тех пор, покуда в силу не всегда предсказуемых внутривластных и внешнеполитических обстоятельств гражданское общество прямо не ставит перед ней вопрос: что реально дает для настоящего и будущего страны систематическое совместное переживание элитой и обществом их трагического и героического прошлого? Почему консенсус власти и общества по этому поводу не способствует решению накопившихся текущих социальных проблем и каковы перспективы их решения в будущем?

Этот политический риск для устойчивого функционирования современного россий-

ского государства вытекает из стремления массового сознания найти связь и провести сравнение между прошлым и настоящим страны (на уровне стереотипных мифологических представлений) для осмысления оценки перспектив ее политического и социально-экономического будущего.

Между тем социологические замеры показывают, что оценки текущего состояния российской социально-политической системы очень противоречивы.

Не очень значимой представляется населению нашей страны многопартийность. Так, 24 % россиян считает, что стране достаточно одной партии, еще 6 % сомневается, что партии нужны вообще [15, с. 109]. Уверенность же остальных граждан в важности многопартийности сочетается с довольно низкой положительной оценкой данного института в целом: среди авторитетных социальных структур политические партии занимают, как правило, последние места [17]. Причина столь скептического отношения общества кроется, видимо, в том, что за время своего существования партии не сумели выполнить своей социальной роли. «...Поставленные перед выбором оставаться выразителями интересов своих сторонников, составляющих часть общества... или использовать свой политический статус в качестве дивиденда, делегированного властью за “системность”, современные политические партии России предпочли второй путь... – пишут В.Г. Егоров и А.А. Морозов, – Встроенные во властную вертикаль парламентские партии утратили способность выражать интересы граждан... Вмешательство в решение конкретных проблем граждан, бизнеса не входит в планы партий, так как это может вызвать недовольство чиновников и возможное “повреждение” их статуса в системе» [7, с. 22].

Невысоко оценивают граждане и такую демократическую процедуру, как голосование. «Отношение населения к выборам выглядит неоднозначным, – пишут социологи Левада-Центра Д. Волков и С. Гончаров. – С одной стороны, на протяжении многих лет наблюдается устойчивое предпочтение выборов другим способам назначения мэров и губернаторов... а также преобладающее негативное отношение к идее ограничения права участия в выборах. С другой стороны, качество выбо-

ров оценивается населением довольно низко... При этом в числе приоритетов для подавляющего числа россиян честные выборы занимают одно из последних мест, различные социальные проблемы волнуют людей намного больше» [4, с. 12].

Равнодушие к классическим либеральным институтам и практикам не означает, однако, отрицание россиянами демократии: 62 % респондентов признают ее необходимость для России. Различие заключается в моделях народовластия, на которые ориентируются граждане: лишь 13 % респондентов хотели бы видеть демократию такой же, как в Европе и Америке; 16 % считают идеалом советский вариант народовластия и подавляющее большинство (55 %) мечтает о демократии «совершенно особой, соответствующей национальным традициям и специфике России» [4, с. 3–4]. Среди важнейших оснований такой особой демократии – соблюдение гражданами законов вне зависимости от их социального статуса (36 %), забота власти о нуждах людей (34 %) и свобода выражения мнения о государственных делах (31 %) [4, с. 5].

Исследования показывают, что в массовом сознании значительной части российских граждан в качестве справедливого доминирует образ будущего страны, основанный на «левых» ценностях. Возникает резонный вопрос: почему эти представления не находят отражение в соответствующем голосовании граждан за «левые» партийно-идеологические проекты на выборах различного уровня. Казалось бы, в программах КПРФ и «Справедливой России» (а также других партий «левой» ориентации) эти ценности обоснованы и изложены в развернутом виде и должны выступать действенным мотивирующим фактором для голосования за «справедливое» общественно-политическое и социально-экономическое устройство. Однако реальные результаты выборов в Государственную думу и президентских выборов последних двух десятилетий не подтверждают прямой зависимости между «левыми» настроениями электората и голосованием за соответствующие партии и представляющих их кандидатов.

Проще всего это можно было бы объяснить наличием мощного административного и информационного ресурсов у действующе-

го Президента и «Единой России», которые позволяют эффективно влиять на избирателей в период предвыборных кампаний. Этот фактор действительно имеет место, но, на наш взгляд, не является определяющим. Важнейшее значение имеет использование ментальных особенностей политической культуры россиян, которое позволяло и в очередной раз (на референдуме по поправкам в Конституции РФ) позволило обосновать целесообразность поддержки действующего Президента.

В этой политической культуре, детерминированной драматической историей России, причудливо синтезировались и укрепились достаточно противоречивые ценности и установки. С одной стороны, сформировалось понимание необходимости сильного государства, способного защитить страну от внешней угрозы и обеспечить порядок в обществе. Это державное начало дополняется персонафицированным восприятием сущности государственной власти, обусловленным многовековой монархической и 70-летней советской традицией. Такое патерналистское восприятие государства, регулирующего и контролирующего все сферы общественной жизни, особенно укрепилось в советский период. Не случайно, что даже на пике либеральных настроений и надежд в политической жизни России в 1993 г. авторы Конституции РФ, наряду с закреплением основных прав и свобод граждан, включили в нее понятие социального государства.

Тем не менее либеральная мотивация возвращения России в семью «демократических цивилизованных народов» не сработала для значительной части населения. Прежде всего в силу недовольства граждан сформировавшимся в постсоветской России политическим и социально-экономическим строем (олигархический капитализм, коррупция, бюрократия, несправедливый суд, социальный раскол и т. д.). Важную роль сыграло также отсутствие четкого и понятного большинству населения стратегического целеполагания проводимых демократических преобразований. Это существенно отличает ситуацию от периода СССР, когда важнейшую мотивационную роль для советских граждан играло идеологическое обоснование их значимости в качестве первопроходцев и строителей ком-

мунизма – «светлого будущего для всего человечества».

Либеральная идея гражданских прав и свобод, воплощенная на практике в конкретных преобразованиях «лихих 1990-х» в период строительства «дикого капитализма», не просто не смогла заменить это мессианское начало в политической культуре россиян, но была нацелена на формирование определенной ущербности и негативное восприятие до-революционного имперского прошлого и тем более тоталитарного советского наследия. «Светлое либеральное будущее», по мнению российских реформаторов, уже давно существует на Западе, и России нужно просто воплотить апробированные демократические институты и механизмы их функционирования. Однако их реальное формирование и функционирование с самого начала осуществлялось самими либералами с грубейшими нарушениями демократических принципов. Объяснялось это реформаторами угрозой возвращения коммунистов к власти и опасностью реанимации советской системы. Поэтому для сохранения власти Б.Н. Ельцина, как гаранта слома коммунистической модели и продолжателя либеральных преобразований, были использованы все средства – от мощнейшей кампании информационно-манипуляционного воздействия на избирателей до прямых фальсификаций результатов выборов. Это не могло не подорвать доверия граждан не только к переходному либеральному состоянию России, но и к перспективам этой модели образа «счастливого будущего». Такой заимствованный, «вторичный» образ будущего России, лишенный «высокого мессианского смысла», не смог стать действенным мотивационным фактором либеральных преобразований. Резкое падение жизненного уровня большинства населения в 1990-е гг. и формирование олигархической компрадорской модели капитализма не было воспринято российскими гражданами как необходимая и оправданная жертва на пути к «светлому либеральному будущему».

Социологические опросы, проведенные ФОМ в 2007 г. и 2011 г., показали, что на вопрос «Как вы считаете, современное российское общество в целом устроено справедливо или несправедливо?» только 12 % опрошенных однозначно ответили положительно.

О том, что устройство несправедливо, в 2007 г. однозначно ответили 68 %, а в 2011 г. – 61 % респондентов. Более того, даже через два десятилетия после распада СССР, половина респондентов оценивала сложившееся общественное устройство в стране как менее справедливое, чем советское [19].

В условиях конституционно закрепленных перекосов в системе разделения властей в пользу Президента РФ важнейшие демократические институты, такие как парламентаризм, многопартийность, конкурентные выборы, оппозиция, оказались политически неэффективными. Одними из первых это ощутили на себе сами сторонники либерализма, которые достаточно быстро были вытеснены из большой политики на периферию общественно-политической жизни России. Однако партии других идеологических направлений также не стали авторитетными субъектами политики в представлении большинства российского населения. Обусловлено это тем, что принятие стратегически важных решений для страны зависит, прежде всего, от Президента Российской Федерации.

Во многом это объясняет тот факт, что те «левые» предпочтения в образе будущего России, которые социологи выявляют у значительной части населения, не становятся определяющим фактором в процессе голосования на парламентских выборах. Фракция КПРФ в Государственной думе на пике своего успеха в результате выборов 1995 г. ничего не смогла сделать, чтобы изменить либеральный курс политического и социально-экономического развития страны. Поражение Г.А. Зюганова на президентских выборах 1996 г. объясняется, по мнению многих исследователей, прямой фальсификацией результатов голосования. Однако на выборах 2000 г. он не смог составить конкуренцию более молодому и харизматичному В.В. Путину в значительной степени из-за отсутствия результатов парламентской деятельности КПРФ в Государственной думе.

Сформированный в информационном пространстве антиобраз лидера коммунистов, как «вечно второго», стал одним из факторов, ограничивающих расширение электоральной поддержки КПРФ. Кроме того, сказалось целенаправленное конструирование «Справедли-

вой России» – еще одной «левой» партии социал-демократического толка, которая на выборах в Государственную думу стала получать от 7 до 13 % голосов избирателей. Как видно, именно в ее программе представлен тот проект образа будущего России, который концентрированно включает в себя социальный запрос на исторически обусловленные специфические ценности политической культуры россиян и модернизированную модель социального государства. Однако создание этой партии не предполагало реальной конкуренции ее лидера В.В. Путина, так как изначально «Справедливая Россия» представляла себя как оппозицию негативным проявлениям и последствиям деятельности «Единой России» (коррупции, бюрократизму, социальной несправедливости и т. д.). На президентских выборах 2004 г. С.М. Миронов публично обосновал свою поддержку В.В. Путина как общенационального лидера. На выборах 2008 г. «Справедливая Россия» также поддержала выдвинутую В.В. Путиным кандидатуру Д.А. Медведева. Тем самым партия была дискредитирована как самостоятельная оппозиционная сила и утвердилась в массовом сознании как «левая» пропрезидентская партия. Соответственно не воспринимается как самодостаточная и политическая программа партии, хотя она и включает в себя реальный социальный запрос граждан на «левые» ценности.

С приходом к власти В.В. Путина его обоснование стратегии самостоятельного и самодостаточного развития России, подкрепленное попытками поставить под президентский контроль процессы политического и социально-экономического развития страны, стало одним из факторов его высокого рейтинга в качестве общенационального лидера. В условиях благоприятной конъюнктуры на внешних рынках такая политика привела к тому, что увеличение государственных доходов от продажи нефти и газа позволило осуществить определенный подъем всех сфер экономики и уровня жизни населения, остановить опасные центробежные тенденции в регионах, восстановить оборонно-промышленный комплекс и укрепить армию, возродить статус России в качестве великой державы на международной арене.

Поддержка этих позитивных процессов населением и укрепления механизмов силь-

ного государства способствовала тому, что российские граждане достаточно легко согласились на пресловутую политическую «рокировку» В.В. Путина и Д.А. Медведева, которая позволила формально сохранить требования Конституции РФ о двух сроках президентства. Не вызвала массового негодования и политика по конструированию политических партий, поддерживающих Президента, хотя состав и деятельность самой «Единой России» с самого начала вызывала серьезные претензии у значительной части россиян. Всплеск оппозиционных выступлений в российских столицах 2011–2012 гг. опирался на узкую социальную базу и не охватил регионы. Кредит доверия В.В. Путину, обусловленный восстановлением России в качестве великой державы, достиг своего пика в период кризиса на Украине и возвращения Крыма в состав России. Однако последующее обострение международных отношений и политика санкций против России со стороны США и западноевропейских стран, наряду с падением цен на нефть и газ на мировых рынках, вновь актуализировали социальную проблематику в настроениях российских граждан.

Социологический опрос, проведенный ВЦИОМ в 2018 г., показал, что на вопрос «За последний год наше общество стало менее или более социально справедливым?» только 16 % респондентов ответили, что оно стало скорее более социально справедливым. Более половины опрошенных не увидели позитивных отношений в данной области, а 28 % респондентов были уверены, что ситуация изменилась в худшую сторону [18]. Отвечая на прямой вопрос «По Вашему мнению, политика российских властей сегодня способствует или препятствует укреплению социальной справедливости в нашем обществе?» только 29 % респондентов ответили, что «скорее способствует», 32 % – «скорее препятствует» и 30 % выбрали ответ «никак не влияет на справедливость общества» [18].

По результатам опроса Левада-Центра в октябре 2019 г. только 3 % респондентов однозначно положительно ответили на вопрос «Совпадают ли в России интересы власти и общества?»; еще 22 % ответили «скорее да»; «скорее нет» – 42 %; «определенно нет» – 30 %; затруднились ответить – 4 % опрошенных [16].

Такие настроения стали одним из мотивов внесения поправок в Конституцию РФ в 2020 году. Несмотря на явную политическую задачу этих поправок («обнуление» сроков президентства В.В. Путина), очевидно и стремление расширить и укрепить социальный блок Конституции РФ. Это ответ на общественный запрос о необходимости ориентироваться на принципы социальной справедливости, как стратегического будущего развития России. Однако соотнесение принятых изменений с «левыми» представлениями о справедливом общественно-политическом устройстве свидетельствует о том, что поправки нацелены лишь на текущее повышение уровня легитимности власти Президента. Главная претензия населения к сформированной в 1990-е гг. компрадорской модели экономических отношений не нашла своего разрешения в конституционных поправках. Интересы крупных собственников, ориентированных на вывоз природных ресурсов России за рубеж, остались не затронутыми. Сохранившаяся либеральная модель экономики оставляет мало возможностей для расширения социальных функций государства, не позволяет устранить базовую несправедливость в распределении собственности и ее производных ресурсов. Соответственно сегодняшнее сильное государство и потенциал общественной стабильности не получают мотивационного подкрепления надеждами граждан на социально справедливое будущее России.

Периодические публичные акции использования государственного контроля за действиями собственников крупных компаний и громкие разоблачения коррупционеров на различных уровнях власти лишь подтверждают незыблемость действия «закона олигархических тенденций» в современной России. Они не создают конституционно закрепленных основ для системного контроля за социальными приоритетами экономической деятельности и призваны, чаще всего, продемонстрировать функциональность и значимость «ручного управления» главы российского государства. Декларирование «Единой Россией» своего превращения в партию «народного большинства» на волне реализации социально ориентированных государственных программ воспринимается гражданами как стремление при-

глушить назревающий протестный потенциал и завуалировать сращивание интересов власти и собственников.

Результаты. Как видится, формирование социально востребованного образа будущего России будет связано с обновлением лидерского состава отечественных «левых» политических партий и соответствующим их институциональным и идеологическим реформативированием. Сегодняшние программы КПРФ и «Справедливой России» (Коммунистическая партия Коммунисты России (КПКР), Коммунистическая партия социальной справедливости (КПСС) и другие небольшие «левые» партии не обладают ресурсами для превращения в реальную политическую силу в современной России), несмотря на наличие в них востребованных значительной частью населения социально-политических ценностей и приоритетов, не получают соответствующей поддержки на выборах. У каждой из данных партий своя собственная совокупность причин ограниченности электората, но общим является неспособность лидеров обосновать реальность своей победы, прежде всего, на президентских выборах. Г.А. Зюганов, несмотря на свой статус политического старожилы и тяжеловеса, имеет уже закрепленный в массовом сознании образ лидера «партии прошлого», адаптированной в качестве подконтрольной системной оппозиции к политической жизни современной России. Не случайно, что лидер коммунистов не стал выдвигать свою кандидатуру на последних выборах Президента Российской Федерации. С.М. Миронов изначально не претендовал на реальную конкуренцию с В.В. Путиным, нивелировав тем самым в глазах населения политические запросы возглавляемой им партии. Соответственно отсутствие реальных претензий на государственное лидерство и возможность изменить стратегию развития государства и общества нивелирует в глазах населения и тот образ будущего, который представлен в программах данных «левых» партий.

Поэтому уже в ближайшем будущем объективно назрела потребность консолидации «левых» партий, или, по крайней мере, выдвижение ими новых политических лидеров, ориентированных на борьбу за российскую модель социал-демократического развития

страны. Установление реального контроля со стороны государства и общества за природными ресурсами и их использованием, внедрение дифференцированной системы налогообложения, государственное стимулирование внутреннего производства – представляет собой единственно возможный для России способ формирования общественно-политического и социально-экономического строя, воспринимаемого большинством населения как социально справедливое, обеспечивающее достойное будущее для российских граждан.

Понятия «социальное государство» и «правовое государство», если подходить к ситуации формально, обладают тем уровнем смысловой широты, при котором способны охватить все разнообразие и все противоречия в запросах общества на приведение социально-политической системы России в состояние, при котором она будет способной прогрессировать в границах демократических ценностей и процедур. В то же время эти понятия не обладают способностью конкретизировать связь между запросами различных групп граждан на будущее страны и теми предложениями на этот счет, которые сегодня пытаются адресовать обществу партийные лидеры и теоретики.

С этим обстоятельством связан второй очевидный риск для будущей устойчивости отечественной социально-политической системы и для ее способности прогрессировать. Общество, получившее ответ о своем будущем, но ответ недостаточно конкретный, проявляет (чему много примеров показывает политическая жизнь постсоветских государств) повышенный интерес к политическим технологиям, обещающим решение насущных проблем «в обход» проблемы политического будущего, решение «здесь и сейчас». А таким свойством сегодня в наибольшей мере обладают, к сожалению, технологии «цветных революций». В современном мире множится число обществ, в которых применение этих политических технологий, обещающих решение проблем без оглядки на прошлое и без глубоких раздумий о будущем, замещающих в массовом сознании рациональную рефлексию на эту тему протестными эмоциями, уже фактически лишило позитивного политическо-

го будущего. Понимание гражданами и элитой того, что простой актуализацией в публичных политических дискурсах тех, или иных общепринятых теоретически понятий и формул не решить проблему появления четких ориентиров для развития российской политики, могло бы быть определенной гарантией от такой пугающей перспективы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананченко, А. Б. «Образы будущего» и национальная идея России / А. Б. Ананченко // Философия политики и права. – 2019. – № 10. – С. 256–265.
2. Белякова, А. М. Консерватизм как идеология современной России / А. М. Белякова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 1. – С. 139–142.
3. Вилков, А. А. Образы будущего в политологическом и публичном дискурсах современной России / А. А. Вилков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2020. – Т. 20, № 1. – С. 64–68. – DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-64-68>.
4. Волков, Д. Демократия в России: установки населения. Сводный аналитический отчет / Д. Волков, С. Гончаров. – М. : Левада-Центр, 2015. – 43 с.
5. Динамика основных страхов // Левада-Центр : [сайт]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/04/09/dinamika-osnovnyh-strahov/> (дата обращения: 12.08.2020). – Загл. с экрана.
6. Дугин, А. Г. Абсолютная родина. Пути Абсолюта. Метафизика Благой Вести. Мистерии Евразии / А. Г. Дугин. – М. : АРКТОГЕЯ-центр, 1999. – 752 с.
7. Егоров, В. Г. Особенности современного российского партогенеза / В. Г. Егоров, А. А. Морозов // Власть. – 2012. – № 9. – С. 21–25.
8. Епремян, М. А. Консерватизм в политическом реформировании современной России: преимущества и недостатки / М. А. Епремян // Общество: политика, экономика, право. – 2018. – № 12 (65). – С. 35–40.
9. Зоркая, Н. Ностальгия по прошлому, или Какие уроки могла усвоить и усвоила молодежь / Н. Зоркая // Вестник общественного мнения. – 2007. – № 3. – С. 35–46.
10. Зюганов, Г. А. Орусских и России / Г. А. Зюганов // Коммунистическая партия Российской Федерации : [сайт]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://kprf.ru/personal/zyuganov/zbooks/25058.html> (дата обращения: 20.07.2020). – Загл. с экрана.

11. Касамара, В. А. Образ СССР и современной России в представлениях студенческой молодежи / В. А. Касамара, А. А. Сорокина // *Общественные науки и современность*. – 2014. – № 1. – С. 107–118.

12. Кузнецов, И. И. Представления о будущем в проектах реформирования Конституции Российской Федерации / И. И. Кузнецов // *Образы будущего России: желаемое – возможное – необходимое* : материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Москва, 8–9 июня 2016 г. / под общ. ред. А. Б. Ананченко ; Моск. пед. гос. ун-т, Ин-т истории и политики. – М. : Изд-во МПГУ, 2016. – С. 16–40.

13. Мехришвили, Л. Л. Влияние образа будущего на жизненный успех и стратегии его достижения современной российской молодежи / Л. Л. Мехришвили, В. В. Гаврилюк, Т. В. Гаврилюк // *Россия реформирующаяся* : ежегодник. Вып. 15 / отв. ред. М. К. Горшков. – М. : Новый Хронограф, 2017. – С. 369–394.

14. Нестик, Т. А. Образ будущего России у представителей поколения Z / Т. А. Нестик, В. Н. Ролдугина // *Человек и мир*. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 75–87.

15. *Общественное мнение – 2016* : ежегодник. – М. : Левада-Центр, 2017. – 272 с.

16. *Общество и государство* // Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады : [сайт]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2019/11/28/obshhestvo-i-gosudarstvo/> (дата обращения: 10.12.2019). – Загл. с экрана.

17. Рейтинги партий, доверия политикам, одобрения работы государственных и общественных институтов // ВЦИОМ : [сайт]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3626> (дата обращения: 07.08.2020). – Загл. с экрана.

18. Социальная справедливость в России // ВЦИОМ : [сайт]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9443> (дата обращения: 10.12.2019). – Загл. с экрана.

19. Справедливость не торжествует // ФОМ : [сайт]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://fom.ru/Nastroeniya/10263> (дата обращения: 10.12.2019). – Загл. с экрана.

20. Федулов, А. М. Возвращение к идеям консерватизма в современной России / А. М. Федулов // *Наука и бизнес: пути развития*. – 2013. – № 9 (27). – С. 55–60.

21. Шаповалов, В. Л. «Образы будущего» в партийном пространстве России / В. Л. Шаповалов // *Политика развития, государство и мировой порядок* : материалы VIII Всерос. конгресса политологов / под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. – М. : Аспект-Пресс, 2018. – С. 578–579.

22. Шестопал, Е. Б. Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов / Е. Б. Шестопал, Н. В. Смутькина, И. В. Морозикова // *Сравнительная политика*. – 2019. – Т. 10, № 3. – С. 74–94. – DOI: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10031>.

23. Шмелева, О. Ю. Социальные медиа как механизм формирования образа современного государства в политическом сознании россиян / О. Ю. Шмелева, Д. И. Каминченко // *Вестник Московского государственного областного университета* : электрон. журн. – 2019. – № 3. – С. 87–106. – DOI: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2019-3-969>.

24. Back in the USSR? // ВЦИОМ : [сайт]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=497> (дата обращения: 12.08.2020). – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Ananchenko A.B. «Obrazy budushchego» i nacional'naya ideya Rossii [“Images of the Future” and the National Idea of Russia]. *Filosofiya politiki i prava*, 2019, no. 10, pp. 256-265.

2. Belyakova A.M. Konservatizm kak ideologiya sovremennoj Rossii [Conservatism as the Ideology of Modern Russia]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2020, no. 1, pp. 139-142.

3. Vilkov A.A. Obrazy budushchego v politologicheskom i publichnom diskursah sovremennoj Rossii [Images of the Future in the Political Science and Public Discourses of Modern Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, 2020, vol. 20, no. 1, pp. 64-68. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-64-68>.

4. Volkov D., Goncharov S. *Demokratiya v Rossii: ustanovki naseleniya. Svodnyi analiticheskii otchet* [Democracy in Russia: Attitudes of the Population. Consolidated Analytical Report]. Moscow, Levada-Tsentr [Levada-Center], 2015. 43 p.

5. Dinamika osnovnykh strakhov [Dynamics of Basic Fears]. *Levada-Tsentr* [Levada-Center]. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/09/dinamika-osnovnyh-strahov/> (accessed 12 August 2020).

6. Dugin A.G. *Absolyutnaya rodina. Puti Absolyuta. Metafizika Blagoi Vesti. Misterii Evrazii* [Absolute Homeland. Paths of the Absolute. Metaphysics of the Good News. Mysteries of Eurasia]. Moscow, ARKTOGEYA-tsent Publ., 1999. 752 p.

7. Egorov V.G., Morozov A.A. Osobennosti sovremennogo rossijskogo partogeneza [Features of Modern Russian Partogenesis]. *Vlast'*, 2012, no. 9, pp. 21-25.

8. Epremyan M.A. Konservatizm v politicheskom reformirovanii sovremennoj Rossii: preimushchestva

i nedostatki [Conservatism in the Political Reform of Modern Russia: Advantages and Disadvantages]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], 2018, no. 12 (65), pp. 35-40.

9. Zorkaya N. Nostal'giya po proshlomu, ili Kakie uroki mogla usvoit' i usvoila molodezh' [Nostalgia for the Past, or What Lessons Could and Have Been Learned by the Youth]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [The Russian Public Opinion Herald], 2007, no. 3, pp. 35-46.

10. Zyuganov G.A. O russkikh i Rossii [About Russians and Russia]. *Kommunisticheskaya partiya Rossiiskoi Federatsii* [Communist Party of the Russian Federation]. URL: <https://kprf.ru/personal/zyuganov/zbooks/25058.html> (accessed 20 July 2020).

11. Kasamara V.A., Sorokina A.A. Obraz SSSR i sovremennoj Rossii v predstavleniyah studencheskoj molodezhi [The Image of the USSR and Modern Russia in the Representation of Student Youth]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 2014, no. 1, pp. 107-118.

12. Kuznetsov I.I. Predstavleniya o budushchem v proektakh reformirovaniya Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii [Ideas About the Future in the Projects of Reforming the Constitution of the Russian Federation]. Ananchenko A.B., ed. *Obrazy budushchego Rossii: zhelaemoe – vozmozhnoe – neobkhodimoye* [Images of the Future of Russia: The Desired is the Possible]. Moscow, Izd-vo MPGU, 2016, pp. 16-40.

13. Mekhrishvili L.L., Gavriilyuk V.V., Gavriilyuk T.V. Vliyanie obraza budushchego na zhiznennyj uspekhi i strategii ego dostizheniya sovremennoj rossijskoj molodezhi [The Impact on the Vision of the Future to Life Success and Strategies to Achieve it by Modern Russian Youth]. Gorshkov M.K., ed. *Rossiya reformiruyushchayasya*. Moscow, Novyy Khronograf Publ., 2017, no. 15, pp. 369-394.

14. Nestik T.A., Roldugina V.N. Obraz budushchego Rossii u predstavitelej pokoleniya Z [Image Of Russia's Future Among Representatives of Russian Generation Z]. *Chelovek i mir*, 2018, vol. 2, no. 2, pp. 75-87.

15. *Obshchestvennoe mnenie – 2016: yezhegodnik* [Public Opinion – 2016: Yearbook]. Moscow, Levada-Tsentr, 2017. 272 p.

16. Obshchestvo i gosudarstvo [Society and State]. *Levada-Tsentr* [Levada-Center]. URL: www.levada.ru/2019/11/28/obshhestvo-i-gosudarstvo/ (accessed 10 December 2019).

17. Reitingi partii, doveriya politikam, odobreniya raboty gosudarstvennykh i obshchestvennykh institutov [Party Ratings, Confidence in Politicians, Approval of the Work of State and Public Institutions]. *VCIOM* [Russian Public Opinion Research Center]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3626> (accessed 7 August 2020).

18. Sotsial'naya spravedlivost' v Rossii [Social Justice in Russia]. *VCIOM* [Russian Public Opinion Research Center]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9443> (accessed 10 December 2019).

19. Spravedlivost' ne torzhestvuet [Justice Does Not Prevail]. *FOM*. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/10263> (accessed 10 December 2019).

20. Fedulov A.M. Vozvrashchenie k ideyam konservatizma v sovremennoj Rossii [Return to the Ideas of Conservatism in Modern Russia]. *Nauka i biznes: puti razvitiya* [Science and Business: Development Ways], 2013, no. 9 (27), pp. 55-60.

21. Shapovalov V.L. «Obrazy budushchego» v partiinom prostranstve Rossii [“Images of the Future” in the Party Space of Russia]. Gaman-Golutvina O.V., Smorgunov L.V., Timofeeva L.N., eds. *Politika razvitiya, gosudarstvo i mirovoi poryadok: materialy VIII Vseros. kongressa politologov* [Development Policy, State and World Order. Materials of the 8th All-Russian Congress of Political Scientists]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2018, pp. 578-579.

22. Shestopal E.B., Smulkina N.V., Morozikova I.V. Sravnitel'nyj analiz obrazov svoej strany u zhitelej rossijskikh regionov [Comparative Analysis of the Images of Their Country Among Residents of Russian Regions]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics Russia], 2019, vol. 10, no. 3, pp. 74-94. DOI: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10031>.

23. Shmeleva O.Yu., Kaminchenko D.I. Social'nye media kak mekhanizm formirovaniya obraza sovremennogo gosudarstva v politicheskom soznanii rossiyan [Social Media as a Mechanism for the Formation of the Image of a Modern State in the Political Consciousness of Russians]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Region University], 2019, no. 3, pp. 87-106. DOI: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2019-3-969>.

24. Back in the USSR? *VCIOM*. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=497> (accessed 12 August 2020).

Information About the Authors

Aleksander A. Vilkov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Head of the Political Science Department, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Nikolaj I. Shestov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Political Science Department, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Andrei V. Abramov, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Comparative Politics, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1, 119991 Moscow, Russian Federation, abram-off@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6528-4444>

Информация об авторах

Александр Алексеевич Вилков, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Николай Игоревич Шестов, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

Андрей Вячеславович Абрамов, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991 г. Москва, Российская Федерация, abram-off@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6528-4444>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.11>

UDC 323.21
LBC 66.02+73

Submitted: 05.11.2020
Accepted: 22.01.2021

DIGITAL CITIZENSHIP IN THE RUSSIAN FEDERATION: POLITICAL RISKS AND PROSPECTS

Ivan A. Bronnikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Victoriya V. Karpova

Digoria Forum of Young Political Scientists of Russia, Moscow, Russian Federation;
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The realities of modern society reflect the demand of science to understand, explain and stage the structural transformations of the political process of a digital nature. Civic Internet activity is acquiring non-hierarchical forms and is ahead of technological practices used by the state. Introducing themselves into the modern political process, network organizational structures allow the formation of strong horizontal ties, acting as a tool for accumulating public opinion and mobilizing intellectual resources. *Methods and methodology.* In this article, the features of digital citizenship are considered through the following theoretical and methodological foundations: digital citizenship in the concept of a network club; generational theory of being digital citizens; digital citizenship as a value system of user strategies; the administrative plane of obtaining the legal status of a citizen in the network. *Analysis.* Synergy effects from joint activities of government, business and civil society institutions in the implementation of digital citizenship are extremely important. In connection with the creation of digital citizenship infrastructure in the Russian Federation, obtaining a digital profile of a citizen is of particular importance. Particular attention is paid to the risk factors for digital citizenship. The need to develop trust bridges between government and society, where co-management contributes to the formation of a safe and comfortable environment in physical and digital spaces, is argued. *Results.* The authors proposed the concept of architecture for building digital citizenship, which consists of the phased implementation of digital services: 1) the introduction of platform solutions in the field of public administration: the provision of public services in digital format, the launch of the Public Services Portal of the Russian Federation; 2) an increase in the number of public services provided in the online format, the launch of the Unified Identification and Authentication System (ESIA); 3) the Russian Federation's citizen's digital profile creation, the launch of digital super services at the ESIA website, the introduction of an electronic passport of a citizen of the Russian Federation. It is concluded that the digital citizenship has new end-to-end communication capabilities, coupled with the extraterritoriality of processes. It is proved that digital citizenship is a fundamental right in the digital age. Digital literacy and digital security stand out as important elements of digital citizenship.

Key words: social media, digital citizenship, digital citizen, civil Internet activism, digital profile.

Citation. Bronnikov I.A., Karpova V.V. Digital Citizenship in the Russian Federation: Political Risks and Prospects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 123-133. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.11>

УДК 323.21
ББК 66.02+73

Дата поступления статьи: 05.11.2020
Дата принятия статьи: 22.01.2021

ЦИФРОВОЕ ГРАЖДАНСТВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Иван Алексеевич Бронников

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Виктория Вадимовна Карпова

Форум молодых политологов России «Дигория», г. Москва, Российская Федерация;
 Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Реалии современного общества отражают запрос науки на понимание, объяснение и сценирование структурных трансформаций политического процесса цифрового характера. Гражданская интернет-активность приобретает неиерархичные формы и опережает технологические практики, применяемые государством. Внедряясь в современный политический процесс, сетевые организационные структуры позволяют формировать прочные горизонтальные связи, выступая инструментом аккумуляции общественного мнения, координации гражданских инициатив и мобилизации интеллектуальных ресурсов. Крайне важным являются синергетические эффекты от совместной деятельности органов власти, бизнеса и институтов гражданского общества в вопросах внедрения цифрового гражданства, так как соуправление и сетевое сотрудничество способствуют формированию безопасной и комфортной среды в физическом и цифровом пространствах. В связи с созданием инфраструктуры цифрового гражданства в Российской Федерации получение цифрового профиля гражданина приобретает особую значимость. Авторами предложена концепция архитектуры построения цифрового гражданства, которая заключается в поэтапном внедрении цифровых сервисов: 1) внедрение платформенных решений в сферу государственного управления: предоставление государственных услуг в цифровом формате, запуск Единого портала государственных услуг; 2) увеличение количества предоставляемых государственных услуг в онлайн-формате, запуск Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА); 3) создание цифрового профиля гражданина РФ, запуск цифровых суперсервисов на площадке ЕСИА, внедрение электронного паспорта гражданина РФ. *Вклад авторов.* И.А. Бронниковым и В.В. Карповой определены стержневые характеристики построения архитектуры цифрового гражданства, которые связаны с развитием следующих параметров: «государство как платформа», широкомасштабное использование электронного голосования, внедрение цифрового профиля гражданина и электронного паспорта. И.А. Бронников раскрыл новые возможности сквозной коммуникации и выделил важные элементы цифрового гражданства (цифровая грамотность и цифровая безопасность). В.В. Карпова исследовала факторы риска цифрового гражданства.

Ключевые слова: социальные медиа, цифровое гражданство, цифровой гражданин, гражданский интернет-активизм, цифровой профиль.

Цитирование. Бронников И. А., Карпова В. В. Цифровое гражданство в Российской Федерации: политические риски и перспективы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 123–133. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.11>

Введение. Развитие современных информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) снижает традиционные барьеры гражданского участия и переводит взаимодействие государства и акторов гражданского общества в цифровой формат. При вариативности позиций в основу института цифрового гражданства большинство ученых вкладывают статус гражданина. Объект исследования – политические риски и перспективы инфраструктуры цифрового гражданства. Цель исследования состоит в выявлении особенностей построения востребованной архитектуры цифрового гражданства, а также в определении потенциальных рисков и угроз внедрения цифрового гражданства в РФ.

В свое время Э. Тоффлер говорил, что развитие ИКТ позволит любому гражданину

без посредников принимать активное участие в решении насущных проблем. Современные сетевые технологии не только создают площадки гражданских практик, но также дают возможности и инструменты для повышения их эффективности, так как позволяют легко сочетать институционализированные формы общественного участия с неформальными интернет-практиками.

Возрастающая роль онлайн-пространства в нынешних социополитических процессах [11; 26; 27] способствует глобальной цифровой трансформации, в частности становлению концепции цифрового гражданства [1; 9; 20] как новой грани гражданского участия в постинформационном обществе.

В западных научных журналах поле исследований онлайн-активизма достаточно на-

сыщено эмпирической информацией [23; 24; 27]. В отечественных работах проблематика цифрового активизма носит фрагментарный характер [4; 11], что связано как с недавней практикой синхронизации взглядов с зарубежными исследованиями, так и с российскими особенностями самоорганизации граждан в сетевых сообществах. Особо следует отметить, что некоторые исследователи [4] считают, что социальные сети не являются триггером гражданского и политического активизма. Наряду с этим в научном дискурсе имеется и противоположная позиция [3; 4; 11]. Цифровая трансформация общественных отношений способствовала снижению эффективности устоявшихся моделей гражданского участия, что особенно ярко проявляется в молодежной среде [5; 13; 16].

Современный цифровой мир многогранен и изменчив. Сейчас уже не вызывает удивления тот факт, что в мире насчитывается более 3,8 млрд пользователей социальных сетей [20], а в 2020 г. среднестатистический человек тратит на медиапотребление 40 % времени в период бодрствования, или 6 ч 43 мин (для сравнения в России данный показатель еще выше – 7 ч 17 мин). Отличительной чертой становится также социально-медийный детокс, или использование социальных сетей «по делу» вместо парадигмы «новая искренность». Однако возникают проблемные аспекты иного типа и формата. Например, проблема цифрового неравенства внутри самой сети. Так, одни граждане являются полноправными участниками цифрового мира, а другие просто потребляют заранее подготовленный контент (консьюмтариат).

Методы и методология. В рамках понятия «цифровое гражданство» как нового явления для пространства политической науки целесообразно выделить ключевые теоретико-методологические основы:

1) *Цифровое гражданство в концепции сетевого клуба.* Наиболее широкая трактовка включения в категорию «цифровых граждан» принадлежит американским топ-менеджерам Google Дж. Коэну и Э. Шмидту [7]. Кибероптимистическая гипотеза аналитиков Google заключается в том, что граждане, вкушившие все плюсы и возможности новых реалий медиапотребления, будут обладать

значительным потенциалом политического влияния, используя максимальную выгоду от цифровых коммуникаций и цифровой эпохи в целом. Кроме того, сетевые взаимодействия позволяют приобрести пользовательский статус для решения насущных проблем.

2) *Поколенческая теория причисления к цифровым гражданам* [19]. Масштабное развитие информационных технологий привело к различиям в социализации индивидов. М. Пренски отмечает наличие определенного разрыва между поколением «цифровых абorigенов», чья социализация совпала с массовым распространением цифровых технологий и более старшей когортой «цифровых иммигрантов», родившихся до цифровой эпохи [25]. Основная гипотеза заключается в том, что границы между поколениями «цифровых абorigенов» и «цифровых иммигрантов» со временем нивелируются, а «цифровая мудрость», рассматриваемая как набор навыков критического освоения информации в виртуальном пространстве, начинает играть первостепенную роль.

А. Вромен, исследуя мобилизацию цифровых граждан и общую гибридизацию медиасферы, утверждает, что радикальные эффекты в социальных медиа связаны с деятельностью нового поколения сетевых акторов [28]. Неудивительно поэтому, что Л. Эррера нынешнюю молодежь относит к поколению цифрового бунта [18]. Помимо этого, важное значение для идентификации цифровых граждан имеют количественные и качественные характеристики онлайн-поведения.

3) *Цифровое гражданство как ценностная система пользовательских стратегий.* Концептуализация феномена цифрового гражданства была произведена американским политологом К. Моссбергер [22]. Под цифровым гражданством в авторской интерпретации подразумевается системное и эффективное участие в онлайн-жизни, а цифровая грамотность и культура цифрового гражданства раскрывает принадлежность к цифровым гражданам. Важно отметить, что К. Моссбергер и соавторы интерпретировали цифровое гражданство как ценностную систему, обеспечивающую ответственное и безопасное поведение в интернет-среде с учетом многообразия возможных пользовательских страте-

гий. При этом цифровое гражданство проецируется в трех векторах: *политическом, общественном и экономическом*. Участие в общественной жизни рассматривается через политическое онлайн-влияние, а трансформация системы «государство – гражданское общество» позволяет выстроить прямой диалог, что является важной задачей цифрового правительств.

Цифровое гражданство может использоваться для определения ответственного поведения пользователей в мире цифровых технологий. К примеру, концепция М. Рибла [26] строится на трех принципах (*уважение, просвещение и защита*), состоящих в совокупности из девяти элементов цифрового гражданства. Е.В. Бродовская выделяет определенный примат институциональных составляющих цифровизации над социокультурными, что приводит к рассинхронизации процессов создания цифровой инфраструктуры [1].

4) *Административная плоскость получения правового статуса гражданина в сети*. По существу речь идет о получении правового статуса гражданина в «онлайне» (к примеру, приобретение цифрового профиля гражданина как дополнительного элемента impartial and effective offline good governance). В связи с созданием инфраструктуры цифрового гражданства в РФ получение цифрового профиля гражданина приобретает особую значимость.

Таким образом, несмотря на многоаспектность трактовок феномена цифрового гражданства, наиболее релевантным для целей статьи считаем концептуализированный подход К. Моссбергер и соавторов.

Анализ. В рамках данной работы построение архитектуры цифрового гражданства будет рассматриваться в двух направлениях. Во-первых, с точки зрения инициативы сверху. Принципиальным отличием этого вида активности является тот факт, что каналы взаимодействия созданы и контролируются самим государством, то есть граждане принимают существующие правила и действуют согласно заложенному властью плану. И, во-вторых, с точки зрения инициативы снизу (Grassroots). Это низовые движения граждан с целью выражения своих прав, требований, интересов и мнений в цифровом формате. Не последнюю

роль в вопросе интенсификации цифрового гражданства в повседневность сыграли республиканские практики типа делиберации, которые позволяют принимать совместные управленческие решения в процессе инклюзивного публичного обсуждения.

Следует подчеркнуть, что проблематика гражданского активизма в России находится в зоне повышенного внимания в последние годы. В докладах Общественной палаты РФ отмечается готовность гражданских активистов к переходу от контроля к участию в реализации стратегических проектов. Более того, диалоговые интернет-практики между государством и гражданским обществом в России обладают значительным потенциалом общественного участия граждан, что связано с мотивационной составляющей постматериалистических ценностей.

При этом интернет-активизм достаточно тесно связан с проявлением *цифровой гражданственности*. Обширный пул гражданских интернет-активностей достаточно подробно рассматривается в работах [4; 7; 11; 12; 14; 28]. Практики гражданского интернет-активизма несут перспективный импульс в преодолении «коммуникационного провала» между гражданским обществом и властью. При этом гражданская интернет-активность приобретает неиерархичные формы и опережает технологические практики, применяемые государством. Внедряясь в современный политический процесс, сетевые организационные структуры позволяют формировать прочные горизонтальные связи, выступая инструментом аккумуляции общественного мнения, координации гражданских инициатив и мобилизации интеллектуальных ресурсов.

Результаты. Построение архитектуры цифрового гражданства можно рассматривать сквозь призму предпосылки институционализированной рациональности. Инициатива ускоренного внедрения цифровых технологий заложена в Указе Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», а также в национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации», общий бюджет которой составляет 1 634,9 млрд рублей. Проектирование и реинжиниринг процессов со-

здают цифровые услуги [10], а стратегии цифровой трансформации подразумевают разнообразные модели взаимодействия в концепции платформенного инкрементализма. Основными элементами структуры цифрового правительства является наличие транзакционно интегрированных правительственных порталов, совместное использование данных в государственном секторе, наличие инфраструктуры на государственном и межведомственном уровнях.

В последние годы достигнуты солидные показатели степени развития цифровой архитектуры. В 2019 г. РФ заняла 23-е место в рейтинге цифровых экономик мира, 14-е место по доступу к цифровым технологиям и сервисам [15]. При этом 47 % россиян позитивно оценивают влияние новых технологий на общество. Однако наряду с положительной динамикой наблюдается глобальная тенденция кризиса к цифровому доверию (прежде всего защита персональных данных). Мировой показатель составляет 45 %, в России процент доверия остановился на уровне 29 %, а более 44 % участников исследования осуществляет попытки по сокращению «цифровых следов» – данных, которыми респонденты готовы делиться в глобальной сети.

В 2019 г. Минстрой России совместно с учеными из МГУ им. М.В. Ломоносова разработали индекс цифровизации городского хозяйства «IQ городов». Индекс включает в себя 47 показателей и позволяет определить базовый уровень цифровизации городского хозяйства и эффективность решений, внедряемых регионами и городами. На сегодняшний момент самые высокие показатели у Москвы, Казани, Санкт-Петербурга и Нижнего Новгорода.

В то же время новые горизонты цифрового общества и общий тренд технологизации социального пространства формируют ряд рисков, связанных с цифровизацией общественного пространства [2]. В этой связи И.А. Василенко выделяет парадоксы цифровизации городского пространства: невысокий уровень творческих и талантливых людей; ограничение свободы человека с развитием цифровых технологий; вопросы конфиденциальности и личной тайны «умных домов», потенциально превращающихся в стеклянные аква-

риумы; дегуманизация общественного пространства (виртуальное зазеркалье Фромма); «цифровое слабоумие» молодежи. Для предотвращения опасностей цифрового общества в российских реалиях необходима гуманитарная экспертиза при внедрении смарт-технологий в городскую жизнь.

Существенно то, что цифровой формат взаимодействия с органами государственной власти рассматривается странами-лидерами кибертрансформации как необходимое условие для повышения конкурентоспособности. Основной задачей цифрового правительства выступает формирование структурного каркаса административных процессов на основе эффективного использования цифровых данных, платформ и их экосистем. При этом Россия входит в тройку лидеров по темпам роста использования цифровых услуг, а число пользователей госуслуг в электронном виде за 2018–2019 гг. превышает среднемировые показатели втрое. Более того, по оценке Similarweb (Law And Government) портал государственных услуг РФ является одним из лучших в мире, занимая 2-е место по посещаемости [17]. Количество зарегистрированных пользователей превышает отметку в 100 млн, а на апрель 2020 г. доступно в электронном виде более 29 тыс. услуг [6]. В планы по развитию цифровой инфраструктуры входит запуск 23 суперсервисов и создание цифрового профиля гражданина РФ.

Цифровой профиль [8] представляет собой обновленную систему идентификации и аутентификации, содержащую сведения о гражданах и юридических лицах, призванную упростить процессы обмена данными между индивидами, бизнесом и государством. В качестве основной платформы для построения цифрового профиля рассматривается ЕСИА (Единая система идентификации и аутентификации). На февраль 2020 г. в системе было зарегистрировано 100 млн человек [6]. На наш взгляд, позитивной тенденцией внедрения технологии может стать быстрота получения различного вида услуг и проактивность предложений для граждан, способствующая переходу от модели «запросов» к полноценному предоставлению комплексных услуг.

Одновременно с этим возникновение цифровых профилей приведет к постановке

вопроса относительно формирования цифровых прав и обязанностей граждан, а само государство перейдет к гибриднему типу существования, совмещающая виртуальное и физическое пространства. Тем не менее, объединяя все юридически значимые сведения и «цифровое досье» граждан, консолидированный сбор метаданных может привести к рискам централизованного управления обществом со стороны государства. Экспертное сообщество также отмечает, что у системы «одного окна» имеются уязвимые места: использование данных в корыстных целях коммерческим сектором или попытки репликации китайской системы «рейтинга общественной надежности».

Между тем, как следует из официальных данных, РФ намерена отказаться от бумажных паспортов взамен на электронные аналоги. Электронный паспорт будет давать доступ к цифровому профилю гражданина РФ, а основной акцент сделан на использовании биометрических электронных ID карт с возможностью электронного голосования. В этой связи проведение голосования через дистанционные формы выступает новым вектором отмены «избирательного рабства» в рамках механизма «мобильный избиратель». Московский экспериментальный опыт электронного голосования дал импульс для развития электронных процедур в целом, обозначил политические риски и «болевы́е точки» функционирующей системы, что позволит в перспективе эффективно масштабировать опыт на избирательные кампании 2021 и 2024 годов. Отметим, что по данным доклада ВЦИОМ [9] у россиян имеется сформированный запрос на внедрение и качественное развитие электронного голосования. Однако не стоит форсировать события без решения множественных проблемных аспектов (монополизация рынка цифровых услуг, избыточное государственное регулирование онлайн-пространства, дефицит работников цифровой сферы и пр.), так как это может привести к формированию «воронки недоверия» у граждан.

Переходя к вопросу построения архитектуры цифрового гражданства «сверху», можно выделить следующую схему внедрения:

1) внедрение платформенных решений в сферу государственного управления: предоставления государственных услуг в цифровом

формате, запуск Единого портала государственных услуг (ЕПГУ);

2) увеличение предоставляемых государственных услуг в онлайн-формате, запуск ЕСИА;

3) создание цифрового профиля гражданина РФ, запуск цифровых суперсервисов на площадке ЕСИА, внедрение электронного паспорта россиянина.

Цифровое гражданство является дополнением к национальному гражданству и может привести к развитию облачных сообществ (так называемое глобальное гражданство), основанных на технологиях блокчейна и виртуальных отношениях, что позволит минимизировать контроль со стороны государства и сформировать гибкие «правила игры». В перспективе это приведет к тому, что облачные сообщества смогут выступать элементом, улучшающим различные многоуровневые измерения гражданства, осуществляя управление ценностями и данными цифрового мира, впоследствии оказывая влияние на принятие политических решений в реальном мире [24].

Отдельного внимания заслуживают работы, посвященные созданию виртуальных наций [14] с новыми формами гражданского участия. С течением времени виртуальные нации могут конкурировать не столько с аналогичными облачными сообществами, сколько с национальными государствами. Стоит отметить, что подобные проблески нового мира в части экспериментов по построению виртуальных наций на основе цифрового гражданства наблюдаются уже сегодня. Так, с одной стороны, существуют призывы полностью заменить национальное государство (суверенная цифровая нация *Bitnation*), а с другой – использовать гармоничное дополнение существующих государственных институтов (внедрение цифрового гражданства).

По мнению исследователя Р. Баубека [12, р. 261–266], имеются значительные проблемные аспекты, связанные с определением и указанием своей национальной принадлежности. Так, облачные политические сообщества являются продолжением реально существующих объединений, а выполнение основных государственных функций не представляется возможным при переходе к рыночному формату гражданства. Учитывая резкий

рост мобильности, значительно расширяются возможности внетерриториальных политических сообществ. При этом монопольные интернет-гиганты Google или Facebook берут на себя ряд функций, принадлежавших ранее национальным государствам. К примеру, формирование пользовательского интереса, навязывание повестки дня, идентификация личности, что в перспективе может привести к превращению онлайн-пользователей в корпоративных цифровых граждан. Более того, продолжает расти уровень обеспокоенности пользователей относительно конфиденциальности данных [20]. Современные алгоритмы анализа онлайн следов позволяют сформировать ландшафт цифровых инфопотоков и спрогнозировать политический выбор [21], а специально созданные таргетированные сообщения только усиливают эффект. Более того, технологии искусственного интеллекта связаны с интересами политической элиты (так называемая «дейтократия»), имеющей доступ к цифровой инфраструктуре. Сегодняшний формат цифрового неравенства – разный уровень доступа к цифровым следам и дифференцированное владение компетенциями в использовании больших данных (Big Data) [3]. Одновременно с этим возникновение цифровых профилей приведет к формированию прав и обязанностей граждан в цифровом пространстве вкупе с общей гибридизацией государства.

Вопросы цифровой трансформации были обострены и актуализированы кризисными факторами 2020 г., где роль ключевого триггера выполнил новый штамп коронавирусной инфекции. Эпидемия коронавируса вынуждает человечество сделать шаг в сторону новой цифровой реальности. По всему миру вводятся различные технологические продукты для контроля за передвижением и поведением граждан в период пандемии: мобильные приложения в Великобритании и Нидерландах, GPS-трекеры и данные телефонов в Южной Корее, браслеты в Гонконге, Франции и Италии, цифровые пропуска в России.

Установленные в период пандемии ограничения не имеют сроков применения и с теоретической точки зрения могут стать новой нормой повседневности, а введенные меры провоцируют дискуссии о «виртуальном паноптикуме». Исходя из этого, представляет

ся важным выстраивать не барьеры избыточной системы цифрового контроля за гражданами под соусом «борьбы с пандемией», а сосредоточиться на построении доверительных мостов между властью и обществом, где добровольная отчетность и сотрудничество наряду с информированной и сознательной общественностью главной ценностью ставит безопасность в физическом и цифровом пространствах.

Выводы. Общественное развитие и технологические изменения порождают новые формы и явления в политическом процессе, формирующие альтернативные подходы к устройству политической жизни. Цифровая трансформация открыла обширный пул возможностей и одновременно существенных политических рисков для взаимодействия, формируя новые формы и практики гражданского и политического цифрового участия, где традиционные подходы к политическому и гражданскому участию становятся опосредованными онлайн-пространством.

Общее усложнение структуры и процессов в обществе, обострение социальных противоречий, политических конфликтов и уровня сетевизации общественных сквозных взаимодействий существенно повышает степень неопределенности ситуаций, в которых принимаются политико-управленческие решения. Именно поэтому для того, чтобы преодолеть «коммуникативный провал» между акторами гражданского общества и государством, сегодня необходимо внедрение цифрового гражданства в современные реалии, что позволит структурировать неиерархическое пространство цифровых взаимодействий. Высшее руководство РФ воспринимает цифровизацию не только с точки зрения социально-политических рисков, но и как инструмент экономического роста.

Стержневые характеристики построения архитектуры цифрового гражданства связаны, прежде всего, с развитием системы «государство как платформа» и внедрением цифрового профиля гражданина. Значимой проблемой развития цифровой инфраструктуры является слабая защита персональных данных пользователей, что выражается в желании граждан максимально обезопасить свои интернет-следы. В этой связи культура цифрового граж-

данства должна пониматься как неотъемлемый элемент постинформационного общества с понятными нормативно-правовыми и этическими нормами и порядками. Полноценная реализация цифрового гражданства будет способствовать увеличению количества и качества гражданских инициатив, что в конечном итоге приведет к общему повышению качества человеческого капитала и использования его как фактора социально-экономического развития в РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бродовская, Е. В. Цифровые граждане, цифровое общество и цифровая гражданственность / Е. В. Бродовская // *Власть*. – 2019. – Т. 27, № 4. – С. 65–69. – DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6587>.
2. Василенко, И. А. «Умный город» в цифровом обществе 5.0: социально-политические и гуманитарные риски цифровизации общественного пространства / И. А. Василенко // *Власть*. – 2019. – Т. 27, № 5. – С. 67–73. – DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6721>.
3. Володенков, С. В. Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы / С. В. Володенков // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2019. – № 5. – С. 341–364. – DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.16>.
4. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия / В. В. Петухов, Р. Э. Бараш, Н. Н. Седова, Р. В. Петухов // *Власть*. – 2014. – Т. 22, № 9. – С. 11–19.
5. Гражданственность российских старшеклассников: взгляд молодых ученых / под общ. ред. А. В. Селезневой. – М. : Аквилон, 2020. – 132 с.
6. Исследование «Экономика Рунета / Экосистема Цифровой экономики России». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.экономикарунета.рф/> (дата обращения: 09.06.2020). – Загл. с экрана.
7. Коэн, Д. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств / Д. Коэн, Э. Шмидт. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 368 с.
8. Проект Федерального закона № 747513-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в уточнения процедур идентификации и аутентификации)» // Система обеспечения законодательной деятельности. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/747513-7> (дата обращения: 09.06.2020). – Загл. с экрана.
9. Цифровое голосование в России: первые эксперименты и перспективы // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9997&fbclid=IwAR1sp1IRRMltpYaVOdLvAR4EdjMFQgk_Ow4hdEGoPcT7PxTZgwx-Kfxz7DA (дата обращения: 07.06.2020). – Загл. с экрана.
10. Цифровое правительство 2020: перспективы для России // Группа Всемирного Банка. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/ru/690171468181130951/pdf/105318-RUSSIAN-WP-PUBLIC-Digital-Government-2020.pdf> (дата обращения: 23.06.2020). – Загл. с экрана.
11. Якимец, В. Н. Гражданское участие, межсекторное партнерство и интернет-технологии публичной политики / В. Н. Якимец, Л. И. Никовская // *Социальные и гуманитарные знания*. – 2019. – Т. 5, № 3. – С. 208–223.
12. Bauböck, R. Debating Transformations of National Citizenship / R. Bauböck // *Springer Nature*. – 2018. – 342 p. – DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-92719-0>.
13. Bennett, W. L. Changing citizenship in the Digital Age / W. L. Bennett // *Civic life online: Learning how digital media can engage youth*. Cambridge : The MIT Press, 2008. – P. 1–24. – DOI: <https://doi.org/10.1162/dmal.9780262524827.001>.
14. De Filippi, P. Citizenship in the era of blockchain-based virtual nations / P. De Filippi // *Debating Transformations of National Citizenship*. – Springer, Cham, 2018. – P. 267–277. – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-92719-0_48.
15. Digital Society Index 2019 // Dentsu Aegis Network. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.dentsuaegisnetwork.com/reports/dsi_2019 (date of access: 07.06.2020). – Title from screen.
16. Eynon, R. A Typology of Young People's Internet Use: Implications for Education / R. Eynon, L.-E. Malmberg // *Computers and Education*. – 2011. – Vol. 56, № 3. – P. 585–595. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2010.09.020>.
17. Gosuslugi.ru Analytics – Market Share Stats & Traffic Ranking // Website Traffic Statistics & Analytics – SimilarWeb. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.similarweb.com/website/gosuslugi.ru> (date of access: 17.06.2020). – Title from screen.
18. Herrera, L. Youth and Citizenship in the Digital Age: A View from Egypt / L. Herrera // *Harvard Educational Review*. – 2012. – Vol. 82, № 3. – P. 333–352. – DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203747575-9>.
19. Howe, N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069 / N. Howe, W. Strauss. – New York : Harper Collins, 1992. – 544 p.

20. Kemp, S. Digital 2020: 3.8 Billion people use social media / S. Kemp // Global Socially-Led Creative Agency. – Electronic text data. – Mode of access: <https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020-3-8-billion-people-use-social-media> (date of access: 04.06.2020). – Title from screen.

21. Kosinski, M. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior / M. Kosinski, D. Stillwell, Th. Graepel // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. – 2013. – Vol. 110, № 15. – P. 5802–5805. – DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1218772110>.

22. Mossberger, K. Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation / K. Mossberger, C. J. Tolbert, R. S. McNeal. – Cambridge, MA : The MIT Press, 2008. – 221 p. – DOI: <https://doi.org/10.1080/19331680802290972>.

23. Obar, J. A. Advocacy 2.0: An Analysis of How Advocacy Groups in the United States Perceive and Use Social Media as Tools for Facilitating Civic Engagement and Collective Action / J. A. Obar, P. Zube, C. Lampe // Journal of Information Policy. – 2012. – Vol. 2. – P. 1–25. – DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.1956352>.

24. Orgad, L. The Future of Citizenship: Global and Digital – A Rejoinder / L. Orgad // Debating Transformations of National Citizenship. – Springer, Cham, 2018. – P. 353–358. – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-92719-0_61.

25. Prensky, M. Digital Natives, Digital Immigrants Part 1 / M. Prensky // On the Horizon. – MCB University Press, 2001. – Vol. 9, № 5. – P. 1–6. – DOI: <https://doi.org/10.1108/10748120110424816>.

26. Ribble, M. Digital Citizenship for Educational Change / M. Ribble // Kappa Delta Pi Record. – 2012. – Vol. 48 (4). – P. 148–151. – DOI: <https://doi.org/10.1080/00228958.2012.734015>.

27. Theocharis, Y. Stimulating citizenship or expanding entertainment? The effect of Facebook on adolescent participation / Y. Theocharis, E. Ouintelier // New Media & Society. – 2016. – Vol. 18, № 5. – P. 817–836. – DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444814549006>.

28. Vromen, A. Digital Citizenship and Political Engagement / A. Vromen // Digital Citizenship and Political Engagement. – London : Palgrave Macmillan, 2017. – P. 9–49. – DOI: <https://doi.org/10.1057/978-1-137-48865-7>.

REFERENCES

1. Brodovskaja E.V. Cifrovye grazhdane, cifrovoe obshchestvo i cifrovaja grazhdanstvennost' [Digital Citizens, Digital Society and Digital Citizenship]. *Vlast'*, 2019, vol. 27, no. 4, pp. 65–69. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6587>.

2. Vasilenko I.A. «Umnyj gorod» v cifrovom obshchestve 5.0: social'no-politicheskie i gumanitarnye riski cifrovizacii obshhestvennogo prostranstva [Prospects of Forming a Digital Society: Social-Political and Humanitarian Risks of Digitization of Public Space]. *Vlast'*, 2019, vol. 27, no. 5, pp. 67–73. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6721>.

3. Volodenkov S.V. Vlijanie tehnologij internet-kommunikacij na sovremennye obshhestvenno-politicheskie processy: scenarii, vyzovy i aktory [Influence of Internet Communication Technologies on Contemporary Social and Political Processes: Scenarios, Challenges, and Actors]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2019, no. 5, pp. 341–364. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.16>.

4. Petuhov V.V., Barash R.Je., Sedova N.N., Petuhov R.V. Grazhdanskij aktivizm v Rossii: motivacija, cennosti i formy uchastija [Civic Activism in Russia: Motivation, Values and Forms of Participation]. *Vlast'*, 2014, vol. 22, no. 9, pp. 11–19.

5. Selezneva A.V., ed. *Grazhdanstvennost' rossijskih starsheklassnikov: vzgljad molodyh uchenyh* [Citizenship of Russian High School Students: The View of Young Scientists]. Moscow, Akvilon Publ., 2020. 132 p.

6. *Issledovanie «Jekonomika Runeta / Ekosistema Tsifrovoy ekonomiki Rossii»* [“The Economy of Runet” Research]. URL: <http://www.jekonomika.runeta.rf/> (accessed 9 June 2020).

7. Kojen D., Shmidt Je. *Novyj cifrovoj mir. Kak tehnologii menjajut zhizn' ljudej, modeli biznesa i ponjatie gosudarstv* [The New Digital Age: Reshaping the Future of People, Nations and Business]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2013. 368 p.

8. *Proekt Federal'nogo zakona № 747513-7 «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty (v utochnenija procedur identifikacii i autentifikacii)»* [On Amending Certain Laws (Regarding Clarification of Identification and Authentication Procedures)]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/747513-7> (accessed 9 June 2020).

9. Cifrovoe golosovanie v Rossii: pervye jeksperimenty i perspektivy [Digital Voting in Russia: First Experiments and Prospects]. *VCIOM* [Russian Public Opinion Research Center]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9997&fbclid=IwAR1sp1IRRMLtpYaVODLvaAR4EdjMFQgk_Ow4hdEGoPcT7PxTZgwx-Kfz7DA (accessed 7 June 2020).

10. *Cifrovoe pravitel'stvo 2020: perspektivy dlja Possii* [Digital Government 2020: Prospects for Russia]. URL: <http://documents.vsemirnyjbank.org/curated/ru/690171468181130951/pdf/105318-RUSSIAN-WP-PUBLIC-Digital-Government-2020.pdf> (accessed 23 June 2020).

11. Jakimec V.N., Nikovskaja L.I. Grazhdanskoe uchastie, mezhsektornoe partnerstvo i internet-tehnologii publichnoj politiki [Civil Participation, Intersectoral Partnership and Internet Technologies of Public Policy]. *Social'nye i gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 2019, vol. 5, no. 3, pp. 208-223.
12. Bauböck R. Debating Transformations of National Citizenship. *Springer Nature*, 2018. 342 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-92719-0>.
13. Bennett W.L. Changing Citizenship in the Digital Age. *Civic Life Online: Learning How Digital Media Can Engage Youth*. Cambridge, The MIT Press, 2008, pp. 1-24. DOI: <https://doi.org/10.1162/dmal.9780262524827.001>.
14. De Filippi P. Citizenship in the Era of Blockchain-Based Virtual Nations. *Debating Transformations of National Citizenship*. Springer, Cham, 2018, pp. 267-277. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-92719-0_48.
15. Digital Society Index 2019. *Dentsu Aegis Network*. URL: https://www.dentsuaegisnetwork.com/reports/dsi_2019 (accessed 7 June 2020).
16. Eynon R., Malmberg L.-E. A Typology of Young People's Internet Use: Implications for Education. *Computers and Education*, 2011, vol. 56, no. 3, pp. 585-595. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2010.09.020>.
17. Gosuslugi.ru Analytics – Market Share Stats & Traffic Ranking. *Website Traffic Statistics & Analytics – SimilarWeb*. URL: <https://www.similarweb.com/website/gosuslugi.ru> (accessed 17 June 2020).
18. Herrera L. Youth and Citizenship in the Digital Age: a View from Egypt. *Harvard Educational Review*, 2012, vol. 82, no. 3, pp. 333-352. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203747575-9>.
19. Howe N., Strauss W. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York, Harper Collins, 1992. 544 p.
20. Kemp S. Digital 2020: 3.8 Billion People use Social Media. *Global Socially-Led Creative Agency*. URL: <https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020-3-8-billion-people-use-social-media> (accessed 4 June 2020).
21. Kosinski M., Stillwell D., Graepel Th. Private Traits and Attributes are Predictable from Digital Records of Human Behavior. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2013, vol. 110, no. 15, pp. 5802-5805. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1218772110>.
22. Mossberger K., Tolbert C.J., McNeal R.S. *Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation*. Cambridge, MA, The MIT Press, 2008, 221 p. DOI: <https://doi.org/10.1080/19331680802290972>.
23. Obar J.A., Zube P., Lampe C. Advocacy 2.0: An Analysis of How Advocacy Groups in the United States Perceive and Use Social Media as Tools for Facilitating Civic Engagement and Collective Action. *Journal of Information Policy*, 2012, vol. 2, pp. 1-25. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.1956352>.
24. Orgad L. The Future of Citizenship: Global and Digital – A Rejoinder. *Debating Transformations of National Citizenship*. Springer, Cham, 2018, pp. 353-358. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-92719-0_61.
25. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants Part 1. *On the Horizon*. MCB University Press, 2001, vol. 9, no. 5, pp. 1-6. DOI: <https://doi.org/10.1108/10748120110424816>.
26. Ribble M. Digital Citizenship for Educational Change. *Kappa Delta Pi Record*, 2012, vol. 48 (4), pp. 148-151. DOI: <https://doi.org/10.1080/00228958.2012.734015>.
27. Theocharis Y., Ouintelier E. Stimulating Citizenship or Expanding Entertainment? The Effect of Facebook on Adolescent Participation. *New Media & Society*, 2016, vol. 18, no. 5, pp. 817-836. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444814549006>.
28. Vromen A. Digital Citizenship and Political Engagement. *Digital Citizenship and Political Engagement*. London, Palgrave Macmillan, 2017, pp. 9-49. DOI: <https://doi.org/10.1057/978-1-137-48865-7>.

Information About the Authors

Ivan A. Bronnikov, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Russian Politics, Deputy Dean, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, 119991 Moscow, Russian Federation, ivbronn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8277-0839>

Victoriya V. Karpova, Program Director, Digoria Forum of Young Political Scientists of Russia, Krasnopresnenskaya Emb., 12, 123610 Moscow, Russian Federation; Postgraduate Student, Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, 119991 Moscow, Russian Federation, v.karpova@digoriya.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2532-1241>

Информация об авторах

Иван Алексеевич Бронников, кандидат политических наук, доцент кафедры российской политики, заместитель декана факультета политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991 г. Москва, Российская Федерация, ivbronn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8277-0839>

Виктория Вадимовна Карпова, программный директор, Форум молодых политологов России «Дигория», Краснопресненская набережная, 12, 123610 г. Москва, Российская Федерация; аспирант кафедры государственной политики факультета политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991 г. Москва, Российская Федерация, v.karpova@digoriya.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2532-1241>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.12>

UDC 342.725(075)
ЛБС 81.2(2)я73

Submitted: 17.09.2020
Accepted: 22.01.2021

INSTITUTIONAL FRAMEWORK FOR LANGUAGE POLICY IN RUSSIA: VIEWS FOR THE FUTURE¹

Oľga B. Yanush

Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russian Federation

Nail' M. Mukharyamov

Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russian Federation

Abstract. Introduction. The study of language planning and policy (LPP) involves the cross-disciplinary interaction of applied linguistics and political science. The need for this is increasing especially in relation to the regulatory and organizational aspects of language regulation in the conditions of modern Russia. *Methods and materials.* The authors use the techniques of systems analysis and approaches of political institutionalism: normative, rational choice, theory of organizations, historical, constructivist, network. To study the materials of official documents and legislative acts, the method of textual analysis is used. Academic works of foreign and Russian authors are used through the prism of discourse analysis. Materials related to the activities of agencies and actors in the field of LPP, characterized from a structural and functional point of view. *Analysis.* The normative and agentive properties of LPP in the modern conditions of Russia and its regions are considered by the authors of the article through analytical procedures proposed by foreign scientists. Many developments from English-language works in this area can be adapted to the tasks of studying political-linguistic relations, taking Russian specifics into account. The ratio of institutional and conversational types of linguistic interactions is considered as a subject of linguistic pragmatics. The main subject of analysis is formal regulatory complexes and agencies specializing in this area. The analysis undertaken by the authors of the article leads to the conclusion that there is no sustainable institutional LPP model in the Russian situation. This applies, in particular, to the de facto and de jure characteristics of bilingualism as a strategic priority proclaimed at the beginning of the 20th century. In the latest official texts, the emphasis is on strengthening the position of the Russian language. Further, the body of Russian and regional legal acts is marked by features of rhetoric and excessive symbolism. The prospects for institutionalization here are associated with overcoming such normative dysfunctions. *Results.* The article draws conclusions about the desirability of conceptualizing LPP within the framework of a separate state doctrinal document, as well as a system of information support and implementation of the principles of language cultivation and management.

Key words: institutions, language policy, institutional model, cultural and linguistic diversity, strategic goal-setting.

Citation. Yanush O.B., Mukharyamov N.M. Institutional Framework for Language Policy in Russia: Views for the Future. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 134-146. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.12>

УДК 342.725(075)
ББК 81.2(2)я73

Дата поступления статьи: 17.09.2020
Дата принятия статьи: 22.01.2021

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ: ВИДЫ НА БУДУЩЕЕ¹

Ольга Борисовна Януш

Казанский государственный энергетический университет, г. Казань, Российская Федерация

Наиль Мидхатович Мухарямов

Казанский государственный энергетический университет, г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые узловые характеристики предмета, связанного с исследовательскими разработками и практическим проведением мер регулирования политико-языкового устройства современной России, с режимами этнолингвистического многообразия страны. Это – приоритетная, жизненно важная составляющая публичной политики в ее культурно-коммуникативных измерениях. Становление соответствующих нормативных, структурно-организационных, исторических и конструктивистских комплексов, задающих правила и процедуры в области языковых отношений, – это многомерный процесс, нуждающийся как в аналитически-проектном освоении, так и в эффективной реализации. Множественность институциональных качеств в языковом функционировании и во властно-управленческом воздействии на него выражается в интегральных характеристиках политики как таковой, а также в отдельных ее компонентах: в корпусе нормативно-правовых текстов, в дискурсе и институциональных моделях, или государственных стандартах (применительно, прежде всего, к образовательной сфере). В современных российских условиях такие нормативные и организационные комплексы нуждаются в концептуальном переосмыслении. Это связано, прежде всего, с доктринальным определением концепта «языковая политика» как такового в формате законодательных актов и в документах стратегического планирования, что позволит восполнить дефицит целеполагания. Официальный дискурс о языках народов страны нуждается в избавлении от избыточных свойств декларативности, риторичности, ритуальной символизации. Структурно-организационные параметры языкового регулирования, представленные преимущественно органами консультативного и совещательного профиля, целесообразно дополнить полномочными ведомствами, наделенными координирующими компетенциями. Авторы приходят к выводам о необходимости по-новому сформулировать стратегическое видение, информационно-аналитическое оснащение проводимой в этой области политики за счет адекватных данных о реальных социоллингвистических состояниях. Меры проводимой языковой политики целесообразно дополнить также системной работой в плане языкового культивирования и языкового менеджмента при решающей роли правящих и не правящих элит как носителей языковой авторитетности.

Ключевые слова: институты, языковая политика, институциональная модель, культурно-языковое многообразие, стратегическое целеполагание.

Цитирование. Януш О. Б., Мухарямов Н. М. Институциональные основы языковой политики в России: виды на будущее // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 134–146. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.12>

Введение. Исследование принципов и способов управленческого воздействия на языковое устройство общества, на состояние социально-коммуникативных отношений и сред – это кросс-дисциплинарная область научных интересов. Еще на самых ранних этапах обособления этого направления языкознания один из признанных «классиков» темы Э. Хауген писал в конце 1950-х гг., что языковое планирование – «это один из видов языковой политики, и потому нуждается в прозрениях *политической науки* относительно путей и возможностей завоевания доверия руководимых», также, как и антропологии, социологии, психологии, этики и философии. Прикладная лингвистика, «чтобы войти в *макролингвистику*, не имеет права отворачиваться от макромра – общества, в котором мы живем, говорим и пишем» [12, с. 470]. Это суждение самым заметным образом усиливается в своей актуальной значимости в связи с выдвиганием

институционализма на авансцену политической науки наших дней.

Методы и материалы. Авторы используют приемы системного анализа и подходы политического институционализма – нормативный, рационального выбора, теории организаций, исторический, конструктивистский, сетевой. Для изучения материалов официальных документов и законодательных актов применяется метод текстуального анализа. Академические работы зарубежных и российских авторов используются сквозь призму дискурсивного анализа. Материалы, связанные с деятельностью агентств и акторов в области языковой политики и планирования, характеризуются со структурно-функциональной точки зрения.

Анализ. Язык, политика и институты в аналитических ракурсах. Использование языка изначально, еще с архаичных времен, всегда подлежало регламентациям разными способами и на основе определенных нор-

мативных порядков и комплексов. Первобытные суеверия и основанное на мифах мировосприятие предполагало запреты на основе табу – древнейшей, как следует из лингвистических представлений, формой цензуры. В контекстах вероисповедного сознания формировались соответствующие формы цензуры – религиозной и морально-этической, а на подступах к обществу Модерна – идеологической. Вмешательство в язык может быть показано как «отнесение табу к уровню конвенциональных, нравственно обусловленных вето, а цензуры и идеологии политкорректности – к институционально регламентированным» [11, с. 55–56, 66].

Языковое функционирование, уровни и формы речевых взаимодействий во многих своих аспектах содержат свойства институциональности. Существуют множественные приемы концептуализации практики взаимной обусловленности языка, с одной стороны, и институтов разного порядка (социальных, культурных, правовых, административных, политических...), с другой стороны. Представители тех или иных академических дисциплин, субдисциплин и кросс-дисциплинарных исследовательских областей оперируют в рамках своих аналитических перспектив.

Традиционный – социолингвистический подход – придерживается своих предметных проекций.

Во-первых, в рамках языкознания по традиции принято разграничивать сферы общения на аморфные (нерегламентированные, неофициальные, некодифицированные, личностно мотивированные, бытовые и пр.) и регламентируемые (упорядоченные, нормированные, обусловленные статусными характеристиками, стилистически организованные, регулируемые со стороны общества и государства, в том числе так называемые «доминантные» сферы образования и массовой коммуникации) [4, с. 463]. В сходной логике и в контексте разговорного анализа вербальную интеракцию подразделяют на ординарную (интуитивную, повседневную, семейно-бытовую, связывающую друзей и знакомых, происходящую за рамками институциональных установлений и настроек) разновидность, с одной стороны, и институциональный – в различных степенях – разговор, с другой стороны. В первом случае участники коммуникации могут свободно чередовать приемы обще-

ния и варьировать направленность и повороты речевого обмена. Институциональное общение предполагает определенные фазы – обозначающие начало и завершение эпизода общения, заранее заданный характер формальных процедур. Этот вариант включает, например, участие в коммуникации в учебных классах и аудиториях, на рабочих местах, в служебных совещаниях, во время судебных слушаний, на врачебных приемах и пр. [16, р. 254–255]. Иногда линия различения проводится между языковым употреблением в социальном и индивидуальном вариантах, а также – между институциональными и психологическими его видами [18, р. 66]. Стоит отметить, что названные различия относятся к языковым ситуациям любого типа (одно-, дву- и многоязычным) и не отражают специфики функционального распределения языков в сложносоставных социально- и этно-коммуникативных средах.

Таким образом, фактор институциональности по-разному выражен в зависимости от жанровых и стилистических параметров языкового функционирования.

Во-вторых, аспекты, связанные с институтами, рассматриваются с точки зрения «представленности» того или иного языка в конкретных сферах общественных отношений. В данном случае устанавливается место языка и его ранг в плане того, насколько он полифункционален, каков его коммуникативный ранг, или, иначе говоря, в какой степени этот идеоэтнический код (в обиходе обозначаемый как «национальный язык») закреплен в секторальном смысле. Это – сферы и институты образования разных ступеней, роль языка как предмета и/или средства обучения, наука, книгоиздание и масс-медиа (печатная периодика и телерадиовещание), литература и искусство, институты духовного производства в целом, Интернет, сфера (и, разумеется, институты) власти и управления, законодательства, судопроизводства, административно-управленческие структуры, бизнес и производства, торговля. Особо следует выделить область религиозных отношений и вероисповедной практики. Иногда эти параметры социолингвистических состояний квалифицируются как уровни институциональности языка [15, р. 1656].

Далее, применительно к рассматриваемой предметной области, важны те контек-

сты, которые входят в сферу интересов политического анализа, в том числе – с точки зрения институциональных подходов. Соответствующие смысловые грани включают различающиеся интерпретации и, следовательно, концептуальные образы институтов и версии институционализма в их специфику. Исследователи выделяют социально-деятельностный (устойчивые практики, основанные на системе норм и правил, на социально-профессиональных ролях), поведенческий («модели поведения, которым обеспечена общественная поддержка»), организационный (структурирование и регулирование сводом формальных правил), социально-конструктивистский (неоинституциональный) подходы к предмету [9, с. 214]. В других вариантах типологическая картина строится на дифференциации концептуальных вариантов институционализма и роли институтов в политическом процессе – нормативный, рационального выбора, теория организаций, исторический, конструктивистский, сетевой, международных отношений [10, с. 125].

Познавательная ситуация в приложениях к политико-языковым отношениям, курсу проводимого политико-управленческого воздействия на языковое устройство общества, складывающимся языковым режимам на международных и национальных, а также субнациональных или региональных горизонтах определяется, следовательно, тем, насколько приведенные аналитические схематики релевантны, какие эвристические перспективы они сулят.

Очевидный, лежащий на поверхности предмета, и, можно сказать, тривиальный аналитический ход заключается в установлении организационно-институциональных структур и обстоятельств, присущих проводимой языковой политике. В своего рода «ведомственной», аппаратной или бюрократической логике вопрос формулируется как установление статуса, профиля, полномочий и мандатов тех агентств, органов и учреждений, комитетов, департаментов, комиссий, которые ответственны за языковую политику.

Далее вполне логичной выглядит и такой предметный ракурс, как уровни и формы субъектности применительно к языковой политике. В англоязычных научных разработках используется схема исследования языкового

планирования, предложенная Р. Купером: какие акторы (формальные элиты, влиятельные фигуры, контрэлиты, не-элитные группы, выполняющие функции имплементации языковой политики).

При этом по параметру акторов – выделяются также действия «сверху – вниз» и «снизу – вверх», или, по-другому, действующие лица, обладающие властными полномочиями и таковыми не обладающие [13, р. 98; 17, р. 52–58].

В рассматриваемом предметном поле, таким образом, следует различать институционально оформленные виды политико-языкового участия и такие способы, которые осуществляются вне особым образом обеспеченных оснований (в организационном, нормативном или авторизованном в политическом плане).

Очевидно, что вопрос о составе акторов, их мотивациях, исполняемых ими ролях располагается в сердцевине исследовательской повестки, касающейся институтов языковой политики.

Далее серьезные познавательные задачи предстают во взаимно направленных перспективах – институты в языковых отношениях и языковой политике, с одной стороны, и языковые атрибуты, способы существования политических институтов, с другой стороны. Очевидно, что функционирование этих институтов – в каких бы смыслах они не рассматривались (нормативных, организационных, поведенческих, конструктивистских), обладает семиотической природой. Их деятельность в самой высокой степени вербальна. Это значит, что языковая политика прямо или косвенно воздействует на эту жизненно важную сторону политической действительности.

Наконец, возможности применения институциональных подходов к проблематике политико-языковых отношений и властно-управленческому регулированию языковой жизни какого бы то ни было общества следует оценивать не в абсолютных или безусловных категориях. Какие-то аспекты темы сомнений вызывать не могут. Это касается и структурно-организационных, и регулятивных, процедурных аспектов, и «правил игры», и конструктивистских принципов. Однако парадигма рационального выбора, по-видимому, обладает ограниченной применимостью к области

политико-языковых материй. Это связано с тем, что представления и установки людей, касающиеся из языкового выбора и языкового поведения, содержат аффективные измерения, которым подчас принадлежит решающее значение. По-особенному явственно это проявляется в тех случаях, когда язык становится не просто инструментом общения, практикуется в контексте коммуникативной утилитарности, а воспринимается символически и служит выражением идентичности.

Если кратко суммировать сказанное, то определяющим признаком языковой политики, сформированной и проводимой в качестве самостоятельного направления публичной политики, если угодно, показателем ее «зрелости» является соответствующая *институциональная модель*. Эта категория, начиная со сравнительно недавнего времени, артикулируется в зарубежной исследовательской практике, связанной с регулятивными составляющими предметного поля политической лингвистики. Связанные с этим подходы обладают двоякой логикой, когда институциональность видится как интегральная характеристика языковой политики в целом, и – соответствующая модель трактуется в качестве одного из структурных элементов всего комплекса – регистра – политико-языкового регулирования:

(1) документы, касающиеся языковой политики, или законодательные акты;

(2) дискурс относительно языковой политики, или меморандумы относительно правовых текстов;

(3) институциональная модель языковой политики, или государственные стандарты [14, p. 169–174].

Языковая политика в современной России: перспективы институционального развития. Состояние институциональной оснащённости властно-управленческого воздействия на языковые отношения и культурно-языковое многообразие в нынешних российских условиях отмечено определенными свойствами амбивалентности.

Планируются и предпринимаются во множестве меры, рассчитанные на укрепление позиций русского языка как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения, как языка высокого мирового ранга. В изменениях Основного

закона страны, которые были одобрены в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., русский язык в ст. 68 закреплён как «язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов». Одновременно с этим подтверждено право республик устанавливать свои государственные языки, используемые наряду с русским языком, народам страны гарантируется право на сохранение родного языка и создание условий для его изучения и развития.

На самом высоком уровне сформулирована установка – языковая политика, как указывает В.В. Путин, «должна быть продуманной, сбалансированной и актуальной, отвечать современным тенденциям, чутко и гибко реагировать на их изменения» [3].

Наряду с этим правомерным, но открытым остается вопрос: насколько конституирована государственная языковая политика в сегодняшней России в виде стратегически фундированного, официально артикулированного и институционально оснащённого направления публичной политики.

Следует начать с того, что это измерение политико-административной деятельности еще по существу не получило системного терминологического закрепления и концептуализации (в отличие от «национальной» и «культурной» политик) в корпусе документов стратегического планирования.

С институциональной точки зрения можно констатировать структурно-организационную недостаточность и разобщенность в управленческом дизайне как таковом. В приводимых здесь таблицах значатся главным образом органы консультативно-совещательной компетенции (см. табл. 1 и 2). Отдельного государственного ведомства как средоточия всей полноты ответственности за проводимую языковую политику с адекватным объемом полномочий и ресурсов не существует. Как отмечал советник Президента России по вопросам культуры В.И. Толстой, «...не может быть языковая политика государства *бесхозной* (выделено нами. – О. Я., Н. М.)». Опыт укрепления позиций французского, немецкого, испанского и китайского языков как на своей родине, так и в мире, согласно мнению этого государственного деятеля, свидетельствует, что успех достигается только тогда, когда «есть единый центр управления этой деятельностью» [3].

Таблица 1. Институты языковой политики федерального уровня

Table 1. Institutes of language policy at the federal level

Наименование института	Дата создания, вид НПА	Профиль деятельности
Совет при Президенте Российской Федерации по русскому языку	Указ Президента Российской Федерации от 9 июня 2014 г. № 409 (с изменениями на 12 августа 2019 г.) <i>Действующий</i>	Координационный Совещательный
Правительственная комиссия по русскому языку	Постановление Правительства Российской Федерации от 8 августа 2020 г. № 1197 <i>Действующий</i>	Координационный
Экспертно-консультационный совет по продвижению и поддержке образования, науки и русского языка за рубежом при Федеральном агентстве по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству	Приказ Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству от 9 февраля 2018 г. № 0016-пр <i>Действующий</i>	Консультационный Координационный
Координационный совет по развитию системы тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку Министерства образования Российской Федерации	Приказ Министерства образования Российской Федерации от 5 мая 2000 г. № 1316 <i>Действующий</i>	Координационный Консультативный
Совет по русскому языку при Правительстве Российской Федерации	Постановление Правительства РФ от 5 ноября 2013 г. № 992 <i>Упразднен (Постановление Правительства РФ от 22 сентября 2018 г. № 1123)</i>	Консультативный
Совет Росаэронавигации по вопросам преподавания, изучения и использования английского языка	Приказ Федеральной авиационной службы от 13 ноября 2006 г. № 78 <i>Действующий</i>	Консультативный

Таблица 2. Институты языковой политики регионального уровня

Table 2. Institutes of language policy at the regional level

№ п/п	Наименование института	Дата создания, вид НПА	Профиль деятельности
1	Общественный совет по развитию калмыцкого языка	Указ Главы Республики Калмыкия от 3 августа 2012 г. № 103 (с изменениями на 24.12.2018) <i>Действующий</i>	Консультативный
2	Совет по русскому языку и языкам народов Дагестана при Главе Республики Дагестан	Указ Главы Республики Дагестан от 9 февраля 2015 г. № 16 (с изменениями на 24.07.2017) <i>Действующий</i>	Совещательный
3	Координационный совет по вопросам сохранения и развития коми-пермяцкого языка и культуры при Министерстве по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края	Приказ Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края от 31 августа 2010 г. № СЭД-50-01-05-135 (с изменениями на 5 марта 2018 г.) <i>Действующий</i>	Координационный
4	Совет по русскому языку при Губернаторе области	Постановление Губернатора Вологодской области от 20 марта 2015 г. № 127 (с изменениями на 26 декабря 2018 г.) <i>Действующий</i>	Коллегиальный Совещательный Координационный
5	Экспертно-консультативный совет по сохранению и развитию языков (кабардино-черкесского и карачаево-балкарского) коренных народов Кабардино-Балкарской Республики при Правительстве Кабардино-Балкарской Республики	Распоряжение Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 21 октября 2013 г. № 584-рп (с изменениями на 17.11.2015) <i>Действующий</i>	Совещательный Консультативный

Продолжение таблицы 2

Continuation of Table 2

№ п/п	Наименование института	Дата создания, вид НПА	Профиль деятельности
6	Редакционный совет по развитию марийской литературы и марийского литературного языка	Распоряжение Главы Республики Марий Эл от 4 марта 2016 г. № 32-рг (с изменениями на 17.04.2017) <i>Действующий</i>	Координационный Консультативный
7	Совет по русскому языку при Главе Республики Ингушетия	Указ Главы Республики Ингушетия от 13 июля 2016 г. № 145 (с изменениями на 19 декабря 2017 г.) <i>Действующий</i>	Коллегиальный Совещательный Координационный
8	Научно-координационный совет по вопросам сохранения родного языка и традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – ЮГРЫ	Постановление Правительства ХМАО – ЮГРЫ от 13 мая 2011 г. № 153-п (с изменениями на 19.04.2019) <i>Действующий</i>	Коллегиальный Совещательный Координационный
9	Экспертный совет по сохранению и развитию чеченского языка при Главе Чеченской Республики	Указ Главы Чеченской Республики от 17 мая 2019 г. № 61 (с изменениями на 30 декабря 2019 г.) <i>Действующий</i>	Совещательный Консультативный
10	Экспертный совет по ненецкому языку	Приказ Департамента региональной политики Ненецкого автономного округа от 15 августа 2016 г. № 10 <i>Действующий</i>	Координационный
11	Совет по развитию языков в Республике Саха (Якутия) при Главе Республики Саха (Якутия)	Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 21 февраля 2019 г. № 384 (в редакции от 28.12.2019 г. № 962) <i>Действующий</i>	Консультативный Координационный
12	Совет по адыгейскому языку при Главе Республики Адыгея	Указ Главы Республики Адыгея от 1 августа 2003 г. № 120 (с изменениями от 12.02.2020 г. № 13) <i>Действующий</i>	Консультативный Координационный
13	Совет по сохранению и развитию хакасского языка, культуры и развитию этнотуризма при Правительстве Республики Хакасия	Постановление Президиума Правительства Республики Хакасия от 29 августа 2018 г. № 124-П, с изменениями на 18 февраля 2020 г. № 23-п <i>Действующий</i>	Координационный
14	Совет по алтайскому языку при Главе Республики Алтай, Председателе Правительства Республики Алтай	Указ Главы Республики Алтай, Председателя Правительства Республики Алтай от 9 июня 2015 г. № 167-у <i>Действующий</i>	Координационный
15	Общественный совет по русскому языку при Мэре Москвы	Распоряжение Мэра Москвы от 18 октября 1999 г. № 1169-РМ <i>Действующий</i>	Консультативный
16	Консультативный Совет при главе администрации города Екатеринбурга по вопросам межнационального и межконфессионального согласия, поддержки и развития языков и культуры народов Российской Федерации, проживающих на территории муниципального образования «Город Екатеринбург», реализации прав национальных меньшинств, обеспечения социальной и культурной адаптации мигрантов, профилактике межнациональных (межэтнических) конфликтов	Постановление Администрации города Екатеринбурга от 11 февраля 2014 г. № 317 (с изменениями на 14.04.2015 г.) <i>Действующий</i>	Консультативный

Окончание таблицы 2

End of Table 2

№ п/п	Наименование института	Дата создания, вид НПА	Профиль деятельности
17	Совет при Правительстве Пензенской области по вопросам развития русского языка	Распоряжение Правительства Пензенской области от 17 апреля 2017 г. № 175-рП <i>Действующий</i>	Совещательный
18	Совет при Губернаторе Ульяновской области по русскому языку	Указ Губернатора Ульяновской области от 15 апреля 2020 г. № 54 <i>Действующий</i>	Координационный Совещательный
19	Совет при Главе Республики Карелия по русскому языку	Указ главы РК от 1 августа 2016 г. № 99 <i>Действующий</i>	Совещательный
20	Координационный Совет по вопросам реализации Республиканской целевой программы «Государственная поддержка карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия на 2006–2010 гг.»	–	Координационный
21	Совет по реализации законодательства о языках Республики Татарстан при Кабинете Министров Республики Татарстан	Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 27 июня 2008 г. № 451 «О дальнейших мерах по реализации законодательства о языках Республики Татарстан (с изменениями на 16.05.2018 г.)» <i>Действующий</i>	Координационный Совещательный
22	Комиссия при Президенте Республики Татарстан по вопросам сохранения и развития татарского языка	Указ Президента Республики Татарстан от 6 июля 2020 г. № УП-384 <i>Действующий</i>	Консультативный
23	Общественный совет при Губернаторе Брянской области по поддержке развития библиотечного дела и содействию развитию русского языка	Постановление Администрации Брянской области от 8 мая 2007 г. № 320 (с изменениями на 13 марта 2009 г.) <i>Не действующий документ</i> Постановление Администрации области утратило силу в соответствии с Постановлением Администрации области от 17 августа 2010 г. № 815 «О создании общественного совета при Губернаторе Брянской области по культуре»	Консультативный
24	Совет по русскому языку при Губернаторе Калужской области	Постановление Губернатора Калужской области от 25 мая 2004 г. № 364 (утратил силу на основании Постановления Губернатора Калужской области от 17 июня 2015 г. № 242) <i>Не действующий документ</i>	Совещательный

Перспектива придания курсу языкового регулирования свойств институциональной целостности, таким образом, предполагает выстраивание более интегрированных по вертикали и горизонтали агентств.

В исследовательских дискурсах далее наблюдается довольно широкий разброс оценок относительно обособления языковой политики в качестве самостоятельной области. Есть точка зрения, изложенная в политико-правовом контексте, согласно которой «го-

сударственная языковая политика Российской Федерации обладает достаточным набором формализованных и обособленных целей, а также иных свойств и качеств для выделения ее в отдельный тип государственной политики по виду деятельности» [2]. Специалисты в области собственно языкознания склонны к более сдержанному видению предмета. В России, согласно оценкам В.М. Алпатова, на общегосударственном уровне языковая политика «во многом осуществля-

ется стихийно» и не содержит устойчивой модели [1, с. 30].

Институциональная модель в этой сфере может состояться как проективно и идеологически сформированный режим политико-языкового устройства. Помимо упрочения позиций государственного языка (интралингвальные аспекты) такая модель требуется для стабилизации общенациональной и региональных языковых ситуаций (интерлингвальные аспекты). В центре всего проблемного поля здесь располагается институт двуязычия и реже – многоязычия. Упомянутая амбивалентность в данном случае выражается в отсутствии баланса между *de jure*, в рамках нормативно-правовых актов, в том числе в декларированных принципах программно-целевых документов, с одной стороны, и функциональными параметрами функционального распределения языков на региональных уровнях, или социолингвистическими состояниями *de facto*, с другой стороны.

В общественно значимых сферах российских республик нерусские языки используются в лучшем случае ограниченно, утрачивая свою функциональность. Это происходит во многом из-за отсутствия внятно артикулированного стратегического целеполагания. В начале столетия на правительственном уровне, что, кстати, составило редкий и практически исключительный случай, была выдвинута формула: «Основой языковой политики, включая политику в области образования, является стратегия сохранения и упрочения сбалансированного национально-русского и русско-национального двуязычия, при котором обеспечивается знание русского языка как государственного всем населением Российской Федерации, поощряется изучение национальных языков населением ее республик и создаются условия для гармоничного взаимодействия русского языка с другими языками Российской Федерации» [8]. В последующем двуязычие как норма стратегического планирования стала упоминаться на федеральном уровне все реже и реже. Нормативно-правовые конструкции о «равноправном функционировании языков» или об их паритетном использовании во всех общественных сферах не отвечают реальному состоянию социально-коммуникативных сред в российских регионах.

Результаты. По итогам рассмотрения уместно предложить некоторые подходы.

Первое. Насущный характер принадлежит задачам профессионально-общественной экспертизы нормативно-правовых институтов языковой политики как по отношению к русскому языку, так и к культурно-языковому многообразию. Очевидна потребность в обобщающем и программирующем доктринальном документе об основах государственной языковой политики, который бы определял институциональные ориентиры. Идеологические установки в этой области могли бы гарантировать отход от представлений о языковой политике как об «игре с нулевой суммой», когда одни виды идентичностей, – и не только этнокультурные, но и социокультурные, – предполагается усиливать исключительно за счет других [7]. Сегодня, по-видимому, уже сложился консенсус относительно того, что действующее российское законодательство требуется избавить от декларативности, терминологического разноречия, неопределенности, избыточной диспозитивности большинства нормативных конструкций. Его необходимо модернизировать, адаптировав к меняющимся социолингвистическим и культурно-информационным реалиям.

Будущность российской языковой политики как целостной системы управленческой практики связана, вероятно, не только с учреждением новых организационных акторов или бюрократических «действующих лиц», но, прежде всего, с институциональной кодификацией дискурсивных, смысловых ориентиров, или, как иногда говорят, «языковых идеологий».

Второе. Можно уверенно предположить, что новым пространством институционализации станет языковая политика ONLINE как меры публично-политического характера и разноплановые усилия в сфере национально-языковых отношений в виртуальном пространстве, которые могут осуществляться как традиционными агентами макроуровня с волевыми установками и интересами «сверху – вниз», так и социальными акторами, чья деятельность по изменению языковых практик может быть охарактеризована как «снизу – вверх».

Интернет все более зримо становится и средой, и ареной соотнесения различных интересов, и инструментом языкового регулиро-

вания. Всемирная сеть – это своего рода (условно говоря) независимая переменная в политико-языковых отношениях. Дело, прежде всего, в том, что виртуальная активность многообразных участников в этой сфере способна превосходить привычные параметры демографической мощности языков (численности говорящих). Об этом говорит статистика (табл. 3).

Следовательно, языковая политика будущего во многом будет определяться в киберпространстве, а не только в традиционных институтах образования, СМИ, профессионального искусства и пр.

Третье. Целостная языковая политика нереализуема вне соответствующих институтов информационно-аналитического обеспечения. Картину актуальных языковых и социально-коммуникативных ситуаций в стране и ее регионах крайне затруднительно анализировать без достоверной эмпирической базы в виде сведений о присутствии языков в образовательной, культурной, информационной сферах и современных информационно-коммуникативных технологиях, в практике управления на всех уровнях. Сведения, относящиеся к этой области публичной политики, должны быть систематизированы, сопоставимы во времени и пространстве, верифицируемы, но главное – доступны общественности. Это необходимо, кроме всего прочего, для того, чтобы элиминировать действие факторов эмоциональной политизации и рисков психологического недоверия. При этом речь не должна идти о том, что принято квалифицировать как «тиранию показателей» – пресловутых рейтингов, мониторингов. Реально намеченный институциональный вектор здесь – задача составления ежегодного доклада в органы исполни-

тельной власти (Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2018 г. № 2985-р, п. 28).

Четвертое. Меняющаяся институциональная среда языковой образовательной политики нуждается в обобщении тех тенденций, которые выявляются в контексте принципов добровольности при выборе языков, изучаемых в качестве родных. Несомненна потребность в достоверных данных на предмет реального присутствия этих языков в учебном процессе и конкретных форматах и объемах на конкретных ступенях образовательного процесса, а не простая констатация того, что язык «представлен» или «используется». В противном случае в распоряжении практиков-профессионалов, управленцев, аналитиков и общественности может оставаться лишь формальная картина, непригодная для принятия институциональных решений. В этой сфере далее можно было бы реабилитировать концепт «национальной школы», а не «школы с родным (нерусским) и русским (неродным) языками обучения» [6, с. 16]. Дело в том, что «национальная школа», в которой родные языки народов страны используются в качестве средства преподавания – это жизненный институт культурно-лингвистического воспроизводства этнических сообществ в их полноценной «самости». В сегодняшних условиях и, прежде всего, под воздействием урбанизации и бурного развития масс-медиа, виртуального контента эта составляющая школьного дела на глазах сворачивается. В ближайшей перспективе культурная жизнь народов России может остаться без профессиональных «семиотических работников», обладающих должными языковыми компетенциями в идеоэтническом смысле.

Таблица 3. Динамика использования языков на веб-сайтах 2011–2019 гг., %

Table 3. Dynamics of the use of languages on websites 2011–2019, %

Язык	2011	01.01.2019	21.07.2019
Английский	57,2	54,0	54,0
Русский	4,8	6,0	6,1
Немецкий	4,7	6,0	5,7
Испанский	6,5	4,9	5,0
Французский	4,6	4,0	3,9
Японский	3,9	3,4	3,5
Португальский	2,0	2,9	2,9

Примечание. Источник: [5].

Пятое. Институты языковой политики как системы формализованных процедур и решений требуют того, чтобы быть дополненными институтами языкового культивирования, языкового менеджмента. Решающая роль при этом принадлежит и будет принадлежать элитам, образованному политическому «классу», символическим сегментам элиты. Если лидирующие в жизни общества группы не смогут взять на себя институциональную миссию авторитетов в области языкового функционирования, процессы коммуникативно-языковой деградации только продолжатся.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31601 «“Политика языка”: геолингвистические контексты и модусы участия».

The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-31601 ““Politics of Language”: Geolinguistic Contexts and Modi of Participation”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов, В. М. Языковая политика в современном мире / В. М. Алпатов // Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтничном государстве : Междунар. конф., Москва, 14–17 ноября 2018 г. : доклады и сообщения. – М. : Языки народов мира, 2018. – С. 24–33.
- Бенедиктов, Н. А. О правовых основах государственной языковой политики / Н. А. Бенедиктов, А. П. Бердашкевич // Мир русского слова. – 2003. – № 2. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.gramota.ru/biblio/magazines/mrs/mrs2003-02/> (дата обращения: 20.08.2020). – Загл. с экрана.
- Заседание Совета по русскому языку. В Екатерининском зале Кремля состоялось заседание Совета при Президенте по русскому языку. 5 ноября 2019 года. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986> (дата обращения: 20.08.2020). – Загл. с экрана.
- Кондрашкина, Е. А. Сферы общения и язык / Е. А. Кондрашкина // Язык и общество. Энциклопедия. – М. : Азбуковник, 2016. – С. 460–464.
- Коптлеуов, А. Кому мешает кириллица, или Приближает ли латиница Казахстан к цивилизации? / А. Коптлеуов // Литературная газета. – 2020. – 18 нояб. (№ 46 (6761)). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://lgz.ru/article/-46-6761-18-11-2020/> (дата обращения: 18.11.2020). – Загл. с экрана.
- Мартьянова, М. Ю. Языковое богатство России в аспекте федеральной политики и региональных инициатив / М. Ю. Мартьянова // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая статистика / ред. М. Ю. Мартьянова, В. В. Степанов. – М. : ИЭА РАН, 2019. – С. 7–20.
- Миятович, Д. Языковая политика должна учитывать разнообразие, защищать права меньшинств и снижать напряжение в обществе / Д. Миятович // [Дневник прав человека. Страсбург 29.10.2019]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.coe.int/ru/web/commissioner/-/language-policies-should-accomodate-diversity-protect-minority-rights-and-defuse-tensions> (дата обращения: 25.08.2020). – Загл. с экрана.
- О федеральной целевой программе «Русский язык» на 2002–2005 годы : постановление Правительства Российской Федерации от 27 июня 2001 г. № 483 (в ред. Постановления Правительства РФ от 25.11.2003 № 712, от 06.09.2004 № 459). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=78454> (дата обращения: 05.09.2020). – Загл. с экрана.
- Публичная политика: Институты, цифровизация, развитие : коллектив. моногр. / под ред. Л. В. Сморгунова. – М. : Аспект Пресс, 2018. – 349 с.
- Современная политическая наука: Методология / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. – М. : Аспект Пресс, 2019. – 776 с.
- Устарханов, Р. И. Эволюция эвфемизма: от цензуры к политкорректности / Р. И. Устарханов // Конфликт в языке и коммуникации : сб. ст. / сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова. – М. : Изд-во РГГУ, 2011. – С. 55–66.
- Хауген, Э. Лингвистика и языковое планирование / Э. Хауген // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. – М. : Прогресс, 1975. – С. 441–472.
- Cooper, R. Language planning and social change / R. Cooper. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1989. – 216 p.
- Fitzsimmons-Doolan, Sh. Language ideologies of institutional language policy: exploring variability by language policy register / Sh. Fitzsimmons-Doolan // Language Policy. – 2019. – № 18. – P. 169–189. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s10993-018-9479-1>.
- Haarmann, H. The Politics of Language Spread / H. Haarmann // Sociolinguistics: an international handbook of the science of language and society = Soziolinguistik: ein internationales Handbuch zur Wissenschaft von Sprache und Gesellschaft. – 2nd completely rev. & extended ed. – Vol. 2. – Berlin ; N. Y. : Walter de Gruyter, 2005. – P. 1653–1667.

16. Haught, M. Conversational interaction / M. Haught // *The Cambridge Handbook of Pragmatics* / ed. by Keith Allan and Kasia M. Jaszczolt. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2012. – P. 251–276.

17. Kaplan, R. Language Planning. From Practice to Theory / R. Kaplan, R. Baldauf. – Clevedon : MULTILINGUAL MATTERS LTD, 1997. – 403 p.

18. Pennycook, A. Postmodernism in Language Policy / A. Pennycook // *An Introduction to Language Policy. Theory and Method* / ed. by Thomas Ricento. – Oxford : Blackwell Publishing, 2006. – P. 60–76.

REFERENCES

1. Alpatov V.M. Iazykovaia politika v sovremennom mire [Language Policy in Modern World]. *Iazykovoe edinstvo i iazykovoie raznoobrazie v polietnicheskom gosudarstve: Mezhdunar. konf., Moskva, 14–17 noyabrya 2018 g.: doklady i soobshcheniya* [Language Unity and Language Diversity in Polyethnic Country. International Conference, Moscow, 14-17 November 2018. Reports and Presentations]. Moscow, Iazyki narodov mira Publ., 2018, pp. 24–33.

2. Benediktov N.A., Berdashkevich A.P. O pravovykh osnovakh gosudarstvennoi iazykovoii politiki [On the Legal Foundations of the State Language Policy]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], 2003, no. 2. URL: <http://www.gramota.ru/biblio/magazines/mrs/mrs2003-02/> (accessed 20 August 2020).

3. *Zasedanie Soveta po russkomu iazyku. V Ekaterininskom zale Kremliia sostoialos zasedanie Soveta pri Prezidente po russkomu iazyku. 5 noiabrya 2019 goda* [Meeting of Council on Russian Language. A Meeting of the Presidential Council on the Russian Language Took Place in the Catherine Hall of the Kremlin. November 5, 2019]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986> (accessed 20 August 2020).

4. Kondrashkina E.A. Sfery obshcheniia i iazyk [Spheres of Communication and Language]. *Iazyk i obshchestvo. Entsiklopediia* [Language and Society. Encyclopedia]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016, pp. 460–464.

5. Koptleuov A. Komu meshaet kirillica, ili Priblizhaet li latinica Kazahstan k civilizatsii? [Who is Hindered by the Cyrillic Alphabet, or Does the Latin Alphabet Bring Kazakhstan Closer to Civilization?]. *Literaturnaja gazeta* [Literary Newspaper], 2020, November 18 (no. 46 (6761)). URL: <https://lgz.ru/article/-46-6761-18-11-2020/> (accessed 18 November 2020).

6. Martynova M.Iu. Iazykovoe bogatstvo Rossii v aspekte federalnoi politiki i regionalnykh initsiativ [Linguistic Wealth of Russia in the Aspect of Federal

Policy and Regional Initiatives]. *Izmerenie kulturnogo mnogoobrazii. Iazykovaia situatsiia, perepisi, polevaia statistika* [Measuring Cultural Diversity. Language Situation, Censuses, Field Statistics]. Moscow, IEA RAN, 2019, pp. 7–20.

7. Miiatovich D. Iazykovaia politika dolzhna uchityvat raznoobrazie, zashchishchat prava menshinstv i snizhat napriazhenie v obshchestve [Language Policies Should Accommodate Diversity, Protect Minority Rights and Defuse Tensions]. *Dnevnik prav cheloveka* [Human Rights Comment]. Strasbourg, 2019. URL: <https://www.coe.int/ru/web/commissioner/-/language-policies-should-accommodate-diversity-protect-minority-rights-and-defuse-tensions> (accessed 25 August 2020).

8. *O federalnoi tselevoi programme «Russkii iazyk» na 2002–2005 gody: postanovlenie Pravitelstva Rossiiskoi Federatsii ot 27 iyunia 2001 g. № 483 (v red. Postanovleniia Pravitelstva RF ot 25.11.2003 № 712, ot 06.09.2004 № 459)* [On the Federal Target Program “Russian Language” for 2002–2005. Decree of the Government of the Russian Federation of June 27, 2001 no. 483 (as Amended by the Decree of the Government of the Russian Federation of 25.11.2003 no. 712, of 06.09.2004 no. 459)]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?modueld=1&documentld=78454> (accessed 5 September 2020).

9. Smorgunov L.V., ed. *Publichnaia politika: Instituty, tsifrovizatsiia, razvitie: kolektiv. monogr.* [Public Policy: Institutions, Digitalization, Development: Collective Monograph]. Moscow, Aspect Press Publ., 2018. 349 p.

10. Gaman-Golutvina O.V., Nikitin A.I. eds. *Sovremennaia politicheskaia nauka: Metodologiya* [Contemporary Political Science: Methodology]. Moscow, Aspect Press Publ., 2019. 776 p.

11. Ustarkhanov R.I. Evoliutsiia evfemizma: ot tsenzury k politkorrektnosti [Evolution of Euphemism: from Censorship to Political Correctness]. Fedorova L.L. ed. *Konflikt v iazyke i kommunikatsii: sb. st.* [Conflict in Language and Communication. Collection of Articles]. Moscow, Izd-vo RGGU, 2011, pp. 55–66.

12. Khaugen E. Lingvistika i iazykovoe planirovanie [Linguistics and Language Planning]. *Novoe v lingvistike. Vyp. VII. Sotsiolingvistika* [New in Linguistics. Iss. 7th. Sociolinguistics]. Moscow, Progress Publ., 1975, pp. 441–472.

13. Cooper R. *Language Planning and Social Change*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1989. 216 p.

14. Fitzsimmons-Doolan Sh. Language Ideologies of Institutional Language Policy: Exploring Variability by Language Policy Register. *Language Policy*, 2019, no. 18, pp. 169–189. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10993-018-9479-1>.

15. Haarmann H. The Politics of Language Spread. *Sociolinguistics: An International Handbook of the Science of Language and Society = Soziolinguistik: Ein internationales Handbuch zur Wissenschaft von Sprache und Gesellschaft*. 2nd completely rev. & extended ed., vol. 2, Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2005, pp. 1653-1667.

16. Haught M. Conversational Interaction. Keith Allan and Kasia M. Jaszczolt eds. *The Cambridge*

Handbook of Pragmatics. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2012, pp. 251-276.

17. Kaplan R., Baldauf R. *Language Planning. From Practice to Theory*. Clevedon, MULTILINGUAL MATTERS LTD, 1997. 403 p.

18. Pennycook A. Postmodernism in Language Policy. Ricento T., ed. *An Introduction to Language Policy. Theory and Method*. Oxford, Blackwell Publishing, 2006, pp. 60-76.

Information About the Authors

Ol'ga B. Yanush, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Sociology, Political Science and Law, Kazan State Power Engineering University, Krasnosel'skaja St, 51, 420066 Kazan, Russian Federation, yanush_ob@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-5606-5984>

Nail' M. Mukharyamov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Head of the Department of Sociology, Political Science and Law, Kazan State Power Engineering University, Krasnosel'skaja St, 51, 420066 Kazan, Russian Federation, n.mukharyamov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3810-824X>

Информация об авторах

Ольга Борисовна Януш, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет, ул. Красносельская, 51, 420066 г. Казань, Российская Федерация, yanush_ob@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-5606-5984>

Наиль Мидхатович Мухарямов, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и права, Казанский государственный энергетический университет, ул. Красносельская, 51, 420066 г. Казань, Российская Федерация, n.mukharyamov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3810-824X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.13>

UDC 327
LBC 66.4(2Рос)

Submitted: 05.09.2020
Accepted: 22.01.2021

“KURIL DISPUTE”: POLITICAL AND LEGAL MODELS OF SOLUTION IN THE ASPECT OF CONSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS

Vyacheslav B. Evdokimov

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

Maksim V. Zaloilo

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The fate of the Southern Kuril Islands remains a stumbling block to the conclusion of a peace treaty between Russia and Japan, as well as the further development of trade, economic, environmental, political, diplomatic, and other relations between the two states. At the same time, the constitutional changes that took place in Russia in 2020 and the need to ensure national interests dictate the need to find alternative ways to solve the problem, taking into account the political and legal experience of resolving similar territorial disputes. *Methods and materials.* The methodological basis of the research includes dialectical, general logical, theoretical (abstraction, historical method), empirical (description, comparison, experiment) methods, as well as a special formal legal and applied interdisciplinary method of event analysis. *Analysis.* Based on the study of domestic and foreign scientific researches devoted to constitutional transformations in Russia and Japan, problems of Russian-Japanese relations over the Southern Kuril Islands dispute, and political and legal models of resolving territorial disputes, legislation and international documents, potential models of resolving the “Kuril dispute” are analyzed and compared, and an attempt is made to find an acceptable solution of the territorial dispute between Russia and Japan over the ownership of the Southern Kurils. *Result.* The authors conclude that each of the considered political and legal models of resolving territorial disputes (“Aland”, “Hong Kong”, “Amur”, “Peace Park model” and other variants) has its own specifics due to the individual characteristics of a particular territorial dispute, so it cannot be applied to the resolution of the models of resolving the “Kuril dispute” in its pure form.

Key words: The Southern Kuril Islands, Russian-Japanese peace treaty, territorial dispute, “Aland model”, “Hong Kong model”, “Amur model”, “Peace Park model”, Constitution, constitutional transformations, national interests.

Citation. Evdokimov V.B., Zaloilo M.V. “Kuril Dispute”: Political and Legal Models of Solution in the Aspect of Constitutional Transformations. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 147-157. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.13>

УДК 327
ББК 66.4(2Рос)

Дата поступления статьи: 05.09.2020
Дата принятия статьи: 22.01.2021

«КУРИЛЬСКИЙ ВОПРОС»: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ РЕШЕНИЯ В АСПЕКТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Вячеслав Борисович Евдокимов

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

Максим Викторович Залоило

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Именно вопрос о судьбе Южных Курил остается камнем преткновения для заключения мирного договора между Россией и Японией, дальнейшего развития торговых, экономических, экологических, политических, дипломатических, иных отношений между двумя государствами. Вместе с тем свершившиеся в России в 2020 г. конституционные преобразования, потребности обеспечения национальных интересов диктуют необходимость поиска альтернативных путей решения проблемы с учетом политико-правового опыта разрешения аналогичных территориальных споров. *Методы и материалы.* Методологическую основу исследования составили диалектический, общелогические, теоретические (абстрагирование, исторический метод), эмпирические (описание, сравнение, эксперимент) методы, а также специальный формально-юридический и прикладной междисциплинарный метод ивент-анализа. *Анализ.* На основе изучения отечественной и зарубежной научной литературы, посвященной конституционным преобразованиям в России и Японии, проблемам российско-японских отношений по поводу Южных Курил, политико-правовым моделям разрешения территориальных споров, законодательства и международных документов анализируются и сравниваются потенциальные модели для разрешения «курильского вопроса», предпринимается попытка отыскать приемлемое решение территориального спора между Россией и Японией по поводу принадлежности Южных Курил. *Результат.* Авторами сформулирован вывод о том, что каждая из рассмотренных политико-правовых моделей разрешения территориальных споров («аландская», «гонконгская», «амурская», «модель парка мира») и иные варианты) имеет свою специфику в связи с индивидуальными особенностями того или иного территориального спора, поэтому не может быть применима в чистом виде к разрешению курильского вопроса. *Вклад авторов.* В.Б. Евдокимовым предложена идея и концепция статьи, сформулирована цель и поставлены исследовательские задачи, выбрана надлежащая методология, позволяющая достигнуть поставленной цели, проанализированы осуществленные и планируемые конституционные преобразования в обоих государствах, имеющие значение для разрешения «курильского вопроса», изучен политико-правовой опыт разрешения схожих межгосударственных территориальных споров, осуществлено научное редактирование. М.В. Залоило разработан тематический план содержания статьи, проанализированы Конституции России и Японии, литературные источники по конституционным преобразованиям в России и Японии, проблемам российско-японских отношений по поводу Южных Курил, политико-правовым моделям разрешения территориальных споров, определена применимость той или иной политико-правовой модели разрешения территориальных споров к отношениям России и Японии по поводу Южных Курил. Формулирование содержащихся в заключительной части статьи выводов осуществлено совместно.

Ключевые слова: Южные Курилы, мирный договор России и Японии, территориальный спор, «аландская модель», «гонконгская модель», «амурская модель», «модель парка мира», Конституция, конституционные преобразования, национальные интересы.

Цитирование. Евдокимов В. Б., Залоило М. В. «Курильский вопрос»: политико-правовые модели решения в аспекте конституционных преобразований // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 147–157. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.13>

Введение. Проблема сложных российско-японских отношений, в том числе по поводу статуса Южных Курил, по-прежнему остается актуальной. В результате конституционных преобразований 2020 г. в статью 67 Конституции Российской Федерации [9] были внесены положения об обеспечении государственного суверенитета и территориальной целостности государства [5]. В таком случае возможная передача Россией Японии островов Хабомаи и острова Сикотан (Шикотан), как того требует пункт 9 Совместной декла-

рации СССР и Японии от 19 октября 1956 г. (далее – Совместная декларация) [2], будет вступать в прямое противоречие с российскими конституционными нормами, это не соответствует и национальным интересам нашего государства. Кроме того, передача Японии лишь двух спорных территорий встречает сопротивление и в самом этом государстве. Переговоры политических лидеров обоих государств относительно до сих пор не заключенного мирного договора заходят в тупик именно по причине нерешенного для Японии

статуса Южных Курил. В связи с этим необходим поиск альтернативных путей решения проблемы – «курильского вопроса» – с учетом как российских конституционных преобразований, национальных интересов, так и политико-правового опыта разрешения аналогичных территориальных споров.

Методы и материалы. Использование исторического метода позволило авторам провести исследование возникающих на протяжении новейшей истории межгосударственных территориальных споров и мирных политико-правовых способов их разрешения. Общелогические, теоретические (абстрагирование), эмпирические (описание, сравнение) методы и метод инвент-анализа позволили изучить и обобщить сведения об имеющихся и относительно эффективных моделях урегулирования территориальных споров («аландская», «гонконгская», «амурская», «модель парка мира»), сопоставить их между собой и с имеющим место спором относительно Южных Курил, создать общее, целостное представление об оптимальном пути разрешения «курильского вопроса», выдвинуть научные гипотезы этого разрешения. С помощью формально-юридического метода были проанализированы действующие положения Конституций России и Японии, а также проектируемые изменения Конституции Японии, имеющие отношение к решению поставленного вопроса. Применение такого метода, как эксперимент, позволило авторам предложить конкретные меры решения спорной ситуации. Теоретическая основа исследования представлена монографиями и научными статьями, посвященными конституционным преобразованиям в России и Японии, проблемам российско-японских отношений по поводу Южных Курил, политико-правовым моделям разрешения территориальных споров.

Анализ. Государственный суверенитет и территориальная организация населения выступают базовыми признаками государства. Территория Российской Федерации согласно статье 67 Конституции включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними. Российская Федерация обладает суверенными правами и осуществляет юрисдикцию на континентальном шельфе и в

исключительной экономической зоне Российской Федерации в порядке, определяемом федеральным законом и нормами международного права. В свою очередь, согласно статье 4 Конституции суверенитет России распространяется на всю ее территорию; Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории (принцип нерушимости границ и территориальной целостности государства был впервые установлен в статье 29 Конституции СССР 1977 г. [19, с. 29]). Государственный суверенитет России, целостность и неприкосновенность ее территории являются одними из основ конституционного строя.

В Стратегии национальной безопасности России [18] к национальным интересам на долгосрочную перспективу причислено, помимо прочего, обеспечение государственной и территориальной целостности России. В процессе инициированной Президентом Российской Федерации в начале января 2020 г. конституционной реформы после масштабных обсуждений, в том числе с привлечением общественности, в Конституцию России были внесены изменения, призванные отразить в Основном законе страны ее национальные интересы, тенденции глобального конституционного развития. В частности, статья 67 Конституции была дополнена положениями о недопустимости отчуждения территорий Российской Федерации: «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются» [9]. Положения о территориальной целостности закреплены в ряде конституций зарубежных государств, а уважение суверенитета государства отражено в основных международных документах (Уставе Организации Объединенных Наций 1945 г. [13], Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. [15] и др.), подтверждено Европейской комиссией за демократию через право [19, с. 31–33].

Российская Федерация является правопреемницей СССР, что было признано международным сообществом сразу после распада СССР в 1991 году. В 2020 г. сложившийся международно-правовой статус России был закреплен на конституционном уровне: во включенной в Конституцию статье 67.1 закреплено, что «Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами территории Российской Федерации» [9]. Следовательно, дополнительно подтверждается правопреемство России в отношении международных договоров СССР, так или иначе затрагивающих статус Южных Курил. Тем не менее было бы ошибкой утверждать об обусловленности заключения мирного договора России и Японии передачей японской стороне островов Хабомаи и острова Сикотан (Шикотан). Вместе с тем несоответствие пункта 9 Совместной декларации императивной норме общего международного права (*jus cogens*), национальным интересам России, Основному закону страны, современным, а не послевоенным реалиям ставит под сомнение правопреемство России именно в отношении пункта 9 Совместной декларации, заставляя искать иные пути разрешения территориального спора с Японией.

Почти одновременно с конституционными преобразованиями в России – в июне 2020 г. – планы о проведении в сентябре 2021 г. национального референдума по поправкам в Конституцию Японии были озвучены действующим на тот момент премьер-министром страны Синдзо Абэ [12]. Основные поправки касались пересмотра статьи 9 Конституции Японии. Сейчас эта статья Основного закона, принятого сразу после Второй мировой войны, окончившейся безоговорочной капитуляцией Японии, имеет пацифистский характер, закрепляя отказ народа Японии «на вечные времена от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров. Для достижения этой цели

никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства ведения войны. Право на ведение государством войны не признается» [8, с. 1023]. Идеи по изменению Конституции Японии известны еще с начала 2000-х годов [10, с. 72]. В 2005 г. съезд правящей Либерально-демократической партии утвердил проект измененной Конституции, где наряду с сохраняющимися положениями статьи 9 об отказе от войны в ней же предлагалось закрепить право Японии обладать силами самообороны во главе с верховным главнокомандующим (премьер-министром), что, по оценкам специалистов, могло интерпретироваться весьма вольно и расширять японское военное присутствие в мире [3, с. 134–135]. Ранние и вновь озвученные идеи о пересмотре статьи 9 Конституции Японии направлены на милитаризацию страны и чреваты усилением конфликтной обстановки в Восточной Азии.

Синдзо Абэ, при котором отношения между Японией и Россией значительно улучшились, полагал своим долгом закончить начатую в конце 1980-х гг. его отцом, Синтаро Абэ (министр иностранных дел Японии с 1982 по 1986 г., генеральный секретарь Либерально-демократической партии Японии с 1987 по 1989 г.), работу по урегулированию территориального спора между странами и подписанию мирного договора. Считается, что Синдзо Абэ постепенно готовил японское общество, которому до того десятилетиями прививались идеи о правах Японии на обладание Южными Курилами, к мысли о признании российского суверенитета над спорными территориями [23]. Это позволило бы наконец исключить столь непростой вопрос из традиционной национальной повестки Японии и активизировать сотрудничество с Россией.

28 августа 2020 г. Синдзо Абэ покинул пост премьер-министра Японии по состоянию здоровья, не успев пересмотреть Конституцию страны и заключить мирный договор с Россией. При этом примечательно, что если Синяя книга дипломатии – ежегодный доклад Министерства иностранных дел Японии о внешней политике страны – в 2019 г., описывая отношения между Японией и Россией, содержала положения о необходимости зак-

лучения мирного договора посредством урегулирования территориального спора относительно «северных территорий» [22, р. 135–136], то уже в докладе, обнародованном в мае 2020 г., Южные Курилы были названы японской территорией, на которую распространяется суверенитет этого государства [26].

Полагаем, что улучшению межгосударственных отношений между Россией и Японией не должны способствовать территориальные уступки Российской Федерации, а именно, передача Японии островов Хабомай и острова Сикотан (Шикотан), если прямо и безоговорочно следовать положениям Совместной декларации – продукта своего времени, отражающего интересы и настроения послевоенной эпохи. Более того, невозможна передача всех островов, как того желала бы японская сторона [27, р. 17–20]. Представляется, что мирного разрешения «курильского вопроса» и в конечном итоге заключения искомого мирного договора между Россией и Японией возможно достигнуть укреплением экономического сотрудничества, в том числе в рамках спорных территорий.

В мировой практике разработаны модели разрешения межгосударственных территориальных споров: «аландская», «гонконгская», «амурская» модели, «модель парка мира» и иные варианты, обладающие как преимуществами, так и недостатками. Далее обратимся к более детальному анализу каждой из них.

«Аландская модель» представляет собой пример разрешения территориальных противоречий между Финляндией и Швецией по поводу Аландских островов. По итогам русско-шведской войны 1808–1809 гг., закончившейся победой Российской империи, к последней согласно условиям мирного договора перешла территория Финляндии, а также Аландские острова, совместно ставшие в составе Российской империи Великим княжеством Финляндским. Указанная спорная территория после Крымской войны 1853–1856 гг. по Парижскому мирному договору 1856 г. получила особый статус демилитаризованной зоны. Обретение Финляндией независимости в 1917 г. было воспринято жителями Аландских островов как возможность перехода под суверенитет Швеции. В 1921 г. вопрос о статусе Аландских островов был передан на рас-

смотрение Лиге Наций, которая с подписанием Аландской конвенции 1921 г. подтвердила существовавший на тот момент их статус демилитаризованной зоны и суверенитет над ними Финляндии. Это же было подтверждено Парижским мирным договором (Мирным договором с Финляндией) 1947 года.

В настоящее время Аландские острова являются автономией в составе Финляндии, что закреплено в Конституции этого государства и Законе об Аландской автономии 1991 г. [20]. Острова управляются Губернатором и Парламентом, имеющим собственную сферу ведения по таким вопросам, как охрана окружающей среды и объектов культурно-исторического наследия, здравоохранение и медицинское обслуживание, социальное и пенсионное обеспечение, образование, сельское и лесное хозяйство, охота и рыболовство, строительство, местное налогообложение, поддержание общественного порядка и пр. Официальным языком на их территории является шведский язык (с возможностью использования финского языка его носителями в суде и государственных учреждениях), поддерживается шведская языковая и культурная самобытность, существует местное гражданство. В данный момент для жителей как Финляндии, так и Швеции, неважно, кому эти острова принадлежат, а «аландская модель» признается лучшим образцом «институционализации статуса территориальной автономии» [7, с. 136].

Предлагаемая «аландская модель» решения вопроса о принадлежности Южных Курил противостоит «гонконгской модели» поиска компромисса, если следовать которой суверенитет над спорными территориями со временем должен перейти к Японии, как это было сделано в отношениях между Великобританией и Китаем по поводу перехода бывшей британской колонии – Гонконга – под суверенитет Китайской Народной Республики [17, с. 18–19].

Объединенной декларацией Правительства Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Правительства Китайской Народной Республики от 19 декабря 1984 г. [28] было предусмотрено возобновление осуществления суверенитета Китая над Гонконгом с 1 июля 1997 г. в полном соответ-

ствии со сформулированной Дэном Сяопином идеей «Одна страна, две системы», предусматривающей наряду с существованием социалистической системы Китая собственных экономических систем отдельных районов (таких как Гонконг, Макао, Тайвань). Образованный в соответствии с положениями названной Декларации специальный административный район Китайской Народной Республики Гонконг на 50 последующих лет, то есть до 2047 г., приобрел высокую степень автономии, получив собственную законодательную, исполнительную и судебную власть, независимую финансовую систему, статус свободного порта и отдельной таможенной территории, а также сохранив статус крупнейшего международного финансового центра. Социальная и экономическая система Гонконга, равно как и образ жизни, следуя идее «Одна страна, две системы», остаются неизменными до 2047 года. Соответствующие положения нашли отражение в Основном законе Гонконга 1990 года.

«Амурская модель» представляет собой пример разрешения в 1991–2004 гг. территориальных разногласий между Россией и Китаем в отношении островов на реке Амур [24]. Она основана на делении пополам общей площади спорной территории [34, р. 151], то есть применении формулы «пятьдесят на пятьдесят». Применение этой формулы в ходе пограничных переговоров позволило как России, так и Китаю получить известные преимущества, хотя и вызвало неоднозначную реакцию в нашей стране [16, с. 35]. Впоследствии она была взята на вооружение Вьетнамом и Китаем для разрешения спора в отношении территорий в Тонкинском заливе [6, с. 131], разграничение которых в середине 2000-х гг. произошло в соответствии с Договором о демаркации в Тонкинском заливе в соотношении 46,77 % (Китай) : 53,23 % (Вьетнам) [11, с. 74].

Современным средством разрешения конфликтов посредством сохранения окружающей среды выступает «модель парка мира» [21, р. 78], реализуемая в нескольких формах, к примеру, в виде мирной буферной зоны для враждующих государств на заповедных территориях. Как средство урегулирования расовых и политических раздоров, гражданской войны, сохранения редких представи-

телей животного мира эта модель используется в Южной Африке (Трансграничный парк Большой Лимпопо (Great Limpopo Transfrontier Park), включающий в себя территории, принадлежащие Южно-Африканской Республике, Мозамбику и Зимбабве [25]). Вместе с тем ряд авторов оспаривает значение «модели парка мира» для содействия так называемому «африканскому возрождению», международному миру, региональному сотрудничеству и сокращению масштабов нищеты по причине несогласованности национальных интересов, незаконного трафика товаров и мигрантов в соседние страны и пр. [31]. Известность приобрела инициатива Южной Кореи по созданию парка мира в демилитаризованной зоне, разделяющей Северную и Южную Корею, который призван стать одновременно и буфером, и мостом для сотрудничества в целях установления мира [32, р. 631].

Результат. Рассмотренные модели имеют свою специфику в связи с индивидуальными особенностями того или иного территориального спора, поэтому не могут быть применимы в чистом виде к разрешению курильского вопроса.

Так, по оценкам специалистов, в случае применения «амурской модели» к российско-японскому спору о территориальной принадлежности Южных Курил, одним из возможных вариантов могла бы стать «передача Японии трех из четырех островов и сохранение за Россией навсегда самого крупного и стратегически важного острова Итуруп» [6, с. 139]. Упомянутые в пункте 9 Совместной декларации острова Хабомаи и остров Сикотан (Шикотан) по размеру своей территории составляют лишь 7 % от общей площади всех спорных территорий, при этом в случае передачи Японии помимо них еще и острова Кунашир общая площадь переданных спорных территорий составила бы 38 % [6, с. 139]. Вместе с тем территориальный спор между Россией и Японией имеет свою специфику и в корне отличается от ситуации по поводу российско-китайской границы, например, в связи с закреплением статуса Южных Курил в международных договорах, в том числе многосторонних, закрепляющих миропорядок и территориальное устройство по итогам Второй мировой войны. Данная модель, применимая в

одной ситуации и способствовавшая сдерживанию Россией Китая, в отношении Южных Курил не отвечает характеру складывающихся российско-японских отношений, которые не характеризуются высокой степенью напряженности. Кроме того, «амурская модель» расходится с поставленной задачей сохранения территориальной целостности России.

Что касается вопроса о применимости «гонконгской модели», то здесь следует иметь в виду, что Гонконг стал колонией Великобритании в соответствии с положениями Нанкинского договора 1842 г. [30], заключенного между Великобританией и Империей Цин по итогам поражения последней в Первой опиумной войне (1840–1842 гг.). Значительная часть Гонконга – Новые Территории – была арендована Великобританией в 1898 г. у Империи Цин на 99 лет. Учитывая указанные обстоятельства, а также принятую 14 декабря 1960 г. на 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам [4], передача Гонконга в состав Китая оставалась единственным вариантом решения спорного территориального вопроса.

Южные Курилы имеют важное стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности и обороноспособности Российской Федерации. В силу географического положения их передача по «гонконгской» или «амурской моделям» (в том или ином соотношении) создаст угрозу военной инфраструктуре на российском Дальнем Востоке, повлечет риски использования указанных территорий в военном отношении против России [1, с. 661]. Трудно переоценить и экономическое значение Южных Курил, где уникальным образом сочетаются природные и рекреационные ресурсы.

«Модель парка мира», предлагающая ценные решения ряда вопросов по эффективному управлению спорными территориями, оставляет в стороне проблему о территориальной принадлежности южно-курильских островов [29, р. 261–276], что не позволяет применить ее для решения «курильского вопроса». Кроме того, эта модель таит в себе риски возникновения споров о контроле над соответствующей буферной зоной и ее принадлежности одной из конфликтующих сторон [33, р. 102].

Как и в случае территориального спора между Японией и Республикой Корея о принадлежности островов Лианкур (Такэсима/Токто), решение спорного территориального вопроса зашло в тупик, поскольку возможная передача спорных территорий Японии будет означать пересмотр итогов Второй мировой войны, создаст прецедент, который будет иметь значение для иных территориальных разногласий в регионе. Поэтому одной из возможных, непоименованных в настоящем исследовании моделей, является вариант «тлеющего» территориального спора между двумя государствами, который, по оценкам специалистов, не будет урегулирован в ближайшее время, но будет характеризоваться «чередой всплесков и затуханий протестных настроений по отношению друг к другу» [14, с. 33].

Таким образом, иные, помимо «аландской», модели разрешения разногласий не в полной мере отвечают национальным интересам России. Путь экономической интеграции соответствующих территорий Россией и Японией по «аландской модели» является для России одним из благоприятных сценариев развития российско-японских отношений, направленным, прежде всего, на избежание повторения неблагоприятных гонконгского и амурского прецедентов, установление дружеских, партнерских отношений. Очевидно, что следование указанной модели не может быть буквальным, хотя бы потому, что Южные Курилы в составе России не имеют статуса автономии. Однако входящие в их состав острова являются частью Сахалинской области – полноправного субъекта Российской Федерации, обладающего системой органов государственной власти, представительством в федеральном парламенте, иными атрибутами самостоятельного субъекта Федерации согласно Конституции России. При этом в нашей стране гарантируются права коренных народов Дальнего Востока, урегулированы иные вопросы организации их жизнедеятельности. Экономической интеграции региона со стороны двух государств должно предшествовать двустороннее соглашение, а также определение направлений, целей, задач и ориентиров сотрудничества. Это требует подготовки соответствующих документов стратегического пла-

нирования, дополненных прогнозами развития сотрудничества России и Японии на спорных территориях и оценкой рисков укрепления экономического влияния Японии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, Д. Ю. «Курильский вопрос»: политологический анализ / Д. Ю. Алексеев, Н. А. Коломейцева // Вестник Башкирского университета. – 2015. – Т. 20, № 2. – С. 661–666.
2. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1982. – № 21. – Ст. 355.
3. Горячева, Е. А. О пересмотре Конституции Японии / Е. А. Горячева, В. В. Кожевников // Россия и АТР. – 2018. – № 1. – С. 133–147.
4. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 29.12.2020). – Загл. с экрана.
5. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.
6. Ивасита, А. Пограничный вопрос в Евразии. Сравнительный анализ центральноазиатского, российско-китайского и российско-японского опыта / А. Ивасита // Сравнительная политика. – 2010. – № 1. – С. 130–143. – DOI: <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2010-1-1-130-143>.
7. Ирхин, И. В. Основные сценарии формирования территориальных автономий в современном мире (конституционно-правовой аспект) / И. В. Ирхин // Lex Russica. – 2019. – № 2. – С. 132–150.
8. Конституции государств Азии : в 3 т. Т. 3 : Дальний Восток / под ред. Т. Я. Хабриевой. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма, 2010. – 1040 с.
9. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.08.2020). – Загл. с экрана.
10. Молодякова, Э. В. Проблема пересмотра конституции в контексте изменений в японском обществе / Э. В. Молодякова // Восточная аналитика. – 2014. – № 4. – С. 69–77.
11. Нархова, Е. И. Влияние территориальных споров в Южно-Китайском море на вьетнамо-ки-

тайские отношения : дис. ... канд. полит. наук / Нархова Екатерина Игоревна. – М., 2019. – 182 с.

12. Премьер Японии намерен изменить конституцию страны. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/06/21/premer-iaponii-nameren-izmenit-konstituciiu-strany.html> (дата обращения: 30.08.2020). – Загл. с экрана.
13. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. – М., 1956. – С. 14–47.
14. Севастьянов, С. В. Территориальный спор между Японией и Республикой Корея: аргументы сторон и перспективы разрешения / С. В. Севастьянов, А. А. Кравчук // Известия Восточного института. – 2017. – № 4. – С. 25–34.
15. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 30.08.2020). – Загл. с экрана.
16. Тимофеев, О. А. Некоторые проблемы истории формирования российско-китайской границы в новое и новейшее время / О. А. Тимофеев, О. К. Грибова // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2013. – № 2. – С. 30–37.
17. Тренин, Д. Тихоокеанское будущее России. Урегулирование спора вокруг Южных Курил. Рабочие материалы Карнеги / Д. Тренин, Ю. Вебер. – М. : Пресс Клуб Сервис, 2013. – 30 с.
18. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1 (ч. II). – Ст. 212.
19. Хабриева, Т. Я. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» / Т. Я. Хабриева, А. А. Клишас. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. – 240 с.
20. Act on the Autonomy of Åland. – Electronic text data. – Mode of access: <https://finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1991/en19911144.pdf> (date of access: 29.12.2020). – Title from screen.
21. Bocchino, C. Landmines and Conservation in Southern Africa: Peace Parks in the Aftermath of Armed Conflict / C. Bocchino // African Security Review. – 2007. – Vol. 16, iss. 2. – P. 78–93. – DOI: <https://doi.org/10.1080/10246029.2007.9627419>.
22. Diplomatic Bluebook 2019. Japanese Diplomacy and International Situation in 2018. Ministry of Foreign Affairs, Japan. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.mofa.go.jp/files/000527162.pdf> (date of access: 30.08.2020). – Title from screen.

23. [EDITORIAL] Without Russia Reverting Northern Territories, Japan Must Reject 'Peace Pact'. – Electronic text data. – Mode of access: <https://japan-forward.com/editorial-without-russia-reverting-northern-territories-japan-must-reject-peace-pact/> (date of access: 30.08.2020). – Title from screen.

24. Gorenburg, D. The Southern Kuril Islands Dispute / D. Gorenburg // PONARS Eurasia Policy Memo. – 2012. – № 226. – P. 1–7.

25. Great Limpopo. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.peaceparks.org/tfcas/great-limpopo/> (date of access: 30.08.2020). – Title from screen.

26. Japan renews claim on Russia-held isles in foreign policy report. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/05/19/national/japan-russian-held-isles-diplomatic-bluebook/> (date of access: 30.08.2020). – Title from screen.

27. Japan's Territorial Issues and the History Understandings of the Concerned Countries. Case Studies on the Senkaku Islands, Takeshima and the Northern Territories. The Japan Institute of International Affairs. March 2014. – Electronic text data. – Mode of access: https://www2.jiia.or.jp/en/pdf/research/FY2013_Japan_Territorial_Issues_and_Historical_Understandings/Japan_Territorial_Issues_and_Historical_Understandings_FY2013.pdf (date of access: 30.08.2020). – Title from screen.

28. Joint Declaration of the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of the People's Republic of China on the Question of Hong Kong. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.cmab.gov.hk/en/issues/jd2.htm> (date of access: 29.12.2020). – Title from screen.

29. Lambacher, J. Nesting cranes: Envisioning a Russo-Japanese peace park in the Kuril Islands. Peace Parks: Conservation and Conflict Resolution / J. Lambacher ; ed. by Saleem H. Ali. – Cambridge, L. : MIT Press, 2007. – 406 p.

30. Treaty of Nanjing (Nanking), 1842. – Electronic text data. – Mode of access: <https://china.usc.edu/treaty-nanjing-nanking-1842> (date of access: 29.12.2020). – Title from screen.

31. Van Amerom, M. Peace parks in Southern Africa: Bringers of an African Renaissance? / M. Van Amerom, B. Büscher // The Journal of Modern African Studies. – 2005. – Vol. 43, iss. 2. – P. 159–182. – DOI: <https://doi.org/10.1017/S0022278X05000790>.

32. Watson, I. Affirming conflict and identity in the Korean Peace Park (DMZ) proposals / I. Watson // Inter-Asia Cultural Studies. – 2015. – Vol. 16, iss. 4. – P. 631–647. – DOI: <https://doi.org/10.1080/14649373.2015.1103029>.

33. Watson, I. Rethinking Peace Parks in Korea / I. Watson // Peace Review. – 2014. – Vol. 26, iss. 1. –

P. 102–111. – DOI: <https://doi.org/10.1080/10402659.2013.846685>.

34. Yamada, Y. Un conflit géopolitique persistant entre le Japon et la Russie: La question des "Territoires du Nord" / Y. Yamada // Géostratégiques. – 2010. – № 26. – P. 137–155.

REFERENCES

1. Alexeev D. Yu., Kolomeitseva N.A. «Kurilskii vopros»: politologicheskii analiz ["The Kuril Issue": Political Analysis]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 2015, vol. 20, no. 2, pp. 661–666.

2. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [Gazette of the Supreme Council of the USSR], 1982, no. 21, art. 355.

3. Goryacheva E.A., Kozhevnikov V.V. O peresmotre Konstitutsii Iaponii [The Revision of the Constitution of Japan]. *Rossiiia i ATR* [Russia and the Pacific], 2018, no. 1, pp. 133–147.

4. *Deklaratsiia o predostavlenii nezavisimosti kolonialnym stranam i narodam* [Declaration on the Granting of Independence to Colonial Countries and Peoples]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (accessed 29 December 2020).

5. Zakon Rossiyskoy Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii ot 14.03.2020 № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdelnykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti» [Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020 No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authorities"]. *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii*, 2020, no. 11, art. 1416.

6. Ivasita A. Pogranichnyy vopros v Evrazii. Sravnitelnyy analiz tsentralnoaziatskogo, rossiysko-kitayskogo i rossiysko-yaponskogo opyta [The Border Issue in Eurasia. Comparative Analysis of Central Asian, Russian-Chinese and Russian-Japanese Experience]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics Russia], 2010, no. 1, pp. 130–143. DOI: <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2010-1-1-130-143>.

7. Irkhin I.V. Osnovnye stsenarii formirovaniia territorialnykh avtonomii v sovremennom mire (konstitutsionno-pravovoi aspekt) [The Main Scenarios for the Formation of Territorial Autonomies in the Modern World (Constitutional and Legal Aspect)]. *Lex Russica*, 2019, no. 2, pp. 132–150.

8. Khabrieva T. Ya., ed. *Konstitutsii gosudarstv Azii: v 3 t. T. 3: Dalnii Vostok* [Constitutions of Asian States: in 3 vols. Vol. 3: The Far East]. Moscow, Institut zakonodatelstva i

sravnitel'nogo pravovedeniia pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, Norma, 2010. 1040 p.

9. *Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii, priniataia vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993, s izmeneniami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniia 01.07.2020* [The Constitution of the Russian Federation, Adopted by Popular Vote on 12.12.1993, with Amendments Approved During the All-Russian Vote on 01.07.2020]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 30 August 2020).

10. Molodiakova E.V. Problema peresmotra konstitutsii v kontekste izmenenii v iaponskom obshchestve [The Problem of Constitutional Revision in the Context of Changes in Japanese Society]. *Vostochnaia analitika* [Eastern Analytics], 2014, no. 4, pp. 69-77.

11. Narkhova E.I. *Vliianie territorialnykh sporov v Iuzhno-Kitaiskom more na vietnamo-kitaiskie otnosheniia: dis. kand. polit. nauk* [Impact of Territorial Disputes in the South China Sea on Vietnam-China Relations. Cand. polit. sci. diss.]. Moscow, 2019. 182 p.

12. *Premer Iaponii nameren izmenit konstitutsiiu strany* [Japanese Prime Minister Intends to Change the Country's Constitution]. URL: <https://rg.ru/2020/06/21/premer-iaponii-nameren-izmenit-konstitutsiiu-strany.html> (accessed 30 August 2020).

13. *Sbornik deystvuyushchikh dogovorov, soglasheniy i konventsiy, zaklyuchennykh SSSR s inostrannymi gosudarstvami* [Collection of Existing Treaties, Agreements and Conventions Concluded by the USSR with Foreign States]. Moscow, 1956, iss. 12, pp. 14-47.

14. Sevastianov S.V., Kravchuk A.A. Territorialnyi spor mezhdou Iaponiei i Respublikoi Koreia: argumenty storon i perspektivy razresheniia [Territorial Dispute Between Japan and The Republic of Korea: Arguments of the Parties and Prospects for Resolution]. *Izvestiia Vostochnogo instituta* [Oriental Institute Journal], 2017, no. 4, pp. 25-34.

15. *Soveshchanie po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope. Zakliuchitelnyi akt* [Conference on Security and Co-Operation in Europe. Final Act]. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (accessed 30 August 2020).

16. Timofeev O.A., Gribova O.K. Nekotorye problemy istorii formirovaniia rossiisko-kitaiskoi granitsy v novoe i noveishee vremia [Some Problems of the History of Russian-Chinese Border Formation in Modern Times]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniia* [Oikumena. Regional Researches], 2013, no. 2, pp. 30-37.

17. Trenin D., Veber Yu. *Tikhookeanskoe budushchee Rossii. Uregulirovanie spora vokrug Yuzhnykh Kuril. Rabochie materialy Karnegi* [Russia's Pacific Future: Solving the South Kuril

Islands Dispute. Carnegie Working Papers]. Moscow, Press Klub Servis Publ., 2013. 30 p.

18. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 31.12.2015 № 683 «O Strategii natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii» [Decree of the Russian Federation President of December 31, 2015 no. 683 "On the Strategy of National Security of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii*, 2016, no. 1 (part 2), art. 212.

19. Khabrieva T.Ya., Klishas A.A. *Tematicheskii kommentarii k Zakonu Rossiiskoi Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ «O sovershenstvovaniu regulirovaniia otdelnykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniia publichnoi vlasti»* [Thematic Commentary to the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 No. 1-FKZ "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authorities"]. Moscow, Norma, INFRA-M, 2020. 240 p.

20. *Act on the Autonomy of Åland*. URL: <https://finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1991/en19911144.pdf> (accessed 29 December 2020).

21. Bocchino C. Landmines and Conservation in Southern Africa: Peace Parks in the Aftermath of Armed Conflict. *African Security Review*, 2007, vol. 16, iss. 2, pp. 78-93. DOI: <https://doi.org/10.1080/10246029.2007.9627419>.

22. *Diplomatic Bluebook 2019. Japanese Diplomacy and International Situation in 2018. Ministry of Foreign Affairs, Japan*. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000527162.pdf> (accessed 30 August 2020).

23. [EDITORIAL] *Without Russia Reverting Northern Territories, Japan Must Reject 'Peace Pact'*. URL: <https://japan-forward.com/editorial-without-russia-reverting-northern-territories-japan-must-reject-peace-pact/> (accessed 30 August 2020).

24. Gorenburg D. The Southern Kuril Islands Dispute. *PONARS Eurasia Policy Memo*, 2012, no. 226, pp. 1-7.

25. *Great Limpopo*. URL: <https://www.peaceparks.org/tfcas/great-limpopo/> (accessed 30 August 2020).

26. *Japan Renews Claim on Russia-Held Isles in Foreign Policy Report*. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/05/19/national/japan-russian-held-isles-diplomatic-bluebook/> (accessed 30 August 2020).

27. *Japan's Territorial Issues and the History Understandings of the Concerned Countries. Case Studies on the Senkaku Islands, Takeshima and the Northern Territories. The Japan Institute of International Affairs. March 2014*. URL: https://www2.jiia.or.jp/en/pdf/research/FY2013_Japan_Territorial_Issues_and_Historical_Understandings/Japan_Territorial_Issues_and_Historical_

Understandings_FY2013.pdf (accessed 30 August 2020).

28. *Joint Declaration of the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of the People's Republic of China on the Question of Hong Kong*. URL: <https://www.cmab.gov.hk/en/issues/jd2.htm> (accessed 29 December 2020).

29. Lambacher J., Ali S.H., ed. *Nesting Cranes: Envisioning a Russo-Japanese Peace Park in the Kuril Islands. Peace Parks: Conservation and Conflict Resolution*. Cambridge, London, MIT Press, 2007. 406 p.

30. *Treaty of Nanjing (Nanking), 1842*. URL: <https://china.usc.edu/treaty-nanjing-nanking-1842> (accessed 29 December 2020).

31. Van Amerom M., Büscher B. Peace Parks in Southern Africa: Bringers of an African Renaissance? *The Journal of Modern African Studies*, 2005, vol. 43, iss. 2, pp. 159-182. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0022278X05000790>.

32. Watson I. Affirming Conflict and Identity in the Korean Peace Park (DMZ) Proposals. *Inter-Asia Cultural Studies*, 2015, vol. 16, iss. 4, pp. 631-647. DOI: <https://doi.org/10.1080/14649373.2015.1103029>.

33. Watson I. Rethinking Peace Parks in Korea. *Peace Review*, 2014, vol. 26, iss. 1, pp. 102-111. DOI: <https://doi.org/10.1080/10402659.2013.846685>.

34. Yamada Y. Un Conflit Géopolitique Persistant Entre le Japon et la Russie: La Question des "Territoires du Nord". *Géostratégiques*, 2010, no. 26, pp. 137-155.

Information About the Authors

Vyacheslav B. Evdokimov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Chief Researcher, Department of Constitutional Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Bolshaya Cheremushkinskaya St, 34, 117218 Moscow, Russian Federation, vevdokimov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7420-4124>

Maksim V. Zaloilo, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Leading Researcher, Department of Theory of Law and Interdisciplinary Research of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Bolshaya Cheremushkinskaya St, 34, 117218 Moscow, Russian Federation, z-lo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4247-5242>

Информация об авторах

Вячеслав Борисович Евдокимов, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела конституционного права, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, ул. Большая Черемушкинская, 34, 117218 г. Москва, Российская Федерация, vevdokimov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7420-4124>

Максим Викторович Zaloilo, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, ул. Большая Черемушкинская, 34, 117218 г. Москва, Российская Федерация, z-lo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4247-5242>

ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РОССИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.14>

UDC 94(47).081

LBC 63.3(2)521

Submitted: 05.11.2019

Accepted: 07.02.2020

PUBLIC EVENTS AS A FORM OF INTERACTION BETWEEN THE GOVERNMENT AND THE RUSSIAN PUBLIC IN THE SECOND HALF OF THE 1850s¹

Oksana O. Zavyalova

South Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation;
Historical Park “Russia – My History”, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In this article, the public events that took place in Russia during the early years of the reign of Alexander II are considered as one of the forms of interaction between the government and the public. *Methods and materials.* The theoretical and methodological basis of the study was the concept of modernization and the theory of the public sphere of J. Habermas, which made it possible to analyze the relationship between the government and the public in Russia as an outwardly expressed and situationally determined social interaction in the context of preparing modernization transformations. The basis of the research is made by memoirs and correspondence of statesmen and public figures. *Analysis.* It is noted that dinners on the occasion of anniversaries and celebrations in honour of the Sevastopol Defense heroes, as well as other celebrations in the context of the socio-political upsurge of the 1850s, turned into government-public channels, through which representatives of the Russian educated society tried to convey the transformative ideas generated in the public environment to the autocratic power. *Results.* In the first years of the reign of Alexander II, under the influence of a complex of factors, there was a qualitative change in the public sphere in Russia as an interaction zone between the government and educated society towards the formation of a subject-subject government-public relations model, characterized by the desire of both the public and the government to take into account the interests and needs of each other friend to achieve a common goal – the preparation and implementation of a set of reforms.

Key words: Russian Empire, Alexander II, Russian public, public events, public upsurge, public sphere, reforms, modernization.

Citation. Zavyalova O.O. Public Events as a Form of Interaction Between the Government and the Russian Public in the Second Half of the 1850s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 158-171. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.14>

ПУБЛИЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1850-х ГОДОВ¹

Оксана Олеговна Завьялова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
Исторический парк «Россия – моя история», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В статье публичные мероприятия, проходившие в столичных городах России в первые годы царствования Александра II, рассматриваются как одна из форм взаимодействия власти и общественности. Теоретико-методологическую основу исследования составили концепция модернизации и теория публичной сферы Ю. Хабермаса, которые позволили проанализировать взаимоотношения власти и общественности в стране как внешне выраженное и ситуативно обусловленное социальное взаимодействие в контексте подготовки модернизационных преобразований. Отмечается, что обеды по случаю юбилеев и чествований героев Севастопольской обороны, а также другие торжества в условиях общественно-политического подъема 1850-х гг. превращались в своеобразные каналы властно-общественной коммуникации, посредством которых представители русского образованного общества пытались донести до самодержавной власти преобразовательные идеи, генерируемые в общественной среде. Русская общественность, представленная интеллектуальной элитой страны – учеными, литераторами, публицистами, стремилась всячески продемонстрировать представителям власти свою активную позицию и закрепить за собой роль субъекта реформаторского процесса, формирующего комплекс актуальных преобразовательных идей. Делается вывод о том, что в первые годы царствования Александра II под воздействием комплекса факторов происходило качественное изменение публичной сферы в России как зоны взаимодействия власти и образованного общества в сторону формирования модели субъект-субъектных властно-общественных отношений, характеризующихся стремлением как представителей общественности, так и власти учитывать интересы и потребности друг друга для достижения единой цели – подготовки и осуществления комплекса реформ. Публичные мероприятия в середине XIX в. стали одной из значимых форм общественного самовыражения, посредством которой образованное общество демонстрировало самодержавной власти свою готовность к соучастию в деле масштабного реформирования страны.

Ключевые слова: Российская империя, Александр II, русская общественность, публичные мероприятия, общественный подъем, публичная сфера, реформы, модернизация.

Цитирование. Завьялова О. О. Публичные мероприятия как форма взаимодействия власти и русской общественности во второй половине 1850-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 158–171. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.14>

Введение. В период общественно-политического подъема первых лет царствования Александра II практически любое публичное мероприятие приобретало демонстративный и общественно значимый характер. Русская общественность, «не довольствуясь словом и пером», стремилась выразить свою позицию по злободневным вопросам российской действительности с помощью различных форм взаимодействия с властью. Особенно активно общественная жизнь в рассматриваемый период протекала в обеих столицах страны – Москве и Петербурге, где концентрация пред-

ставителей русского образованного общества была наивысшей. К публичным формам, в рамках которых осуществлялась властно-общественная коммуникация, относились торжественные мероприятия (обеды по случаю юбилеев и других праздничных событий), а также контакты представителей власти и общественности в рамках деятельности научных и общественных организаций.

Многочисленные публичные мероприятия второй половины 1850-х гг., проходившие в обеих столицах России, рассматривались исследователями по отдельности как яркие

эпизоды из общественно-политической жизни страны, в отрыве от анализа развития взаимоотношений власти и общественности в данный период [5, с. 426–456; 6, с. 492–501; 10; 23; 30, с. 490–491]. В советской историографии приоритетным являлось изучение революционного движения, деятельность либералов, идущих на компромисс с властями, подвергалась критике [15; 22; 25]. Один из ведущих специалистов в области изучения русской либеральной общественной мысли XIX в. В.А. Китаев также затрагивал данную проблему в ряде своих работ, анализируя ее в контексте складывания ранней политической программы либерализма [11, с. 83–85, 154; 12, с. 81; 13, с. 337]. Современные отечественные исследователи, рассматривая процесс идейного влияния представителей интеллектуальной элиты на власть в 1850-е гг., устанавливают устойчивую взаимосвязь между изменениями правительственной политики и общественного мнения, в частности – по крестьянскому вопросу [4, с. 4; 28, с. 126]. При этом анализу основных коммуникационных «каналов» общественного влияния на власть в условиях общественно-политического подъема второй половины 1850-х гг. уделяется недостаточно внимания. Предметом специального рассмотрения они не стали и на прошедшей в Санкт-Петербурге в декабре 2018 г. Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения императора Александра II [3]. В связи с этим целью данного исследования является анализ и выделение специфики публичных форм взаимодействия власти и общественности в первые годы царствования Александра II в контексте процесса подготовки Великих реформ.

Методы и материалы. Теоретико-методологическую основу исследования составила концепция модернизации, которая позволила рассмотреть реформаторский процесс царствования Александра II как очередной этап модернизационных преобразований в России, повлекший за собой изменение традиционной модели взаимоотношений власти и образованного общества. С помощью коммуникативного подхода изучения публичной сферы, разработанного Ю. Хабермасом [33, р. 6–7], удалось рассмотреть публичные мероприятия как одну из основных форм комму-

никации между образованным обществом и властью в России середины XIX века. Наряду с этим при анализе источников были использованы методы интеллектуальной истории, позволяющие выявить условия возникновения и движения основных идей, взглядов и настроений представителей общественности и власти, рассмотреть их в конкретно-историческом социокультурном контексте.

Источниковую базу исследования составили воспоминания и переписка государственных и общественных деятелей, позволяющие раскрыть характер их взаимоотношений в данный период. Также были проанализированы торжественные речи, произнесенные общественными деятелями на обедах, как опубликованные в периодической печати, так и хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации.

Анализ. Одной из значимых форм взаимодействия власти и образованного общества в России являлись различные торжественные мероприятия, которые во второй половине 1850-х гг. приобрели острое общественно-политическое звучание. Содержательное изменение этого традиционного канала властно-общественной коммуникации было связано прежде всего с приходом к власти нового императора Александра II, первые годы царствования которого ознаменовали начало новой переходной эпохи середины 1850-х – начала 1860-х гг. с неустойчивой динамикой общественного развития.

Публицист Н.В. Шелгунов, характеризуя особенности нового этапа в развитии русской общественной жизни второй половины 1850-х гг., замечал: «Единоличная воля в таких случаях исчезает, и всеми, сверху донизу, овладевает один общий жизненный порыв... когда в каждом и во всех пробуждается критическая мысль, каждый и все начинают думать» [31, с. 42]. После смерти императора Николая I и падения Севастополя в 1855 г. подавляющее большинство мыслящих, интеллигентных людей России прониклось критическими настроениями, игнорировать которые власть не могла, стремясь сохранить поддержку образованной части общества в условиях намечавшихся преобразований.

В этот период практически каждое публичное мероприятие превращалось в канал

властно-общественной коммуникации, по которому транслировались актуальные идеи социального развития. Празднование 53-летней годовщины Казанского университета 5 ноября 1857 г. в Петербурге разительно отличалось от торжеств в честь юбилея Московского университета. В 1854 г. Николай I запретил празднование 50-летнего юбилея Казанского университета. Во многом поэтому празднование «некруглой» годовщины открытия крупнейшего научного и образовательного центра, которым являлся Казанский университет, превратилось в значимое общественное событие. Данное мероприятие и многочисленные выступления на нем стали достоянием гласности, будучи опубликованными в популярном журнале «Русский вестник».

На этом торжестве наряду с высокопоставленными чиновниками присутствовали и представители общественности – литераторы и ученые – все бывшие студенты Казанского университета разных выпусков. Старейший из студентов С.Т. Аксаков, приглашенный на торжество, не смог приехать из-за болезни и вместо себя прислал своего сына Ивана Сергеевича, произнесшего речь, в которой отразился один из самых актуальных вопросов общественной жизни России. Подчеркивая особые условия настоящего времени, «когда много шлагбаумов снято с мысли и слова и русской литературе открыт большой простор для деятельности» и отмечая «современное высокое призвание русской литературы», которая должна озарять путь русскому обществу, Аксаков предложил тост «в честь русской литературы, в честь высокого подвига, предстоящего независимому общественному русскому слову» [20, с. 66]. Чиновник особых поручений при министре внутренних дел П.И. Мельников в своем выступлении процитировал следующие слова из либерального стихотворения П.А. Вяземского «Петербург» 1818 г., в свое время урезанного цензурой и ходившего в списках: «И просвещение взаимной пользы цепью / Тесней соединит владыку и народ... / И Александров век светилom незакатным / Торжественно взойдет на русский небосклон...» [9]. Общим лейтмотивом выступлений стала надежда на то, что приветствуемый обществом новый император обратит внимание на новую силу – стихийно возникшее независимое слово.

26 ноября 1855 г. в Москве в зале Художественного собрания состоялось празднование 50-летнего юбилея сценической деятельности актера М.С. Щепкина. Торжество было инициировано С.Т. Аксаковым, С.М. Соловьевым, М.П. Погодиным, которых поддержало московское общество [5, с. 426–427]. На торжественном обеде присутствовало около 300 человек, многие из которых составляли московскую интеллектуальную элиту. Такая представительность торжества не была случайной, ведь фигура актера объединяла несколько поколений передовых деятелей русского искусства. Щепкин состоял в приятельских отношениях с А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, И.С. Тургеневым. Многие почерпнули для себя актер от общения с «людьми сороковых годов» – В.Г. Белинским, Т.Н. Грановским, А.И. Герценом, с семьями Аксаковых и Киреевских. Щепкин принимал участие в деятельности литературных и философских кружков 1830–1840-х гг., а в своих сценических образах воплощал и усиливал те нравственно-просветительские и обличительные функции, которые в этот период выполняла передовая русская литература. На обеде было произнесено и зачитано много речей и приветствий от литераторов, профессоров, московских и петербургских коллег по актерскому цеху. В каждой из них прославлялись заслуги, талант и личные качества артиста. Не раз упоминалось имя Т.Н. Грановского, личность которого объединяла передовое русское общество и являлась для него нравственным ориентиром. После предложенного Погодиным тоста за здоровье старшего товарища Щепкина – драматурга С.Т. Аксакова – последовал ответный тост его сына Константина Аксакова «в честь общественного мнения», который превратил торжественное чествование юбиляра в открытую общественную демонстрацию. Константин Сергеевич подчеркнул, что «выражение общественного сочувствия, общественного мнения драгоценно и его отец ставит это превыше всего [32, с. 270]. Сам С.Т. Аксаков писал по этому поводу другому своему сыну Ивану: «Две секунды продолжалось молчание и разразилось криком и громом рукоплесканий. Все встали со своих мест, чокались, обнимались, незнакомые знакомились с Константином... Ни музыкой, ни тос-

том в честь искусства и театра не могли унять хлопанья и крика» [5, с. 444–445]. Показательным фактом было то, что среди приветствовавших данный тост были не только деятели науки и искусства, но и представители торгово-промышленных кругов – крупный промышленник В.А. Кокорев, купцы – С.И. Мамантов и К.В. Прохоров, а также управляющий канцелярии московского военного генерал-губернатора Ф.П. Корнилов. Такой бурный отклик в собравшемся обществе тост Аксакова получил из-за широко распространенной в общественной среде идеи о необходимости предоставления свободы общественному мнению. Верным средством для этого считалась свобода устного и печатного слова, о которой как о неотъемлемом праве человека Константин Аксаков написал в этом же году в своей «Записке о состоянии России», составленной на имя императора Александра II.

Выступление Аксакова, придавшее торжественному обеду общественно-политическое звучание, было неоднозначно воспринято в общественных и правительственных кругах. По приказанию генерал-губернатор Москвы А.А. Закревского, это событие было запрещено освещать в московских газетах. Но историк и публицист М.П. Погодин все же разместил в своем «Москвитянине» статью об этом событии, а также все речи и приветствия, произнесенные на обеде, в том числе и тост Аксакова [32].

Это событие взбудоражило не только московское, но и петербургское общество. Выдающийся общественный деятель К.Д. Кавелин из Петербурга писал по этому поводу М.П. Погодину: «Щепкинский обед тоже тревожит здесь всех и служит предметом сильных разговоров. Если все так было, как рассказывают, то нельзя не пожалеть, что Аксаков поторопился с тостом» [5, с. 444]. Содержание тоста не вызвало у Кавелина возражений, выступавшего, как и славянофилы, за свободу слова. В целом вторая половина 1850-х гг. в исследовательской литературе характеризуется как период преодоления теоретических расхождений в русском либеральном движении [11, с. 164]. Публичные мероприятия острого общественно-политического характера, пик которых пришелся на данный период, сыграли в этом процессе свою консолидиру-

ющую роль, объединяя практические устремления западников и славянофилов. Кавелина скорее обеспокоила реакция власти на это событие и последовавшие стеснительные меры, которые могли негативно отразиться на налаживающихся отношениях власти и общества и «прибить» возникшие ростки свободного общественного развития. Дело в том, что на обеде присутствовали представители власти – начальник 2-го (Московского) округа корпуса жандармов С.В. Перфильев, попечитель Московского учебного округа В.И. Назимов, сенатор А.И. Казначеев [5, с. 445]. Кавелин опасался, что содержание речи Аксакова могло быть неверно ими истолковано и представлено в петербургских верхах в невыгодном свете.

В конце 1855 и на протяжении 1856 г. в Москве состоялось несколько так называемых славянофильских обедов, чествовавших героев обороны Севастополя. Свое неформальное название они получили благодаря тому, что активную роль в них играли представители славянофильского течения общественной мысли. Наряду с приветствием севастопольских героев и выражением чувств любви и благодарности по отношению к ним в речах участников данных мероприятий содержались явные отсылки к кризисному положению, в котором находилась Россия на заключительном этапе войны, и намеки на необходимость широких реформ, что в итоге придавало им характер политических демонстраций. Сдача Севастополя в августе 1855 г. в общественном сознании современников приобрела символическое значение, ознаменовав собой неутешительный итог николаевского царствования. На фоне обличения «всей гнили правительственной системы, всех последствий удушающего принципа...» [1, с. 385] оборона «многострадального города» и подвиги ее героев становились утешением для национальной гордости униженной поражением России. Возвеличивание мужества и стойкости севастопольского гарнизона было тесно связано с пробуждающимися общественными надеждами на устройство лучших условий жизни в России, на обновление всего государственного строя.

Особенно ярко эти общественные настроения проявились в речи М.П. Погодина,

произнесенной на обеде в честь «отца солдат» генерала С.А. Хрулева, состоявшемся 18 декабря 1855 г. по инициативе членов Английского клуба. В выступлении историка отразилось влияние ключевого события Крымской войны на общественное сознание. В частности, Погодин отмечал, что героическая оборона города на протяжении 11 месяцев являлась для русского общества «животворною банею... освежая, обновляя, поднимая все наши нравственные силы, возвышая дух...» [5, с. 451] и тем самым ориентируя его на активную деятельность. Схожее мнение высказывал славянофил И.В. Киреевский, который, ознакомившись с речью Погодина, писал ему: «...Эти страдания очистительны; эта болезнь к здоровью. Мы бы загнили и задохлись без этого потрясения до самых костей». Вместе с тем он отмечал, что в эту эпоху в недрах России «рождается что-то великое, небывалое в мире» [5, с. 455].

В конце февраля 1856 г. в Москве прошла серия публичных обедов в честь флотских экипажей Севастополя. Организаторами выступили московские купцы, поддержанные Ремесленной и Цеховой управами и представителями московской общественности. Особенно сильное впечатление на образованное общество производили приветствия и тосты близкого к славянофильским кругам предпринимателя В.А. Кокорева, который выступил одним из основных организаторов патриотических торжеств, устроив за свой счет приезд из Петербурга морских офицеров – участников Севастопольской обороны. Следует отметить, что во второй половине 1850-х гг. Кокорев становится значимой публичной фигурой. Он не только прилагал значительные усилия по организации общественных мероприятий, но и неожиданно для многих выступил в роли пламенного оратора, речи которого отражали господствующие в обществе обновленческие настроения. На обеде 23 февраля, данном Кокоревым в залах Купеческого собрания, он произнес речь, в которой от лица всех русских людей благодарил морских офицеров и моряков за стойкость и героизм, проявленные на севастопольских бастионах. Но вместе с тем его выступление содержало в себе актуальную общественно-политическую идею. Кокорев выражал надежду на то, что

самоотверженность севастопольских моряков воодушевит русское общество: «Дай Бог нам способность воспринять хотя часть вашего самопожертвования и забвения о самих себе, и тогда, по приложении сих добродетелей к делам общей пользы, мы нашли бы скорую возможность возвеселить нашего возлюбленного монарха плодами внутреннего преуспевания» [5, с. 497]. На другом обеде, состоявшемся 26 февраля, Кокорев вновь поразили современников глубиной и точностью, с которой он в своем выступлении передал особенность настоящего момента для русского общества и всю степень влияния на него Крымской войны. Обращаясь к героям Севастопольской обороны, он отметил, что развитие «русской силы», подразумевая под этим внутренний духовный потенциал русского общества, происходило в военные годы под воздействием «общего горя» и патриотического энтузиазма, а войны в российской истории играли роль «будильников», которые обновляли, развивали мысль, толкали общество вперед [5, с. 515–516]. Обе речи особенно поразили С.Т. Аксакова и К.Д. Кавелина, и последний в письме к Погодину так писал об услышанном: «...Сколько свежести, глубины и силы! Так не говорят у народов, собирающихся умереть, хотя гнили, гнили столько, что не оберешься» [5, с. 517]. О подробностях московских торжеств и о содержании произносимых там речей Погодин сообщил в письме личному секретарю великого князя Константина Николаевича – А.В. Головину. Великий князь, ознакомившись с застольными речами, выразил желание видеть и лично благодарить Кокорева [5, с. 520–521].

Заключительным в серии патриотических обедов стал организованный по инициативе сенатора С.П. Шипова, поддержанного славянофилами, банкет в честь начальника севастопольского гарнизона графа Д.Е. Остен-Сакена, данный 5 марта 1856 г. в Дворянском собрании. Его особенностью стало то, что в застольных речах, произносимых на нем, русское общество фактически противопоставлялось государству и подчеркивалось его самостоятельное значение в общественно-политической жизни страны. Так, в своем приветственном слове К.С. Аксаков отмечал, что в отличие от государства общество «чтит заслуги человека добровольным выражением

своего внутреннего сочувствия и уважения» [2, с. 120] и данный обед является именно общественным выражением чувств глубокой признательности русского общества к храброму воину. М.П. Погодин, также выступивший на обеде, среди всех достоинств военачальника Остен-Сакена особенно подчеркивал то, что «для русского солдата не заменит никакая наука, никакая ученость, никакой ум, никакие способности», завещанное всякому военачальнику еще А.В. Суворовым. Всем присутствовавшим на обеде было ясно, что этим достоинством является честность, в недостатке которой в этот период упрекали многих военных и чиновников Российской империи, погрязших в злоупотреблениях властью и воровстве, достигших во время Крымской войны катастрофических масштабов. Это выступление, содержащее в себе скрытую критику власти, вызвало неудовольствие в высших правительственных кругах, которое, однако, не было высказано открыто. Так, в конце марта 1856 г. во время пребывания императора в Москве военный министр В.А. Долгоруков вызвал Погодина к себе. В связи с этим В.Ф. Корш в письме интересовался у него: «Правда ли, что князь Долгоруков выразил вам свое неудовольствие за обед Остен-Сакену?» На самом деле, как сообщал сам Погодин, министр ничего особенно ему не сказал, но обронил фразу: «Сакеном Вы нас задели, но это ничего» [5, с. 554].

Представителям власти было трудно отказаться от привычной «запретительной» модели поведения в отношении общественности. Это проявилось в ряде эпизодов, связанных с обедом в честь Остен-Сакена. Так, например, начальник второго округа Отдельного корпуса жандармов С.В. Перфильев отмечал, что «в речи Погодина многие выражения признаются неуместными и неприличными» [5, с. 540–541]. Помимо этого, он сообщал в Петербург, что внешний вид А.С. Хомякова, явившегося на обед в русском платье и с бородой, «очень удивил и, как видно, оскорбил» присутствовавшего на обеде князя С.М. Голицына – одного из крупнейших сановников империи. После этого Хомякову по именному высочайшему повелению было запрещено носить бороду и русское платье в публичных местах [7, с. 66]. Этот незначительный

эпизод произвел неприятное впечатление на образованное общество и особенно на славянофилов. Видный представитель славянофильства А.И. Кошелев в письме Погодину писал по этому поводу: «...мошенники, взяточники, лакеи торжествуют, а люди независимые, мыслящие всех партий повесили нос» [5, с. 541]. В ответ на эту правительственную меру, несоответствующую атмосфере общественного подъема начала нового царствования и считавшуюся каким-то «недоразумением, обманом и клеветой» со стороны А.А. Закревского, С.М. Голицына и других лиц, в славянофильской среде было составлено коллективное письмо [18, с. 359]. В нем подчеркивалось, что, посягнув на бороду, правительство посягнуло на народность, к которой не преминуло обратиться в тяжелую годину Крымской войны, созывая ополчение. Здесь звучал прямой упрек власти за то, что она снова вмешалась в «частные дела граждан» и, как в тяжелые для общественной жизни николаевские годы, «все подводит под лекало единообразия» [16, с. 136]. Народность в данном контексте понималась не только как «символ самостоятельности и духовной свободы» русского общества, но и как обращение власти в лице императора к народу, «живительную силу» которого сокрушатся «ложь, взятки и всякая безнравственность» [16, с. 138]. Это письмо, по замыслу славянофилов, должно было «произвести реакцию» в Петербурге против «недобросовестных сановников» и тем самым обратить внимание императора на всю несправедливость этой меры и ущемление прав благонамеренных людей. Составление данного письма ярко демонстрировало непоколебимую веру в нового императора, который не может запретить «русским быть и казаться русскими» [16, с. 138]. Данный эпизод свидетельствует о значительных изменениях в сознании общества, которое в новых условиях крайне болезненно воспринимало любую запретительную меру властей и было готово отстаивать свое право на самовыражение.

Московские обеды, чествовавшие сева-стопольских героев, ярко демонстрировали трансформацию патриотического энтузиазма русского общества в общественно-политический подъем. Общественность использовала

любую возможность для публичного выражения своей готовности поддерживать новое правительство и помогать ему на пути устранения всяческих злоупотреблений и проведения преобразований. Вместе с тем эти обеды также становились очередным поводом, благодаря которому можно было публично обратиться к актуальным проблемам и напомнить власти о необходимости их скорейшего разрешения. В них проявилась определенная тенденция в развитии русской общественной жизни, связанная с продолжавшимся во второй половине 1850-х гг. процессом оформления общественности как самостоятельного «актора» общественно-политической жизни России. Это выражалось в частом противопоставлении живой общественной силы бездушности и бездарности правительственных распоряжений. Так, например, Погодин противопоставил организованные общественностью чествования севастьяпольских героев как проявление «свободного движения частных людей» нерасторопности московских властей и, в частности, московского генерал-губернатора, который, по словам историка, «боялся выражения любовных народных чувствований, точно как на Западе правительство боится враждебных демонстраций оппозиции» [5, с. 528].

Вместе с тем присутствие на данных торжествах представителей высших московских властей (один из обедов 21 февраля 1856 г. состоялся в доме генерал-губернатора), интерес, проявленный императором к содержанию произносимых там речей [5, с. 541], а также широкое освещение этих торжественных событий в печати превращало их в общественные демонстрации, схожие по своему значению с политическими банкетами более позднего времени. В связи с этим можно утверждать, что во второй половине 1850-х гг. в России складывалась традиция активного социального поведения в форме обедов и других публичных мероприятий, главной целью которых являлось стремление обратить на себя внимание власти и довести до нее значимые идеи, распространенные в общественной среде.

Большое впечатление на русскую общественность произвело опубликование рескриптов 1857 г., определявших правительственную

программу крестьянской реформы и означавших переход к гласному обсуждению крестьянского вопроса. Славянофил А.И. Кошелев, характеризуя общественную реакцию на первые публичные правительственные меры в крестьянском вопросе, отмечал, что «зима 1857/58 г. была до крайности оживлена. Такого исполненного жизни, надежд и опасений времени никогда прежде не бывало. Толкам, спорам, совещаниям, обедам с речами и пр. не было конца. Едва ли выпущенный из тюрьмы после долгого в ней содержания чувствовал себя счастливее нас, от души желавших уничтожения крепостной зависимости людей в отечестве нашем и, наконец, получивших возможность во всеуслышание говорить и писать о страстно любимом предмете и действовать как будто свободно» [24, с. 98].

Видимо, на Кошелева большое впечатление произвели обеды, данные в Москве 28 декабря 1857 г. и 16 января 1858 г., на последнем из которых он также присутствовал. Данные обеды «по случаю эманципации» стали выражением стремления либеральной общественности – московских и петербургских литераторов и ученых – выразить верноподданнические чувства императору, приветствовать «Царя-освободителя» и начало подготовки крестьянской реформы. Декабрьский обед, состоявшийся в залах Купеческого собрания, был инициирован редактором «Русского вестника» М.Н. Катковым и профессором Петербургского университета К.Д. Кавелиным. Следует отметить, что идеологи славянофильства решили на нем не присутствовать, чтобы лишней раз не раздражать правительство [29, с. 184]. Сообщение об обеде, а также все выступления на нем – М.Н. Каткова, писателей Н.Ф. Павлова, А.В. Станкевича, профессора истории М.П. Погодина, профессора политической экономии И.К. Бабста, К.Д. Кавелина и В.А. Кокорева – были опубликованы в «Русском вестнике» [26]. Во всех выступлениях выражалась готовность общественности с помощью литературы «содействовать великому преобразованию, преобразованию любви и добра, соответственным великодушным намерениям Государя, заодно с правительством» [29, с. 186–187]. В речи Кокорева, не произнесенной на обеде, но опубликованной в «Русском вестнике» как «дополнение» к упо-

мянутой статье, вместе с призывом к купцам принять участие в деле освобождения крестьян было высказано важное общественное требование расширения гласности мнений, «сообщаемых из каждой местности во всеобщее сведение широкопечатным печатным словом» [29, с. 193]. Позднее среди участников обеда распространился слух о том, что торжественные речи были представлены императору в рукописи и благосклонно им приняты [6, с. 492]. Однако в действительности какой-либо официальной благодарности от императора не последовало.

В свою очередь, реакция московских властей на опубликование речей, произнесенных на «обеде эманципаторов», последовала незамедлительно. Чиновник особых поручений С.Н. Палаузов в своем рапорте сообщал министру народного просвещения А.С. Норову: «Речи противоречат последнему предписанию Вашего высокопревосходительства о недозволении печатать статьи, в коих допускаются суждения о крестьянском вопросе». И далее продолжал: «Долгом считаю, впрочем, заметить, что речи эти отнюдь не противоречат мерам правительства, выраженным в Высочайших рескриптах по случаю улучшения быта помещичьих крестьян, напротив, они живо и рельефно выражают те благодетельные последствия, которые непосредственно произойдут от выше приведенных мер правительства, явно направленных на будущее благоденствие земледельческого класса» [21, л. 48]. Тем не менее, несмотря на важное замечание чиновника о несомненном благоприятном направлении выступлений на обеде, дополнительная речь Кокорева, отпечатанная отдельной брошюрой в типографии Каткова, была запрещена к распространению, а существующие экземпляры уничтожены [23, с. 111]. Во многом этому способствовал московский генерал-губернатор А.А. Закревский, который, по словам амнистированного декабриста Н.А. Басаргина, представил этот обед верховной власти «в виде опасной для спокойствия столицы протестации со стороны оппозиционной партии» [8, с. 277]. В своих воспоминаниях В.А. Кокорев сообщал, что после обеда 28 декабря 1857 г. «граф Закревский прислал за мной и наговорил мне в самых желчных выражениях таких страхов и ужасов

и таких угроз, что я счел за лучшее выслушать все их молча без всяких возражений» [14, с. 268–269].

Но предупреждение Закревского не остановило общественной деятельности Кокорева, за которым уже было установлено негласное наблюдение полиции. Вошедший во вкус публичной деятельности предприниматель 16 января 1858 г. организовал в своем доме очередной обед, на который было приглашено около 100 человек, что снова вызвало негативную реакцию у московских властей. На банкете торжественные речи были произнесены самим хозяином, славянофилами Ю.Ф. Самариним, А.И. Кошелевым, а также одним из уездных предводителей дворянства Нижегородской губернии, сыном известного историографа А.Н. Карамзиным. В выступлениях вновь подчеркивалась особенность настоящего момента, знаменовавшего собой начало новой эпохи всеобщего обновления, когда «Царь направил все общественные мысли к делу». По словам Кокорева, в наступившем 1858 г. «предчувствуется торжество русского слова» и в этот год «ничем не заглушаемая мысль положит конец нашему бессловию» [27, л. 1]. Кошелев предложил тост в честь гласности, которая, по его замечанию, в царствование Александра II «вводворяется в России и обхватывает все более и более круг нашей умственной и гражданской деятельности». Славянофил также выразил уверенность в том, что «большая по возможности гласность» является одним из главных условий успешного разрешения крестьянского вопроса, ведь она «одна в силах противодействовать ложным слухам», распространяющимся в крестьянской среде [27, л. 4]. На обеде затрагивались и актуальные проблемы сельского хозяйства, открытое обсуждение которых в это время ограничивалось властями (вопрос о поземельной общине, о доходности помещичьих хозяйств) [27, л. 11 об.]. Особо отмечалось, что представители общности – все те, кто так или иначе занимается разработкой проектов и предложений по решению крестьянского вопроса, смогут удостоверить императора в том, что «из общих наших рассуждений выработается устройство Его любезной России» [27, л. 12 об.]. По окончании обеда в своей заключительной

речи Кокорев предложил собрать подписку на новый грандиозный обед в Большом театре по случаю трехлетия восшествия на престол императора Александра II «для выражения верноподданнической любви и преданности к Его Величеству», назначенный на 19 февраля 1858 года. Предложение было восторженно принято, и в открытой подписке среди приглашенных на обед есть имена как государственных, так и общественных деятелей, московских предпринимателей². На готовившемся обеде Кокорев планировал обсудить разрабатываемый им план учреждения частного банка для выкупа у помещиков всей необходимой для крестьян земли³ и составить обращение к великому князю Константину Николаевичу, который, по замыслу предпринимателя, должен был принять этот банк с собранной суммой под свое покровительство и полное ведение [19, с. 205]. По мнению Кокорева, создание банка из пожертвований богатых купцов было необходимо для того, чтобы «помещики видели, что за земли, поступающие к крестьянам, деньги есть, готовы, налицо, чтобы крестьяне убедились в том, что они остаются не на воздухе, а со всеми владеемыми ими полями и покосами» [27, л. 12 об.].

В своем конфиденциальном донесении от 18 января 1858 г. шефу жандармов В.А. Долгорукову московский генерал-губернатор А.А. Закревский сравнивал обед в доме у Кокорева с «западными митингами, развивающими демократические идеи». Закревский был крайне недоволен активностью купца в деле, которое, по его мнению, должно было решаться исключительно дворянством. Тем более непозволительным ему казалось то, что Кокорев как купец, не являвшийся выходцем из сословия, которому было дозволено заниматься обсуждением крестьянского вопроса, позволил себе обратиться к нижегородскому дворянству в лице Карамзина, чем оскорбил все сословие дворян. Также, по мнению Закревского, страсти и толки, которые возбуждают в народе торжественные речи на обедах, «легко могут породить беспорядки и обрушить на слепую толпу всю строгость закона» [19, с. 202–203]. В заключение своего донесения московский генерал-губернатор спрашивал высочайшего мнения о том, можно ли допускать в дальнейшем «митинги наподобие

заграничных и публичные политические обеды с речами об эмансипации» [6, с. 499–500]. В итоге из Петербурга последовало Высочайшее повеление от 24 января 1858 г., в соответствии с которым Кокореву особой подпиской обязали отказаться от подготовки обеда 19 февраля 1858 г. и к тому же «не позволять вообще публичных политических собраний и обедов с произнесением речей о государственных вопросах» [19, с. 208].

Даже после исполнения высочайших распоряжений в отношении Кокорева Закревский к письму князю А.Ф. Орлову от 15 февраля 1858 г. приложил отдельную записку о московском купце. Проявленная Кокоревым инициатива и его призыв к публичному обсуждению идеи учреждения частного банка были в ней истолкованы как «тщеславная выходка» и попытка «всеми путями добиться народности». Закревский замечал: «Пусть бы писал и представлял свои проекты правительству. — Но к чему эта гласность, которой он так нагло ищет и в России и за границей? Разве для нас мало Царского слова, которым двинуто дело об уничтожении крепостного права?» [19, с. 210]. Московский генерал-губернатор, имевший репутацию непримиримого борца с любыми свободными проявлениями общественной жизни, являлся ярким примером того государственного деятеля — «административной головы», который не хотел учитывать тот факт, что в стране в лице общественности появилась новая интеллектуальная сила, требовавшая гласности в действиях правительства. В эпоху, когда в обществе особой популярностью пользовался герценовский «Колокол» и на слуху были слова из него о том, что «там, где нет гласности, там, где нет прав, а есть только царская милость, там не общественное мнение дает тон, а козни передней и интриги алькова» [17, с. 43], действия Закревского казались еще более неуместными и анахроничными, тормозящими прогрессивное развитие общественно-политической жизни страны.

Результаты. Таким образом, во второй половине 1850-х гг. русская общественность стремилась использовать любые институциональные и внеинституциональные публичные формы для выражения своих взглядов по актуальным вопросам российской действительности и взаимодействия с представителями

высших российских властей. Именно с этого периода обеда и другие публичные мероприятия превращаются в одну из значимых форм общественного самовыражения, посредством которой общество демонстрировало власти свою готовность к «великому делу внутреннего благоустройства». Русская общественность опасалась сохранения модели взаимодействия власти и образованного общества царствования Николая I, характеризующейся чрезмерной государственной опекой «сверху» всех общественных функций и проявлений общественной инициативы, противопоставлением казенного частному, что замедляло встречное движение «снизу» и способствовало всевозможным злоупотреблениям. Представители русского образованного общества стремились всячески продемонстрировать власти свою активную позицию и закрепить за собой роль субъекта реформаторского процесса, формирующего комплекс актуальных преобразовательных идей. В торжественных речах многочисленных обедов этого периода звучала основная идея о необходимости соединения самодержца и народа, власти и образованного общества в общей работе по подготовке преобразований. Общественность в первые годы царствования Александра II не только заявила о своем праве на участие в реформаторском процессе, но и своей активной общественной деятельностью, выражавшейся, в том числе, в организации публичных мероприятий, оказывала идейное давление на власть, способствуя скорейшему проведению назревших реформ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья написана в рамках исследования «Модернизация России: исследовательский опыт и образовательные практики» при финансовой поддержке гранта Южного федерального университета (ЮФУ) (проект № ВнГр-07/2017-16).

The article was written in the framework of the research «Modernization of Russia: research experience and educational practices» with the financial support of a grant from the Southern Federal University (SFU) (project No. VNGr-07/2017-16).

² Наряду с сенатором С. П. Шиповым, начальником 2-го московского округа корпуса жандармов С.В. Перфильевым, московским цензором Н.Ф. фон Крузе, оренбургским вице-губернатором Е.И. Ба-

рановским в обеде 19 февраля предполагали принять участие славянофилы А.И. Кошелев, Ю.Ф. Самарин, А.С. Хомяков, литературные деятели Н.Х. Кетчер, М.Н. Катков, А.Н. Островский и многие другие.

³ В.А. Кокорев свой проект освобождения крестьян с землей при участии купеческого сословия развивал не только в выступлениях на торжественных обедах. В 1859 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась его статья «Миллиард в тумане», в которой был изложен план реформы. Идея учреждения частного банка, в который Кокорев со своей стороны хотел внести 3 млн руб., была представлена им в письме к министру внутренних дел от 21 января 1858 г., внесенном им в Главный Комитет по крестьянскому делу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков, И. С. Письма к родным (1849–1856) / И. С. Аксаков. – М. : Наука, 1994. – 653 с.
2. Аксаков, К. С. Застольное слово К.С. Аксакова на обеде, данном в Москве графу Д.Е. Сакену / К. С. Аксаков // Русский архив. Историко-литературный сборник. – 1895. – № 5. – С. 119–120.
3. Александр II: два века в памяти России (1818–2018) / сост., гл. ред. В. В. Яковлев. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. – 478 с.
4. Арсланов, Р. А. Либеральный проект освобождения крестьян в России / Р. А. Арсланов // Genesis: исторические исследования. – 2012. – № 2. – С. 1–49.
5. Барсуков, Н. П. Жизнь и труды М.П. Погодина. В 22 кн. Кн. 14. / Н. П. Барсуков. – СПб. : Погодин и Стасюлевич, 1900. – 641 с.
6. Барсуков, Н. П. Жизнь и труды М.П. Погодина. В 22 кн. Кн. 15. / Н. П. Барсуков. – СПб. : Погодин и Стасюлевич, 1901. – 552 с.
7. Бартнев, П. И. Воспоминания / П. И. Бартнев // Российский Архив : История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : альманах. – М. : Студия ТРИТЭ : Рос. Архив, 1994. – Т. 1. – С. 47–95.
8. Басаргин, Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи / Н. В. Басаргин. – Иркутск : Вост.-сиб. кн. изд-во, 1988. – 542 с.
9. Вяземский, П. А. Петербург (отрывок). 1818 г. / П. А. Вяземский // Стихотворения. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://vyazemskiy.lit-info.ru/vyazemskiy/stih/stih-50.htm> (дата обращения: 12.10.2019). – Загл. с экрана.
10. Дружинин, Н. М. Москва в годы Крымской войны / Н. М. Дружинин // Вестник АН СССР. – 1947. – № 6. – С. 49–63.
11. Китаев, В. А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века / В. А. Китаев. – М. : Мысль, 1972. – 288 с.

12. Китаев, В. А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.) / В. А. Китаев. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – 380 с.
13. Китаев, В. А. XIX век: пути русской мысли : науч. тр. / В. А. Китаев. – Н. Новгород : Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2008. – 355 с.
14. Кокорев, В. А. Воспоминания давно прошедшего / В. А. Кокорев // Русский архив. Историко-литературный сборник. – 1885. – Вып. 3. – С. 263–272.
15. Левин, Ш. М. Общественное движение в России в 60–70-е годы XIX века / Ш. М. Левин. – М. : Соцэкгиз, 1958. – 510 с.
16. Мазур, Н. Н. Дело о бороде. Из архива Хомякова: письмо о запрещении носить бороду и русское платье / Н. Н. Мазур // Новое литературное обозрение. – 1994. – № 6. – С. 127–138.
17. Москва // Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева : Вольная русская типография. 1857–1867. Лондон – Женева : [в 11 вып.] / [предисл. М. В. Нечкиной и Е. Л. Рудницкой]. – Факсимильное изд. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – Вып. 1. – С. 43.
18. Письма к А.Н. Попову (1840–1860) – А.И. Кошелева // Русский архив. Историко-литературный сборник. – 1886. – Вып. 3. – С. 357–362.
19. Попельницкий, А. Запрещенный по высоч. повелению банкет в Москве 19 февраля 1858 г. / А. Попельницкий // Голос минувшего. – 1914. – № 2. – С. 202–212.
20. Пятьдесят-третья годовщина Казанского университета // Русский вестник. – 1857. – Т. 12. – С. 59–66.
21. Рапорты чиновника особых поручений С.Н. Палаузова об отсутствии нарушений цензурных правил в просмотренных им книгах и периодических изданиях и о замечаниях по отдельным изданиям, принятых к сведению // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 772. – Оп. 1, ч. 2. – Д. 3989. – 68 л.
22. Революционная ситуация в России в середине XIX века / под ред. М. В. Нечкиной. – М. : Наука, 1978. – 439 с.
23. Репинецкий, С. А. Московский цензурный комитет и политика в отношении печати накануне отмены крепостного права / С. А. Репинецкий // Российская история. – 2011. – № 2. – С. 109–116.
24. Русское общество 40–50-х годов XIX в. – Ч. 1 : Записки А.И. Кошелева / сост., вступ. ст., ред. Н. И. Цимбаева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1991. – 235 с.
25. Сладкевич, Н. Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века / Н. Г. Сладкевич. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. – 286 с.
26. Современная летопись // Русский вестник. – 1857. – Т. 12. – С. 203–217.
27. Тексты речей, произнесенных В. А. Кокоревым, Ю. Ф. Самариним, А. И. Кошелевым, А. Н. Карамзиным на обеде 28 декабря 1860 г. в Москве // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. 647. – Оп. 1. – Д. 130. – 14 л.
28. Христофоров, И. А. Правительственная политика и «крестьянский вопрос» до и после отмены крепостного права (1830-е – начало 1890-х гг.) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Игорь Анатольевич Христофоров. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 2013. – 641 с.
29. Хрущов, Д. П. Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. В 3 т. Т. 1: от 1855 до 1858 / Д. П. Хрущов. – Берлин : F. Schneider, 1860. – 416 с.
30. Цимбаев, К. Н. Реконструкция прошлого и конструирование будущего в России XIX века : Опыт использования исторических юбилеев в политических целях / К. Н. Цимбаев // Историческая культура императорской России. Формирование представлений о прошлом : коллектив. моногр. в честь проф. И. М. Савельевой. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2012. – С. 475–498.
31. Шелгунов, Н. В. Из прошлого и настоящего // Штурманы будущей бури : Воспоминания участников революционного движения 1860-х годов в Петербурге / сост. А. Н. Цамутали. – Л. : Лениздат, 1983. – С. 35–139.
32. Юбилей М.С. Щепкина // Москвитянин. – 1855. – Т. VI, ноябрь. – С. 249–280.
33. Habermas, J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / J. Habermas ; transl. by Th. Burger and F. Lawrence. – Cambridge : Polity Press. – 301 p.

REFERENCES

1. Aksakov I.S. *Pis'ma k rodnym (1849–1856)* [Letters to Relatives (1849–1856)]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 653 p.
2. Aksakov K.S. *Zastol'noe slovo K.S. Aksakova na obede, dannom v Moskve grafu D.E. Sakenu* [Word by K.S. Aksakov Given to Count D. E. Saken at a Dinner in Moscow]. *Russkij arhiv. Istoriko-literaturnyj sbornik* [Russian Archive. Historical and Literary Collection], 1895, no. 5, pp. 119–120.
3. Yakovlev V.V., ed. *Aleksandr II: dva veka v pamjati Rossii (1818–2018)* [Alexander II: Two Centuries in the Memory of Russia (1818–2018)]. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2018. 478 p.
4. Arslanov R.A. *Liberal'nyj proekt osvobodzhenija krest'jan v Rossii* [Liberal project for the Emancipation of Peasants in Russia]. *Genesis: istoricheskie issledovanija* [Genesis: Historical Research], 2012, no. 2, pp. 1–49.

5. Barsukov N.P. *Zhizn' i trudy M.P. Pogodina. V 22 kn. Kn. 14* [The Life and Works of Pogodin. In 22 vols. Vol. 14]. Saint Petersburg, Pogodin and Stasyulevich Publ., 1900. 641 p.
6. Barsukov N.P. *Zhizn' i trudy M.P. Pogodina. V 22 kn. Kn. 15* [The Life and Works of Pogodin. In 22 vols. Vol. 15]. Saint Petersburg, Pogodin and Stasyulevich Publ., 1901. 552 p.
7. Bartenev P.I. *Vospominaniya* [Memories]. *Rossijskij Arhiv: Istorija Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII–XX vv.: Al'manah* [Russian Archive: History of the Fatherland in the Evidence and Documents of the 18th–20th Centuries. Almanac]. Moscow, Studiya TRITE, Ros. Arkhiv., 1994. vol. 1, pp. 47-95.
8. Basargin N.V. *Vospominaniya, rasskazy, stat'i* [Memories, Stories, Articles]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo, 1988. 542 p.
9. Vjazemskij P.A. *Peterburg (otryvok). 1818 g.* [Peterburg (Excerpt). 1818]. *Stihotvoreniya* [Poems]. URL: <http://vyazemskiy.lit-info.ru/vyazemskiy/stihi/stih-50.htm> (accessed 12 October 2019).
10. Druzhinin N.M. *Moskva v gody Krymskoj vojny* [Moscow During the Crimean War]. *Vestnik AN SSSR*, 1947, no. 6, pp. 49-63.
11. Kitaev V.A. *Ot frondy k ohranitel'stvu. Iz istorii russkoj liberal'noj mysli 50–60-kh godov XIX veka* [From the Fronde to the Guard. From the History of Russian Liberal Thought in the 50s and 60s of the 19th Century]. Moscow, Mysl' Publ., 1972. 288 p.
12. Kitaev V.A. *Liberal'naja mysl' v Rossii (1860–1880 gg.)* [Liberal Thought in Russia (1860–1880)]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta, 2004. 380 p.
13. Kitaev V.A. *XIX vek: puti russkoj mysli: nauch. trudy* [19th Century: Ways of Russian Thought. Scientific Papers]. Nizhny Novgorod, Izd-vo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. 355 p.
14. Kokorev V.A. *Vospominaniya davno proshedshego* [Memories of Long Past]. *Russkij arhiv. Istoriko-literaturnyj sbornik* [Russian Archive. Historical and Literary Collection], 1885, iss. 3, pp. 263-272.
15. Levin Sh.M. *Obshhestvennoe dvizhenie v Rossii v 60–70-e gody XIX veka* [Social Movement in Russia in the 60–70s of the 19th Century]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1958. 510 p.
16. Mazur N.N. *Delo o borode. Iz arhiva Homjakova: pis'mo o zapreshhenii nosit' borodu i russkoe plat'e* [The Beard Case. From the Archive of Khomyakov: A Letter Prohibiting the Wearing of a Beard and Russian Dress]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1994, no. 6, pp. 127-138.
17. Moskva [Moscow]. *Kolokol. Gazeta A. I. Gertsena i N. P. Ogareva: Vol'naya russkaya tipografiya. 1857–1867. London, Zheneva: v 11 vyp.* Moscow, Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1962, facsimile ed., iss. 1, p. 43.
18. Pis'ma k A.N. Popovu (1840–1860) – A.I. Kosheleva [Letters to A.N. Popov (1840–1860) – A.I. Kosheleva]. *Russkij arhiv. Istoriko-literaturnyj sbornik* [Russian Archive. Historical and Literary Collection], 1886, iss. 3, pp. 357-362.
19. Popel'nickij A. *Zapreshhennyj po vysoch. poveliju banket v Moskve 19 fevralja 1858 g.* [Banquet Forbidden by High Command in Moscow on February 19, 1858]. *Golos minuvshego*, 1914, no. 2, pp. 202-212.
20. Pjat'desjat-tret'ja godovshhina Kazanskogo universiteta [Fifty-Third Anniversary of Kazan University]. *Russkij vestnik*, 1857, vol. 12, pp. 59-66.
21. Raporty chinovnika osobyh poruchenij S.N. Palauzova ob otsutstvii narushenij cenzurnyh pravil v prosmotrennyh im knigah i periodicheskikh izdaniyah i o zamechanijah po otdel'nym izdaniyam, prinjatyh k svedeniju [Reports of the Official of Special Orders S.N. Palauzov on the Absence of Censorship Rules Violations in the Books and Periodicals He Reviewed and on Comments on Individual Publications Taken into Account]. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGLA)* [Russian State Historical Archive (RSHA)], f. 772, op. 1, ch. 2, d. 3989. 68 l.
22. *Revoljucionnaja situacija v Rossii v seredine XIX veka* [The Revolutionary Situation in Russia in the Middle of the 19th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 439 p.
23. Repineckij S.A. *Moskovskij cenzurnyj komitet i politika v otnoshenii pečati nakanune otmeny krepostnogo prava* [Moscow Censorship Committee and Press Policy on the Eve of the Abolition of Serfdom]. *Rossijskaja istorija* [Russian History], 2011, no. 2, pp. 109-116.
24. *Russkoe obshhestvo 40–50-kh godov XIX v. Ch. 1: Zapiski A.I. Kosheleva* [Russian Society in the 40s – 50s of the 19th Century. A.I. Koshelev's Notes]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1991. 235 p.
25. Sladkevich N.G. *Očerki istorii obshhestvennoj mysli Rossii v konce 50-kh – nachale 60-kh godov XIX veka* [Essays on the History of Social Thought in Russia in the Late 50s – Early 60s of the 19th Century]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1962. 286 p.
26. *Sovremennaja letopis'* [Modern Chronicle]. *Russkij vestnik*, 1857, vol. 12, pp. 203-217.
27. *Teksty rečej, proiznesennyh V.A. Kokorevym, Ju.F. Samarinyam, A.I. Koshelevym, A.N. Karamzinym na obede 28 dekabrja 1860 g. v Moskve* [Speeches Delivered by V.A. Kokorev, Yu.F. Samarin, A.I. Koshelev, A.N. Karamzin at a Dinner on December 28, 1860 in Moscow]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF)* [State Archive of the Russian Federation (GARF)], f. 647, op. 1, d. 130. 14 l.

28. Hristoforov I.A. *Pravitel'stvennaja politika i «krest'janskij vopros» do i posle otmeny krepostnogo prava (1830-e – nachalo 1890-h gg.): dis. ... d-ra ist. nauk [Government Policy and the “Peasant Question” Before and After the Abolition of Serfdom (1830s – Early 1890s). Dr. hist. sci. diss.]*. Moscow, Institut rossiyskoy istorii RAN, 2013. 641 p.

29. Hrushhov D.P. *Materialy dlja istorii uprazhnenija krepostnogo sostojanija pomeshhich'ih krest'jan v Rossii v carstvovanie imperatora Aleksandra II. V 3 t. T.1 : ot 1855 do 1858 [Materials for the History of the Abolition of the Serfdom of the Landlord Peasants in Russia During the Reign of Emperor Alexander II. In 3 Volumes. Vol. 1. From 1855 to 1858]*. Berlin, F. Schneider Publ., 1860. 416 p.

30. Cimbaev K.N. *Rekonstrukcija proshlogo i konstruirovanie budushhego v Rossii XIX veka: Opyt ispol'zovanija istoricheskikh jubileev v politicheskikh celjah [Reconstruction of the Past and Construction of the Future in Russia in the 19th Century: The Experience of Using Historical Anniversaries for*

Political Purposes]. *Istoricheskaja kul'tura imperatorskoj Rossii. Formirovanie predstavlenij o proshlom: kollektivnaja monografija v chest' professora I.M. Savel'evoj [The Historical Culture of Imperial Russia. Formation of Ideas About the Past: A Collective Monograph in Honor of Professor I.M. Savelyeva]*. Moscow, HSE Publishing House, 2012, pp. 475-498.

31. Shelgunov N.V. *Iz proshlogo i nastojashhego [From the Past and Present]*. *Shturmany budushhej buri: Vospominanija uchastnikov revoljucionnogo dvizhenija 1860-h godov v Peterburge [Navigators of the Future Storm: Memoirs of Participants in the Revolutionary Movement of the 1860s in St. Petersburg]*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1983, pp. 35-139.

32. Jubilej M.S. Shhepkina [Anniversary of M.S. Schepkin]. *Moskvitjanin*, 1855, vol. 6, pp. 249-280.

33. Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, Polity Press. 301 p.

Information About the Author

Oksana O. Zavyalova, Assistant, Institute of History and International Relations, South Federal University, Bolshaya Sadovaya St, 33, 344082 Rostov-on-Don, Russian Federation; Researcher, Historical Park “Russia – My History”, Prosp. Sholohova, 31 “I”, 344029 Rostov-on-Don, Russian Federation, oxana-z10@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5219-958X>

Информация об авторе

Оксана Олеговна Завьялова, ассистент, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, 33, 344082 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; научный сотрудник, Исторический парк «Россия – моя история», просп. Шолохова, 31 «И», 344029 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, oxana-z10@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5219-958X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.15>

UDC 323.2

LBC 66.2(2Рос)

Submitted: 28.04.2021

Accepted: 01.06.2021

**“DISTANT” COMMUNICATION: TRANSFORMATION OF INTERACTION
BETWEEN RUSSIAN SOCIETY AND AUTHORITIES
IN THE ERA OF THE GLOBAL PANDEMIC¹**

Sergey A. Pankratov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Sergey I. Morozov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the identification and analysis of the dominant trends in the transformation of forms and technologies of communication used by the government and Russian society institutions in the context of the COVID-19 spread. The attention is focused on the characteristics of socio-political factors that determine the level of trust/distrust of citizens and representatives of various social groups to intentions and actions of the authorities and administration at the federal, regional and municipal levels in the Russian Federation to overcome the consequences of the global pandemic in the process of communication. *Methods.* The communicative practices of public and civil institutions are revealed in the context of interpreting the specifics of the existing public space and public policy of modern Russia. The theoretical and methodological basis of the research are the political-communicative and action-activist approaches, the spatial dimension of political processes principles, which make it possible to rely on the systemic vision of the information and discursive, practical and management elements of the multidimensional concept of public policy. The work uses the methods of political comparative studies, forecasting, interpretation of empirical data obtained by leading Russian and foreign research centers, as well as by the authors in the framework of their grant research. *Results.* An attempt was made to conduct political analysis of the dominant negative and positive factors revealing the specifics of the COVID-19 spread in the Russian Federation from the point of view of the everyday practices of modern Russian society and the consolidated institutional system of public administration. The authors trace the link between the situation of uncertainty resulting from the spread of the global threat, the desire to ensure international and national security, as well as the transformation of forms and technologies of communication between citizens, public institutions, the state. The real and potential resources of communication between society and the authorities for building an effective system to minimize the negative consequences of the pandemic for representatives of various socio-demographic, professional, and status-role groups, that are included in the structures of discussion, decision-making and implementation, are highlighted. The results of theoretical and empirical studies revealing a public opinion on the impact of COVID-19 on the socio-political process in modern Russia are interpreted. *Discussion.* The question of the forms and technologies of communication between the actors of modern public policy in the significant decisions making process in the context of strengthening destructive factors and the institutionalization of a “risk-generating” society remains poorly studied.

Key words: civil society, government institutions, Russia, COVID-19, communication, public policy, transformation, risk minimization.

Citation. Pankratov S.A., Morozov S.I. “Distant” Communication: Transformation of Interaction Between Russian Society and Authorities in the Era of the Global Pandemic. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 172-181. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.15>

«ДИСТАНТ» КОММУНИКАЦИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ ПАНДЕМИИ¹

Сергей Анатольевич Панкратов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Сергей Иванович Морозов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена выявлению и анализу доминирующих тенденций трансформации форм и технологий коммуникации институтов российского общества и власти в условиях распространения COVID-19. При этом внимание акцентируется на характеристике социально-политических факторов, определяющих уровень доверия / недоверия граждан, представителей различных социальных групп в процессе коммуникации к намерениям и действиям органов власти и управления федерального, регионального и муниципального уровней в РФ по преодолению последствий глобальной пандемии. *Методы.* Коммуникативные практики общественных и гражданских институтов раскрываются в контексте интерпретации специфики сложившихся публичного пространства и публичной политики современной России. В качестве теоретико-методологической основы исследования выступает политико-коммуникативный и деятельностно-активистский подходы, принципы пространственного измерения политических процессов, что позволяет опираться на системное видение информационно-дискурсивных, деятельностных и управленческих элементов многомерного концепта публичной политики. В работе используются методы политической компаративистики, прогнозирования, интерпретации эмпирических данных, полученных ведущими отечественными и зарубежными научными центрами, а также при непосредственном участии авторов в рамках реализации грантовой деятельности. *Результаты.* Предпринята попытка политологического анализа доминирующих негативных и позитивных факторов, раскрывающих специфику распространения COVID-19 в РФ с точки зрения повседневных практик современного российского общества и закреплённой институциональной системы государственного управления. Прослежена взаимосвязь между ситуацией неопределённости, возникшей в результате распространения глобальной угрозы, стремлением к обеспечению международной и национальной безопасности, а также трансформацией форм и технологий коммуникации граждан – общественных институтов – государства. Выделены реальные и потенциальные ресурсы коммуникации общества и власти по выстраиванию эффективной системы минимизации негативных последствий пандемии для представителей различных социально-демографических, профессиональных и статусно-ролевых групп, включённых в структуры обсуждения, принятия и реализации решений. Интерпретированы результаты теоретических и эмпирических исследований, раскрывающих срез общественного мнения по вопросам влияния COVID-19 на социально-политический процесс в современной России. *Обсуждение.* Малоизученным остается вопрос о формах и технологиях коммуникации акторов современной публичной политики в процессе принятия значимых решений в контексте усиления деструктивных факторов и институционализации «рискогенного» общества. *Вклад авторов.* С.А. Панкратов разработал теоретическую базу исследования и осуществил общую научную редакцию статьи. С.И. Морозов проанализировал доминирующие тенденции взаимодействия институтов власти и общества в контексте преодоления распространения COVID-19.

Ключевые слова: гражданское общество, институты власти, Россия, COVID-19, коммуникация, публичная политика, трансформация, минимизация рисков.

Цитирование. Панкратов С. А., Морозов С. И. «Дистант» коммуникации: трансформация взаимодействия российского общества и власти в эпоху глобальной пандемии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 172–181. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.15>

Введение. Первая четверть XXI в. ознаменовалась несколькими волнами пандемий. В 2002 г. в Китае появилась атипичная пневмония (SARS – острый респираторный синдром), источником которой выступили циветты – мелкие млекопитающие. Погибло около 800 человек из 8 000 заболевших. В 2003–2008 гг. стремительное распространение приобрели свиной и птичий грипп, передаваемые от животных человеку, в результате чего 227 человек погибло из 361 заразившегося. В 2009 г. свиным гриппом были инфицированы 255 тыс. жителей Мексики и США, из которых около трех тысяч умерло, и Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) была вынуждена объявить официально состояние пандемии. В 2012 г. через летучих мышей произошло распространение коронавируса ближневосточного респираторного синдрома (MERS, 2012), которым заразилось 2,5 тысячи и погибло около 900 человек. В 2014–2015 гг. 28 тыс. человек заразилось лихорадкой Эболы при 11 000 смертей в основном в Западной Африке. Носителями вируса вновь выступили летучие мыши, заразившие других животных, а от тех болезнь передалась человеку [4; 19].

На конец 2019 – начало 2020 г. пришлось распространение COVID-19, споры об источнике вируса ведутся по настоящее время. Человечеству не удалось даже к середине 2021 г. справиться с этой глобальной угрозой, при том, что на разработку и использование вакцин, минимизацию последствий пандемии затрачены политические, социально-экономические, научные и иные ресурсы развитых стран мира. [18] Более того, по словам директора Института им. Н.Ф. Гамалеи, академика А. Гинцбурга, нас, возможно, ждет еще один этап эпидемии коронавируса – заражение вирусом сельскохозяйственных и домашних животных. С точки зрения ученого, человечеству необходимо научиться жить и противостоять длительное время COVID-19.

В своем выступлении на заседании дискуссионного клуба «Валдай», посвященном теме «Уроки пандемии и новая повестка: как превратить мировой кризис в возможность для мира», Президент РФ В.В. Путин отметил: «Коронавирус не отступил, к сожалению, и представляет до сих пор серьезную угрозу...

Трудно было представить, что в технологически продвинутом, нашем XXI веке даже в самых благополучных, состоятельных странах человек может остаться беззащитным перед, казалось бы, не такой уж и фатальной инфекцией, не такой уж и страшной угрозой. А жизнь показала, что дело не только в уровне развития медицинской науки с ее подчас фантастическими достижениями. Оказалось, что не менее, а может, и гораздо важнее другое – организация и доступность системы массового здравоохранения. Ценности взаимопомощи, служения и самопожертвования, объединяющие людей, – вот что оказалось важно. Ответственность, собранность и честность власти, ее готовность воспринять запрос общества и одновременно четко, аргументированно объяснить логику и последовательность принимаемых мер, чтобы не дать страху побороть и разобщить общество, а, напротив, вселить уверенность, что как бы ни было трудно, мы вместе преодолеем все испытания» [17].

Таким образом, в рамках политологического дискурса актуализировалась потребность в осмыслении тенденций трансформации взаимодействия общества и властных структур всех уровней для обоснования наиболее эффективных форм и технологий коммуникации в условиях глобальной неопределенности развития, минимизации негативных последствий для российского общества и государства.

Методы и материалы. Теоретико-методологическую базу исследования составляют политико-коммуникативный и деятельностно-активистский подходы, что позволяет использовать системное видение информационно-дискурсивных, деятельностных и управленческих элементов многомерного концепта публичной политики. В рамках данной статьи авторы интерпретируют публичную политику как целенаправленное создание условий и факторов вовлечения социума и его институциональных образований, отдельных граждан в процесс обсуждения и принятия общезначимых политических решений. При этом учитывается феномен сетевизации публичного управления, публичной политики и публичного пространства, характеризуемый интенсивным использованием информационно-коммуникативных технологий и формированием новой информационной экосистемы [9].

Трансформация коммуникативных практик общественных и гражданских институтов анализируется в контексте процессов выявления, предупреждения и устранения реальных и потенциальных опасностей, связанных с конкретными проявлениями глобальной угрозы в национальном и региональном масштабах, а также исторически сложившейся специфики публичного пространства современной России [16]. В работе применяются методы политической компаративистики, прогнозирования, интерпретации эмпирических данных, полученных ведущими отечественными и зарубежными научными центрами, а также при непосредственном участии авторов.

Анализ. Первый официально зарегистрированный случай заражения коронавирусом в РФ произошел 1 марта 2020 г. – у россиянина, вернувшегося из Италии. 27 марта было прекращено авиасообщение со всеми странами, а спустя три дня распоряжением правительства было ограничено движение через все пункты пропуска через государственную границу России. С 30 марта по 5 апреля 2020 г. Президентом РФ В.В. Путиным была объявлена первая нерабочая неделя в связи с эпидемией коронавируса. Но выходные закончились лишь после 12 мая 2020 г., когда часть сотрудников вышла на работу в офлайн-формате, а другая – до сих пор продолжает работать дистанционно. Ограничительные меры функционируют в зависимости от эпидемиологической ситуации на конкретных территориях.

На 1 марта 2021 г. в Российской Федерации около 4,2 млн человек, переболевших с начала пандемии. Если добавить условно 20–30 %, перенесших болезнь бессимптомно и около 4 млн привитых, то это около 8–9 млн человек, что лишь 5,7–6 % от 146 млн жителей страны. По мнению специалистов, для замедления темпов распространения инфекции необходимо сформировать иммунитет у 60–70 % граждан страны [11].

Следует согласиться с позицией Председателя Конституционного суда РФ В.Д. Зорькина о том, что в период пандемии Россия, как и многие страны мира, столкнулась с тремя основными проблемами. «Во-первых – это распределение и перераспределение полномочий органов государственной власти во вре-

мя борьбы с инфекцией. Во-вторых – это проблема политических прав, которые подверглись наиболее существенным ограничениям (например, право на участие в управлении делами государства или свобода собраний). В-третьих – меры социальной поддержки граждан и экономики в связи с пандемией. При этом стало очевидно, что слабое государство не способно решить эти проблемы и не в состоянии справиться с таким глобальным вызовом» [7].

Относительно общая характеристика состояния российского общества и государства в этот период нашла отражение в результатах социологического исследования Высшей школы экономики 2020 г., которое было направлено на выявление социального самочувствия и настроения россиян в условиях пандемии [13].

Во-первых, отмечается, с одной стороны, трудность, с другой стороны, своевременность принятия решения государством об «остановке экономики и социального общения», что повлекло реальное падение доходов населения и разработку программ частичной компенсации отдельных граждан, семей и бизнеса.

Во-вторых, неприятие, озлобленность части населения на формальные требования федеральных и региональных властей соблюдать ограничительные меры (ношение масок, соблюдение дистанции и т. д.) при невозможности их обеспечения в транспорте и иных общественных местах, особенно в первый период пандемии.

В-третьих, возрастание требований к решительным и разнообразным действиям государства, в том числе в условиях чрезвычайной ситуации, с 29 % в 2016 г. до 34 % в 2020 году.

В-четвертых, наметилась смена приоритетов: если в 2018 г. большинство респондентов (31 %) считали, что государство должно обеспечить необходимый минимум всем гражданам, то в условиях пандемии (ограниченных возможностей в стране) около 40 % приоритет в поддержке приемлемого уровня жизни отдали людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию (потеря работы и др.).

В-пятых, распространение COVID-19 активизировало спрос и предложение на кол-

лективное преодоление проблем через солидарность и взаимопомощь (волонтерство), а также способность повлиять на ситуацию в городе, районе, непосредственном месте проживания.

В-шестых, увеличились потоки внутренней миграции, связанные с поиском работы (особенно среди молодежи) и проживания вне городских агломераций (переселение ближе к природе и возможности безопасного ограниченного общения с близкими) [8].

В этот сложный период, с нашей точки зрения, происходит переформатирование стилистических особенностей коммуникативного взаимодействия власти и общества, отдельных граждан, что было вызвано:

- востребованностью на гражданскую доверительность в распространении и получении информации, при принятии решений, изначально продуцирующих общественный резонанс в публичном пространстве;

- увеличением потока «кризисной» информации, несущей негативный контент на различные группы и акторов политического процесса, в том числе в сегменте публичной коммуникации;

- резким переходом органов власти, субъектов межличностного и группового общения в дистанционный формат, и, как следствие, восприятием обычного офлайн-общения через архаические и инновационные переменные;

- распространением международного опыта выстраивания системы коммуникаций власти и общества в контексте увеличения протестных акций, вызванных как ограничительными мерами, связанными с пандемией, так и обострением конкурентной политической борьбы в связи с приближающимися и проходящими выборами в различные органы власти;

- апробацией цифровых технологий с элементами искусственного интеллекта в публичном пространстве регионов, имеющих специфику как в уровне сформированности цифровой культуры, так и восприятия глобальной пандемии сквозь призму санкционного противостояния РФ и ряда зарубежных стран институционализации форм гибридной войны;

- усилением ксенофобских и экстремистских настроений, что во многом спровоцировано бездоказательной фейковой компанией в

СМИ, Интернете, социальных сетях, выступлениях отдельных политиков в поисках «врага» (стран, этнических групп и т. д.), первопричин распространения COVID-19 в глобальном масштабе.

Существенной характеристикой в восприятии гражданами и значительной частью общества намерений и действий власти на различных этапах внедрения противоэпидемиологических мер выступила эмоциональная составляющая, во многом противостоящая (игнорирующая) реальным фактам и научной экспертизе, подвергающая сомнению легитимность властных институтов, решений, традиционных лидеров общественного мнения.

Диспозитив доверия между властью и обществом во многом выстроился по линии ограничения / необходимости соблюдения политических и гражданских прав, обусловленных эпидемиологической обстановкой. Как показывает исторический опыт, наиболее эффективно, в сжатые сроки с крупными масштабами эпидемий справлялись авторитарные режимы (например, пандемия испанки в Европе и России первой четверти XIX в., в начале XX в.). В нынешней ситуации распространения COVID-19 пример эффективных и результативных мер по минимизации последствий как в здравоохранении, социальной сфере, так и экономике демонстрирует Китай.

В настоящее время в большинстве случаев целесообразно учитывать характеристики «гибридности» режимов: триада доминирования тех или иных функциональных особенностей государства; уровень доверия национальным лидерам и органам власти в системе разделения властей; наличие институциональной «укорененности» влияния гражданского общества на все уровни управления; включенность СМИ в публичный диалог власти и общества и т. д. При этом в большинстве случаев, по нашему мнению, современные государства не могут себе позволить принудительную массовую вакцинацию населения вопреки его воле, использование военной силы, физических репрессий, насилия в иных формах.

С нашей точки зрения, за прошедший год противодействия COVID-19 в РФ, как и в мире, трансформировалась экология медиапространства, что проявляется, с одной сторо-

ны, в росте количества и разнообразия каналов коммуникации, а, с другой стороны, падении доверия населения к государственным и политическим институтам. Налицо фрагментация источников политической информации, размытость запросов на информационную открытость и достоверность в рамках реализации национальных и региональных публичных политик. Альтернативность источников информации подталкивает потребителей (граждан, их объединений и т. д.) обращаться к теориям заговора, фейкам и др. В процесс институционализации сетевого публичного и информационного пространства особенно активно включена молодежь.

Следует признать, что у большинства представителей «поколения Z» – нынешних 15–23-летних юношей и девушек – важнейшей чертой выступает «жизнь» в мире высоких технологий, где Интернет используется около 98 % принадлежащих к данной когорте. При этом в социальных сетях молодые люди проводят более пяти часов в день, проверяя обновления каждые тридцать минут. Онлайн-коммуникация актуализирует стиль жизни лидеров общественного мнения, поведенческие образцы как формы проявления суб- и контркультуры, ценностные и политические предпочтения.

С помощью использования новых форм и технологий коммуникации молодежь выражает неудовлетворенность между декларируемыми целями, мечтой и реальностью, повседневными практиками жизнедеятельности. Все чаще данные каналы коммуникации используются в качестве достижения «общественных расколов» через манипуляции в сферах межпоколенческих, этноконфессиональных, идейно-политических, социально-экономических и иных взаимоотношений. Здесь же проявляется и мобилизационная составляющая Интернет – сетевых коммуникаций как для артикулирования общедемократических положений, в том числе соблюдения и правовой защиты прав, свобод человека и гражданина, так и выражения обеспокоенности, страха о возрастании проявлений несправедливости в сфере здравоохранения, образования, уровня жизни и т. д.

Согласно данным Фонда развития интернет каждые 83 секунды в сети рождается хейт (ненависть – англ.), вводя в пространство ком-

муникации хейтера (ненавистника – англ.) [6]. Феномен деиндивидуализации, «маска» анонимности позволяет демонстрировать наиболее радикальные позиции, не соотносящиеся с моралью и нравственностью.

В условиях распространения COVID-19 в отечественном сегменте Рунета специалистами было выделено три волны распространения хейта (до ста тысяч сообщений в день). Первая волна длилась на начальном этапе распространения пандемии, характеризовалась непониманием и растерянностью отдельных групп населения и проявилась в ажиотажном спросе на медицинские маски, лекарства, продукты питания и др. Вторая волна связана с нахождением граждан в самоизоляции, распространением противоречивых новостей как в анонимном формате, так и от международных СМИ, Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Политический окрас данному этапу придавали сообщения о том, что власти скрывают реальные последствия распространения COVID-19 – на лицо «кремлевский» и «всемирный» заговор. Третья волна связана с выходом из самоизоляции и продолжается по настоящее время. Хейтеры комментируют по 35–50 тысяч сообщений в день про «чипизацию вакцинами». Значительный сегмент общественного мнения формируется под воздействием фейковых и хейтовых сообщений в Сети.

По словам главы компании «Интернет-розыск» И. Бедерова, только в 2020 г. в отечественном сегменте Интернета было зарегистрировано 5,9 тыс. доменов, содержащих в названии понятия «пандемия», «коронавирус», «вакцина», треть из которых опасна с точки зрения потери пользовательских и иных данных. Роскомнадзор заблокировал более 500 сайтов, содержащих сведения о незаконной торговле лекарственными препаратами от COVID-19 [1].

Ярким примером реакции государства на распространение фейков о коронавирусе явилось решение Мосгорсуда о штрафе журналисту и блогеру А. Тюняеву в размере 400 тыс. рублей. На своем YouTube-канале он разместил видеоролик, в котором говорилось, что COVID-19 реально выступает «болезнью Фейгельсона – Якобсона» и опасна лишь для лиц еврейской и армянской национальностей.

В другом ролике, распространяемом А. Тюняевым, население информировалось о том, что под видом борьбы с коронавирусом у людей изымают внутренние органы и продают их для трансплантации [5].

Большая работа ведется по пресечению пропаганды национализма, ксенофобии, экстремизма. В 2020 г. полицией было выявлено 500 преступлений экстремистской направленности. Более ста тысяч экстремистских интернет-ресурсов было заблокировано, свыше 7,5 тысяч материалов – удалено [15].

В этой ситуации актуализируется вопрос о необходимости, возможности контролировать основные информационные каналы, от традиционных до цифровых, от национальных до имеющих отношения к зарубежным базам, распространения социальных сетей. Одним из «популярных» предложений изменения данной ситуации выступило правовое закрепление отмены анонимности в Сети, удаление хейтерских комментариев.

Вместе с тем общение в Сети инкогнито – это практика современного демократического общества. С нашей точки зрения, гораздо эффективнее и целесообразнее зондирование, прогнозирование и нейтрализация деструктивных информационных волн, «перехват» информационной повестки дня и профессиональное разоблачение фейков, последовательное формирование информационной культуры населения.

В публичном пространстве ряда стран и регионов, в том числе России, коммуникация власти и общества «состоялась» в форме протестных действий со стороны представителей различных социальных групп. Антиковидные протесты прошли в большинстве стран, где государство активно реализовывало ограничительные меры по распространению пандемии. Так, в Германии в 2020 г. акции протеста были одними из самых продолжительных и многочисленных (от 5 000 до 40 000 человек) в Евросоюзе.

В экспертном докладе Фонда развития гражданского общества (ФОРГО) выделено несколько особенностей данных протестов: «высокий уровень внутренней организации и появление новых “харизматических фигур, претендующих на то, чтобы стать видными общественно-политическими деятелями”;

массовое вовлечение в акции политически индифферентных людей и организаций и их политизация. Побудительным мотивом стало несогласие с ограничением гражданских прав; постепенная политизация самого протеста, переход “от требований, связанных с отменой карантинных ограничений, к критике курса федерального правительства”» [10].

По словам главы ФОРГО К. Костина, в ФРГ наблюдается тип протеста макрополитического происхождения. В России, с точки зрения эксперта, протестное движение имеет микрополитические основания, связанные с конкретным событием (ситуация вокруг оппозиционного блогера А. Навального).

В настоящее время в публичном пространстве РФ актуализировался вопрос об источниках и факторах солидаризации социума, граждан, их общественных объединений и государства. «Принцип солидарности по своей сути предполагает коллективную ответственность государства и общества за индивидуальные потребности граждан, являясь основой функционирования социальных систем» [3]. Как отмечает Н.С. Григорьева, «доверие в наши дни можно заслужить двумя определенными качествами: компетентностью (способностью выполнять обещания) и этичным поведением (правильными поступками и работой на благо общества). В настоящее время ни один институт граждане не считают одновременно компетентным и этичным. Модель доверия поменялась с вертикальной модели «сверху вниз», зависящей от традиционных лидеров, на горизонтальную, при которой люди больше доверяют друзьям, родственникам и “таким же людям, как они сами”» [2, с. 152].

С точки зрения авторов, чем раньше будет предложен властью обществу оптимальный для большинства населения образ будущего, тем быстрее произойдет снижение социально-политической напряженности и протестной активности. Солидарность личности – общества – власти следует рассматривать через объединение ресурсов и возможностей для достижения общих целей, без доминирования «высоких абстракций» коллективного и «эгоизма» индивидуального интереса [14, с. 148]. Фактически суть трансформации коммуникативного взаимодействия общества и

власти должна быть зафиксирована в новом «социальном контракте», отражающем обмен ожиданиями между согражданами, между гражданами и общественными институтами, между гражданами и властью (государством) по поводу основных прав и свобод в условиях рискованных факторов, оказывающих значительное влияние на повседневные социальные и политические практики.

В публичном пространстве России отчетливо прослеживается конкурентное противостояние в доминировании принципов «свободы», «справедливости», «эффективности государства». По нашему мнению, в условиях распространения глобальных эпидемий и иных угроз правильной стратегией в поведении властей выступает ее открытость, укрепляющее доверие и устойчивое развитие, построенное на доверии.

Результаты. Как показывают результаты теоретических и эмпирических исследований, во время распространения пандемии органами власти в регионах РФ было апробировано несколько моделей взаимодействия как с институтами гражданского общества, так и социумом в целом. Условно их можно обозначить следующим образом:

- власть выступает в роли «заботливого родителя», оставляя общественным институтам функции дорогих, внимающих «старшим» и беспрекословно готовым к выполнению любых их «самых правильных» решений;

- власть облечена технократическими полномочиями по трансляции до различных социальных групп и каждого проживающего на вверенной территории стратегии противодействия COVID-19, выработанной федеральным центром и организацией совместно с гражданскими институтами тактических мероприятий с учетом развития ситуации в каждом отдельном регионе;

- «независимой самоорганизации» граждан и организаций по минимизации негативных последствий пандемии с «отстраненностью» органов власти (нет реальной помощи, но нет и противодействия) и параллельное функционирование властных и гражданских структур в выбранном секторе публичного пространства региона;

- патерналистское доминирование органов власти по всем вопросам, связанным с

противодействием угрозам, вызванным распространением пандемии. При этом население и гражданские институты рассматриваются лишь в качестве «приводных ремней» по реализации решений, принятых исполнительной властью, несущей ответственность в лице руководителя субъекта РФ за ситуацию в регионе.

Данные типологические модели выступают в качестве доминирующих, предполагая их «гибридность» в практиках взаимодействия общества и власти на региональном и местном (муниципальном) уровнях. Важно подчеркнуть, что выбор данных моделей коррелировался с решением конкретных проблем, вызванных пандемией или сопутствующих ей: «снятие» общественного напряжения; принятие и реализация популярных / непопулярных решений; сохранение / подъем рейтинга региона в целом или его главы; мобилизация властных и общественных институтов для проведения восстановительных мероприятий в экономической, социокультурной, политико-правовой и иных сферах жизнедеятельности.

Признавая тот факт, что в социальных сетях ведется активная целенаправленная деятельность «антиваксеров», нагружающих людей большим объемом дезинформационного материала, делая ставку на страхи по поводу побочных эффектов вакцин, с точки зрения авторов, следует использовать скоординированные действия власти, медицинских работников, СМИ на федеральном и региональном уровне, что позволит преодолеть нерешительность граждан в отношении вакцинации и выработки коллективного иммунитета [12].

Совершенно очевидно, что взаимодействие общества и власти с возросшей интенсивностью не было бы возможно, если бы государство ранее не работало над цифровизацией своей деятельности. Применение цифровых технологий дает возможность принимать многие решения в пространстве Интернет, что позволяет констатировать возникновение элементов консенсусной демократии в РФ. При этом необходимо быть готовыми к разрешению нового противоречия между цифровой демократией и цифровым тоталитаризмом, демонстрирующим мощь и эффективность государства.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-411-340006 р_а «Социально-политическое проектирование публичного пространства и системы массовой коммуникации в регионах РФ (на примере Волгоградской области)».

The reported study was funded by RFBR and Volgograd Region Administration in the framework of research project no. 19-411-340006 р_а “Socio-Political Design of Public Space and Mass Communication System in the Regions of the Russian Federation (The Example of the Volgograd Region)”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилюк, А. Игры с разумом / А. Гаврилюк // Известия. – 2021. – 3 февр. – С. 6.
2. Григорьева, Н. С. Граждане и общество в условиях пандемии COVID-19: общественные интересы versus личная свобода / Н. С. Григорьева // Государственное управление. Электронный вестник. – 2021, февраль. – Вып. 84. – С. 147–164. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2021/vipusk__84._fevral_2021_g./soziologija_upravljenija/grigorieva.pdf (дата обращения: 25.02.2021). – Загл. с экрана.
3. Григорьева, Н. С. Современное здравоохранение: политика, экономика, управление / Н. С. Григорьева, Т. В. Чубарова. – М.: Авторская академия, 2013. – 344 с.
4. Дубовенко, С. Мир во время чумы / С. Дубовенко // Профиль. – 2020. – № 9. – С. 22–27.
5. Егоров, И. Клик и штраф / И. Егоров // Российская газета. – 2021. – 11 марта. – С. 8.
6. Емельяненко, В. Ненавижу, значит существую / В. Емельяненко // Российская газета. – 2021. – 4 марта. – С. 7.
7. Зорькин, В. Д. Возвращение государства / В. Д. Зорькин // Российская газета. – 2021. – 17 мая. – С. 1, 4.
8. Коньков, А. Е. Солидарность в политике современного государства / А. Е. Коньков // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – № 81. – С. 182–195. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/81_2020konkov.htm (дата обращения: 25.02.2021). – Загл. с экрана.
9. Мирошниченко, И. В. Сетевая публичная политика и управление / И. В. Мирошниченко. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016. – 296 с.
10. Мисливская, Г. Уроки немецкого / Г. Мисливская // Российская газета. – 2021. – 9 февр. – С. 6.

11. Невинная, И. Зарядка для антител / И. Невинная // Российская газета. – 2021. – 1 марта. – С. 1, 5.
12. Невинная, И. Прививка – вторая натура / И. Невинная // Российская газета. – 2021. – 21 апр. – С. 5.
13. Овчарова, Л. Шоковая пандемия / Л. Овчарова // Известия. – 2021. – 4 марта. – С. 6.
14. Окара, А. Н. Солидаризм: Забытая идеология XXI в. / А. Н. Окара // Политическая наука. – 2013. – № 4. – С. 146–155.
15. Поздняков, Н. Расставить сеть / Н. Поздняков, М. Ходыкин // Известия. – 2021. – 4 марта. – С. 2–3.
16. Публичная политика в России: по итогам проекта «Университет Калгари – Горбачев-Фонд». – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 358 с.
17. Путин, В. В. Выступление на итоговой пленарной сессии XVII ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» / В. В. Путин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64261> (дата обращения: 25.02.2021). – Загл. с экрана.
18. Agartan, T. I. COVID-19 and WHO: Global Institutions in the Context of Shifting Multilateral and Regional Dynamics / T. I. Agartan, S. Cook, V. Lin // Global Social Policy. – 2020. – Vol. 20, iss. 3. – P. 367–373.
19. Ekpenyong, A. COVID-19: Reflecting on the Role of the WHO in Knowledge Exchange Between the Global North and South / A. Ekpenyong, M. S. Pacheco // Global Social Policy. – 2020. – Vol. 20, iss. 3. – P. 388–392.

REFERENCES

1. Gavrilyuk A. Igrys razumom [Mind Games]. *Izvestiya*, 2021, February 3, p. 6.
2. Grigoreva N.S. Grazhdane i obshchestvo v usloviyah pandemii COVID-19: obshchestvennye interesy versus lichnaya svoboda [Citizens and Society in the face of COVID-19 Pandemic: Public Interest versus Individual Freedom]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik* [E-journal. Public Administration], February 2021, iss. 84, pp. 147-164. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2021/vipusk__84._fevral_2021_g./soziologija_upravljenija/grigorieva.pdf (accessed 25 February 2021).
3. Grigoreva N.S., Chubarova T.V. *Sovremennoe zdavoohranenie: politika, ekonomika, upravlenie* [Modern Public Health: Politics, Economics, Management]. Moscow, Avtorskaya akademiya Publ., 2013. 344 p.
4. Dubovenko S. Mir vo vremya chumy [World in Time of Plague]. *Profil*, 2020, no. 9, pp. 22-27.

5. Egorov I. Klik i shtraf [Click and Penalty]. *Rossiyskaya gazeta*, 2021, March 11, p. 8.
6. Emelyanenko V. Nenavizhu, znachit sushchestvuyu [I Hate, Therefore I Am]. *Rossiyskaya gazeta*, 2021, March 4, p. 7.
7. Zorkin V.D. Vozvrashchenie gosudarstva [Return of the State]. *Rossiyskaya gazeta*, 2021, May 17, pp. 1, 4.
8. Konkov A.E. Solidarnost v politike sovremennogo gosudarstva [Solidarity in Modern State Policy]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik*, 2020, no. 81, pp. 182-195. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/81_2020konkov.htm (accessed 25 February 2021).
9. Miroschnichenko I.V. Setevaya publichnaya politika i upravlenie [Network Public Policy and Management]. Moscow, ARGAMAK-MEDIA Publ., 2016. 296 p.
10. Mislivskaya G. Uroki nemeckogo [German Lessons]. *Rossiyskaya gazeta*, 2021, February 9, p. 6.
11. Nevinnaya I. Zaryadka dlya antitel [Charging for Antibodies]. *Rossiyskaya gazeta*, 2021, March 1, pp. 1, 5.
12. Nevinnaya I. Privivka – vtoraya natura [Vaccination is the Second Nature]. *Rossiyskaya gazeta*, 2021, April 21, p. 5.
13. Ovcharova L. Shokovaya pandemiya [Shock Pandemic]. *Izvestiya*, 2021. March 4, p. 6.
14. Okara A.N. Solidarizm: Zabytaya ideologiya XXI v. [Solidarism: Forgotten Ideology of the 21st Century]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2013, no. 4, pp. 146-155.
15. Pozdnyakov N., Hodykin M. Rasstavit set [Arrange the Network]. *Izvestiya*, 2021, March 4, pp. 2-3.
16. *Publichnaya politika v Rossii: po itogam proekta «Universitet Kalgari – Gorbachev-Fond»* [Public Policy in Russia: Based on the Results of the “University of Calgary – Gorbachev Foundation Project”]. Moscow, Alpina Biznes Buks Publ., 2005. 358 p.
17. Putin V.V. *Vystuplenie na itogovoy plenarnoj sessii XVII ezhegodnogo zasedaniya Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdaj»* [Speech at the Final Plenary Session of the 17th Annual Meeting of the Valdai International Discussion Club]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64261> (accessed 25 February 2021).
18. Agartan T.I., Cook S., Lin V. COVID-19 and WHO: Global Institutions in the Context of Shifting Multilateral and Regional Dynamics. *Global Social Policy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 367-373.
19. Ekpenyong A., Pacheco M.S. COVID-19: Reflecting on the Role of the WHO in Knowledge Exchange Between the Global North and South. *Global Social Policy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 388-392.

Information About the Authors

Sergey A. Pankratov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Head of the Department of International Relations, Political Science and Area Studies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, pankratov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1733-730X>

Sergey I. Morozov, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of International Relations, Political Science and Area Studies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, morozovsi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-9203>

Информация об авторах

Сергей Анатольевич Панкратов, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, pankratov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1733-730X>

Сергей Иванович Морозов, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, morozovsi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-9203>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.16>

UDC 323.2; 316.3
LBC 66.74; 60.56

Submitted: 21.09.2020
Accepted: 22.01.2021

CONTEMPORARY STATE AND PROSPECTS OF FEMALE PROTEST DEVELOPMENT: FROM DEPRIVATION TO MOBILIZATION¹

Kirill M. Makarenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Liliia S. Pankratova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article presents the analysis of the contemporary state and prospects for the development of women's protest in a global perspective. The research focuses on the study of the causes and nature of mass women's protest in the context of the formation of a new system of relations between the authorities and society represented by certain social groups. The relevance of the problem is determined by the need for a political science analysis of modern practices, causes and forms of women's protest, making a forecast of the prospects for the development of women's social movements. *Methods and methodology.* The methodological basis of the research is the synthesis of the relative deprivation theory by T.R. Gurr and the resource mobilization theory by Ch. Tilly, which makes it possible to present women's protest through the prism of both psychological (deprivation) and institutional determinants. The empirical basis of the work is the data (338 cases) of the quantitative study "The Women in Resistance (WiRe)", that is available for secondary analysis in the Harvard Dataverse Repository. *Analysis.* Women's protests represent an institutional and non-institutional form of changing the "political field". A common peripheral role of women in the political space serves as a basis for the formation of a common identity among them. A high degree of consolidation, as well as an active role of women in protest, correlates with the success of collective action. Protests in which women play an active role are more peaceful in nature. This is due to the mediating role of women, which prevents the growth of tension in the conflict. *Results.* Based on the analysis of statistical information and case-study, it was revealed that the economic and legal structural similarity of states does not determine the nature of women's protest participation in politics, which is more dependent on historical practices, previously achieved results of women's protest, the presence of institutional structures that organize protests, as well as on the specific problems of women in the state. The prospects for the development of women's protest and women's social movements are determined by the level of success achieved. While in Western Europe and the USA, women's social movements are fighting for the achievement of post-material values, due to the solution of the economic differentiation problems, in Latin America, women are fighting for their natural right to life and their own bodies. A vector of women's protest is aimed at combating all types of discrimination, but the nature of specific problems is fundamentally different.

Key words: women's protest, protest dynamics, political mobilization, women's social movements, politicization.

Citation. Makarenko K.M., Pankratova L.S. Contemporary State and Prospects of Female Protest Development: From Deprivation to Mobilization. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 182-190. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.16>

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЖЕНСКОГО ПРОТЕСТА: ОТ ДЕПРИВАЦИИ К МОБИЛИЗАЦИИ¹

Кирилл Михайлович Макаренко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Лилия Сергеевна Панкратова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена анализу современного состояния и перспектив развития женского протеста в глобальной перспективе. Фокус исследовательского внимания направлен на изучение причин и характера массового женского протеста в условиях формирования новой системы взаимоотношений между властью и обществом в лице определенных социальных групп. Актуальность проблемного поля обусловлена необходимостью политологического анализа современных практик, причин и форм женского протеста, составления прогноза перспектив развития женских социальных движений. *Методы и методология.* Методологическую основу исследования составляет синтез теории «относительной депривации» Т.Р. Гарра и теории мобилизации ресурсов Ч. Тилли, что позволяет представить женский протест через призму как психологических (депривационных), так и институциональных детерминант. Эмпирической базой работы послужили данные (338 кейсов) количественного исследования “The Women in Resistance (WiRe)” («Женщины в сопротивлении»), размещенные и доступные для вторичного анализа в репозитории Гарвардского университета (The Harvard Dataverse Repository). *Анализ.* Женские протесты представляют собой институциональную и неинституциональную форму изменения «политического поля». Основой для формирования общей идентичности у женщин выступает единая периферийная роль в политическом пространстве. Высокая степень консолидации, а также активная роль женщин в протесте коррелируют с успешностью коллективных действий. Протесты, где женщины играют активную роль, отличаются более мирным характером. Связано это, прежде всего, с посреднической ролью женщин, препятствующей нарастанию напряженности в конфликте. *Результаты.* На основе проведенного анализа статистической информации и case-study было выявлено, что экономическая и правовая структурная схожесть государств не обуславливает характер протестного участия женщин в политике, который в большей степени зависит от исторических практик, ранее достигнутых результатов женского протеста, наличия институциональных структур, организующих протест, а также от конкретных проблем женщин в государстве. Перспективы развития женского протеста и женских социальных движений определяются уровнем достигнутых успехов. В то время как в странах Западной Европы и США женские социальные движения борются за достижение постматериальных ценностей, вследствие решения проблем экономической дифференциации; в странах Латинской Америки женщины борются за свое естественное право на жизнь и право на собственное тело. Единый вектор женского протеста направлен на борьбу со всеми видами дискриминации, однако характер конкретных проблем коренным образом отличается. К.М. Макаренко систематизировал теоретико-методологические подходы к анализу женской протестной активности, провел анализ конкретных кейсов женского протеста в межстрановой перспективе. Л.С. Панкратова выделила критерии отбора стран для анализа практик женского протеста, сформулировала основные перспективы развития женского протеста, а также осуществила профессиональный перевод статьи на английский язык.

Ключевые слова: женский протест, протестная динамика, политическая мобилизация, женские социальные движения, политизация.

Цитирование. Макаренко К. М., Панкратова Л. С. Современное состояние и перспективы развития женского протеста: от депривации к мобилизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 182–190. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.16>

Introduction. Protest dynamics captures the state and nature of problems in society. The growth of protest moods and the manifestation of forms of protest activity indicates the emergence of new or actualization of existing problems. According to the wave principle of the spread of protests, the peak value is always replaced by a lull, when the principles of the concluded “social contract” are preserved in the nature of the relations of the “power-society” system. The breaking of this system indicates a revision (attempts to revise) of the established “rules of the game” and the formation of a new configuration of actors in the field of politics. In the context of the information society, women’s protests, which are an active, passionate form of expressing public dissatisfaction with a certain social group, become an object of increasing public and research interest. As part of the global trend of the protest movement, women’s protests often create the basis for the formation of a new protest wave, involving initially apolitical groups in the action.

The distinction of women’s protest as a special social phenomenon is associated with a number of research problems. The first one is the definition of the criterion of its demarcation. Is a female protest something special? Should it be considered beyond just sexual differentiation? Or is it an individual case of a more general sample that does not have specific characteristics? Thus, the purpose of this study is to identify specific characteristics of modern women’s protest and outline predictive scenarios of its development.

Methodology and methods. Within the framework of social and humanitarian knowledge, a number of schools and areas of thought focused on the study of the phenomena of mass protests, revolutions, riots, and various forms of collective action have been formed. In the research paper, we analyze and interpret women’s political protest from the perspective of the theory of “relative deprivation” introduced by T.R. Gurr and resource mobilization theory worked out by Ch. Tilly. The choice of the methodological basis of the work is objectified by the nature of a protest which has both psychological and institutional grounds. Relative deprivation, caused by a feeling of sharp rejection (frustration) of the social and political foundations of the social order, creates the basis for the growth of protest potential. The

“explosion” of protest potential occurs in the case of successful institutional opportunities within the framework of “competitive politics”. “Discontent arising from the perception of relative deprivation is the basic, instigating condition for participants in collective violence” [6, p. 54]. According to Ch. Tilly’s theory, the political system is an arena of “competitive politics,” where power and counter-power compete for power and the amount of controlled resources. The way to fight depends on the capabilities of the system of mobilized resources and the “repertoire of collective actions”. The authorities opposing concentrated women’s discontent, expressed in mass collective action, have a rather limited “repertoire of actions”.

The empirical basis of the work is the data (338 cases of mass actions that took place in 1945–2014) of the quantitative study “The Women in Resistance (WiRe)” [4], available in the Harvard Dataverse Repository. On the basis of a secondary analysis of the data, the features and trends of women’s protest in various regions of the world were found out and analyzed.

Analysis. The practice of women’s protests has more than 200 years of history and is associated with one of the most significant events that largely determined the subsequent development of political institutions around the world – the Great French Revolution. On the 5th of October 1789, an event called “The Women’s March on Versailles” took place. It is interesting that the anger of women was directed more towards Marie Antoinette than towards King Louis XVI. Women’s protests and strikes at textile factories created a chain reaction that led to the February Revolution of 1917 in Russia. Women’s protest primary was of an economic nature. But the unresolved problems in wages, social differentiation, and accumulated discontent associated with the war led to the politicization of collective protest actions and lead to the growth of the social base of the protest. Cases of civil (legal) protests aimed at solving the issue of women’s emancipation are of great importance. The most significant events that directly influenced politics were the Woman suffrage parade of 1913, the 1956 Women’s March in Pretoria, the 1975 Icelandic women’s strike, the 2016 Polish abortion law protest, the 2016 Argentine Women’s March against Violence. This list of specific historical events, published in The Guardian [14], does not

define the extent of women's resistance around the world, but only records some of the most important historical moments that have changed political ideas about the role of women, their civil and political rights.

The issue of differentiation of collective actions remains significant. What is women's protest? What discontent among female citizens is about? What are the reasons for the protest? What is the government's repertoire of actions in response to female protests? Each of these questions requires the conduct of distinct surveys. In the article we reveal and discuss the results of some of the research.

From the point of view of the authors, the issue of politicizing women's participation in protest actions is extremely relevant and important in contemporary societies. The concept of L.E. Filippova, which points out the interdependence of the notions "political field" and "politicization", has major explanatory potential. Thus, the political field is a dynamic, institutionalized public space, where the practices of interaction between policy subjects on socially significant issues develop. "The formation of political identities, the growth of political activity, and an increase in the diversity of its forms and methods, the articulation and institutionalization of conflicts, the universalization of the norms and rules of interaction within the political community – all these processes can be considered as signs of the formation of a political field" [5, p. 98]. Politicization is the process of gaining political qualities by subjects, where there are following criteria: "propensity towards conflict, universalism of norms, the availability of choice and goal-setting" [5, pp. 98–99]. The fact of politicization of a socially significant problem is a reflection of the process of dynamic changes in the structure of the political field. If women's protests meet a number of criteria stated above, then this protest has political grounds and can be considered as an object of political science and studied by methods of political analysis. From our point of view, the most important criterion of politicization is propensity towards conflict, which determines the axiological nature of the problem. In this regard, it is necessary to appeal to the conflict as the main motivation for mobilizing women to participate in protest actions.

The basis for the formation of a common identity among women is their peripheral role in

the political space. Success stories of women in politics is only an exception to the general principle of marginalization of the political role of women. The mobilization of the women's movement has strategic political goals aimed at obtaining certain preferences. Lisa Baldez, the author of the article "Why Women Protest", notes that the status of a woman, generally accepted in society and shared by its members, allows women to defend themselves against certain types of repression, forms of concentrated violence from the authorities. The status of women in protest actions becomes a mobilization resource, which provides women with the opportunity to perform actions that are prohibited for other groups [1, p. 21].

The study of women's protests is actively developing within the framework of the "competitive politics" approach. Thus, in the research conducted by A. Murdie and D. Peksen "Women and Contentious Politics: A Global Event-Data Approach to Understanding Women's Protest", based on the results of regression analysis (data were selected exclusively for nonviolent women's protests during 1991–2009), the authors checked a number of hypotheses and came to the following conclusions:

- Disrespect for basic human rights increases the probability of women's protests;
- Economic discrimination increases the probability of women's protest actions;
- The existence and active work of non-governmental women's organizations contributes to the mobilization of women;
- The degree of economic well-being in a state affects the likelihood of women's protest actions;
- The total number of women in the country and its ratio to men is an important indicator of the number of women participating in protests;
- The connection between the political regime and women's protests is U-shaped. The likelihood of manifestation of women's protests in countries with a mixed (hybrid) regime is higher than in "pure" democracies and autocracies [11, pp. 187–188].

A. Murdie, D. Peksen, and S.R. Bell continued to investigate the issue of women's protests in a 2017 study. The main aim of the study was to identify the interconnection between globalization (economic, political, social) and the intensity of female and non-female anti-

government protests. The authors came to the conclusion that globalization has a significant statistical effect on women's protests, but it practically does not affect non-women's protests. Thus, economic globalization, that mostly have an impact on historically disadvantaged social groups, is associated with a decrease in the intensity of women's protest. Political globalization also reduces the likelihood and intensity of women's protest due to the development of other instruments of influence on the political system from disadvantaged groups. At the same time, the social aspect of globalization leads to a statistically significant increase in female protest, as a result of the spread of ideas, resources, information flows, meaning organizational resources for mobilizing women's protest [2, pp. 21–22].

A research conducted by Harvard professor E. Chenoweth has a huge heuristic and explanatory potential for understanding the main traits of women's protest in the world. The study was based on the analysis of data on mass actions aimed at overthrowing dictatorships and giving the opportunity, right of territorial self-determination that took place during the period 1945–2014. An analysis of 338 cases (presented in the Harvard Dataset "Women in Resistance") demonstrated a direct correlation between the participation of women in protest movements and the success of collective action [4]. The secondary analysis of the empirical data obtained by E. Chenoweth led us to the following findings:

- A sample of 146 cases (43.1% of the total amount) of successful mass protest actions was obtained. In 59% of cases of successful mass collective actions (86 events) women were publicly qualified as the only or coalition leader (group of leaders).

- Calls for peace / peaceful demonstrations by women participating in protests were observed in 165 (48.8%) out of a total of 338 cases. Calls for peaceful forms of collective action were expressed in 54.7% (80) of successful protests.

- In 161 cases out of 338 (47.6%) means of violence were used against women by actors who are not part of the movement – from the "competing side": government forces, paid mercenaries, pro-government activists, etc.). In successful protests (146 cases), violence against women was used in 51 mass actions (35%). Whereas, in the case of "failure" of protest actions

(192 events), violent actions against women took place in 110 cases (57.2%).

Thus, based on the information presented in the WiRe Dataset, a number of conclusions can be made: 1) the active role of women increases the chances to obtain the goals manifested by protesters; 2) in the actions that had a positive outcome for the protesters, calls for peaceful forms of interaction were more often declared; 3) the use of various forms of violence against women in successful campaigns is much lower than in the general set of cases.

Findings regarding the reduction in violence in mass protests involving women are confirmed by the report "Understanding the Role of Women and Feminist actors in Lebanon's 2019 Protests". Thus, the authors of the report note the buffer role of women, that prevents the growth of tension between protesters and security forces. The special role of older women in mass protests, which emotionally affect employees of pro-government services, is noted. The concept of motherhood, which is especially revered in Lebanese society, is used as a mobilization resource. The dialogue with security officials includes the emotional pressure in such phrases, as: "Don't harm us, I could be your mom" [18].

The principle of women's participation in politics varies greatly across countries. It is worth paying attention to the available data on the gender pay gap, the proportion of women and men in senior and middle management positions, and the index of women's economic opportunities. Based on the data presented on the site "Our world in Data", we can conclude that the economic position of women in relation to men in Latin America (Brazil, Mexico, Argentina, Uruguay, Chile) and Russia is extremely similar [12]. There is no significant difference in any of the above three criteria. According to the data presented in the 2017 Human Rights Scores, Russia, Brazil, Argentina, and Mexico are at about the same level of the observance of human rights, while Belarus is placed higher in this rating. Chile, according to the index, is on a par with the countries of Southern Europe and Australia [15]. Economic and legal structural similarities do not determine the nature of protest participation of women in politics. To explain the reasons for the discrepancy in the principles of female participation, we use the case study method to scrutinize specific examples in order to form generalizing conclusions.

The nature of protest activity in Latin America and the CIS (Commonwealth of Independent States) is fundamentally different. The examples of protest practice in 2019–2020 in Latin American countries, such as Brazil, Argentina, Mexico, and Chile, are characterized by: 1) a high degree of consolidation of women in collective actions aimed at combating gender-based violence; 2) not spontaneous, but institutional nature of the protest, usually held on International Women's Day on March 8. An article written by Helen Icken Safa on women's social movements in Latin America notes that movement formation is the result of a number of interrelated processes: 1) destruction of the traditional division between private and public life; 2) reduction of the role of the family, the inclusion of women in the labor force; 3) absence of the real equality between men and women. Women's social movements in Latin America was a response to the military authoritarian rule and the economic crisis, which was associated with the destruction of the traditional family sphere and the inclusion of women as workers with less economic needs [16, pp. 355–356]. According to the France 24 news agency, the scale of the protests on International Women's Day in Latin America on the 8th of March 2020 reached several hundred thousand people. The main issues of the protest discourse were about economic gender inequality, the increase in the number of murders of women, abortion control, etc. [7].

Mexican women's protests, in addition to common features for Latin America, tend to involve actionism. A high degree of solidarity on the 8th of March 2020 in Mexico City was demonstrated during the "Day Without Us" campaign. In public places, transport, there were fewer women than usually, school classes and university lectures were boycotted. It was noted that the women who worked on March 8 expressed solidarity with the ideas of the action with the purple ribbons and clothes [10]. The Chilean experience of the women's protest movement is interesting in this regard. The high level of self-organization and coordination of collective actions displayed by Chilean women during the reign of Augusto Pinochet demonstrates sufficiently large mobilization resource. Almost half a century after the fall of the Pinochet regime, women remain a significant political force in the

country. The scale of collective actions on International Women's Day reaches 1 million people. The slogans point out the important role of women and the demands of social, economic transformations [9]. The main theme of women's protests in Chile (as well as in Argentina) in 2020 was the demand for support of the right to abortion, symbolized by green bandanas around the neck. Argentine protests in 2019 and 2020 were held under the slogan against female violence and the demand of abortion legalization. The personalized nature of female protest was only in Brazil in 2019. The main criticism of the protesters was directed at President Jair Bolsonaro, who was accused of falsification of information on gender violence and offensive comments on women [3].

The cases of Russia and Belarus are extremely different from the Latin American ones: there is another scope of the discussed problems, distinct way in the genesis of the women's movement in these countries. Interestingly, according to the report "Counter mobilization. Moscow Protests and Regional Elections - 2019", based on the research of demographical aspects of the protest conducted by A. Arkhipova, A. Zakharov, I. Kozlova, and M. Gavrilova, the standard ratio of the proportion of male and female participants of mass collective actions – "60 to 40" – is changing. During the period 2011–2019 the proportion of women in protests increased from 34% to 44%. The willingness of women to take up posters and thereby not only publicly express their position, but also expose themselves to additional risks, has gradually increased in recent years. As noted in the report, at the mass protest action on the 10th of August 2019, the number of men and women holding posters was the same [17, p. 63]. Actions in support of the Khachaturian sisters, as well as general demands for the fight against any form of discrimination, were significant incentives for the consolidation of the women's protest movement in 2020. However, taking into account the low level of involvement of women in Russia in active protest activities, we come to a conclusion that consolidating slogans, theses, and messages are inconsistent. Participation in the movement is determined by the possibility of extrapolating the interests of the movement to the interests of specific individuals, which, apparently, does not happen in the modern Russian women's movement.

An opposite practice of protest activity was in the Republic of Belarus in 2020. The presidential elections in the Republic of Belarus, held on the 9th of August 2020, led to massive discontent, accusations of falsification of the election results, and a series of spontaneous political protest actions. The women's protest in Belarus is an extraordinary form of mobilization and a unique protest experience for the CIS countries, it is similar to the mass collective actions in some other countries and regions in the world. The women's protest in Belarus is the result of a "competitive politics" between the government, represented by President A. Lukashenko, and opposition forces (the Coordination Council of the Opposition), which disagreed with the announced results of the elections. The first days of the protest (from the 9th to 12th of August) were characterized by the highest rates of violence: more than 6,000 detainees and more than 200 injured [13]. Starting from the 12th of August, "chains of solidarity" are being organized in Belarus. The main idea of manifested calls for a peaceful resolution of the political crisis – "female strength is in weakness". Since the 13th of August, "women's marches" have been held in many cities of the Republic [8]. The personification of authority and the formation of the image of the "father of the nation" or "Father", as Alexander Lukashenko is called in the CIS countries, is associated with the function of protection. This idea Lukashenko emphasizes in almost every public speech. The violent suppression of women's mass collective actions carries greater costs than acquisitions for the authorities – the desacralization of the role of protector is the most important problem.

Results. An analysis of specific cases allows us to draw a number of conclusions about the current state of women's protests. Women's protests arise and become widespread when individual discontent acquires the characteristic of "relative deprivation" and is mobilized by political actors, public institutions, and non-governmental organizations. Women's protests in many regions of the world are characterized by a high degree of consolidation and mobilization. Women's protests in Latin America have strong institutional foundations as the result of a long history of public expression of discontent and importance, high status of trade unions in the societies. The protest actions in the CIS countries

have the spontaneous nature of resistance as a response to an extraordinary situation. The women's protests are devoted to both exclusively female problems and issues of a general social significance: social policy, economic policy, alternation of power, etc. The women's protests have the greatest effect under the authoritarian and hybrid regimes, the sociocommunication conditions of which help to construct the opposition between strong ruler and weak nationals. Women's protests in the world are becoming more massive, organized, and subject-field-driven due to a global change in the political field and the demarginalization of the peripheral political role of women. In this regard, the question of the prospects of women's protest is considered relevant.

According to the principles of political mobilization, the global trend in the development of the women's movement, primarily in the periphery and semi-periphery countries, will be the formation of the institutional foundations of the protest: the emergence of organizational and coordination structures, foundations, forums, etc., contributing to the formation of the subjectivity of the women's movement. There is a high likelihood of the formation of regional integration structures and network cooperation in order to promote common goals, in accordance with a common protest agenda. The spread of modern information and communication technologies, primarily the Internet, on the one hand, gives socio-communicative tools for the implementation of integration trends (for example, the formation of online social movements and networks). On the other hand, it provides a new virtual space for expressing women's non-violent protest in various communicative forms, degree of involvement (creation and distribution of photo and video content, online (co)participation in rallies, etc.). The digitalization of protest activity can contribute to both the use of new channels of communication with the authorities on conflict issues, and solidarity, strengthening ties within a movement, as well as expanding the social base of the mass collective action by engaging new participants.

The prospects for the development of women's protest and female social movements are determined by the level of success already achieved. While in the countries of Western Europe and the USA, women's social movements

are fighting for the achievement of post-material values due to the solution of the problems of economic differentiation, progress towards the creation of an egalitarian gender order in society, as well as a significant transformation of gender regimes of social institutions, including political ones; women in Latin America are fighting for their natural right to life and their right to their own bodies. A single, common vector of women's protest is aimed at combating all types of discrimination, but the character of particular problems is fundamentally different.

NOTE

¹ The article was prepared based on the results of studies carried out in the framework of the project funded by RFBR and EISR № 20-011-31676.

REFERENCES

- Baldez L. *Why Women Protest: Women's Movements in Chile*. Cambridge, Cambridge University Press, 2002. 227 p.
- Bell S.R., Murdie A., Peksen D. *Globalization and Contentious Politics: Predicting Women's and Non-Women's Protest*, 2017. URL: http://www.amandamurdie.org/uploads/3/4/3/2/34329007/bell_murdie_peksen_2017.pdf (accessed 29 December 2020).
- Calavatra A., Rey D. International Women's Day: Strikes, Protests and Holidays. *AP News*. March 9, 2019. URL: <https://apnews.com/35cb80ff96cb410baf875c07f9d96c67> (accessed 2 September 2020).
- Chenoweth E. "WiRe Dataset, v1.xls", Women in Resistance Dataset, version 1. *Harvard Dataverse*, V3. 2019. URL: <https://doi.org/10.7910/DVN/BYFJ3Z/6AURFD> (accessed 2 September 2020).
- Filippova Ye.L. «Politizatsiya» vs «depolitizatsiya»: poisk al'ternativnykh strategicheskikh proyektov i vozmozhnosti strukturirovaniya politicheskogo polya ["Politization" vs "Depolitization": The Search for Alternative Strategic Projects and Possibilities of Political Field Structuring]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2018, no. 2, pp. 95-115.
- Gurr T.R. *Pochemu lyudi buntuyut* [Why Men Rebel]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2005. 461 p.
- Huge Protests in Latin America on International Women's Day. *France 24*. March 9, 2020. URL: <https://www.france24.com/en/20200309-huge-protests-in-latin-america-on-international-women-s-day> (accessed 2 September 2020).
- «Lukashenko nas sil'no nedootsenil». Kak zhenshchiny v Belorussii stali moshchnoy siloy protestnogo dvizheniya ["Lukashenko Greatly Underestimated Us" How Women in Belarus Became a Powerful Force of the Protest Movement]. *Lenta.ru*. URL: <https://lenta.ru/articles/2020/08/22/belwomen/> (accessed 2 September 2020).
- McGovan C. "Our Role is Central": More than 1m Chilean Women to March in Huge Protest. *The Guardian*. 6 March 2020. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/06/chile-womens-day-protest> (accessed 3 September 2020).
- Mexican Women Strike to Protest Against Gender-Based Violence. *BBC News*. 9 March 2020. URL: <https://www.bbc.com/news/world-latin-america-51811040> (accessed 2 September 2020).
- Murdie A., Peksen D. Women and Contentious Politics: A Global Event-Data Approach to Understanding Women's Protest. *Political Research Quarterly*, 2015, vol. 68 (1), pp. 180-192.
- Ortiz-Ospina E. *Economic Inequality by Gender*. 2018. URL: <https://ourworldindata.org/economic-inequality-by-gender> (accessed 29 August 2020).
- Posledniye dannyye po protestam v Belorussii. Statistika i khronika protivostoyaniya [The Latest Data on Protests in Belarus. Statistics and Chronicle of the Confrontation]. *Kommersant*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4451480#id1932303> (accessed 2 September 2020).
- Puglice N. How these Six Women's Protests Changed History. *The Guardian*. January, 21 2017. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/jan/21/womens-march-protests-history-suffragettes-iceland-poland> (accessed 29 August 2020).
- Roser M. *Human Rights*. 2016. URL: <https://ourworldindata.org/human-rights> (accessed 29 August 2020).
- Safa H.I. Women's Social Movements in Latin America. *Gender and Society*, 1990, vol. 4, no. 3, pp. 354-369.
- Rogova K., ed. *Vstrechnaya mobilizatsiya. Moskovskiy protesty i regional'nyye vybory – 2019: analiticheskiy doklad. Seriya «Liberal'naya missiya – Ekspertiza»*. Vyp. 7 [Counter Mobilization. Moscow Protests and Regional Elections – 2019. Analytical Report. Series "Liberal Mission – Expertise". Iss. 7]. Moscow, Fond "Liberal'naya missiya", 2019. 110 p.
- Wilson C., Zabaneh J., Dore-Weeks R. Understanding the Role of Women and Feminist Actors in Lebanon's 2019 Protests. *UN Women*, 2019. 17 p.

Information About the Authors

Kirill M. Makarenko, Senior Lecturer, Department of International Relations, Political Sciences and Area Studies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, makarenko_km@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1161-5719>

Liliia S. Pankratova, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology of Culture and Communication, Saint Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya emb., 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, l.s.pankratova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7658-1409>

Информация об авторах

Кирилл Михайлович Макаренко, старший преподаватель кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, makarenko_km@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1161-5719>

Лилия Сергеевна Панкратова, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии культуры и коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, l.s.pankratova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7658-1409>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.17>

UDC 323.2

LBC 66.3(2Рос),1

Submitted: 24.09.2020

Accepted: 22.01.2021

INTEGRATION OF PUBLIC GOVERNMENT INSTITUTIONS IN THE PROCESS OF THE STATE SOCIAL POLICIES FORMATION IN THE SOUTH OF RUSSIA¹

Sergey D. Gavrilov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Diana K. Azizova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The study is devoted to the analysis of modern integration processes in the context of the state social policy implementation, taking the specifics of the public policy space in the macro-regional dimension into account. The research problem is to clarify the optimal predictive scenarios for the development of the integration of public government institutions in the decision-making process aimed at the formation of social policy in the South of Russia. *Methodology and methods.* The study was conducted in the context of two methodological foundations (structural functionalism as interpreted by T. Parsons and M. Olson's theory of collective action). The choice of methodological tools is due to the presence of two components in the object of analysis – the functional process of implementing social policy and the communicative nature of institutional integration. Quantitative content analysis is used to clarify the priorities of the socio-political development of the southern Russia regions. The sources and materials of the study were official documents (strategies for the socio-economic development of the southern Russia regions), reports on the implementation of state programs, as well as materials of state statistics of the Russian Federation. *Analysis.* The modern political and communicative environment in Russia is characterized by the public sphere transformation in the context of constitutional changes and modernization reforms. Social policy is presented as a product that addresses a fundamental function – the achievement of social welfare. Regionalization of Russia determines the direction and form of communications regarding the implementation of social policy. At the same time, in the southern Russia regions, a positive practice of integration interaction is recorded in the form of the adoption of a fundamentally new document “social code”, which unites many social practices. *Results.* Based on the results of the study, it was revealed that the existing practices of regional integration are based on replicating the best practices in the South of Russia. The formation of state social policy in the macro-regional dimension is based on the implementation of federal target programs and state projects. At the same time, each of the regions has its own request for the formation of social policy priorities, which allows them to be segmented into two groups: regions with existing infrastructure for the development of the social sphere, as well as regions that systematize the best practices of social project management in order to form their own development infrastructure.

Key words: public authority, integration, state social policy, macro-regional development, South of Russia.

Citation. Gavrilov S.D., Azizova D.K. Integration of Public Government Institutions in the Process of the State Social Policies Formation in the South of Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 191-202. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.17>

ИНТЕГРАЦИЯ ИНСТИТУТОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ЮГЕ РОССИИ¹

Сергей Дмитриевич Гаврилов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Диана Качабековна Азизова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Исследование посвящено анализу современных интеграционных процессов в контексте реализации государственной социальной политики с учетом специфики пространства публичной политики в макрорегиональном измерении. Исследовательская проблема заключается в уточнении оптимальных прогнозных сценариев развития интеграции институтов публичной власти в процессе принятия решений, направленных на формирование социальной политики на Юге России. *Методология и методы.* Исследование проведено в контексте двух методологических оснований (структурный функционализм в интерпретации Т. Парсонса и теория коллективного действия М. Олсона). Выбор методологического инструментария обусловлен наличием двух компонентов в объекте анализа – функционального процесса реализации социальной политики и коммуникативной природы институциональной интеграции. Количественный контент-анализ использован с целью уточнения приоритетов социально-политического развития регионов Юга России. В качестве источников и материалов исследования выступили официальные документы (стратегии социально-экономического развития регионов ЮФО и СКФО), отчеты о реализации государственных программ, а также материалы государственной статистики РФ. *Анализ.* Современная политико-коммуникативная среда в России характеризуется трансформацией публичной сферы в контексте конституционных изменений и модернизационных преобразований. Социальная политика представляется как продукт, направленный на решение основополагающей функции государства – достижения социального блага. Регионализация России определяет направленность и форму коммуникаций по поводу реализации социальной политики. Вместе с тем в регионах Юга России фиксируется позитивная практика интеграционного взаимодействия в форме принятия принципиально нового документа – Социального кодекса, который объединяет многие социальные практики. *Результаты.* По итогам проведенного исследования выявлено, что существующие практики интеграции регионов основаны на тиражировании лучших практик на пространстве Юга России. Формирование государственной социальной политики в макрорегиональном измерении основано на реализации федеральных целевых программ и государственных проектов. Вместе с тем каждый из регионов обладает собственным запросом на формирование приоритетов социальной политики, что позволяет сегментировать их по двум группам: регионы с имеющейся инфраструктурой для развития социальной сферы, а также регионы, систематизирующие лучшие практики управления социальными проектами с целью формирования собственной инфраструктуры развития. *Вклад авторов.* С.Д. Гаврилов провел анализ тенденций макрорегионального развития Юга России с позиции институционального дизайна публичной власти, уточнил вариативность интеграционных стратегий по формированию социальной политики, а также интерпретировал результаты контент-анализа стратегий социально-экономического развития регионов. Д.К. Азизова систематизировала опыт регионов по формированию государственной социальной политики, выявила направленность дальнейшего развития Юга России как политико-коммуникативного пространства по достижению единых требований для реализации социальных благ, а также выделила приоритеты развития публичной политики субъектов Юга России с реальными практиками реализации государственных программ и региональных проектов.

Ключевые слова: публичная власть, интеграция, государственная социальная политика, макрорегиональное развитие, Юг России.

Цитирование. Гаврилов С. Д., Азизова Д. К. Интеграция институтов публичной власти в процессе формирования государственной социальной политики на Юге России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 191–202. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.17>

Введение. Сфера публичного в современной российской политике представляет собой многомерное пространство интеракций между акторами политического процесса с использованием различных инструментов коммуникации для формирования единой «повестки дня» или стратегии развития по линии «личность – общество – государство». В демократических обществах публичная политика есть пространство открытой коммуникации, гласности и согласованности действий между всеми участниками общественно-политического процесса по поводу реализации основных направлений государственной политики. Специфика развития системы административно-политического управления в России свидетельствует как о продолжении конструирования строгой «вертикали власти», так и о регионализации политики, выражающейся в параллельном взаимодействии по линиям «центр – регионы», «центр – макрорегионы», «центр – макрорегионы – регионы» в зависимости от целей, задач и приоритетов государственной политики, а в особенности от ее социального направления. В указанном контексте для России и ее регионов необходимо проанализировать феномен «публичной власти» с учетом формирования контуров «новой политической системы», обозначенных в поправке к Конституции РФ 2020 года. Проблемный характер механизмов и практик взаимодействия институтов публичной власти в плоскости государственной социальной политики, обусловленный персональными политическими интересами в реализуемой деятельности и вынужденными коллективными действиями, определяет необходимость политического анализа, прогнозных сценариев развития их потенциальной способности к интеграции в контексте участия в процессе принятия решений на Юге России.

Методология и методы исследования. Публичная политика в целом и публичная власть в частности есть общественно-политические феномены, исследование которых обусловлено развитием демократических институтов, представительного характера власти, а также признанием гражданского общества как полноправного участника социальных отношений и политического процесса. В теории политики сложились несколько ключевых оснований к исследованию публичной полити-

ки в контексте формирования отдельных направлений и действий государства: 1) публичная политика как условие управления социальными процессами (Х. Арендт, Ю. Хабермас); 2) публичная политика как целевой курс действия, производимый и определяемый через деятельность правительства и чиновников (Дж. Андерсон, Т. Дай); 3) публичная политика как поле взаимодействия гражданского общества и государства (В.В. Волков, А.А. Галкин, Ю.А. Красин, В.А. Михеев, Ю.М. Розанова, А.Ю. Сунгуров и др.).

Сложность исследовательской задачи определяет необходимость использования некоторых методологических оснований: структурно-функционального подхода Т. Парсонса [8], который необходим для осмысления социальной политики как элемента государственной политики, обладающей специфической функцией достижения социального благосостояния; теории коллективного действия в интерпретации М. Олсона [6], представляющей собой логичный синтез как психологических, так и институциональных оснований политической коммуникации, в соответствии с которой интеграция выступает как коллективное благо. В качестве конкретных методов исследования используются: кейс-стади, необходимые для осмысления существующего опыта формирования приоритетов социальной политики и анализа вариативности интеграционных процессов институтов публичной власти, а также количественный контент-анализ с целью выявления приоритетных направлений развития публичного пространства в контексте социально-экономических показателей.

Анализ. Логика анализа публичного пространства в социально-политических исследованиях детерминирует понимание данной категории как коммуникативного поля субъектов политики, имеющего как абстрактные, так и вполне реальные границы. При этом пространством публичности могут выступать как средства массовой информации (газеты, интернет, телевидение, блогосфера), так и абстрактные пространства, предполагающие диалоговое общение масс и социальных групп, отдельных субъектов политического процесса (митинги, дебаты, «прямые линии» и т. п.). Значимость публичного определяется не только необходимостью коммуникации в полити-

ке, но и показывает наличие самоорганизованности участников социально-политических действий, ведь «социум в действительности есть форма, в какой сам по себе процесс жизни публично институировал и организовал себя» [15, с. 101].

В России публичное пространство политики используется скорее в условиях необходимости институционализации сферы гражданской самоорганизации путем коллаборации действий власти и общества по поводу реализации отдельных направлений государственной политики. Вместе с тем реакционный характер российской власти может провоцировать конфронтацию административной системы и населения, что «препятствует формированию чувства гражданственности, развитию политико-правовой культуры и легитимному восприятию населением значимости административно-государственного управления» [4, с. 59]. В связи с этим необходимость публичной политической коммуникации между властью и институтами гражданского общества объективируется интеракциями по поводу социальной политики, которая представляется наиболее выгодной для обеих сторон. Указанное обстоятельство обусловлено тем, что для государства социальная функция есть фундаментальная основа существования института и попытка осуществления социально-экономического контроля над различными группами населения [2], а для граждан улучшение социального благосостояния, качества и уровня жизни имеет приоритетное значение.

Политико-коммуникативное пространство в России формировалось в условиях формирования государства в 1990-х гг., а также с попыткой найти новые механизмы, инструменты, мотивы диалога власти и общества, что выражается в основополагающем принципе реализации публичной «коммуникации через механизм информационного повода» [14, с. 27]. Российская политическая действительность основана на многоуровневой системе коммуникации федерального, макрорегионального, регионального взаимодействия различных институтов власти и гражданского общества. Таким образом, среда политической коммуникации в России представляется сложной структурированной системой интеракций субъектов политического процесса, в

которой формируется идея «общего блага», обозначенная через наличие информационного повода.

В политической науке принято разграничивать понятия «государственная власть» и «публичная власть», основываясь на разнице субъектного состава. Так, государственную власть могут реализовывать только органы государственной власти, а публичную власть осуществляет как государство, так и негосударственные акторы. Такая логика была уместна и для познания российского политического процесса вплоть до вступления в силу поправки к Конституции РФ 2020 г., которая закрепила понятие «публичная власть» в нормативном поле, а также конституционное регулирование основ ее организации. Согласно ч. 2 ст. 80 Конституции РФ, Президент РФ обеспечивает единство системы публичной власти и взаимодействие входящих в нее органов, а ч. 2 ст. 132 свидетельствует о том, что «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории» [3]. Однако содержание категории «публичная власть» в Основном законе РФ осталось нераскрытым. Более того, концепт «единая система публичной власти» сосредоточивает исследовательское внимание на интерпретации сути интеграционных процессов в контексте реализации власти.

Основной сферой взаимодействия социума и государства является сфера социальной политики. Представители органов государственной власти для поддержания своей легитимности занимаются решением острых социальных проблем, повышением уровня и качества жизни общества. Для этого необходимо выработать оптимальную модель реализации социальной политики, которая будет учитывать все нюансы: экономическую ситуацию, специфику геополитического положения региона, социокультурные и социально-экономические факторы его развития, уровень участия гражданского общества в решениях социально-экономических, политических и социокультурных задач. Организация публичного политического пространства для диалога власти и общества пред-

ставляется наиболее важным условием для реализации социальной политики.

Социальная политика определяется как организационно оформленные, нормативно закреплённые и регулярно воспроизводимые институциональные практики установления параметров предоставления социальных благ и услуг отдельным категориям населения в соответствии с принципами адресности и нуждаемости. основополагающим является процесс согласования и принятия взаимных обязательств государственными и негосударственными институтами социальной политики с учетом имеющихся финансовых, экономических, организационно-управленческих ресурсов, а также совокупности используемых механизмов и инструментов обеспечения качества жизни населения. Таким образом, совершенно справедливо, что социальная политика детерминируется «достижением социального мира в интересах общественного блага» [11, с. 324].

В эпоху глобализации абсолютно все политические субъекты становятся взаимозависимыми. Такая же ситуация складывается и в регионах нашей страны с учетом развития взаимоотношений по линии «центр – макрорегионы – регионы». Взаимодействуя между собой, они создают новые инструменты реализации социальной политики с учетом современных технологий, максимально отвечающие актуальным запросам общества. Например, одним из важнейших кейсов, демонстрирующих интеграцию институтов публичной власти, является Социальный кодекс, который был принят сразу в нескольких субъектах Юга России (прежде всего в Астраханской и Волгоградской областях). Указанный документ объединил и систематизировал сотни региональных законов и нормативных актов, установил новые меры социальной помощи и поддержки, порядок их предоставления. Кодекс уточнил критерии адресности и нуждаемости, что в разы увеличило эффективность предоставления мер социальной помощи. Этот важнейший шаг изменил методы оказания социальной помощи в целом. Благоприятный опыт принятия Социального кодекса стал отправной точкой для его разработки в других регионах Юга России. Так, Президент России В.В. Путин предложил тиражировать опыт по созданию Социального ко-

декса в Волгоградской области в других субъектах РФ [1].

Основным механизмом реализации государственной социальной политики также являются государственные программы. Важно, что целевые государственные программы учитывают целесообразность реализации той или иной модели социальной политики. На сегодняшний день в перечне реализуемых государственных программ предусмотрены 44 программы. Все проекты сгруппированы в 5 программных блоков. Один из блоков «Новое качество жизни» предполагает повышение доступности услуг образования и здравоохранения, высокий уровень обеспеченности населения жильем, улучшение качества и уровня жизни населения в целом. Масштабная долгосрочная госпрограмма «Социальная поддержка граждан» из данного блока, реализуемая Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации с 2013 г., включает в себя подпрограммы и федеральные целевые программы: «Обеспечение мер социальной поддержки отдельных категорий граждан», «Модернизация и развитие социального обслуживания населения», «Обеспечение государственной поддержки семей, имеющих детей», «Повышение эффективности государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций», «Старшее поколение», «Обеспечение условий реализации государственной программы Российской Федерации “Социальная поддержка граждан”» [13]. Первый этап госпрограммы реализуется с 1 января 2013 г. по 31 декабря 2024 года.

В рамках данной госпрограммы реализуются мероприятия по развитию конкурентного рынка в сфере социального обслуживания граждан, в том числе по развитию партнерства между государством и негосударственными организациями. Налаживание политико-коммуникативного диалога между государством и третьим сектором в рамках программы «Повышение эффективности государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» оказало позитивное влияние на государственно-частное партнерство. Так, к 2019 г. количество негосударственных организаций, оказывающих услуги социального обслуживания, воз-

росло до 1 300, 900 из которых являются социально ориентированными некоммерческими организациями. В этом ключе также осуществлялись меры по повышению заработной платы социальных работников. В 2019 г. средняя заработная плата составила 35 180 руб., что на 6,2 % больше предыдущих показателей. Эти плановые показатели достигнуты во всех регионах Юга России.

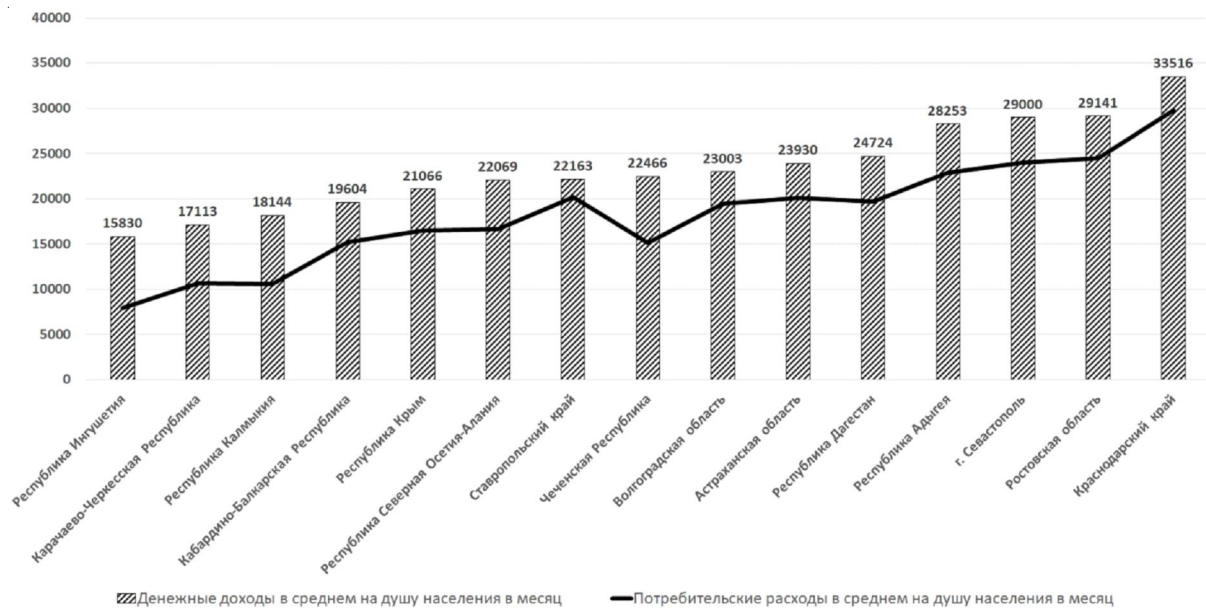
Система поддержки семей, воспитывающих детей, также получила развитие. Установлена ежемесячная выплата в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка, составляющая 11 177 руб. в среднем по стране. Средний размер единовременной выплаты семьям при рождении первого ребенка составил 30 971 руб. в регионах Юга России. Региональный материнский (семейный) капитал при рождении второго ребенка в 2019 г. установлен в размере 135 900 рублей. Также продолжают выплачивать детские пособия. В рамках реализации программы «Старшее поколение» во всех субъектах Юга России приобретены средства передвижения для транспортировки лиц пенсионного возраста, проживающих в отдаленных поселениях, в медицинские учреждения. Благодаря данному мероприятию сотни тысяч граждан преклонного возраста своевременно получили медицинскую помощь. Несмотря на то что первый этап реализации данной госпрограммы еще не завершен, промежуточные результаты указывают на эффективность принимаемых мер.

Параллельно на Юге России реализуется Стратегия социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 г. [10], Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года [9]. Перечисленные в документах мероприятия уже сегодня дали высокие промежуточные результаты в регионах Юга России (в частности, по ЮФО). Так, например, в Республике Адыгея реализуется высокий социокультурный потенциал региона, который связан, прежде всего, с благоприятной возрастной структурой населения, этнокультурным наследием и наличием туристического потенциала. Приоритетом развития социальной сферы Республики Калмыкия является создание благоприятных городских условий жизни в административных

единицах для возможности получения населением необходимых социальных благ. Краснодарский край также активно реализует мероприятия данной госпрограммы, в частности – в жилищном строительстве. Астраханская, Ростовская и Волгоградская области имеют схожие перспективы развития социальной политики. Выгодное географическое положение этих регионов способствует налаживанию международных транспортных коридоров. Однако в указанных областях наблюдается сложная ситуация с экологическим загрязнением, и существенное количество мероприятий проводится именно в этом направлении. Особое внимание уделяется также развитию медицинской промышленности, туристско-рекреационного комплекса. В последние годы Волгоград набрал высокие темпы развития социальной политики, в частности в 2019 г. став участником пилотного проекта системы долговременного ухода за инвалидами и пожилыми людьми [12].

Вместе с тем наиболее проблемные аспекты достижения указанных в документах показателей совместного развития регионов Юга России (в том числе Северо-Кавказского федерального округа) связаны прежде всего со значительными межрегиональными и межмуниципальными различиями по степени экономической активности и уровню жизни населения. Так, согласно данным Федеральной службы государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru>), положение регионов ЮФО и СКФО по уровню жизни крайне неоднородно: разброс между доходами составляет 17 686 руб., между расходами – 21 860 руб. (см. рисунок). Данный показатель является особенно значимым при реализации социальной политики, а трудности интеграционного развития связаны прежде всего с тем, что показатель уровня доходов составляет 154,22 % (расходов – 190,62 %) от величины прожиточного минимума на душу населения в целом по Российской Федерации за II квартал 2020 года.

При осмыслении имеющихся региональных приоритетов развития наиболее целесообразно проанализировать стратегии социально-экономического развития, которые приняты во всех субъектах ЮФО и СКФО, на основе метода количественного контент-анали-

Денежные доходы и потребительские расходы в регионах ЮФО и СКФО по состоянию на январь – сентябрь 2020 г. (по материалам Федеральной службы государственной статистики)

Cash income and consumer spending in the regions of the Southern Federal District and the North Caucasus Federal District as of January – September 2020 (based on the materials of the Federal State Statistics Service)

за. Единицами анализа выступили основные категории приоритетов социально-экономического развития по сферам жизнедеятельности. Полученные результаты (преобразованы с помощью линейной нормировки униполярных данных) свидетельствуют о различной направленности приоритетов регионального развития. Так, например, для регионов ЮФО наиболее приоритетными направлениями развития в среднем представляются образование, здравоохранение, строительство, демография, промышленность; в СКФО – экономика, предпринимательство, промышленность, транспорт, культура (см. табл. 1–2).

Таким образом, разность потенциала развития регионов Юга России дает возможность структурировать их по двум группам: регионы с развитой инфраструктурой, которые нацелены на проектирование новых социальных практик (Республика Калмыкия, Астраханская область, Волгоградская область, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Ставропольский край, Краснодарский край); регионы, для которых первоочередная задача – создание фундаментальной базы для систематизации имеющихся практик со-

циального развития (Республика Адыгея, Чеченская Республика, Ростовская область, Севастополь, Республика Крым, Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Республика Северная Осетия – Алания).

Стоит также отметить, что результат интеграции институтов публичной власти на Юге России представляется не как «взаимное поглощение» функционала друг друга, а скорее, как обмен опытом, лучшими практиками с целью формирования единой среды социального благополучия на Юге России. Указанное обстоятельство представляется, с одной стороны, позитивной практикой, так как обуславливает логику «равного участия» различных институтов публичной власти в процессе реализации социальной политики как в пространстве субъектов РФ, так и на Юге России в целом; с другой стороны – является препятствием динамичного развития макрорегиона. Таким образом, представляется важным сформулировать два сценария (стратегии) развития интеграционных процессов на Юге России по вопросу формирования социальной политики с целью предложения различным участникам общественно-политического процесса.

Таблица 1. Направления приоритетов социально-экономического развития регионов Южного федерального округа

Table 1. Directions of the socio-economic development priorities in the regions of the Southern Federal District

	Астраханская область	Волгоградская область	Краснодарский край	Республика Адыгея	Республика Калмыкия	Республика Крым	Ростовская область	Севастополь
Демография	0,1515	1	0,0909	0	0,4242	0,6364	0,0606	0,1212
Жилье	0,2157	1	0,5196	0	0,1863	0,0392	0,0294	0,2059
Здравоохранение	0,4722	0,5278	1	0	0,8056	0,1389	0,0278	0,2778
Культура	0,7664	0,2993	1	0,0073	0	0,0146	0,0657	0,1898
Миграция	0,2	1	0,4857	0	0	0,4857	0,0571	0,1429
Наука	0,4586	0,4812	1	0,0075	0	0,0526	0,0301	0,0075
Образование	0,6027	0,363	0,9863	0	1	0,0274	0,1438	0,226
Предпринимательство	0,44	0,14	1	0,0333	0,3267	0,0267	0,04	0
Промышленность	0,4857	0,6381	1	0	0,1476	0,0476	0,0667	0,0762
Строительство	0,6563	1	0,8125	0	0	0,0391	0,0234	0,1016
Транспорт	0,5565	0,6569	1	0,0167	0	0,0879	0,0084	0,1339
Цифровая среда	0	0	0	0	1	0,0769	0,4615	0,0769
Цифровая экономика	0	0	0,1538	0	1	0,0769	0	0
Экология	0,3551	0,757	1	0	0	0,028	0,0374	0,0093
Экономика	0,6377	0,4954	1	0,0222	0	0,0684	0,0573	0,0481

Таблица 2. Направления приоритетов социально-экономического развития регионов Северо-Кавказского федерального округа

Table 2. Directions of the socio-economic development priorities in the regions of the North Caucasus Federal District

	Кабардино-Балкарская Республика	Карачаево-Черкесская Республика	Республика Дагестан	Республика Ингушетия	Республика Северная Осетия – Алания	Ставропольский край	Чеченская Республика
Демография	0,4	0,5	0,35	0,2	0,25	1	0
Жилье	0,4884	1	0,0930	0,1977	0	0,2442	0
Здравоохранение	0,1864	0,7797	0,1695	0,4237	0,1695	1	0
Культура	0,5794	1	0,1032	0,2063	0,1190	1	0
Миграция	0,1569	0,1176	0,0784	0	0	1	0
Наука	1	0,5273	0,0909	0,0182	0,1455	0,4909	0
Образование	0,1209	0,1976	0,0560	0,0059	0,1239	1	0
Предпринимательство	1	0,5119	0,1667	0,1548	0,6548	0,7262	0
Промышленность	0,5794	0,9048	0,1746	0	0,3492	1	0,1825
Строительство	0,4498	1	0,0431	0,2153	0,2105	0,4354	0
Транспорт	1	0,7921	0,2277	0,2376	0,2376	0,5545	0
Цифровая среда	0	0	1	0,5	0,5	0,5	0
Цифровая экономика	1	0	0,3333	0,1667	0	0,6667	0
Экология	0,6731	1	0,0192	0,1538	0,0192	0,1731	0
Экономика	1	0,9529	0,2118	0,0059	0,8412	0,5706	0

Сценарий 1 – «взаимное стимулирование». Данный подход подразумевает перекрестное участие институтов публичной власти в реализации приоритетов социальной политики между регионами Юга России; постепенную реализацию задач стратегий социально-экономического развития ЮФО и СКФО, нахождение смежных приоритетов и взаимные коллаборации. Такая стратегия наиболее ресурсозатратная и ведет к необходимости постоянного контроля над капиталами, необходимыми для формирования социальной политики. Данный подход опирается на продолжение опыта тиражирования Социального кодекса. Риски реализации указанного сценария связаны с тем, что регионы Юга России имеют различный потенциал развития и институты региональной публичной власти осознают «ограниченность возможностей планового подхода к разрешению современных проблемных вопросов жизнедеятельности населения на территории региона» [7, с. 298]. Отметим, что данный сценарий наиболее выгоден институтам гражданского общества, которые ставят своей целью мониторинг деятельности органов власти по достижению оптимальной социальной среды, а также использование лучших инструментов, технологий по преобразованию социума.

Сценарий 2 – «реакционное участие». Данный подход направлен на позицию невмешательства институтов публичной власти одного региона в политику другого до тех пор, пока нет в этом необходимости (по принципу «адресной помощи»). Вместе с этим социальное партнерство различных институтов выступает не только на межрегиональном уровне, но и на внутрирегиональном. Указанная стратегия не лишена недостатков, но является усредненным вариантом в условиях дефицитов бюджетов регионов и кризисов. Реализация указанного сценария сопряжена с опытом интеграции Республики Крым и города Севастополь в общее политико-коммуникативное пространство Юга России, обусловленное «институционализацией новой гражданской и государственной идентичности на основе единого исторического прошлого и сплава культур, традиций русских, украинцев, крымских татар (все они представляют многочисленных жителей Крыма) и граждан многонациональ-

ной большой России» [5, с. 314–315]. Иными словами, до тех пор, пока существовал Крымский федеральный округ, в интеграции новых субъектов РФ в коммуникативное пространство Юга России не было необходимости. Среди рисков реализации указанной стратегии справедливо указать отсутствие комплексного подхода к социально-политическому и социально-экономическому развитию макрорегиона. Выбор оптимальной стратегии зависит как от общефедеральной повестки развития социальной политики, так и от неконвенционального договора между регионами Юга России.

Результаты. Результат проведенного исследования позволяет обозначить следующие выводы. Во-первых, итогом реализации современной социальной политики на Юге России в соответствии с принципами адресности и нуждаемости является установление партнерских отношений между государственными и негосударственными структурами; завершение разработки и принятие региональных программ социальной направленности в сфере здравоохранения, содействия занятости и охраны труда. Население в целом положительно оценивает реализацию данных программ, а также обеспечение нуждающихся доступным и комфортным жильем. Слаженная работа на всех уровнях власти, интеграция механизмов и инструментов в процессе реализации социальной политики на Юге России дает возможность оценивать ее состояние как стабильное. Дальнейшее улучшение качества социальной политики следует связывать с усилением адресности социальных проектов и совершенствованием процедур определения нужды, внедрением новых механизмов оказания помощи и заключения социальных контрактов; совершенствованием информационных и телекоммуникационных технологий информирования граждан об изменениях в области предоставления государственных социальных услуг.

Во-вторых, существующие интеграционные процессы Юга России фиксируются в контексте формирования «общего блага» внутрирегионального развития в первую очередь, а затем – макрорегионального развития. Указанное обстоятельство обуславливает поиск нового подхода к анализу формиро-

вания социальной политики как направления реализации власти, необходимого для стабильного функционирования множества общественных процессов. Предложенные сценарии развития опираются на существующие тенденции и противоречия регионализации России, а также на опыт интеграционного развития макрорегиона Юг России. Любая из стратегий предопределяет осуществление институтами публичной политики (гражданского общества) коллабораций как интеграционного механизма при реализации социальной политики. Отметим, что в указанном контексте имеется сложившаяся практика, которая рекомендуется к пролонгации институтам гражданской самоорганизации межрегиональных конференций «Социальные инвестиции юга России: лучшие практики управления в некоммерческом секторе», проводимая при поддержке Фонда президентских грантов. Вместе с тем каждый из подходов не исключает рисков развития сферы публичного пространства, но определяет приоритеты функционирования институтов в общей логике макрорегиона.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-411-340006 p_a «Социально-политическое проектирование публичного пространства и системы массовой коммуникации в регионах РФ (на примере Волгоградской области)»; а также при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31676.

The reported study was funded by RFBR and Volgograd Region Administration in the framework of research project no. 19-411-340006 p_a “Socio-Political Design of Public Space and Mass Communication System in the Regions of the Russian Federation (The Example of the Volgograd Region)”; Funding: The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-31676.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владимир Путин поручил изучить опыт Волгоградской области по созданию Социального кодекса. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.volgograd.ru/gubernator/>

tekush/183141/ (дата обращения: 12.09.2020). – Загл. с экрана.

2. Григорьева, И. А. Социальная политика: основные понятия / И. А. Григорьева // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – Т. 1, № 1. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-politika-osnovnyye-ponyatiya> (дата обращения: 10.09.2020). – Загл. с экрана.

3. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 14.09.2020). – Загл. с экрана.

4. Морозов, С. И. Коммуникативные технологии легитимации региональных органов исполнительной власти в Волгоградской области / С. И. Морозов, Т. В. Порошина // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 1. – С. 55–61.

5. Морозов, С. И. Республика Крым, Севастополь и Волгоградская область: политические стратегии сотрудничества / С. И. Морозов, С. А. Панкратов // История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред.: А. В. Баранов, В. В. Касьянов. – Новороссийск : Кубан. гос. ун-т, 2018. – С. 313–316.

6. Олсон, М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп : пер. с англ. / М. Олсон. – М. : ФЭИ, 1995. – 174 с.

7. Панкратов, С. А. Социально-политическое проектирование публичного пространства Волгоградской области / С. А. Панкратов // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы : материалы Всерос. науч. конф. РАПН с междунар. участием. – М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2019. – С. 297–298.

8. Парсонс, Т. Социальная система : пер. с англ. / Т. Парсонс. – М. : Академ. проект, 2018. – 530 с.

9. Распоряжение Правительства РФ от 06.09.2010 № 1485-р (ред. от 24.06.2020) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105643/517741733b081df06def6b33102ee7434eda031c/ (дата обращения: 13.09.2020). – Загл. с экрана.

10. Распоряжение Правительства РФ от 5 сентября 2011 г. № 1538-р «О Стратегии социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 г.». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902301126> (дата обращения: 13.09.2020). – Загл. с экрана.

11. Ручин, В. А. Социальная безопасность российского общества в контексте социальной политики государства / В. А. Ручин // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2011. – Т. 4, № 2 (60). – С. 322–326.

12. Система долговременного ухода за гражданами пожилого возраста. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://uszn.volgograd.ru/other/sistema-dolgovremennogo-ukhoda-za-grazhdanami-pozhilogo-vozrasta/> (дата обращения: 12.09.2020). – Загл. с экрана.

13. Социальная поддержка граждан // Портал госпрограмм РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://programs.gov.ru/Portal/program/03/passport> (дата обращения: 12.09.2020). – Загл. с экрана.

14. Устинкин, С. В. Перестройка и гласность (об источниках формирования современной политической коммуникации власти и общества в России) / С. В. Устинкин, Л. Н. Ульямаева // Власть. – 2009. – № 10. – С. 24–27.

15. Шкудунова, Ю. В. Публично-общественная сфера и политическое пространство / Ю. В. Шкудунова // Омский научный вестник. – 2010. – № 5 (91). – С. 99–102.

REFERENCES

1. *Vladimir Putin poruchil izuchit opyt Volgogradskoi oblasti po sozdaniiu Sotsialnogo kodeksa* [Vladimir Putin Instructed to Study the Experience of the Volgograd Region in the Creation of the Social Code]. URL: <https://www.volgograd.ru/gubernator/tekush/183141/> (accessed 12 September 2020).

2. Grigoreva I.A. Sotsialnaia politika: osnovnye poniatia [Social Policy: Basic Concepts]. *Zhurnal issledovaniu sotsialnoi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 2003, vol. 1, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-politika-osnovnye-ponyatiya> (accessed 10 September 2020).

3. *Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii (prinjata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniia 01.07.2020)* [The Constitution of the Russian Federation (Adopted by Popular Vote on 12.12.1993 With Amendments Approved During a Nationwide Vote on 01.07.2020)]. URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (accessed 14 September 2020).

4. Morozov S.I., Poroshina T.V. Kommunikativnye tekhnologii legitimatsii regionalnykh organov ispolnitelnoi vlasti v Volgogradskoi oblasti [Communicative Technologies of the Regional Executive Authorities' Legitimation in the Volgograd Region].

Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Bulletin of Tula State University. Film Humanities], 2017, no. 1, pp. 55–61.

5. Morozov S.I., Pankratov S.A. Respublika Krym, Sevastopol i Volgogradskaiia oblast: politicheskie strategii sotrudnichestva [The Republic of Crimea, Sevastopol and the Volgograd Region: Political Strategies for Cooperation]. *Istoriia i sovremennoe razvitie Prichernomoria v kontekste formirovaniia patriotizma i ukrepleniia tsennostei rossiiskoi tsivilizatsii: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [History and Today's Development of the Black Sea Region in the Context of the Formation of Patriotism and Strengthening of the Values of Russian Civilization. Proceedings of the International Research and Practice Conference]. Novorossiysk, Kuban State University, 2018, pp. 313–316.

6. Olson M. *Logika kollektivnykh deistvii. Obshchestvennye blaga i teoriia grupp* [The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups]. Moscow, FEI, 1995. 174 p.

7. Pankratov S.A. Sotsialno-politicheskoe proektirovanie publicnogo prostranstva Volgogradskoi oblasti [Socio-Political Design of the Public Space of the Volgograd Region]. *Traektorii politicheskogo razvitiia Rossii: instituty, proekty, aktory: materialy Vserossiiskoy nauchnoy konferentsii RAPN s mezhdunarodnym uchastiem* [Trajectories of Russia's Political Development: Institutions, Projects, Actors]. Moscow, Moscow State Pedagogical University, 2019, pp. 297–298.

8. Parsons T. *Sotsialnaia Sistema* [Social System]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2018. 530 p.

9. *Rasporiazhenie Pravitelstva RF ot 06.09.2010 N 1485-r (red. ot 24.06.2020) «Ob utverzhdenii Strategii sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia Severo-Kavkazskogo federalnogo okruga do 2025 goda»* [Order of the Government of the Russian Federation of 06.09.2010 N 1485-r (as amended on 24.06.2020) “On Approval of the Strategy for the Socio-Economic Development of the North Caucasus Federal District until 2025”]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_105643/517741733b081df06def6b33102ee7434eda031c/ (accessed 13 September 2020).

10. *Rasporiazhenie Pravitelstva RF ot 5 sentiabria 2011 g. N 1538-r «O Strategii sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia Iuzhnogo federalnogo okruga na period do 2020 g.»* [Order of the Government of the Russian Federation of September 5, 2011 N 1538-r “On the Strategy of Socio-Economic Development of the Southern Federal District for the Period up to 2020”]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902301126> (accessed 13 September 2020).

11. Ruchin V.A. Sotsialnaia bezopasnost rossiiskogo obshchestva v kontekste sotsialnoi politiki gosudarstva [Social Security of the Russian Society in the Context of the State Social Policy]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Vestnik of the Saratov State Technical University], 2011, vol. 4, no. 2 (60), pp. 322-326.

12. *Sistema dolgovremennogo ukhoda za grazhdanami pozhilogo vozrasta* [Long-Term Care System for Senior Citizens]. URL: <http://uszn.volgograd.ru/other/sistema-dolgovremennogo-ukhoda-za-grazhdanami-pozhilogo-vozrasta/> (accessed 12 September 2020).

13. Sotsialnaia podderzhka grazhdan [Social Support of Citizens]. *Portal gosprogramm RF* [Portal

of State Programs of the Russian Federation]. URL: <https://programs.gov.ru/Portal/program/03/passport> (accessed 12 September 2020).

14. Ustinkin S.V., Ulmaeva L.N. Perestroika i glasnost (ob istochnikakh formirovaniia sovremennoi politicheskoi kommunikatsii vlasti i obshchestva v Rossii) [Perestroika and Glasnost (on the Sources of Modern Political Communication Between Government and Society in Russia)]. *Vlast*, 2009, no. 10, pp. 24-27.

15. Shkudunova Iu.V. Publichno-obshchestvennaia sfera i politicheskoe prostranstvo [The Public Sphere and Political Space]. *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2010, no. 5 (91), pp. 99-102.

Information About the Authors

Sergey D. Gavrilov, Senior Lecturer, Department of International Relations, Political Science and Area Studies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gavrilov_sd@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9098-8301>

Diana K. Azizova, Postgraduate Student, Assistant, Department of International Relations, Political Science and Area Studies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, azizova.dk@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8440-5969>

Информация об авторах

Сергей Дмитриевич Гаврилов, старший преподаватель кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gavrilov_sd@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9098-8301>

Диана Качабековна Азизова, аспирант, ассистент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, azizova.dk@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8440-5969>

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РФ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.18>

UDC 321.01
LBC 66.3(2Рос)5

Submitted: 26.08.2020
Accepted: 22.01.2021

RUSSIAN ETHNOFEDERALISM: EVOLUTION AND DEVELOPMENT PROSPECTS ¹

Valery A. Achkasov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Anna I. Abalian

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The authors analyze the peculiarities of the formation, evolution and prospects of Russian ethnofederalism, based on the achievements of Russian and Western researchers. *Methods and materials.* Along with classical approaches to the nature of ethnofederalism, the authors proceed from the concept that relations between the elites of the center and the regions in the Russian Federation are based on the so-called “incomplete contract”, which is characterized by the absence of guarantees for its implementation. *Analysis.* This political practice comes as a source of the elites desire to change the distribution of power and resources in their favor while the Constitution remains unchanged, the “pendulum” nature of relations along the “federal center – regions” line. In modern Russia federalism does not have a value dimension, both for the elites of the center and the elites of most regions, and it remains a purely instrumental concept. The authors build their analysis of interethnic relations and the prospects of ethnic federalism in Russia, proceeding not from any ideal model, but starting from the existing ethnic political reality with its already existing imperfect institutions of ethnic federalism. At the same time, a differentiated approach is used to assess the correlation between federalism and ethnicity. *Results.* The authors come to the conclusion that, despite the numerous shortcomings of the ethnic model of federalism (organizational complexity, special requirements for political elites, asymmetry with its inherent “injustice”, etc.), there is no real alternative to it in Russia.

Key words: Russian ethnofederalism, institutions, center – regions, structural asymmetry, political elites, concept of “incomplete contract”.

Citation. Achkasov V.A., Abalian A.I. Russian Ethnofederalism: Evolution and Development Prospects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 203-216. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.18>

УДК 321.01
ББК 66.3(2Рос)5

Дата поступления статьи: 26.08.2020
Дата принятия статьи: 22.01.2021

РОССИЙСКИЙ ЭТНОФЕДЕРАЛИЗМ: СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ¹

Валерий Алексеевич Ачкасов

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

© Ачкасов В.А., Абалян А.И., 2021

Анна Игоревна Абалян

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена особенностям формирования, эволюции и перспективам российского этнофедерализма. *Методы и материалы.* Наряду с классическими подходами к исследованию сущности этнофедерализма авторы исходят из теоретического положения, что современное российское федеративное государственное устройство и в первую очередь отношения между элитами центра и регионов основаны на так называемом «неполном контракте», который характеризуется отсутствием гарантий исполнения политических решений. *Анализ.* Данную политическую практику отличают стремление элит изменить распределение власти и ресурсов в свою пользу при неизменности Конституции, «маятниковый» характер отношений по линии «федеральный центр – регионы» (стихийная децентрализация власти в 1990-е гг. и ее централизация в 2000-е гг.). В России федерализм является понятием сугубо инструментальным, которое не имеет ценностного измерения как в восприятии политических элит центра, так и большинства регионов. Авторы основывают свой анализ межэтнических отношений и перспектив этнофедерализма в России исходя не из некой идеальной модели, а отталкиваясь от существующей этнополитической реальности и учитывая особенности уже существующих несовершенных институтов этнофедерализма. В основу анализа положен дифференцированный подход к оценке соотношения федерализма и этничности: в каких случаях учет этнического фактора в структуре федерации крайне необходим, а в каких он способен сыграть разрушительную роль. Учитывается и ряд других факторов: степень демократичности отношений центр – регионы, уровень экономического и социального развития регионов, этнический состав населения, характер исторически сложившихся межэтнических отношений и т. д. *Результаты.* Авторы приходят к заключению, что, несмотря на многочисленные недостатки этнической модели федерализма (организационная сложность, особые требования, предъявляемые к политическим элитам, асимметричность с присущей ей «несправедливостью» и др.), реальной альтернативы данной модели в России не существует. *Вклад авторов.* В.А. Ачкасову принадлежит разработка теоретической базы исследования, проблематики особенностей модели российского этнофедерализма, соотношения федерализма и этничности, структурной асимметрии, характеристики политических элит. А.И. Абалян – разработка методологии исследования, проблематики взаимоотношений «центр – регионы», конфликтогенного потенциала модели этнофедерализма.

Ключевые слова: российский этнофедерализм, институты, центр – регионы, структурная асимметрия, политические элиты, концепция «неполного контракта».

Цитирование. Ачкасов В. А., Абалян А. И. Российский этнофедерализм: становление и перспективы развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 203–216. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.18>

Введение. Согласно Основному Закону Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов. Непременным условием взаимоотношений субъектов РФ с федеральными органами государственной власти является их равноправие по отношению друг к другу. Между тем в составе России сегодня 22 республики, 1 автономная область, 4 автономных округа, то есть из 85 субъектов Федерации – 27 сформированы по этнотерриториальному принципу. Если мы сравним собственно «национальные» субъекты Российской Федерации по целому ряду оснований, то зафиксируем не только их разнообразие, но и фактическое неравенство. Так, в состав РФ входят самое большое национально-территориальное образование в мире – Республика Саха (Якутия) –

более 3 млн км², и один из самых маленьких субъектов – Республика Ингушетия – немногим более 3 100 км². В одних практически все население принадлежит к «титальной» этнической группе (Чечня, Ингушетия), в других подавляющее большинство населения – представители не «титальных» народов (в Карелии, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах такого рода группы составляют менее 10 % всего населения). Кардинальные различия между регионами существуют и по уровню социально-экономического развития. Так, по показателю ВВП на душу населения, самыми богатыми субъектами РФ являются Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, а самым бедным – Республика Ингушетия: показатели ВВП на душу населения различаются в 40 раз. Значительно варьируется степень гетерогенности и численность

населения «национальных» субъектов РФ, характеристики региональных политических режимов, неформальные правила, на основании которых они взаимодействуют с Федеральным центром и т. д. Совокупность вышеизложенных факторов обуславливает особую сложность решения проблем, связанных с формированием общей идентичности, преодолением социально-экономического неравенства регионов и сохранением стабильности функционирования асимметричной этнофедерации в условиях современной России.

Методы. Этнофедерализм мы рассматриваем как систему, обладающую эффективными механизмами интеграции интересов больших политических общностей, способных к обеспечению собственной безопасности и экономического развития, с одной стороны, и политических образований, которые представляют национальные меньшинства и локальные интересы. Функционирование данной модели обеспечивается разделением властных полномочий и сфер ответственности между центральными и местными органами власти. В то же время сама система способна порождать и поддерживать конфликты, угрожающие существованию этой политики. Парадоксальность федеративного устройства, обладающего одновременно как потенциалом сдерживания сепаратизма, так и его провоцирования, отмечена Я. Эрком и Л. Андерсоном [35].

Дискуссия о природе этнофедерализма идет уже достаточно давно, однако на современном этапе она протекает под влиянием глобальных трансформаций на мировой арене, сформировавших противоположные взгляды на эффективность и жизнеспособность этнофедеративной модели [32; 39]. Формирование одной точки зрения обусловлено становлением мультинациональных государств, где этнофедерализм использовался как политическая стратегия сохранения целостности политики (Бельгия, Индия, Канада) [25; 33; 36; 38; 42]. Другой подход основан на практическом опыте распада Советского Союза, Югославии и Чехословакии, поставившем под сомнение стабильность и долговечность мультиэтнических федераций [1; 29; 31; 37; 39]. Целью настоящего исследования является оценка особенностей становления и перспектив модели этнофедерализма в современной России с точ-

ки зрения ее эффективности и устойчивости к конфликтам.

Анализ. В 1990-х гг., когда федеральная власть была слаба, она особенно нуждалась в поддержке политических элит регионов. Россия, как тогда казалось, находилась на грани распада, прежде всего, в результате перманентного неформального торга элит центра и национальных республик по вопросам перераспределения властных, финансовых и иных ресурсов. «Децентрализация того периода была обусловлена не целенаправленной политикой федерального центра или требованиями субъектов федерации, а слабостью общенационального правительства, не обладавшего возможностью контролировать территорию страны и эффективно сопротивляться “региональной вольнице”» [21, с. 101]. Подобная слабость центральной власти обусловила фрагментацию правового пространства страны. Согласно данным Министерства юстиции РФ на 1997 г. 16 000 законов субъектов Федерации не соответствовали Конституции России. Именно те регионы, в особенности ряд национальных республик, где законы в наибольшей степени не соответствовали федеральным законам и Конституции, центр пытался «подкупать» [41, р. 90]. Очевидно, именно существующая автономия регионов представляла наибольшую опасность для центральной власти. Асимметричность российского федерализма достигла апогея в период 1994–1998 гг., когда широкое распространение получила практика заключения двухсторонних соглашений Центра с отдельными субъектами Федерации о разграничении полномочий и предметов ведения органов государственной власти. Фактически происходила трансформация конституционной федерации в договорную. Подобный переход задумывался первоначально как механизм выстраивания отношений с «проблемными» республиками – Татарстаном и Чечней, а также с Калининградской областью, с ее эксклавым положением. «...Такого статуса стали добиваться самые энергичные руководители других республик и областей, и в результате процесс превратился в опровержение своих первоначальных целей. Ведь на старте предполагалось дать особый статус тем регионам, с которыми договора заключались, причем имелось в виду, дать его счи-

танному числу субъектов. Процесс же вскоре стал массовым. В результате из 89 субъектов РФ – 46 начали строить с Центром особые отношения» [19, с. 91–92].

Справедливости ради нужно заметить, что фактически ни один из субъектов РФ, за исключением Чечни, не был в действительности настроен на сецессию, однако угрозы такого рода использовались для шантажа федеральной власти. В результате в 1990-е гг. было заключено 46 двухсторонних договоров и около 300 соглашений, закрепляющих за субъектами Федерации (и, прежде всего, национальными республиками) различного рода экономические и финансовые преференции, что, в свою очередь, укрепляло их политическую автономию от Центра [13].

Подводя итоги строительства российского федерализма в 1990-е гг., Н.В. Петров выделил ряд факторов, негативно повлиявших на этот процесс [17, с. 8–9]. Одни из них обусловлены предшествующим историческим периодом развития российской государственности. Речь идет как о смешанном, экстерриториальном характере субъектов Федерации, когда этническое и территориальное начала, дополняя друг друга, создавали кумулятивный эффект, потенциально усиливавший уровень конфликтности, так и о гипертрофии центров любого уровня, плохо сочетавшейся с принципом равноправия. Другие факторы определяются особенностями постсоветского государственного развития. Таковыми являлись значительное неравенство потенциалов и статусов субъектов Федерации и продолжающийся рост неравенства регионов в социально-экономическом и политическом отношениях.

Современные регионы отличались крайней слабостью горизонтальных связей, привязанностью граждан к территории проживания, препятствующей перемещению рабочей силы и ограничивающей возможности выравнивания темпов развития регионов. Инициированный «сверху» характер российского федерализма характеризовался отсутствием собственного ценностного измерения: в республиках развитое региональное самосознание, как правило, заменялось акцентированной этнической идентичностью. Фиксировалось противоречие между «суперпрезидентством» (де-факто закрепленным в Конститу-

ции РФ) и слабостью центра в отношениях с субъектами Федерации. Отмечалась чрезмерная роль субъективного фактора, когда личные качества главы субъекта Федерации и его личные связи во многом определяли и отношения с центром, и развитие политической ситуации в регионе. Имело место сращивание политической власти с собственностью; при отсутствии реального разделения ветвей власти такая ситуация делала главу исполнительной власти региона доминирующей фигурой, в то время как возникающие политические конфликты оказывались тесно связанными с борьбой за передел собственности.

Вместо открытой, публичной, политики, пользующейся поддержкой различных групп населения, доминировали неформальные правила игры. Региональное законодательство радикально не соответствовало федеральному: около 70 % законодательных актов субъектов Федерации содержали определенные отклонения от общероссийских, а в 30–40 % случаев напрямую противоречили Конституции и общенациональным законам. Кроме того, некоторые автономные округа входят в состав других субъектов РФ, что создает специфическую многоуровневую («матрешечную») структуру Федерации. Включение одного субъекта в состав другого служит очевидным примером нарушения принципа равноправия, закрепленного в Конституции РФ.

Очевидный факт, что население практически всех национальных регионов в России мультиэтнично. Однако вследствие того, что титульный этнос выступает в качестве субъекта национально-государственного суверенитета, именно он обладает эксклюзивным правом на самоопределение, вне зависимости от полиэтничности состава населения республики или округа его расселения. Статусы «гражданина» и «члена этнической группы» представляются не в качестве «взаимосвязанных социальных позиций личности» – «в рамках единого сообщества», а «противостоящими друг другу социальными категориями». Такого рода диспозиция вызывает разговоры о необходимости предоставления неких «особых» политических, экономических, культурных прав титульным группам в ущерб интересам остальных граждан; негативную роль при этом играет тезис о том, что «титульные

группы являются коренным, то есть исконным населением того или иного региона, а потому имеют особые права на земельные ресурсы, природные богатства, политический и социальный статус» [27, с. 49].

Предоставление «титულным этносам» права на политическую автономию послужило основой для возникновения целого ряда противоречий, с которыми сталкиваются национально-территориальные федерации. Означает ли факт принадлежности субъекта Федерации к «титульной» национальности одновременным исключением его из числа «своих» остальными гражданами данного региона? В случае, если государственность выступает для них также «своей», какое значение имеют заявления о ее этнической «принадлежности»? Если подобные декларации не ограничиваются лишь символической значимостью, в каких институтах и отношениях находит выражение связь между этничностью и территорией? [16, с. 150–151]. Не случайно многие исследователи негативно характеризуют корреляцию между практикой этнофедеративных систем и реализацией так называемых «либеральных ценностей».

В 2000-е гг. маятник российского федерализма резко пошел в направлении централизации посредством реализации политики «укрепления вертикали власти». Новый курс нашел выражение в целом цикле административных реформ, радикально изменивших «правила игры», но осуществленных без изменения российской Конституции. Однако необходимо отметить, что некоторые правовые основания для такого перераспределения властных полномочий существуют, поскольку в Конституции России нет такого понятия, как собственные или исключительные предметы ведения субъектов Федерации. Исследователи справедливо отмечают, что если в соответствии с федеральным законодательством некая сфера деятельности относится к ведению субнационального уровня, а на практике является частью совместных предметов ведения, в таком случае «субъект федерации обладает собственной волей лишь до тех пор, пока соответствующим вопросом не заинтересуются федеральные власти», потому как только «центр определяет те направления, по которым региональные власти могут прини-

мать окончательные решения, а также те правила, которых они обязаны придерживаться» [22, с. 87].

Казалось бы, в результате реформ была создана «единая административная система, работающая как один организм» [6], однако сделано это было за счет серьезного урезания властных полномочий и финансовых возможностей субъектов Федерации. Иностранцы считают, что лучшим индикатором степени автономии, которой пользуются регионы, может быть пропорция публичных расходов, находящаяся под контролем соответствующих уровней власти [40]. В 2000-е гг. в России централизация имела место не только в политике, но и бюджетной сфере. Так, со второй половины 2000-х гг. стал целиком направляться в федеральный бюджет налог на добычу полезных ископаемых («нефтяная рента»), который до этого распределялся между Центром и регионами. Если в начале нового тысячелетия доходы федерального бюджета и консолидированных бюджетов регионов соотносились в пропорции 50 : 50, то в 2013 г. – 61 : 39 [11, с. 369]. В свою очередь, система трансфертов, направленная на выравнивание бюджетной обеспеченности регионов, не только выросла, усложнилась, но и стала менее прозрачной. В результате осуществленные реформы имели неоднозначные и различные последствия для субъектов Российской Федерации, особенно для национальных республик. По оценке исследователей, наиболее благоприятный режим в сфере получения субсидий и инвестиций из федерального бюджета распространялся на Татарстан, Чечню, Краснодарский край и Санкт-Петербург [11, с. 371].

В целом, по мнению экспертов, в новом столетии имела место серьезная неформальная трансформация конституционных принципов государственного устройства России, а именно: федеральное законодательство начало осуществлять переход от рамочного регулирования к унификации законодательства; соотношение полномочий по предметам совместного ведения стало изменяться в пользу Федерации; сократились перечень предметов остаточного ведения субъектов и объемы их регулирования; были созданы внеконституционные механизмы федерального вмешательства, а также внеконституционные государ-

ственные органы для осуществления данной политики [14, с. 137].

Характеризуя особенности развития российского этнофедерализма, А. Захаров называет его «исполнительным», отмечая, что тип федеративного устройства, действующий в России, дает возможность правящим элитам заключать те или иные договоренности по основным направлениям национальной политики, фактически, во-первых, игнорируя нормы Конституции, во-вторых, исключая участие представительных органов власти, и в-третьих, без учета общественного мнения [8, с. 128].

Маятниковый характер отношений по линии «Федеральный центр – регионы», как представляется, обусловлен тем, что в России федерализм не воспринимается как форма гражданской самоорганизации и не имеет ценностного измерения как для элит Центра, так и для элит большинства регионов, что приводит к тому что он выступает в качестве механизма распределения и разделения власти [15, с. 103]. Однако федерация, лишённая ценностного измерения, нередко даёт функциональные сбои. Поэтому очевидный «прагматизм» региональной политики Москвы плохо сочетается с несомненным признанием ценности федерализма и важности сохранения политической автономии элитами и «титовыми этносами» национальных республик. Анализ экспертных интервью, проведенных в рамках исследования «Состояние и перспективы развития российского федерализма в массовом сознании и экспертных оценках», свидетельствует, что как на массовом уровне, так и на уровне элит сегодня нет понимания того, что такое федерализм. «Современное состояние их политического мировоззрения не предполагает ключевой составляющей федеративных отношений: федеративного торга, характеризуемого непрерывной конкуренцией между центральной властью и регионами. Присущее им восприятие федеральных властей выказывает полное согласие с собственным второстепенным положением. В глазах большей части представителей региональных элит доминирование Москвы представляется естественным и нормальным. Наконец, за исключением представителей национальных республик, элиты в регионах не осознают значимости федерализма для сла-

живания межнациональных трений» [10, с. 312]. Как представляется, ситуации не меняло и возвращение к контролируемой центром выборности губернаторов.

Баланс в отношениях между элитами центра и регионов определяется, прежде всего, по результатам постоянного торга и зависит от наличия и объема значимых ресурсов у сторон, ведущих такой торг, а также от готовности сторон вести его «по правилам». Политическая практика 2000-х гг. показала готовность Федерального центра менять «правила игры» по собственному усмотрению. В результате степень автономии «национальных» субъектов Федерации оказалась в полной зависимости от решений и действий Центра, что потенциально подрывает доверие национальных меньшинств к институтам федерализма.

Элиты национальных республик, которые в 1990-е гг. выступали «локомотивами суверенизации» (Татарстан, Башкортостан, Саха – Якутия и др.), похоже, получили своего рода «охранную грамоту» и явно не утратили вкус к власти и ее неформальному перераспределению в свою пользу, конечно же, «во имя интересов своего народа». «В течение первого десятилетия XXI в. центру удавалось залить бюджетными деньгами все сколько-нибудь значимые финансовые и экономические проблемы регионов. В то же время последовательное сокращение поля, на котором может проявляться публичный протест, обеспечило видимость единства страны» [22, с. 89].

Тем не менее в условиях острого социально-экономического кризиса вновь может появиться мощная мотивация к поиску путей ослабления Федерального центра путем очередного перераспределения власти и ресурсов. Таким образом, не исключено возникновение угрозы сохранению целостности российского государства, которая, скорее всего, вновь будет исходить от национальных республик. Мы согласны с мнением, что «федерализм не долго будет оставаться спящим институтом: политическое размораживание делается все неизбежнее по мере медленного, неуклонного банкротства режима нефтяного изобилия, и скоро на него опять возникнет большой спрос» [9, с. 122]. Однако вопрос заключается в том, какие цели будут пре-

следовать и какие ресурсы будут использовать центральные и региональные элиты в этой кризисной ситуации.

Политическая территориальная автономия этнических общностей, закреплённая Конституцией России, зачастую становится источником конфликтов и не способствует их разрешению. В целом же международный опыт свидетельствует, что, во-первых, случаи успешно работающих этнофедераций единичны, а большинство попыток их создания были не слишком удачными; во-вторых, при решении «этнической проблемы» наиболее успешные мультиэтнические западные демократии чаще идут не по пути предоставления национальным меньшинствам политической территориальной автономии, а по пути деполитизации этнического фактора, демонтажа институтов, связывающих этничность и власть, этничность и государство, что достигается за счет подчеркивания изменчивого, процессуального характера этнической идентичности и актуализации идеи «гражданской нации». Перечисленные обстоятельства не позволяют признать этнофедерализм наиболее оптимальным способом решения этнополитических проблем в «многонациональном» государстве. Сохранение этнической и религиозной принадлежности – это свободный выбор и неотъемлемое право каждого индивида, право оставаться самим собой, сохранять свою особую идентичность. Однако при этом люди должны подчиняться общим для всех правовым нормам, мирно сосуществовать, укреплять гражданскую солидарность во имя сохранения и процветания общего для них национального государства.

Как уже было отмечено, стабильность этнофедераций зависит от характера взаимоотношений элит Федерального центра и субъектов Федерации, понимания ими ценности и выгоды федерализма, непрерывности конкурентного торга. При этом понятна зависимость региональных элит от федеральной власти. Однако фактором поддержания нормальных отношений между сторонами является также зависимость Центра от поддержки регионов. В этой зависимости можно выделить три составляющих. Во-первых, от региональных политических элит зависит эффективность и сама вероятность осуществления

решений, которые принимаются федеральной властью. Во-вторых, эти элиты непосредственно ответственны за обеспечение стабильности в регионах. Они первыми сталкиваются с выражением недовольства населения и протестными выступлениями. В-третьих, речь идет и об «услугах», оказываемых федеральной властью региональными элитами. Прежде всего, это обеспечение «нужных» центру результатов в ходе федеральных выборов. Однако отношения между элитами центра и регионов в федерациях основаны на так называемом «неполном контракте» (*incomplete contract*), поскольку у такого контракта отсутствуют механизмы гарантий его исполнения. Иначе говоря, не существует внешней силы, которая могла бы принудить стороны выполнять взятые на себя институциональные обязательства. Таким образом, в силу дистрибутивного характера институционального выбора, политические решения, принимаемые представителями большинства, то есть правящей федеральной элиты, смещают правила в выгодную для них плоскость [26, с. 62].

Как утверждает сербский политолог В. Вуячич, имея в виду опыт СССР и СФРЮ: «Жизнеспособность этнотерриториального федерализма зависела от стабильной способности государства перераспределения, поддерживать определенные уровни развития, осуществлять перекачку средств, финансировать национальные учреждения культуры и удовлетворять ожидания этнического среднего класса в смысле социальной мобильности» [5, с. 32]. Однако эксперты отмечают неадекватность и неэффективность «реакции» российского Центра на «вызовы», идущие из регионов. Методы, используемые Центром для контроля над регионами в современной России, во многом повторяют имперскую модель покупки лояльности региональных элит, что требует больших финансовых затрат [4, с. 134]. Но если в период роста цен на энергоресурсы был возможен механизм перераспределения средств для поддержки локальных агентов Центра, то в условиях экономической рецессии, сопровождающей период пандемии и низкого потребительского спроса на нефть на мировых рынках, подобные механизмы, вероятнее всего, окажутся чересчур дорогостоящими и, как следствие, неэффективными.

Политический опыт показывает, что эффективно руководить регионами из Центра просто невозможно, поэтому приходится делать ставку на региональные элиты и ужесточение контроля над ними. Однако в реальности правящие региональные элиты достаточно быстро становятся *de facto* автономными политическими субъектами, лишь формально выказывая лояльность центральной власти, что, в свою очередь, создает угрозу сохранению целостности страны. «Отсюда возникает парадокс фактической конфедерализации искусственно унитаризованного государства, в котором регионами управляют многочисленные локальные кланы и группы влияния, лишённые официального (конституционного) статуса», – отмечают либеральные критики режима [14, с. 138].

Ярким примером неформального перераспределения полномочий в пользу национального субъекта Федерации является Чечня, которая не требует пересмотра своего официального статуса, однако неуклонно наращивает объем своих исключительных полномочий: «Республика не выдвигает условий и не требует переговоров, но лишь использует удобные поводы для представления своей позиции не столько российскому или чеченскому обществам, сколько федеральному центру, являющемуся для нее единственным значимым партнером» [23, с. 64]. Одностороннее наращивание преференций и полномочий при молчаливом согласии Федерального центра исподволь подводит к изменению реального статуса данного региона.

Федеральный центр, ориентируясь на информацию, поступающую от фактически назначенных губернаторов, которые имеют мощную мотивацию ее приукрашивать, а также от неэффективного аппарата контролеров, вынужден реагировать на уже вызревшие и проявившиеся чрезвычайные ситуации, будь то массовые протесты или техногенные катастрофы, лишаясь возможности принимать упреждающие меры и в целом осуществлять эффективную региональную политику.

Альтернативой в российских условиях «является не классический федерализм американского типа и даже не более кооперативная, немецкая и австрийская версии, а асимметричная этническая федерация, в которой

значительное дотирование (национальных) меньшинств по-прежнему необходимо. Однако по сравнению с империей, в работающей этнической федерации поддержание территориальной целостности обходится большинству все же намного дешевле. В такой федерации прямая покупка лояльности этнических элит отчасти заменяется перераспределением прав и прерогатив» [4, с. 134].

Но в связи с этим возникает, по меньшей мере, два трудных вопроса.

Во-первых, большинство этнофедераций на современном этапе исследователи чаще всего характеризуют либо как существующие в условиях «перманентного кризиса» (Канада, Нигерия, Эфиопия), либо в состоянии перманентного же перехода (Россия, Испания). При этом первым предсказывают перспективу распада, вторым же, напротив, грозит откат к унитаризму. Таким образом, обе категории государств не могут рассматриваться в качестве нормативного идеала этнического федерализма, что, в свою очередь, вызывает серьезные сомнения в возможности существования подобного идеала [12, с. 186–187].

Во-вторых, модель этнического федерализма намного сложнее модели имперской и для ее реализации требуется опыт, склонность к поиску компромиссов и политическая эффективность. Задача этнической региональной автономии – поддерживать баланс во взаимоотношениях акторов разного уровня, снижать конфликтный потенциал их взаимодействия, укрепляя систему обоюдных связывающих обязательств (*credible commitments*) [3, с. 8–9]. Однако откуда возьмутся ответственные и мудрые элиты и эффективные управленцы, способные обеспечить «работающую этническую федерацию» в России? Так, в рейтинге, составленном на основе использования нового индекса качества элит (разработан исследователями швейцарского университета Санкт-Галлена и Московской школы управления «Сколково»), Россия заняла 23-е место (из 32). Одной из главных проблем для российских элит назван низкий уровень доверия между государством, гражданами и бизнесом [18].

Если в 1990-е гг. всенародно избранные президенты и элиты республик в составе РФ «сумели “приручить” и канализировать агрессию

сивный этнонационализм меньшинств, использовать его как ресурс в торге с федеральным центром за особый статус и экономические преференции, то сегодня, когда этот национализм глубоко пророс в ткань республиканских политических режимов, окреп интеллектуально и организационно, повторить это практически невозможно» [2, с. 315]. Фактически назначенные Центром главы исполнительной власти субъектов Федерации предпочитают встраиваться в «вертикаль власти» и подчиняться приказам, поступающим из Кремля, а не действовать в соответствии с интересами населения регионов, вряд ли справятся с этой сложной задачей. За последние три десятилетия, по утверждениям ряда экспертов, Россия совершила своего рода полный оборот, начиная с «парада суверенитетов» и широкой децентрализации конца 1980-х и начала 1990-х гг. до абсолютной централизации, вновь сталкиваясь с перспективой процессов децентрализации, с угрозой территориального распада государства [14, с. 138].

М. Фарушкин отмечает, что этнофедеративная система в принципе не предусматривает ни особых политических или экономических привилегий, ни дискриминации по этническому признаку [25, с. 149]. Однако, как отмечал еще сорок лет назад Б. Денич: «Чтобы успешно руководить многонациональным государством, во все времена требовалось, прежде всего, прибегать к ограничению или самоограничению доминантной этнической группы. Именно эта группа может стать угрозой для всего здания многоэтничности, если будет претендовать даже на те права, которыми уже располагают этнические меньшинства» [34, р. 318]. Именно на этом «добровольном самоограничении» этнического большинства строились не только советская и югославская, но и строится современная российская этнофедерация.

Результаты. Для обеспечения прав национальных меньшинств в этнофедерациях необходимо, прежде всего, найти решение ряда ключевых проблем. В первую очередь следует создать такие институциональные условия, действуя в рамках которых политические лидеры большинства будут заинтересованы в соблюдении интересов меньшинства. Далее должна развиваться политическая прак-

тика, при которой представители большинства не будут стремиться к изменению баланса как в свою пользу, так и в сторону большей унификации. Кроме того, меньшинство должно быть убеждено, что большинство волонтерски не изменит существующие правила. Осуществление этого комплекса задач представляется достаточно трудновыполнимым.

Для решения этих проблем, по мнению ряда исследователей, необходимо существование демократической конкурентной среды, в рамках которой доминируют политические партии, принявшие основные правила игры и заинтересованные в сохранении «асимметричного» федерализма [28; 30]. Однако в России сегодня нет таких политических партий. Все парламентские партии строятся на принципах «демократического централизма», все ключевые решения принимаются их руководством в Москве, а так называемая «партия власти» действует в условиях крайне слабой оппозиции, особенно в национальных республиках.

Очевидно, что межэтнические отношения следует выстраивать не исходя из некоей идеальной модели, а отталкиваясь от существующей этнополитической реальности и используя имеющийся потенциал уже существующих несовершенных институтов этнофедерации. Сравнительный анализ существующих на данный момент этнических федераций демонстрирует сугубую специфичность развивающихся в каждой из них процессов, связанных с особенностями их становления, исторических традиций, характера межэтнических отношений, конфликтного потенциала отдельных регионов. Речь идет о необходимости дифференцированного подхода к анализу и оценке соотношения федерализма и этничности и основанных на этом выводах, в каких случаях учет этнического фактора в структуре Федерации крайне необходим, а в каких случаях он способен сыграть разрушительную роль. При этом важен учет и других влияющих на него факторов: прежде всего, степень демократичности государства, уровень его экономического и социального развития (особенно его «этнических регионов»), этнический состав общества и характер исторически сложившихся межэтнических отношений и т. д.

Следует признать, что, в отличие от русского большинства, для значительной части

российских «национальностей» «роль институтов этнофедерализма в производстве и воспроизводстве этнической реальности столь же высока и значима, как и индивидуальное приписывание к этническим категориям (не случайно именно в национальных республиках в 1990-е гг. так активно протестовали против отмены пятой графы паспорта, фиксирующей «национальность» индивида). ...Созданные новыми институтами субъекты социальной деятельности (титульные этносы. – В. А., А. А.) уже с трудом мыслят самих себя в отрыве от этих институтов, а сами социальные институты и практики рассматривают, скорее, как неизменную природу, нежели как продукт усилий нескольких предшествовавших поколений» [20, с. 60–61, 75].

В связи с этим уже не раз сформулированные предложения по созданию равноправных в правовом и экономическом плане новых субъектов Федерации, развивающихся в едином темпе, и постепенная симметризация федеративной структуры [7, с. 92], или полный отказ от принципов федерализма (В.В. Жириновский) могут рассматриваться в качестве наименее вероятной для России перспективы. Можно согласиться с мнением В.А. Тишкова, что «ликвидацию или радикальную реформу российских республик практически невозможно осуществить. История северокавказских этнотерриториальных образований (и не только их. – В. А., А. А.) уже породила целую систему институтов второго уровня, которые существуют в сфере правовой и хозяйственной практики, образовательно-культурного производства, местного самосознания и патриотизма» [24, с. 9]. Поэтому необходима не радикальная смена институтов российского этнического федерализма, а совершенствование системы регионального управления в сторону ее большей представительности, демократизма, эффективности и прозрачности.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Данное исследование выполнено в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 20-011-31077 «Этнополитические конфликты в современном мире: постсоветский контекст» 2020 года.

This research was carried out within the framework of the grant of the Russian Foundation for Basic Research No. 20-011-31077 “Ethnopolitical conflicts in the modern world: the post-Soviet context” 2020.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ачкасов, В. А. Конфликтный потенциал этнофедерализма / В. А. Ачкасов // ПОЛИТЭК: Политическая экспертиза. – 2008. – Т. 4, № 2. – С. 27–43.
2. Ачкасов, В. А. Российская дилемма: империя или нация-государство / В. А. Ачкасов. – М. : Юрайт, 2019. – 373 с.
3. Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств / под ред. П. В. ПANOVA. – М. : РОССПЭН, 2017. – 213 с.
4. Бусыгина, И. Проблемы вынужденной федерализации / И. Бусыгина, М. Филлипов // Pro et Contra. – 2009. – Т. 13, № 3–4 (46), май – август. – С. 125–138.
5. Вуячич, В. Национализм, миф и государство в России и Сербии: Предпосылки распада СССР и Югославии / В. Вуячич. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. – 480 с.
6. Выступление президента РФ В.В. Путина на заседании Правительства РФ с участием глав региональных администраций, Москва, 13 сент. 2004 г. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/text/appears/2004/09/76651.html>. (дата обращения: 13.08.2020). – Загл. с экрана.
7. Доктрина регионального развития Российской Федерации : мини-проект / под ред. А. С. Малчинова. – М. : Научный эксперт, 2009. – 256 с.
8. Захаров, А. А. «Исполнительный федерализм» в современной России / А. А. Захаров // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 4. – С. 122–131.
9. Захаров, А. А. «Спящий институт»: Федерализм в современной России и в мире / А. А. Захаров. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 134 с.
10. Захаров, А. А. «Имперский синдром»: о восприятии федерализма представителями региональных элит. К новой модели российского федерализма / А. А. Захаров ; под общ. ред. А. Рябова, А. Захарова [и др.]. – М. : Весь мир, 2013. – С. 303–314.
11. Зубаревич, Н. Общество и элиты в российских регионах: изменения в постсоветский период. Четверть века после СССР: люди, общество, реформы / Н. Зубаревич ; под ред. Е. Б. Шестопал, А. Ю. Шутова [и др.]. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2015. – 464 с.
12. Ильченко, М. С. Федеративные механизмы в разрешении этнических конфликтов: переговорный процесс в рамках формальных правил / М. С. Ильченко // Политическая наука. – 2011. – № 1. – С. 170–190.

13. Конституционно-правовые проблемы развития российского федерализма / под ред. Л. А. Иванченко. – М. : Изд. Гос. Думы, 2000. – 191 с.
14. Лукьянова, Е. Авторитаризм и демократия / Е. Лукьянова, И. Шаблинский. – М. : Мысль, 2018. – 348 с.
15. Миронюк, М. Г. Современный федерализм: Сравнительный анализ / М. Г. Миронюк. – М. : РОССПЭН, 2008. – 279 с.
16. Осипов, А. Эссенциалистские представления об этничности в системах преподавания правовых специальностей. Расизм в языке образования / А. Осипов ; под ред. В. Воронкова, О. Карпенко [и др.]. – СПб. : Алетей, 2008. – С. 140–167.
17. Петров, Н. В. Федерализм по-русски / Н. В. Петров // Pro et Contra. – 2000. – Т. 5, № 1. – С. 7–33.
18. Россия заняла 23-е место в новом рейтинге качества элит. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/economics/news/2020/09/03/838665-rossiya-zanyala-23-e-mesto?utm_source=yhnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 5.08.2020). – Загл. с экрана.
19. Сидоренко, А. В. Федерализм в мультиэтническом обществе: проблемы и перспективы / А. В. Сидоренко. – СПб. : Изд-во РГПУ им А.И. Герцена, 2008. – 236 с.
20. Соколовский, С. В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации / С. В. Соколовский. – М. : Привет, 2004. – 257 с.
21. Стародубцев, А. «Прыжок вниз»: научные дискуссии и политическая практика децентрализации. Пути модернизации: траектории, развилки и тупики : сб. ст. / А. Стародубцев ; под ред. В. Гельмана, О. Маргания. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2010. – С. 89–110.
22. Стародубцев, А. Бесплезное достижение? Губернаторские выборы в контексте проблем регионального развития / А. Стародубцев // Неприкосновенный запас. – 2012. – № 4. – С. 82–90.
23. Стародубцев, А. Пересмотр федеративного контракта в России: случай Чеченской Республики / А. Стародубцев // Неприкосновенный запас. – 2017. – № 1. – С. 59–67.
24. Тишков, В. А. Введение / В. А. Тишков // Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе / М. А. Аствацатурова, В. А. Тишков, Л. Л. Хоперская. – М. : ФГНУ «Росинформротех», 2010. – С. 4–9.
25. Фарукшин, М. Х. Этничность и федерализм / М. Х. Фарукшин. – Казань : Центр инновационных технологий, 2013. – 348 с.
26. Филиппов, М. Федерализм, демократия и проблема «добросовестных обязательств» в отношении этнических меньшинств / М. Филиппов // Федерализм и этническое разнообразие в России : сб. ст. / под ред. И. Бусыгиной, А. Хайнеманн-Грюдера. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 60–79.
27. Шабаев, Ю. П. Исторические корни современного финно-угорского паннационализма / Ю. П. Шабаев // Вопросы этнополитики. – 2018. – № 1 (1). – С. 38–54.
28. Aghion, Ph. Incomplete Social Contract / Ph. Aghion, P. Bolton // Journal of the European Economic Association. – 2003. – № 1. – P. 38–67.
29. Basta, K. The State as a Symbol or a Means to an End: Internal Border Changes in Multinational Federations / K. Basta // Nations and Nationalism. – 2014. – Vol. 20, № 3. – P. 459–480. – DOI: <https://doi.org/10.1111/nana.12050>.
30. Bednar, J. The Robust Federation: Principles of Design / J. Bednar. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 242 p.
31. Bunce, V. Subversive Institutions: The Design and Destruction of Socialism and the State / V. Bunce. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – P. 77–102.
32. Burgess, M. Comparative Federalism: Theory and practice / M. Burgess. – New York : Routledge, 2006. – 357 p.
33. Caron, J.-F. Canada and Multinational Federalism: From the Spirit of 1982 to Stephen Harper's Open Federalism / J.-F. Caron, G. Laforest // Nationalism and Ethnic Politics. – 2009. – Vol. 15, № 1. – P. 27–55.
34. Denitch, B. Dilemma of the Dominant Ethnic Group / B. Denitch // Ethnic Russia in the USSR: The Dilemma of Dominance / ed. by E. Alworth. – New York : Pergamon Press, 1980. – P. 315–325.
35. Erk, J. The Paradox of Federalism: Does Self-Rule Accommodate or Exacerbate Ethnic Divisions? / J. Erk, L. Anderson. – London ; New York : Routledge, 2010. – 140 p.
36. Federalism: Choices in Law, Institutions and Policy: A Comparative Approach with Focus on the Russian Federation / ed. by K. Malffiet. – Leuven (Belgium) : Garant Publishers, 1998. – 230 p.
37. Hale, H. E. Divided We Stand. Institutional Sources of Ethnofederal States Survival and Collapse / H. E. Hale // World Politics. – 2004. – Vol. 56, № 2. – P. 165–193. – DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.2004.0011>.
38. Kymlika, W. Federalism, Nationalism and Multiculturalism in Theories of Federalism: A Reader / W. Kymlika ; ed. by D. Karmis, W. Norman. – N. Y. : Palgrave Macmillan, 2005. – P. 269–292.
39. McGarry, J. Can Federalism Help to Manage Ethnic and National Diversity? / J. McGarry // Federations. – 2005. – Vol. 5, № A-1. – P. 15–17. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.forumfed.org/libdocs/Federations/V5N1SEenint-McGarry.pdf> (date of access: 15.08.2020). – Title from screen.

40. McGarry, J. Federation as a Method of Ethnic Conflict Regulation / J. McGarry, B. O'Leary. – Electronic text data. – Mode of access: www.forumfed.org (date of access: 16.08.2020). – Title from screen.

41. Stoner-Weiss, K. Resistance to the Central State on the Periphery. The State After Communism / K. Stoner-Weiss ; ed. by T. Colton and St. Holmes. – New York : Rowman & Littlefield, 2006. – P. 86–98.

42. Van Ginderachter, M. Denied ethnicism: on the Walloon movement in Belgium / M. Van Ginderachter, J. Leerssen // Nations and Nationalism. – 2012. – Vol. 18, № 2. – P. 228–241.

REFERENCES

1. Achkasov V.A. Konfliktnyj potencial jetnofederalizma [The Conflict Potential of Ethnic Federalism]. *POLITJeKS: Politicheskaja jekspertiza* [Political expertise: POLITEX], 2008, vol. 4, no. 2, pp. 27–43.

2. Achkasov V.A. *Rossijskaya dilemma: imperiya ili naciya-gosudarstvo* [Russian Dilemma: Empire or Nation State]. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 373 p.

3. Panov P.V., ed. *Balansiruja pritzazaniya: jetnicheskie regionalnye avtonomii, celostnost gosudarstva i prava jetniceskih menshinstv* [Balancing Claims: Ethnic Regional Autonomies, State Integrity, and the Rights of Ethnic Minorities]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2017. 213 p.

4. Busygina I., Filippov M. Problemy vynuždennoj federalizacii [Problems of Forced Federalization]. *Pro et Contra*, 2009, vol. 13, no. 3–4 (46), May–August, pp. 125–138.

5. Vujachich V. *Nacionalizm, mifi gosudarstvo v Rossii i Serbii: Predposylki raspada SSSR i Jugoslavii* [Nationalism, Myth and State in Russia and Serbia: Preconditions for the Collapse of the USSR and Yugoslavia]. Saint Petersburg, Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019. 480 p.

6. *Vystuplenie prezidenta RF V.V. Putina na zasedanii Pravitelstva RF s uchastiem glav regionalnyh administracij* [Speech by Russian President Vladimir Putin at a Meeting of the Russian Government with the Participation of the Heads of Regional Administrations]. Moscow, September 13, 2004. URL: <http://kremlin.ru/text/appears/2004/09/76651.html> (accessed 15 August 2020).

7. Malchinova A.S., ed. *Doktrina regionalnogo razvitiya Rossijskoj Federacii: mini-proekt* [Regional Development Doctrine of the Russian Federation: Mini Project]. Moscow, Nauchnyj jekspert Publ., 2009. 256 p.

8. Zaharov A.A. «Ispolnitelnyj federalizm» v sovremennoj Rossii [“Executive Federalism” in Contemporary Russia]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies]. 2011, no. 4, pp. 122–131.

9. Zaharov A.A. «*Spjashhij institut*»: *Federalizm v sovremennoj Rossii i v mire* [The Sleeping Institute: Federalism in Contemporary Russia and the World]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 134 p.

10. Zaharov A.A., Rjabov A. ed. «*Imperskij sindrom*»: *o vosprijatii federalizma predstaviteljami regionalnyh elit. K novoj modeli rossijskogo federalizma* [“Imperial Syndrome”: How Federalism is Perceived by Representatives of the Russian Regional Elites. Toward a New Model of Russian Federalism]. Moscow, Ves mir Publ., 2013, pp. 303–314.

11. Zubarevich N., Shestopal E.B., Shutova A.Ju. eds. *Obshhestvo i jelity v rossijskikh regionah: izmenenija v postsovetskij period. Četvert veka posle SSSR: ljudi, obshhestvo, reformy* [Society and Elites in Russian Regions: Changes in the Post-Soviet Period. A Quarter of a Century after the USSR: People, Society, Reforms]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2015. 464 p.

12. Ilchenko M.S. Federativnye mehanizmy v razreshenii jetniceskih konfliktov: peregovornyj process v ramkah formalnyh pravil [Federative Mechanisms in the Resolution of Ethnic Conflicts: The Negotiation Process Within the Framework of Formal Rules]. *Politicheskaja nauka* [Political Science], 2011, no. 1, pp. 170–190.

13. Ivanchenko L.A., ed. *Konstitucionno-pravovye problemy razvitiya rossijskogo federalizma* [Constitutional and Legal Problems of the Russian Federalism Development]. Moscow, Izdanie Gosudarstvennoj Dumy, 2000. 191 p.

14. Lukjanova E., Shablinskij I. *Avtoritarizm i demokratija* [Authoritarianism and Democracy]. Moscow, Mysl Publ., 2018. 348 p.

15. Mironjuk M.G. *Sovremennyj federalizm: Sravnitelnyj analiz* [Modern Federalism: A Comparative Analysis]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 279 p.

16. Osipov A., Voronkov V., Karpenko O., eds. *Jessencialistskie predstavlenija ob jetnichnosti v sistemah prepodavaniya pravovyh specialnostej. Rasizm v jazyke obrazovanija* [Essentialist Ideas About Ethnicity in the Systems of Teaching Legal Specialties. Racism in the Language of Education]. Saint Petersburg, Aletheia Publ., 2008, pp. 140–167.

17. Petrov N.V. Federalizm po-rossijski [Federalism a La Russe]. *Pro et Contra*, 2000, vol. 5, no. 1, pp. 7–33.

18. *Rossija zanyala 23-e mesto v novom rejtinge kachestva elit* [Russia Took 23rd Place in the New Rating of the Quality of Elites]. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/news/2020/09/03/838665-rossiya-zanyala-23-e-mesto?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed 5 August 2020).

19. Sidorenko A.V. *Federalizm v multijetnicheskom obshchestve: problemy i perspektivy* [Federalism in a Multi-Ethnic Society: Problems and Prospects]. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU im A.I. Gercena, 2008. 236 p.
20. Sokolovskij S.V. *Perspektivy razvitiya koncepcii jetnonacionalnoj politiki v Rossijskoj Federacii* [Prospects for the Development of the Concept of Ethno-National Policy in the Russian Federation]. Moscow, Privet Publ., 2004. 257 p.
21. Starodubcev A., Gelman V., Marganija O., eds. *«Pryzhok vniz»: nauchnye diskussii i politicheskaja praktika decentralizacii. Puti modernizacii: traektorii, razvilki i tupiki: sb. st.* [“Leap Down”: Scholarly Debate and Policy Practice for Decentralization. Modernization Paths: Trajectories, Forks and Dead Ends. Collection of Articles]. Saint Petersburg, Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2010, pp. 89-110.
22. Starodubcev A. *Bespoleznoe dostizhenie? Gubernatorskie vybory v kontekste problem regionalnogo razvitiya* [Useless Achievement? Governor Elections in the Context of Regional Development Problems]. *Neprikosnovennyj zapas*, 2012, no. 4, pp. 82-90.
23. Starodubcev A. *Peresmotr federativnogo kontrakta v Rossii: sluchaj Chechenskoj Respubliki* [Revision of the Federal Contract in Russia: The Case of the Chechen Republic]. *Neprikosnovennyj zapas*, 2017, no. 1, pp. 59-67.
24. Tishkov V.A., Astvatsaturova M. A., Khoperskaya L. L. *Konfliktologicheskie modeli i monitoring konfliktov v Severo-Kavkazskom regione* [Conflict Models and Conflicts Monitoring in the North Caucasus Region]. Moscow, FGNU «Rosinformagroteh», 2010, pp. 4-9.
25. Farukshin M.H. *Jetnichnost i federalizm* [Ethnicity and Federalism]. Kazan, Centr innovacionnyh tehnologij, 2013. 348 p.
26. Filippov M., Busygina I., Hajnemann-Grjuder A., eds. *Federalizm, demokratija i problema «dobrosovestnyh objazatelstv» v otnoshenii jetnicheskikh menshinstv. Federalizm i jetnicheskoe raznoobrazie v Rossii* [Federalism, Democracy and the Problem of “Good Faith Commitment” to Ethnic Minorities. Federalism and Ethnic Diversity in Russia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, pp. 60-79.
27. Shabaev Ju.P. *Istoricheskie korni sovremennogo finno-ugorskogo pannacionalizma* [Historical Roots of Modern Finno-Ugric Pannationalism]. *Voprosy jetnopolitiki* [Issues of ethnopolitics], 2018, no. 1 (1), pp. 38-54.
28. Aghion Ph., Bolton P. *Incomplete Social Contract*. *Journal of the European Economic Association*, 2003, no. 1, pp. 38-67.
29. Basta K. *The State as a Symbol or a Means to an End: Internal Border Changes in Multinational Federations*. *Nations and Nationalism*, 2014, vol. 20, no. 3, pp. 459-480. DOI: <https://doi.org/10.1111/nana.12050>.
30. Bednar J. *The Robust Federation: Principles of Design*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 242 p.
31. Bunce V. *Subversive Institutions: The Design and Destruction of Socialism and the State*. Cambridge, Cambridge University Press, 1999, pp. 77-102.
32. Burgess M. *Comparative Federalism: Theory and Practice*. New York, Routledge, 2006. 357 p.
33. Caron J.-F., Laforest G. *Canada and Multinational Federalism: From the Spirit of 1982 to Stephen Harpers Open Federalism*. *Nationalism and Ethnic Politics*, 2009, vol. 15, no. 1, pp. 47-64.
34. Denitch B. *Dilemma of the Dominant Ethnic Group*. Alworth E., ed. *Ethnic Russia in the USSR: The Dilemma of Dominance*. New York, Pergamon Press, 1980, pp. 315-325.
35. Erk J., Anderson L. *The Paradox of Federalism: Does Self-Rule Accommodate or Exacerbate Ethnic Divisions?* London; New York, Routledge, 2010. 140 p.
36. Malfliet K., ed. *Federalism: Choices in Law, Institutions and Policy: A Comparative Approach with Focus on the Russian Federation*. Leuven, Garant Publishers, 1998. 230 p.
37. Hale H.E. *Divided We Stand. Institutional Sources of Ethnofederal States Survival and Collapse*. *World Politics*, 2004, vol. 56, no. 2, pp. 165-193. DOI: <https://doi.org/10.1353/wp.2004.0011>.
38. Kymlika W., Karmis D., Norman W., eds. *Federalism, Nationalism and Multiculturalism. Theories of Federalism: A Reader*. New York, Palgrave Macmillan, 2005, pp. 269-292.
39. McGarry J. *Can Federalism Help to Manage Ethnic and National Diversity?* *Federations*, 2005, vol. 5, no. A-1, pp. 15-17. URL: <http://www.forumfed.org/libdocs/Federations/V5N1SEen-int-McGarry.pdf> (accessed 15 August 2020).
40. McGarry J., OLeary B. *Federation as a Method of Ethnic Conflict Regulation*. URL: www.forumfed.org (accessed 16 August 2020).
41. Stoner-Weiss K., Colton T., Holmes St., eds. *Resistance to the Central State on the Periphery. The State After Communism*. New York, Rowman & Littlefield, 2006, pp. 86-98.
42. Van Ginderachter M., Leerssen J. *Denied Ethnicism: On the Walloon Movement in Belgium*. *Nations and Nationalism*, 2012, vol. 18, no. 2, pp. 228-241.

Information About the Authors

Valery A. Achkasov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Head of the Department of Ethnic Politics, Saint Petersburg State University, Universitetskaya emb., 7/9, 196034 Saint Petersburg, Russian Federation, v.achkasov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9404-6100>

Anna I. Abalian, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Ethnic Politics, Saint Petersburg State University, Universitetskaya emb., 7/9, 196034 Saint Petersburg, Russian Federation, a.abalyan@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5171-2361>

Информация об авторах

Валерий Алексеевич Ачкасов, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой этнополитологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, 7/9, 196034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, v.achkasov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9404-6100>

Анна Игоревна Абалян, кандидат политических наук, доцент кафедры этнополитологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, 7/9, 196034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, a.abalyan@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5171-2361>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.19>

UDC 94(470)

LBC 63.3(2)64-3

Submitted: 31.08.2020

Accepted: 22.01.2021

THE IDEA OF THE URAL REPUBLIC DURING THE STATE TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN FEDERATION¹

Igor V. Osipov

Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. The phenomenon of the Ural Republic in the context of the Russian Federation federal model of state structure formation in 1993 is studied. The process of the Russian federalism model development at this stage was complicated by a whole complex of problems and contradictions. The movement of the regional authorities in the Sverdlovsk region to create the Ural Republic in the context of the Russian post-Soviet model of the Federal structure is considered. **Methods and materials.** The archival materials of the Presidential Executive Office of Russia and state authorities of the Sverdlovsk region are the key sources of the research. The main group of materials for the article preparation consists of analytical notes reflecting the views of the current authorities on the nature of the state-territorial structure and fixing the expert and analytical view of the higher state authorities on the developing processes dynamics and the risks associated with them. **Analysis.** The process of the Ural Republic creation consisting of several stages is analyzed: forming an idea and holding a regional survey on equalizing the powers of the region with the republics; an attempt to offer its views on the federal structure at the Constitutional Assembly and to implement its achievements into the draft Constitution of the Russian Federation; the announcement of the Ural Republic creation by the leadership of the Sverdlovsk region, the establishment and protection of its position; abolition of the Ural Republic. **Results.** The Ural Republic phenomenon had some influence on the constitutional project development, but its elimination prevented not only the risks of so-called regional separatism, but also a potentially large state transformation, which consisted in the emergence of more independent regions, the formation of a new regional policy.

Key words: constitutional process, regional policy, the Russian Federation, the Ural Republic, federalism.

Citation. Osipov I.V. The Idea of the Ural Republic During the State Transformation of the Russian Federation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 217-226. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.19>

УДК 94(470)

ББК 63.3(2)64-3

Дата поступления статьи: 31.08.2020

Дата принятия статьи: 22.01.2021

ИДЕЯ УРАЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ПЕРИОД ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Игорь Вячеславович Осипов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Исследуется феномен Уральской Республики в контексте формирования федеративной модели государственного устройства Российской Федерации в 1993 году. Процесс выработки российской модели федерализма на данном этапе осложнялся целым комплексом проблем и противоречий. **Методы и материалы.** Исследование проводится с применением историко-генетического метода и обращением к широкому кругу источников для воссоздания картины происходивших процессов. На основании анализа архивных материалов Администрации Президента Российской Федерации оценивается позиция федерального центра к провозглашению Уральской Республики. **Анализ.** Рассматривается процесс создания Уральской Республики, включавший несколько стадий: формирование идеи и проведение регионального опроса об уравнивании полномочий области с республиками; попытка предложить свои взгляды на федеративное устройство на Конституционном совещании и внедрить свои наработки в проект Конституции Рос-

сийской Федерации; объявление руководством Свердловской области о создании Уральской Республики, обоснование и защита своей позиции; принятие Конституции Уральской Республики и очередная попытка повлиять на заключительном этапе разработки проекта Конституции Российской Федерации на будущую модель федеративного устройства; упразднение Уральской Республики. Региональный фактор играл существенную роль в государственной и политической трансформации России, при этом оценки этого фактора со стороны представителей федеральных органов власти были отрицательными на протяжении всего процесса создания Уральской Республики. *Результаты.* В заключении автор исследования приходит к выводу о том, что, несмотря на признание всех решений по созданию Уральской Республики юридически недействительными, данный феномен оказал некоторое влияние на разработку конституционного проекта, однако ликвидация Уральской Республики в форме, выбранной Администрацией Президента Российской Федерации, пресекла не только риски так называемого провинциального сепаратизма, но и потенциально иную государственную трансформацию, заключающуюся в появлении более самостоятельных субъектов, становлении новой региональной политики.

Ключевые слова: конституционный процесс, региональная политика, Российская Федерация, Уральская Республика, федерализм.

Цитирование. Осипов И. В. Идея Уральской Республики в период государственной трансформации Российской Федерации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 217–226. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.19>

Введение. После распада Советского Союза действующая власть РСФСР осталась наедине с проблемами, возникшими в самых разных сферах. Одним из системных вопросов прежнего периода, угрожающих государственной целостности, оставался вопрос федеративного устройства, при разрешении которого было необходимо выстраивать административно-территориальную модель, преодолевать асимметрию субъектов и осуществлять децентрализацию. Подписание Федеративного договора в 1992 г. не разрешило накопившиеся противоречия, поскольку, во-первых, субъекты оказались разделены на три категории с разным набором полномочий; во-вторых, в тяжелых социально-экономических условиях крайне медленно осуществлялась разработка специального законодательства, регламентирующего разграничение предметов ведения и реализацию полномочий органов власти федерального и регионального уровней.

В этих условиях в Свердловской области зародилось движение по созданию Уральской Республики, одной из целей которого являлось изменение принципиальных основ федеративной модели и государственно-территориального устройства Российской Федерации. В 1993 г. шаги по повышению своего конституционно-правового статуса сделали в ряде других областей (и даже в городе федерального значения Санкт-Петербург), но ни один из субъек-

тов не продвинулся столь далеко по пути реализации своих намерений.

Вопросы федеративного устройства и региональной политики актуальны и на современном этапе. В этой связи представляется целесообразным обращение к событиям недавнего прошлого, имеющим ключевое значение в формировании государственных основ Российской Федерации.

Методы и материалы. Изучением данного периода занимаются представители различных научных дисциплин: политологи, конституционалисты, историки, социологи и др. Непосредственно процессу создания Уральской Республики посвящено небольшое количество научных работ [9; 11; 12; 26; 28; 33]. В рамках настоящего исследования проводится рассмотрение процесса развития инициативы властей Свердловской области по уравниванию конституционно-правового статуса с сопоставлением позиции Администрации Президента Российской Федерации по поводу данной тенденции в регионах России.

Исследование опирается на анализ широкого круга источников: аналитические материалы Администрации Президента Российской Федерации; материалы региональной и федеральной периодической печати, в которых публиковались позиции руководителей Свердловской области, взгляды политиков и государственных деятелей федерального уровня, официальные документы по повышению ста-

туса области до республиканского уровня. Исследование проводится с применением историко-генетического метода и обращением к архивным материалам для воссоздания происходивших процессов.

Анализ. Ключевым направлением государственной трансформации в 1993 г. стала разработка проекта Конституции Российской Федерации, одним из узловых вопросов которой являлось государственно-территориальное устройство. Аналитики Государственно-правового управления Администрации Президента выделяли четыре модели, разработанные в ходе общественно-политических дискуссий. Исключительность положения состояла в том, что при выборе любого из вариантов требовалось соблюдение следующих условий:

– обеспечение равенства политических прав и объема полномочий русских и нерусских образований (кроме форм включения в федерацию и прав на национальный язык);

– перераспределение полномочий и законодательных прав от центра к регионам с обязательным приоритетом федерального законодательства в тех сферах, которые совместно регулировались федеральными и региональными властями;

– возможное создание национальных парламентов для народов, не имеющих своей государственности [4, л. 4–6].

Проблема федеративного устройства обострилась в связи с противоборством между Верховным Советом и Президентом Российской Федерации, которое отражалось на усилении национального и регионального сепаратизма. В Государственно-правовом управлении сепаратизм воспринимался как «опасный катализатор для разрушения российской государственности по образцу СССР, но в новой модификации. Роль союзных республик играют бывшие автономии, а этнических меньшинств – русские, которых подавляющее большинство» [4, л. 10].

В Центре оперативной информации Администрации Президента сделали попытку отыскать решение проблемы территориального устройства на материале российской истории. Однако отечественная история, по их мнению, не предоставляла «прецедентов разграничения полномочий центра и регионов»: «Даже самый беглый взгляд на российскую

историю убеждает, что административно-государственное устройство страны всегда было выражено в крайне централизаторских тенденциях» [3, л. 36].

Не найдя положительных примеров разграничения полномочий в российской истории, аналитики Администрации Президента обратились к мировому опыту. Ими было выделено то, что в составе федеративных государств практически не бывает других суверенных государств; субъекты обладают большой самостоятельностью, но при этом они «озабочены не утверждением деклараций, призванных демонстрировать их “преимущество” перед остальным миром, а стремлением обеспечить целостность государства представлением каждому из субъектов Федерации полноты прав и возможностей, необходимых для самостоятельного решения вопросов собственного развития, согласуясь с общими интересами союзного государства в целом» [3, л. 37].

Авторы аналитической справки, подводя итог, отметили, что российские субъекты и сам центр «еще проходят путь, пройденный цивилизованным миром и демократией Запада. Научила ли их российская история и мировой опыт золотому правилу “не распылять власть только ради децентрализации и не концентрировать ее только ради централизации, а определять для нее тот уровень, на котором она будет наиболее действенной и полезной для управления?”» [3, л. 38].

Таким образом, в 1993 г. поиск модели федеративного устройства продолжался уже несколько лет, и оптимального варианта найдено не было. Вместе с тем активизировались регионы с инициативами по расширению своих прав и полномочий, получению большей самостоятельности. Внутри президентской команды такие предложения воспринимались как определенные угрозы для государственности.

В 1993 г. Свердловский областной Совет народных депутатов, тщетно пытаясь прежде заключить отдельное соглашение с федеральным центром по поводу механизма реализации совместной и исключительной компетенции, представил программу «нового федерализма», в рамках которой региональная политика «должна быть преимущественно

собственной политикой регионов, а не политикой Центра по отношению к ним». Строительство федеративного государства было предложено вести на следующих принципиальных основах:

- четкое разделение компетенции федерации и ее субъектов, определение совместной компетенции и исключительной компетенции субъекта;

- равенство федерации и субъектов в федеративном процессе;

- равноправие федерации и ее субъектов по отношению к «наследству» унитарного государства с проведением передачи регионам прав, собственности и ресурсов договорным путем;

- приоритет субъектов в исполнении федеральных функций на своей территории над ведомствами федерального подчинения;

- достаточность полномочий субъектов для выбора и реализации своего особого пути в проведении общероссийских реформ [27, с. 7].

Не получив удовлетворительной реакции на свои инициативы, власти Свердловской области перешли к более решительным действиям. В день проведения Всероссийского референдума 25 апреля 1993 г. в Свердловской области был инициирован опрос жителей по следующему вопросу: «Согласны ли Вы с тем, что Свердловская область по своим полномочиям должна быть равноправна с республиками в составе Российской Федерации?» [24, л. 77].

В региональной прессе было проведено широкое освещение и объяснение важности голосования по дополнительному вопросу. Сообщалось, что область лишь формально является субъектом РФ, реальных возможностей улучшить свою жизнь не получила, подписав Федеративный договор. «Если права не дают, будем их отвоевывать», – заявлялось в публикации [23].

Итоги опроса были следующими: в голосовании приняли участие 2 314 993 чел. (66,99 %); среди них 83,36 % граждан высказались за равные полномочия области с республиками [5]. Свердловские власти получили весомый аргумент для дальнейшей деятельности по развитию статуса области [20, л. 3; 21]. На Конституционное совещание, которое было открыто 5 июня, делегация Свердловской области отправилась со

своими предложениями по проекту Конституции, в том числе в отношении федеративного устройства [21].

Во время пленарного заседания Конституционного совещания глава администрации Свердловской области Э.Э. Россель напомнил об историческом опыте деления государства на губернии, а также отметил: «...Несомненно поддерживается всеми главами администраций... то, что должен быть единый принцип равенства губерний и республик: экономического, правового и политического. Здесь абсолютно 100 % глав администраций, все руководители поддерживают этот вопрос» [18].

Конечно, никакой стопроцентной поддержки у такого положения не было, поскольку руководители республик выступали против. Спустя несколько дней свердловские власти выступили с резкой оценкой хода Конституционного совещания. Позже председатель Свердловского областного Совета народных депутатов А.В. Гребенкин заявил о том, что приведенные доводы в пользу территориального деления федерации на Конституционном совещании не были услышаны: «Представители республик выступили категорически против такой постановки вопроса, а разработчики новой Конституции, увы, пошли у них на поводу». По его же признанию, именно «типовая ситуация на Конституционном совещании» по вопросу федеративного устройства «приблизила развязку – была провозглашена Уральская Республика» [32].

1 июля Свердловский областной Совет народных депутатов объявил Свердловскую область «республикой в составе Российской Федерации (Уральская Республика)» [25, л. 83]. Создание Уральской Республики, согласно принятой Декларации, преследовало цель укрепления целостности Российской Федерации и служило «усилению общероссийской государственности на основе реализации принципов федерализма, приемлемых для всех субъектов Российской Федерации». Основными субъектами Федерации «должны были стать республики в составе Российской Федерации» [6, л. 84–85].

Власти Свердловской области предприняли ряд мер для оформления нового конституционно-правового статуса субъекта [17, л. 93–97].

Одним из ключевых направлений деятельности стала работа по формированию общественного мнения, донесению своей позиции до сторонников идеи Уральской Республики. С этой целью были подготовлены информационно-аналитические материалы, а руководство области регулярно выступало публично.

В одном из таких материалов были изложены политические, экономические, правовые, исторические и природно-географические основания повышения статуса области [8, с. 121–124]. В число политических оснований были включены следующие: проблема территориально-государственного устройства, порождающая неравноправие граждан; обострение национального вопроса и угроза целостности единому государству; противоречивость новой российской государственности и старой формы отношений центра и регионов.

Схожая аргументация была представлена в другом материале, автор которого заявлял о необходимости отказа от национального компонента в государственном устройстве, поскольку «искусственная федерализация, в основу которой положен этнический фактор, означает дезинтеграцию и расчленение России как органического единства ее народов» [1, л. 2]. В качестве варианта решения проблемы государственно-территориального устройства предлагалось использовать территориальный принцип с историческим делением на губернии [1, л. 8–9; 15].

Позиции, сформулированные в справочных материалах, публично отстаивались региональными властями. Директор департамента главы администрации Свердловской области А.П. Воробьев в интервью местной газете назвал решение областного Совета народным актом, направленным «против “суверенизации” регионов России и против ее государственного устройства по национальному признаку». По мнению Воробьева, не существует федераций с неравноправными субъектами, поэтому решение о создании Уральской Республики открыло путь к выравниванию статуса краев и областей по отношению к республикам и создало условия для устойчивой федерации, основанной на равенстве ее субъектов [22].

Глава администрации Свердловской области Э.Э. Россель подчеркивал, что Ураль-

ская Республика не затрагивает государственный суверенитет, верховенство российских законов является обязательным для региона: «Речь идет об экономической, законотворческой и политической самостоятельности» [32]. Россель описывал структуру взаимоотношений между субъектом и федеральным центром следующим образом: «Центр устанавливает нам определенный заказ. Можно его назвать государственным. Его мы обязательно выполняем. Все, что сделано сверх госзаказа, остается на территории. То же самое и с отчислением налогов. Мы будем участвовать в финансировании всех общероссийских программ... Бесспорно, станем оказывать финансовую помощь и тем областям или республикам России, которые будут пока еще нуждаться в дотациях. Но помощь эта будет оказываться на договорной основе. Дотационная область или республика сама определит размеры и сроки нашего финансирования, а также предложит варианты расчета с нами» [32].

После провозглашения Уральской Республики в Государственно-правовом управлении Администрации Президента был подготовлен аналитический материал, посвященный анализу произошедшего и проявлению схожих тенденций в других субъектах Федерации. В материале было отмечено, что смысл подобных событий заключался не только в переименовании, но в принципиальном изменении формулы взаимоотношений с центром. Аналитики предположили дальнейшую трансформацию государственного устройства через получение субъектами собственной конституции, законодательного органа, правительства и судебной власти. При реализации такого варианта прогнозировалось то, что уже федеральному центру будут переданы только те полномочия, которые сами субъекты «посчитают необходимыми для сохранения единого государства» [2, л. 2]. Данная перспектива была оценена как «непосредственная угроза центральной власти, которая в перспективе (если регионы получают желаемые полномочия) не только может оказаться лишенной своего прежнего положения, но и, видимо, будет заменена координирующими органами, то есть сформирована снизу» [2, л. 9].

Отметим, что на протяжении 1993 г. со стороны Президента не предлагалось конкрет-

ного варианта решения проблемы государственно-территориального устройства и фактически была выбрана тактика политического «лабиринта» в целях получения поддержки со стороны регионов в конфликте с Верховным Советом. Президентской стороне было необходимо не обострять ситуацию с национальными республиками, сохраняя положение о суверенитете республик и текст Федеративного Договора в проекте Конституции, а также не предпринимать решительных мер в отношении деятельности областей и краев по повышению своих статусов.

Такая тактика сохранялась до силового разрешения конфликта с Верховным Советом. После этого, оставшись фактически единственным и полновластным федеральным актором, президентская сторона приступила к решительному разрешению вопросов по федеративному устройству.

В попытке предупредить действия федерального центра в спешном порядке была завершена работа по подготовке Конституции Уральской Республики, и 27 октября Свердловский областной Совет принял предложенный проект [7, л. 91]. В принятой Конституции было провозглашено, что «Уральская Республика обладает всеми правами, установленными Конституцией и законами Российской Федерации для республик в составе Российской Федерации, за исключением прав, которые Уральская Республика добровольно на себя не распространяет либо передает федеральным органам государственной власти в соответствии с настоящей Конституцией» (п. 2 ст. 15).

Конституция Уральской Республики не предполагала регионального суверенитета и распространяла на свою территорию государственный суверенитет Российской Федерации. Система государственной власти была разделена на законодательную, исполнительную и судебную ветви, представленные следующими органами: Законодательное собрание Уральской Республики (состоящее из двух палат – Республиканская дума и Палата представителей), губернатор Уральской Республики, правительство Уральской Республики, суды Уральской Республики [10, л. 18].

В октябре 1993 г. свердловские власти неоднократно обращались в Администрацию Президента с просьбой оказать содействие

процессу преобразования области в республику [19, л. 68]. Однако сперва помощник Президента Ю.М. Батулин выразил сомнение в том, что образование Уральской Республики укрепит Россию, отметив, что в условиях коренного реформирования системы власти резкие изменения «в территориальном устройстве могут сделать процесс реформирования неуправляемым, неконтролируемым» [14, л. 72–73]. Также руководитель Администрации Президента С.А. Филатов, возглавлявший рабочую группу Конституционного совещания по доработке проекта Конституции, в ответ на обращение руководства Свердловской области о включении Уральской Республики в список республик отметил, что подобная просьба не может быть поддержана, поскольку ни Конституционное совещание, ни сам Президент таким правом не обладают, а также нет механизма изменения статуса субъекта [16, л. 92]. Филатов посоветовал «набраться терпения до принятия новой Конституции и федерального конституционного закона, регулирующего изменение конституционно-правового статуса субъекта РФ».

С критикой действий свердловских властей выступил и начальник Управления по работе с территориями Администрации Президента РФ Н.П. Медведев, отметив, что с правовой точки зрения решение областного Совета несостоятельно, поскольку Совет не обладает полномочиями на подобные действия, и такие решения не были возможны ни в рамках действующей на тот момент Конституции, ни в рамках новой. Примечательно, что в качестве рамок, в которых могут действовать субъекты Федерации, Медведев выделил исключительно последние указы Президента (№ 1400 и последующие) [13].

Спустя несколько дней были подписаны указы Президента, в соответствии с которыми решения Свердловского областного Совета народных депутатов были признаны не имеющими юридической силы с момента их принятия, а деятельность Совета и полномочия народных депутатов этого Совета прекращены [30]. Глава администрации Свердловской области Э.Э. Россель был освобожден от должности [31].

Напоследок Э.Э. Россель отметил, что свердловскими властями был предложен но-

вый подход к территориальному устройству Российской Федерации, посредством которого возможно было бы уравнивать «экономические и политические права регионов и людей, их населяющих». По его мнению, «крепкую единую, могучую, многонациональную Россию можно возродить, следуя лишь этим путем». Им было отмечено, что «успешное реформирование экономики возможно за счет максимального предоставления инициативы на местах, раскрепощения человека, создания настоящих творческих условий. Все это бы и означало перенос тяжести и ответственности за ход преобразований из центра в регионы» [29].

Результаты. Подводя итог, отметим следующее. Уральская Республика появилась в определенный период российской истории, когда в тяжелых экономических условиях и политической борьбе формировались основы будущей российской государственности. В феномене Уральской Республики пересеклось многое – угроза сепаратизма и распада единого государства, идея отказа от национального аспекта в государственно-территориальном устройстве, преодоление асимметрии субъектов Федерации, получение регионом большей самостоятельности. Примечательна в этом историческом явлении региональная инициатива, попытка из региона оказать существенное влияние на формирование общероссийской модели федеративного устройства. Эта попытка была решительным образом пресечена, более того, на протяжении всего процесса формирования Уральской Республики «в глубине» Администрации Президента эти действия рассматривались исключительно как угроза.

Как представляется, появление Уральской Республики оказало влияние на позицию национальных республик и сыграло свою роль в тех изменениях конституционного проекта, которые были сделаны на заключительной стадии его разработки. Ликвидация Уральской Республики пресекла потенциально большую государственную трансформацию, заключавшуюся в появлении самостоятельных регионов, становлении новой региональной политики и самой возможности выдвижения инициатив по формированию государственных основ «снизу».

Идея о создании Уральской Республики была устранена из российской политики, но

отголоски процессов начала 90-х гг. XX в. остались в системе региональной власти Свердловской области и памяти населения сегодня. Федерализм после 1993 г. претерпел множество изменений, и потенциал развития федеративных отношений на сегодняшний день не исчерпан. Такие вопросы, как образование крупных регионов, расширение самостоятельности субъектов, пересмотр принципов государственно-территориального устройства, периодически актуализируются в политической повестке. Идея Уральской Республики, включавшая в себя некоторые ответы на проявившиеся в кризисный период вызовы Российского государства, может оказаться в том или ином виде востребованной в будущем.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90042 «Феномен Уральской Республики в становлении федеративной модели России в постсоветский период».

The reported study was funded by RFBR, project number 19-39-90042 “The phenomenon of the Ural Republic of 1993 in the Russian federal model formation in the post-Soviet period”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аналитическая записка главного специалиста Тюнякина А.Д. «О территориальной основе государственного строительства» 1993 г. // Государственный архив Свердловской области (ГАСО). – Ф. 2809-Р. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 1–12.
2. Аналитическая записка «Об изменении государственно-территориального статуса субъектов Федерации России» // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. 10115. – Оп. 1. – Д. 974. – 11 л.
3. Аналитическая справка «Административно-государственное устройство России: Центр и регионы», подготовленная Центром оперативной информации // ГА РФ. – Ф. 10115. – Оп. 1. – Д. 664. – 38 л.
4. Аналитическая справка «Федерализм и российская государственность» // ГА РФ. – Ф. 10115. – Оп. 1. – Д. 472. – 12 л.
5. Выбор сделан, господа! // Уральский рабочий. – 1993. – 29 апр. – С. 1.
6. Декларация об изменении статуса Свердловской области от 01.07.1993 г. // Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 187. – Л. 84–85.

7. Декларация Свердловского областного Совета народных депутатов о принятии Конституции Уральской Республики от 27.10.1993 г. // Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 187. – Л. 91.
8. Кириллов, А. Д. Урал: от Ельцина до Ельцина (хроника политического развития, 1990–1997 гг.) / А. Д. Кириллов. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. – 392 с.
9. Комлева, Н. А. Идея Уральской республики как выражение феодалистического характера Российской Федерации / Н. А. Комлева – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://elag.urfu.ru/bitstream/10995/41956/1/feodalizm_2001_03.pdf (дата обращения: 13.06.2020) – Загл. с экрана.
10. Конституция Уральской Республики // ГАСО. – Ф. 2809-Р. – Оп. 1. – Д. 92. – 94 л.
11. Леонтьев, Д. Причины провозглашения Уральской Республики / Д. Леонтьев. – М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2001. – 32 с.
12. Мошкин, С. В. Уральская республика. Хроники / С. В. Мошкин // Дискурс-ПИ. – 2013. – Т. 10, № 3. – С. 103–107.
13. Опасные игры «во власть» // Российская газета. – 1993. – 6 нояб. – С. 2.
14. Письмо о пояснительной записке «Об образовании Уральской республики в составе Российской Федерации» // Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 187. – Л. 72–73.
15. Письмо от 09.09.1993 г. № 7.4-697 // ГА РФ. – Ф. 10026. – Оп. 1. – Д. 2786. – 5 л.
16. Письмо от 27.10.1993 г. № А4-271к // Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 187. – Л. 92.
17. План мероприятий по выполнению решения X сессии областного Совета народных депутатов «О статусе Свердловской области в составе РФ» : Прил. к постановлению Главы администрации Свердловской области и председателя Свердловского областного Совета народных депутатов от 20.07.1993 г. № 202/202 // Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 187. – Л. 93–97.
18. Пленарное заседание Конституционного совещания. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://yeltsin.ru/archive/audio/64391/> (дата обращения: 15.06.2020). – Загл. с экрана.
19. Пояснительная записка «Об образовании Уральской республики в составе Российской Федерации» // Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 187. – Л. 69–71.
20. Предварительное заключение отдела федеративных и межнациональных отношений // ГА РФ. – Ф. 10026. – Оп. 1. – Д. 1915. – 9 л.
21. Предложения Малого Совета // Областная газета. – 1993. – 8 июня. – С. 2.
22. Путь к устойчивой федерации // Областная газета. – 1993. – 25 авг. – С. 2.
23. Равноправия хотите? // Областная газета. – 1993. – 20 апр. – С. 1.
24. Решение малого Совета Свердловского областного Совета народных депутатов от 15.04.1993 № 76/17 «О проведении опроса жителей Свердловской области 25 апреля 1993 г.» (с изм., внесенными 22.04.93) // Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 187. – Л. 77.
25. Решение Свердловского областного Совета народных депутатов «О статусе Свердловской области в составе Российской Федерации» от 01.07.1993 г. // Архив Президентского центра Б.Н. Ельцина. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 187. – Л. 83.
26. Рябов, А. С. Уральская Республика: мифы и реалии / А. С. Рябов // Свободная мысль. – 2007. – № 6. – С. 149–159.
27. Средний Урал. Новый федерализм и региональная политика. – Екатеринбург : Доверие, 1993. – 94 с.
28. Тарасова, Е. А. Проблема федеративного устройства в проектах новой Конституции России в начале 1990-х годов / Е. А. Тарасова // Вестник СПбГУ. Сер. 2. – 2014. – Вып. 1. – С. 47–59.
29. Удар, еще удар! // Уральский рабочий. – 1993. – 12 нояб. – С. 1.
30. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.1993 г. № 1874. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4784> (дата обращения: 13.06.2020). – Загл. с экрана.
31. Указ Президента Российской Федерации от 10.11.1993 г. № 1890. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4797> (дата обращения: 13.06.2020). – Загл. с экрана.
32. Шаг к самостоятельности. Стоит ли драматизировать провозглашение Уральской республики? // Вечерний Екатеринбург. – 1993. – 20 июля. – С. 2.
33. Herrera, Yoshiko M. Imagined Economies: The Sources of Russian Regionalism / Yoshiko M. Herrera. – Cambridge : Cambridge univ. press, 2005. – 318 p.

REFERENCES

1. Analiticheskaia zapiska glavnogo spetsialista Tiuniakina A.D. «O territorialnoi osnove gosudarstvennogo stroitelstva» 1993 g. [Analytical Note of the Chief Specialist A.D. Tyunyakin “On the Territorial Basis of State Building” 1993]. *Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti* [State Archive of the Sverdlovsk Region], f. 2809-r, op. 1, d. 88, l. 1-12.
2. Analiticheskaia zapiska «Ob izmenenii gosudarstvenno-territorialnogo statusa subiektov

Federatsii Rossii» [Analytical Note “On Changing the State Territorial Status of the Subjects of the Federation of Russia”]. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GA RF)* [The State Archive of the Russian Federation (GA RF)], f. 10115, op. 1, d. 974. 11 l.

3. Analiticheskaia spravka «Administrativno-gosudarstvennoe ustroistvo Rossii: Tsentr i regiony», podgotovlennaiia Tsentrom operativnoi informatsii [Analytical Report “Administrative and State Structure of Russia: Center and Regions”, Prepared by the Center for Operational Information]. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GA RF)* [The State Archive of the Russian Federation (GA RF)], f. 10115, op. 1, d. 664. 38 l.

4. Analiticheskaia spravka «Federalizm i rossiiskaia gosudarstvennost» [Analytical Report “Federalism and Russian Statehood”]. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GA RF)* [The State Archive of the Russian Federation (GA RF)], f. 10115, op. 1, d. 472. 12 l.

5. Vybor sdelan, gospoda! [The Choice is Made, Gentlemen!]. *Uralskii rabochii*, 1993, April 29, p. 1.

6. Deklaratsiia ob izmenenii statusa Sverdlovskoi oblasti ot 01.07.1993 [Declaration on the Change in the Status of the Sverdlovsk Region of 01.07.1993]. *Arkhiv Prezidentskogo tsentra B.N. Eltsina* [Boris Yeltsin Presidential Archive], f. 7, op. 1, d. 187, l. 84-85.

7. Deklaratsiia Sverdlovskogo oblastnogo Soveta narodnykh deputatov o priniatii Konstitutsii Uralskoi Respubliki ot 27.10.1993 g. [Declaration of the Sverdlovsk Regional Council of People’s Deputies on the Adoption of the Ural Republic Constitution of 27.10.1993]. *Arkhiv Prezidentskogo tsentra B.N. Eltsina* [Boris Yeltsin Presidential Archive], f. 7, op. 1, d. 187, l. 91.

8. Kirillov A.D. *Ural: ot El'tsina do El'tsina (khronika politicheskogo razvitiya, 1990–1997 gg.)* [Ural: From Yeltsin to Yeltsin (The Chronicle of Political Development, 1990–1997)]. Ekaterinburg, Izd-vo Uralskogo Universiteta, 1997. 392 p.

9. Komleva N.A. *Ideia Uralskoi respubliki kak vyrazhenie foralisticheskogo kharaktera Rossiiskoi Federatsii* [The Idea of the Ural Republic as an Expression of the Formalistic Nature of the Russian Federation]. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/41956/1/feodalizm_2001_03.pdf (accessed 13 June 2020).

10. Konstitutsiia Uralskoi Respubliki [The Constitution of the Ural Republic]. *Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti* [State Archive of the Sverdlovsk Region], f. 2809-r, op. 1, d. 92. 94 l.

11. Leontev D. *Prichiny provozglasheniia Uralskoi Respubliki* [Reasons for the Proclamation of the Ural Republic]. Moscow, RITS ISPI RAN, 2001. 32 p.

12. Moshkin S.V. Uralskaia respublika. Khroniki [Ural Republic. Chronicle]. *Diskurs-PI* [Discourse-P], 2013, vol. 10, no. 3, pp. 103-107.

13. Opasnye igry «vo vlast» [Dangerous Power Games]. *Rossiiskaia gazeta*, 1993, November 6, p. 2.

14. Pismo o poiasnitelnoi zapiske «Ob obrazovanii Uralskoi respubliki v sostave Rossiiskoi Federatsii» [Letter on the Explanatory Note “On the Formation of the Ural Republic Within the Russian Federation”]. *Arkhiv Prezidentskogo tsentra B.N. Eltsina* [Boris Yeltsin Presidential Archive], f. 7, op. 1, d. 187, l. 72-73.

15. Pismo ot 09.09.1993 g. no. 7.4-697 [Letter of 09.09.1993 no. 7.4-697]. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GA RF)* [The State Archive of the Russian Federation (GA RF)], f. 10026, op. 1, d. 2786. 5 l.

16. Pismo ot 27.10.1993 g. no. A4-271k [Letter of 27.10.1993 no. A4-271k]. *Arkhiv Prezidentskogo tsentra B.N. Eltsina* [Boris Yeltsin Presidential Archive], f. 7, op. 1, d. 187, l. 92.

17. Plan meropriiatii po vypolneniiu resheniia X sessii oblastnogo Soveta narodnykh deputatov «O statute Sverdlovskoi oblasti v sostave RF»: Pril. k postanovleniyu Glavy administratsii Sverdlovskoy oblasti i predsedatelya Sverdlovskogo oblastnogo Soveta narodnykh deputatov ot 20.07.1993 g. № 202/202 [Plan of Measures to Implement the Decision of the 10th Session of the Regional Council of People’s Deputies “On the Status of the Sverdlovsk Region in the Russian Federation”: Regulation Supplement to the Order of the Chief Executive of the Sverdlovsk Region Administration and the Chairman of the Sverdlovsk Regional Council of People’s Deputies of 20.07.1993 № 202/202]. *Arkhiv Prezidentskogo tsentra B.N. Eltsina* [Boris Yeltsin Presidential Archive], f. 7, op. 1, d. 187, l. 93-97.

18. *Plenarnoe zasedanie Konstitutsionnogo soveshchaniia* [Plenary Session of the Constitutional Meeting]. URL: <https://yeltsin.ru/archive/audio/64391/> (accessed 15 June 2020).

19. Poiasnitelnaia zapiska «Ob obrazovanii Uralskoi respubliki v sostave Rossiiskoi Federatsii» [Explanatory Note “On the Formation of the Ural Republic Within the Russian Federation”]. *Arkhiv Prezidentskogo tsentra B.N. Eltsina* [Boris Yeltsin Presidential Archive], f. 7, op. 1, d. 187, l. 69-71.

20. Predvaritelnoe zakliuchenie otdela federativnykh i mezhnatsionalnykh otnoshenii [Preliminary Conclusion of the Department of Federal and Interethnic Relations]. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GA RF)* [The State Archive of the Russian Federation (GA RF)], f. 10026, op. 1, d. 1915. 9 l.

21. Predlozheniia Malogo Soveta [Suggestions of the Small Council]. *Oblastnaia gazeta*, 1993, June 8, p. 2.

22. Put k ustoichivoi federatsii [The Road to Sustainable Federation]. *Oblastnaia gazeta*, 1993, August 25, p. 2.

23. Ravnopraviia khotite? [Do You Want Equality?]. *Oblastnaia gazeta*, 1993, April 20, p. 1.

24. Reshenie malogo Soveta Sverdlovskogo oblastnogo Soveta narodnykh deputatov ot 15.04.1993

no. 76/17 «O provedenii oprosa zhitelei Sverdlovskoi oblasti 25 apreliia 1993 g.» (s izm., vnesennymi 22.04.93). [Decision of the Small Council of the Sverdlovsk Regional Council of People's Deputies of April 15, 1993 no. 76/17 "On Conducting a Survey of Residents of the Sverdlovsk Region on April 25, 1993" (As Amended on 22.04.93)]. *Arkhiv Prezidentskogo tsentra B.N. Eltsina* [Boris Yeltsin Presidential Archive], f. 7, op. 1, d. 187, l. 77.

25. Reshenie Sverdlovskogo oblastnogo Soveta narodnykh deputatov «O statuse Sverdlovskoi oblasti v sostave Rossiiskoi Federatsii» ot 01.07.1993 g. [The decision of the Sverdlovsk Regional Council of People's Deputies "On the status of the Sverdlovsk Region Within the Russian Federation" of 01.07.1993] *Arkhiv Prezidentskogo tsentra B.N. Eltsina* [Boris Yeltsin Presidential Archive], f. 7, op. 1, d. 187, l. 83.

26. Riabov A.S. Uralskaia Respublika: mify i realii [Ural Republic: Myths and Realities]. *Svobodnaia mysl*, 2007, no. 6, pp. 149-159.

27. *Srednij Ural. Novyj federalizm i regional'naja politika* [Middle Urals. New Federalism and Regional Policy]. Ekaterinburg, Doverie Publ., 1993. 94 p.

28. Tarasova E.A. Problema federativnogo ustroistva v proektakh novoi Konstitutsii Rossii v

nachale 1990-kh godov [Problem of the Federal Organization in Drafts of the New Constitution of Russia in the Beginning of the 1990s]. *Vestnik SPbGU* [Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 2], 2014, iss. 1, pp. 47-59.

29. Udar, eshche udar! [Blow, Another Blow!]. *Uralskii rabochii*, 1993, November 12, p. 1.

30. *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 09.11.1993 g. no. 1874* [Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.1993 no. 1874]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4784> (accessed 13 June 2020).

31. *Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 10.11.1993 g. no. 1890* [Decree of the President of the Russian Federation of 10.11.1993 no. 1890]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4797> (accessed 13 June 2020).

32. Shag k samostoiatel'nosti. Stoit li dramatizirovat provozglashenie Uralskoi respubliki? [A Step Towards Independence. Is it Worth Dramatizing the Proclamation of the Ural Republic?]. *Vechernii Ekaterinburg*, 1993, July 20, p. 2.

33. Herrera, Yoshiko M. *Imagined Economies: The Sources of Russian Regionalism*. Cambridge, Cambridge univ. press, 2005. 318 p.

Information About the Author

Igor V. Osipov, Trainee Researcher, Interethnic and Interfaith Relations Management Department, Moscow State University, Leninskie Gory, 1, 119234 Moscow, Russian Federation, igorosipov2020@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7697-1629>

Информация об авторе

Игорь Вячеславович Осипов, стажер-исследователь кафедры управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119234 г. Москва, Российская Федерация, igorosipov2020@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7697-1629>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.20>

UDC 325.3

LBC 66.3(2Рос)6

Submitted: 21.09.2020

Accepted: 22.01.2021

TRANSFORMATION OF THE SYSTEM OF POLITICAL SYMBOLS IN THE RUSSIAN FAR EAST IN THE 21st CENTURY

Alexey V. Mikhalev

Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. Introduction. The presented paper is a study of political symbols in the Russian Far East. We are going to discuss not only memorials, but also state symbols, works of art, texts – all the things that shape a world view. The aim of the study is to find political symbols that are universal for the entire Far East region, and to assess their political mobilization capacity. **Methods and materials.** The article is based upon field study materials conducted in regional centers of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation in the spring of 2019. In theoretical terms, the work is based on symbolic politics studies of O. Yu. Malinova, S. P. Potseluev, M. Edelman. **Analysis.** In the course of the study, we identified several groups of political symbols with mobilization capacity. The first corpus of political symbols is related to the Soviet symbols of victory over Japan. Struggle for the use of these symbols is between the regional branches of the Communist Party and regional authorities. To put things into perspective it is important to assess the impact of Japanophobia on the further development of regional partnership with Japan. The second corpus is the symbols of Russian expansion to the Far East (worship crosses, monuments to pioneers). These symbols are a focal point of struggle between representatives of indigenous peoples, on the one hand, and Cossacks and military-patriotic organizations, on the other hand. **Results.** In the course of the study of the Russian Far East, we found out that, despite the complicated transformations of the past thirty years, the region is still represented as a unified symbolic space. At the same time, a number of symbolic conflicts and the devaluation of meanings have been observed.

Key words: power, symbols, politics, region, identity, Far East.

Citation. Mikhalev A. V. Transformation of the System of Political Symbols in the Russian Far East in the 21st Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 227-236. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.20>

УДК 325.3

ББК 66.3(2Рос)6

Дата поступления статьи: 21.09.2020

Дата принятия статьи: 22.01.2021

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В XXI ВЕКЕ

Алексей Викторович Михалев

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Представленная статья посвящена изучению политических символов на Дальнем Востоке России. Речь идет не только о мемориалах, но и государственной символике, произведениях искусства, текстах, то есть обо всем, что формирует картину мира. Цель исследования – поиск универсальных для всего дальневосточного региона политических символов и оценка потенциала их политической мобилизации. **Методы и материалы.** Статья базируется на материалах полевого исследования, проводившегося в столицах ДФО РФ весной 2019 года. В теоретическом плане работа опирается на исследования символической политики О.Ю. Малиновой, С.П. Поцелуева, М. Эдельмана. **Анализ.** В ходе исследования нами выявлено несколько групп политических символов, обладающих мобилизационным потенциалом. Во-первых, советские символы победы над Японией. Борьба за использования этих символов ведется между региональными отделениями КПРФ и региональными властями. В плане прогноза на будущее важно оценить влияние японофобии на дальнейшее развитие регионального партнерства с Японией. Во-вторых, сим-

волы освоения Дальнего Востока (поклонные кресты, памятники первопроходцам). Вокруг этих символов ведется борьба между представителями коренных народов и казачьими, а также военно-патриотическими организациями. *Результаты.* В ходе исследования Дальнего Востока России нами было выявлено, что, несмотря на сложные трансформации последних тридцати лет, регион по-прежнему остается единым символическим пространством. При этом прослеживаются факты наличия целого ряда символических конфликтов и девальвации смыслов.

Ключевые слова: власть, символы, политика, регион, идентичность, Дальний Восток.

Цитирование. Михалев А. В. Трансформация системы политических символов на Дальнем Востоке России в XXI веке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 227–236. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.20>

Введение. В центре исследовательского внимания – трансформация символического пространства современного Дальнего Востока России. Целью данной работы стал поиск универсальных для всего дальневосточного региона политических символов и оценка их потенциала для политической мобилизации населения. Вместе с тем мы попытаемся рассмотреть процесс коренных изменений, происходящих в этом пространстве в последние двадцать лет, выделить основные факторы устойчивости и определить возможные траектории развития ситуации. Изучение политических символов позволяет проследить не только основополагающие, «несущие конструкции» политических отношений в регионе, но и основные факторы, обеспечивающие мобилизацию населения.

Так, в 2020 г. Дальневосточный федеральный округ (ДФО) стал одним из лидеров по протестной активности населения. Пространство этого сложного в политическом и социокультурном смысле региона составляет 42 % территории Российской Федерации и представляет 11 ее субъектов. Г.Э. Говорухин справедливо отмечает, что оно по-прежнему остается «недоосвоенным» [4, с. 179] и, как следствие, малоизученным. Это детерминирует кризис смыслов, которые приписываются региону из Федерального центра и в результате плохо натурализуются на местах, поэтому по сей день сложно ответить на вопрос о том, что представляет собой Дальний Восток как политическое пространство?

Основное внимание в нашем исследовании сконцентрировано на том, что Т. Мейер назвал символической политикой, осуществляемой одновременно «сверху» и «снизу» [18, с. 177]. В данной ситуации речь идет об об-

щественно одобряемых символических акциях, которые реализует федеральная и региональная власть на Дальнем Востоке. Однако мы намеренно выводим за рамки нашего исследования инициативы «сверху», не получившие масштабной общественной поддержки, такие как брендинг региона, «Сценарии развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока до 2030 года» и т. п.

Ключевыми акторами символической политики в регионе являются субфедеральные органы власти, КПРФ, казацкие организации, национально-культурные центры народов, проживающих в ДФО РФ, японские и корейские НКО. Каждый из этих акторов имеет собственный набор политически значимых символов и свою модель представлений о Дальнем Востоке. Эти модели – «Партизанский край», «Земля трех казачьих войск», «Желтороссия», «Внешняя Манчжурия», а также многочисленные этнонациональные образы – формируют многообразие воображаемых образов Дальнего Востока России. Многие из них противоречат друг другу, что может привести к политическим конфликтам, но символы, лежащие в их основе, становятся универсальными. Они могут использоваться для мобилизации населения различными политическими акторами и по-разному интерпретироваться.

Указанные процессы непосредственно связаны с трансформацией региональной политической мифологии, с изменениями локальных представлений о пространстве Дальнего Востока – того, что географы называют «идеями места» [5], поэтому основной акцент в данной статье делается на переменах, происходящих в политико-символической сфере. Новые символы и новые смыслы, не выходящие за пределы региона, стали основой для соли-

дарности, которую некоторые авторы называют дальневосточной идентичностью [3]. Этот феномен, несмотря на социальную депривацию и выраженный протестный потенциал, является сугубо российским, резко выделяющимся на фоне интеграционных процессов в Восточной Азии.

Немаловажным для данной работы является участие в дискуссии по поводу принципиальной возможности существования на Дальнем Востоке единого символического пространства. Данная точка зрения опирается на тезис о том, что в условиях нескольких волн колонизации региона единая общность жителей Дальнего Востока России так и не была сформирована [20]. Автор же данной статьи придерживается иного мнения, согласно которому подобная общность сформировалась и представляет собой один из примеров фронтальной идентичности [15]. Подобный тип идентификации предполагает множественность моделей самопрезентации и политической лояльности. Здесь важно упомянуть имена ученых, труды которых оказали большое влияние на развитие темы символической политики на Дальнем Востоке. Речь идет о работах Г.Э. Говорухина [4], Л.Е. Бляхера [3], А. Вуда [20], С. Дэвис [15], А.В. Ремнева [10], И. Саблина [13], И.О. Пешкова [19].

Методы и материалы. В теоретическом плане работа базируется на исследованиях символической политики О.Ю. Малиновой [6], С.П. Поцелуева [9], М. Эдельмана [16]. Вслед за О.Ю. Малиновой мы опираемся на утверждение о том, что «символическая политика осуществляется в публичной сфере, то есть в виртуальном пространстве, где в более или менее открытом режиме обсуждаются социально значимые проблемы, формируется общественное мнение, конструируются и переопределяются коллективные идентичности, иными словами имеет место конкуренция разных способов интерпретации социальной реальности» [7, с. 12].

В методологическом плане автор статьи опирался на теоретические разработки Н. Фэркло. Был проведен критический дискурс-анализ региональной литературы и материалов масс-медиа за последние десять лет. В выборку попали газеты, являющиеся официальными печатными органами дальне-

восточных субъектов РФ, а также материалы электронных СМИ. Особое внимание было уделено книгам о Дальнем Востоке, сформировавшим основные представления о его мифогеографии и топонимике. Применение метода дискурс-анализа позволило проследить трансформацию политических смыслов, влияющих на представления о регионе и об «идее места».

В течение 2018–2019 гг. были проведены экспедиции по Дальнему Востоку РФ. Цель экспедиций состояла в сборе материалов, касающихся символической политики в регионе. В указанный период сбор эмпирического материала проводился во всех столицах субъектов ДФО РФ. В центре внимания были музеи и памятники. Была проведена серия экспертных интервью с представителями местных парламентов, а также с краеведами. Анализ пространственных объектов памяти был проведен с опорой на методику *Go-along*, разработанную М. Кузенбах [17]. Суть этого метода состоит в следующем: интервьюер передвигается по городу вместе с респондентом, задавая уточняющие вопросы относительно того, на что они посмотрели, куда пошли, каков их опыт передвижения по этим маршрутам и т. д. При использовании метода *Go-along* чувство места обостряется благодаря тому, что передвижение по нему осуществляется в настоящий момент. В итоге мы собрали сведения о символическом пространстве федерального округа. Методика *Go-along* позволила получить данные об актуальных изменениях городской политической топонимики и региональной символики [17].

Анализ. Дальний Восток как географическое понятие – это символ, в котором отражается многогранность экономических укладов и политических предпочтений. Именно эта часть азиатской России в цивилизационном плане тесно связана с буддизмом и шаманизмом, распространенными в соседних странах Восточной Азии. Это дает основание некоторым исследователям рассматривать данный регион как контактную зону – фронт. Как метко отметил историк Алан Вуд: «Холодный фронт России» [20]. Эта важная черта региона, которая хорошо объясняет сложившуюся миграционную ситуацию с отрицательным сальдо. Русские диаспоры в странах Азии

(прежде всего в Китае и Южной Корее), китайские мигранты в Приамурье и Приморье – все это результат фронтирного положения. Именно поэтому И. Левитов в начале XX в. ввел в оборот понятие Желтороссии – пространства от Байкала до Тихого океана: «Это в большей степени желтая Россия. У нас есть белая Россия, малая Россия и т. д., почему бы не быть желтой России»? В его представлениях Манчжурия виделась «Русской Индией», а Формоза (Тайвань) «Желтым Босфором». Однако за множеством перечисленных выше эпитетов нет мнения, сформированного непосредственно на Дальнем Востоке [2].

Дальний Восток – это российский фронт в Восточной Азии, интегрированный в систему экономических и политических отношений. Этот регион имеет историко-культурные связи с Китаем, Японией и Кореей (Северной и Южной). Само понятие Дальний Восток наполнено множественными политическими смыслами [19]. В географии Российской империи и СССР Восток как масштабная культурно-историческая категория делился на Среднюю Азию, Кавказ и Дальний Восток. Последний предполагал обширную территорию от Байкала до Тихого океана, населенную азиатскими народами. Это пространство на уровне категориального аппарата именовалось различными способами: от Азиатской России до Желтороссии.

Отдельного внимания заслуживает прилагательное «Дальний» по отношению к огромной области, составляющей едва ли не половину страны. «Дальний» в системе географии власти понимается как отдаленный от центра принятия решений и системы распределения ресурсов, поэтому требующий особого внимания. Отсюда возникает основная смысловая дихотомия удаленности, с одной стороны, предполагающая депривацию, а с другой – привилегированный доступ к ресурсам. Особенно наглядно это прослеживается на примере контраста трех исторических периодов. Так, в СССР существовала система привилегированного обеспечения Дальнего Востока ресурсами. В период реформ 1990-х гг. эти территории оказались вне сферы внимания Центра, но уже во время президентства В.В. Путина регион стал «национальным приоритетом на весь XXI век».

Возвращаясь к современным смыслам и символам, на наш взгляд, важно привести цитату из книги В. Авченко «Правый руль»: «У Дальнего Востока голоса нет, мое Приморье корчится безязыким. До “материковой” России доходят отрывочные сведения о разгуливающих по нашим городам то ли тиграх, то ли китайцах, компанию которым составляют немногочисленные русские. Сплошь – бандиты, барыги и контрабандисты, не желающие созидательно трудиться» [1, с. 85]. Из этой цитаты мы выводим следующий аспект нашего исследования – социальное конструирования пространства в литературе. Речь идет о Дальнем Востоке как хронотопе, то есть о воображаемом в художественной литературе регионе.

Указанные В. Авченко стереотипы, связанные с Дальним Востоком, возникли не одновременно. Они конструировались в отечественной литературе на протяжении многих лет. Едва ли не первыми в этом ряду были путевые записки А.П. Чехова «Остров Сахалин». Дальнейшее «литературное освоение» региона связано с именами Н. Арсеньева и Н. Матвеева. Но только начиная с «Тигролов» И. Багряного и «Диких пчел» И. Басаргина Дальний Восток предстает массовому читателю как особое место – таежная Азия. На страницах этих книг, равно как и книги Ю. Семенова «Пароль не нужен», пространство тайги становится мистической территорией, определяющей истинные характеры людей и нормы их жизни. В произведениях И. Басаргина цивилизующую миссию в тайге выполняют старообрядцы, бежавшие от государства и пытающиеся жить по библейским законам. Они устанавливают норму некоего естественного права, регулирующего жизнь людей вне государства. Его произведения «По законам тайги», «Черный дьявол», «В горах тигровых» сформировали мифологию Дальнего Востока. Именно эта интерпретация тайги стала тем самым фреймом, который воспроизводится на протяжении уже половины столетия.

Что же касается политического пространства, то оно конструировалось в романах В. Пикуля. Его книги «Богатство», «Каторга» и «Крейсера» формируют образ неосвоенности, тотальной коррупции и героизма жителей

Дальнего Востока. Цикл романов В. Пикуля описывает русско-японское противостояние, воспроизводя дискурс внешней угрозы и необходимости эффективного государства для наиболее удаленной восточной окраины империи. Именно Пикуль вписал представления о богатом ресурсами регионе в систему геополитической борьбы мировых держав. Образ опасного фронта, населенного каторжанами, контрабандистами, шпионами и военными, пытающимися контролировать огромные пространства, окончательно закрепился в романах «Крейсера» и «Каторга».

Литературный Дальний Восток стал символом, определяющим региональную идентичность. Наличие собственного богатого литературного наследия и внимание столичных авторов внесли самый большой вклад в формирование региональной мифологии и в воспроизводство исторических травм. При этом на уровне хронотопа регион представляется во вневременном пространстве начала XX в. в таежных партизанских дебрях в условиях нависающей внешнеполитической угрозы.

Как свидетельствуют собранные нами эмпирические данные, в столицах дальневосточных субъектов наиболее значимой символикой, маркирующей регион, являются объекты, связанные с партизанской борьбой. Весь ландшафт от Улан-Удэ до Владивостока отмечен памятниками партизанам, Партизанскими улицами и проспектами, даже одним городом (Партизанск). Подобная смысловая насыщенность отсылает нас к наследию советской эпохи. Первоначальный смысл партизанской символики был напрямую связан с идеей противостояния белогвардейцам и интервентам. Именно в это время, по меткому выражению К. Шмитта: «прежняя арена империи разрушалась и перевертывалась вверх дном большая сцена официальной публичности» [14, с. 126]. Символ красного партизана закреплял в массовом сознании более крупный геополитический образ Дальнего Востока как региона-крепости, как русского национального аванпоста во враждебном международном окружении [13]. После окончания Второй мировой войны метафора крепости стала вновь востребованной в условиях почти двадцатилетнего советско-китайского противостояния.

Однако в условиях перемен постсоветского периода, с началом политики «Поворота на Восток», образ партизана стал трансформироваться. Но важно отметить, что в условиях десоветизации в 1990-е гг. памятники и улицы, связанные с партизанской борьбой, не были демонтированы или заменены. Образ партизана как защитника малой Родины, напротив, укоренился, став символом борьбы за права региона. Современная интерпретация символов партизанской борьбы все больше отсылает нас к теории партизана К. Шмитта. Переоценка событий Гражданской войны в России через призму противостояния на Дальнем Востоке партизанских и атаманских отрядов снова сделала актуальным опыт столетней давности. Согласно К. Шмитту партизан имеет теллурический характер, он защищает участок земли, с которым автономно связан [14, с. 139]. В итоге символы, которые еще тридцать лет назад ассоциировались с коммунистической идеологией, стали символами региона. Именно регионализм в той или иной форме не позволил полностью реабилитировать белое движение на Дальнем Востоке, тесно сотрудничавшее с японскими интервентами.

С другой стороны, именно с партизанами Дальнего Востока связывается восстание 1925 г. [2, с. 163]. Оно было спровоцировано усилением давления советских органов и началом коммунистических социальных экспериментов. Партизаны стали символом борьбы как с произволом казачьих атаманов, так и с централизованным давлением советской власти. В этих рамках они выражают интересы местного населения в большей степени, нежели какой-либо власти. Кроме того, дальневосточный партизан как символ не национален – партизанскими командирами были буряты, якуты, китайцы, корейцы и представители других народов.

Сегодня партизан как символ места и иррегулярной борьбы остается одним из ключевых образов, характеризующих регион. Генеологию локального дискурса «противостояния с варягами» можно проследить отталкиваясь от этого образа. Сформировавшиеся в условиях сложных перипетий 1990-х гг. сильные сети, представляющие местные группы влияния, обращаются к риторикам, которые

можно охарактеризовать как интуитивное шмиттианство, так как они основаны на противопоставлении местных, укорененных и «варягов». На наш взгляд, подобная пропозиция объективирована самой ареной политического действия, то есть символическим пространством ДФО.

Другим значимым символом дальневосточной идентичности стали острова Курильской гряды: Кунашир, Шикотан, Хабомаи и Итуруп. Вопрос об их принадлежности (на них заявила свои территориальные претензии Япония) для жителей Дальнего Востока стал одной из основ региональной солидарности. Начиная с конца 1980-х гг. японские структуры, такие как организации бывших военнопленных, начали формировать дискурс примирения на региональном уровне. В частности, при финансовой поддержке японских структур был установлен мемориал покаяния за военные преступления, совершенные на территории Амурской области в период интервенции. Однако на уровне региональной памяти выстроить диалог, ориентированный на примирение, оказалось невозможным.

Травма японской интервенции по сей день остается актуальной в силу того, что противостояние между СССР и Японией продолжалось более двадцати лет. Официально закрепленный в историографии период одной только интервенции длился с 1918 по 1925 год. На уровне региональных СМИ тема военных преступлений по-прежнему актуальна: «Желая отомстить за поражение в Николаевске-на-Амуре, японские каратели организовали в Приморье массовую резню – было убито и ранено свыше пяти тысяч человек, в том числе в топке паровоза сожжен один из руководителей Дальнего Востока Сергей Лазо. В апреле японцы силой разогнали во Владивостоке и других городах Приморья и Хабаровске органы власти, разоружили местные войска. Под предлогом “защиты жизни и собственности соотечественников” в этом же месяце японские войска оккупировали Северный Сахалин» [12].

Тема возврата Курильских островов на территории Дальнего Востока воспринимается так остро в первую очередь в силу периферийности побед в региональной истории по отношению к общему нарративу отечествен-

ной истории. Во-вторых, сформированный «партизанский» дискурс легитимизирует исключительное право на неприкосновенность территории Дальнего Востока, закрепленной за хранящим региональную память его населением. При этом в зависимости от субъекта РФ острота темы японской интервенции существенно варьируется. Наиболее актуальной она остается в Сахалинской и Амурской областях, Приморском, Хабаровском, Забайкальском краях и Бурятии.

На определенном этапе образ Японии оказался закрепленным на региональном уровне как образ «Другого» со всеми негативными коннотациями. Кроме того, в условиях открытых границ в XXI в. этот образ получил поддержку из Китая и Кореи, чье культурное влияние на Дальнем Востоке достаточно велико. Причины этого лежат в историческом наследии почти полувековой экспансии Японской империи в Восточной Азии в XX веке. На уровне войн памяти в этом регионе еще не расставлены все точки над *i* в деле признания ответственности за военные преступления. Отсюда и скептическое отношение к территориальным претензиям современного японского руководства.

Проблема освоения Дальнего Востока, по мнению большинства исследователей, является наиболее значимой темой для региона. Освоение, освоенность, недоосвоенность – стали едва ли не основными смыслами, приписываемыми изучаемому нами пространству на протяжении всей его истории. В этом контексте интересно взглянуть на памятники первопроходцам и их значение в символическом пространстве региона. Однако памятники казакам-первопроходцам всегда являлись достаточно неоднозначными символами и по сей день вызывают ожесточенные споры среди населения региона. Символика казачьего возрождения, получившая распространение в 2000-е гг., напрямую конфликтует с символами партизанского движения [8].

Стоит отметить, что Дальний Восток – это территория трех казачьих войск: Забайкальского, Амурского и Уссурийского со столицами в Чите, Благовещенске и Хабаровске. Начавшееся в 1990-е гг. возрождение казачества привело к запросу на соответствующие символы в политическом пространстве

региона. Однако попытки захвата символического пространства столкнулись с противодействием со стороны коренных народов, рассматривающих казаков как колонизаторов [8].

На уровне войсковых столиц наибольшего успеха возрождение казачества добилось в Чите. В столице Забайкалья был установлен памятник атаману-первопроходцу Петру Бекетову, также в его честь были названы улицы как в Чите, так и в других населенных пунктах края. В Благовещенске же тема первопроходцев XVII в. трансформировалась в нарратив о первопоселенцах XIX столетия. Вместо памятника Пояркову в городе установлен мемориал казакам-первопоселенцам, основавшим в 1856 г. Усть-Зейский военный пост. В свою очередь, в Хабаровске находится старейший во всем ДФО установленный в 1958 г. памятник первопроходцу Ерофею Хабарову [8, с. 330].

Возрождение казачества встречает негативную реакцию в национальных республиках ДФО: в Бурятии и Якутии. Отношение к казакам как к колонизаторам и завоевателям формирует мощное противодействие со стороны общественности, препятствующее появлению каких-либо масштабных политически значимых символов. Другой темой, вызывающей не менее ожесточенные споры, является память об атаманах, возглавлявших белое движение в регионе. Протесты против установки памятника атаману Г.М. Семенову, организованные при поддержке местного КРПФ, привели к тому, что проект был провален на уровне общественных слушаний, вследствие этого вопрос о памятниках атаманам И.М. Гамову и И.П. Калмыкову ни разу не поднимался на официальном уровне [8]. Надо отметить, что «атаманские» режимы, несмотря на то что формально они относятся к белому движению, зачастую представляли собой полупартизанские, полубандитские образования. При этом ни А.В. Колчак, ни его преемники так и не сумели полностью подчинить себе атаманов, терроризировавших местное население.

В итоге символы казачьего освоения региона сегодня стали одной из причин разобщения населения. Многонациональный и многоконфессиональный Дальний Восток России с его травматической памятью даже в XXI в.

не готов ассоциировать пространство с историей завоевания и подчинения. Здесь же важно упомянуть и справедливое замечание А.В. Ремнева о том, что уже к XIX в. казачество в этом регионе перестало быть достаточно твердой опорой российской государственности [11]. Скептическое отношение к казачеству, сформировавшееся еще в Российской империи, по сей день сохраняет устоявшиеся негативные коннотации. В советский же период казачество ассоциировалось с белой эмиграцией и коллаборационистами, поэтому символическое пространство региона отсылает лишь к атаманам-первопроходцам, идеализированным русскими народниками, а вслед за ними и революционерами [8].

Символическое пространство Дальнего Востока на протяжении последних двадцати лет трансформируется, приобретая новые контуры. Это непосредственно связано с изменениями и самого региона, и конфигурации власти в нем. Так, в 2018 г. в состав округа вернулись еще два субъекта – Бурятия и Забайкальский край, – исторически являющиеся частью этого региона. Несмотря на изменение границ, символическое пространство осталось по-прежнему относительно гомогенным: так и Бурятия, и Забайкалье на протяжении большей части XX в. считались частью Дальнего Востока. Исходя из этого можем наметить три основных сценария развития символического пространства ДФО.

Первый связан с преобладанием травмы 1990-х годов. Примером тому служит памятник челноку (Памятник труду и оптимизму Амурских предпринимателей) в Благовещенске и нарратив о энергетической катастрофе. Последний весьма актуален по сей день в силу одного из самых высоких тарифов на электроэнергию в России. «Замерзающий регион», «ледяной фронт» – подобные эпитеты систематически фигурируют в региональной прессе. Кроме того, на уровне коллективной памяти жителей региона «инфраструктурная травма» остается едва ли не основой локальной солидарности. В этих условиях партизанская символика приобретает новые, более конфронтационные коннотации. В итоге Дальний Восток получает все шансы стать пространством социального кризиса и протеста.

Второй сценарий ориентирован на формирование у региона собственной знаково-символической системы, вписанной в общенациональные тренды. Примером тому является празднование на государственном уровне 3 сентября – дня окончания Второй мировой войны и разгрома милитаристской Японии. Это свидетельствует о значимости истории борьбы за восточные рубежи в национальном масштабе – на протяжении нескольких лет депутаты сахалинского Законодательного собрания отстаивали право на этот праздник. Разгром Японии является значимым нарративом для всей Восточной Азии, для Китая, Монголии, Северной и Южной Кореи, поэтому, на наш взгляд, наиболее благоприятным развитием событий для региона будет актуализация символов, подчеркивающих значимость событий его истории в глобальном контексте.

Третий сценарий – это интеграция в символическое пространство так называемой Большой Азии. Начиная с 1990-х гг. неоднократно фиксировались случаи появления альтернативной географии российского Дальнего Востока с китайскими или японскими названиями. Однако важно обратить внимание не только на картографию и топонимику, но и на региональные риторики, время от времени отсылающие к идее «открытия региона» для экономического и культурного сотрудничества с сопредельными государствами. Во многом это связано с комплексом противоречий в отношении принятия и непринятия собственной истории и символики. Влияние местных национализмов также вносит большой деструктивный вклад в формирование общей идеи российской дальневосточной идентичности. Однако на данный момент вероятность развития какого-либо из трех указанных сценариев крайне неочевидна. Пока «точка невозврата» еще не пройдена, поэтому остается возможность развития ситуации как в позитивном, так и негативном русле.

Результаты. В ходе исследования Дальнего Востока России нами было выявлено, что, несмотря на сложные трансформации последних тридцати лет, регион по-прежнему остается единым символическим пространством. При этом зафиксировано наличие целого ряда символических конфликтов и искажения исто-

рических смыслов. Важное значение приобретают травматические аспекты памяти и символической политики. Речь идет о наследии рыночных реформ и распада СССР, существенно повлиявших на самосознание жителей Дальнего Востока. Несмотря на это, мы выделили несколько устойчивых сегментов регионального символического поля, обеспечивающих ему единство и стабильность.

Во-первых, это представление о пространстве. Исторически сложилось так, что понятие Дальний Восток а priori предполагает окраинность и депривацию с ярко выраженными ориенталистскими характеристиками. Однако именно эти противоречивые понятия, нагруженные множеством смыслов, определяют его как часть России. В итоге возникла формула, разграничивающая пространство: Восточная Азия – это заграница, Дальний Восток – это Россия. К содержанию региональной топонимики непосредственное отношение имеет литература, авторы которой в разное время экзотизировали и мифологизировали регион.

Во-вторых, атаманщина и партизанщина. Это две группы символов, фактически противостоящих друг другу. С одной стороны, это памятники партизанам, натурализовавшиеся и устойчивые символы региона, доставшиеся в наследство от советской эпохи. Они достаточно универсальны и хорошо адаптируются даже к местным национализмам (бурятскому и якутскому). С другой стороны, это памятники атаманам-первопроходцам, большая часть которых была установлена в 2000-е годы. Они вызывают неоднозначную реакцию населения региона, особенно в национальных республиках, в связи с откровенно колониальными смыслами, которые содержит история освоения Дальнего Востока. При этом символы казачьей колонизации так или иначе присутствуют в публичном пространстве, вызывая ожесточенные дискуссии.

Третьим символом является миф о тайге, масштабно описанный в художественной литературе и песнях. Тайга выступает как символ богатства региона природными ресурсами и как некое мистическое пространство. В региональной мифологии оно противопоставляется цивилизованному миру с его несправедливыми законами и недостатками. По

мере развития ресурсоориентированной экономики тайга становится все более значимым геополитическим фактором.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авченко, В. Правый руль / В. Авченко. – М. : Ad Marginem, 2012. – 368 с.
2. Бляхер, Л. Е. Зомия на Амуре, или Государственный порядок против порядка вне государства / Л. Е. Бляхер, М. Л. Бляхер // *Полития*. – 2018. – № 1 (88). – С. 148–171. – DOI: 10.30570/2078-5089-2018-88-1-148-171.
3. Бляхер, Л. Е. Региональная самоидентификация и трансграничные практики на Дальнем Востоке России / Л. Е. Бляхер // *Пространственная экономика*. – 2005. – № 1. – С. 117–132.
4. Говорухин, Г. Э. Недоосвоенные территории освоенного пространства (экономико-социологический аспект) / Г. Э. Говорухин, Г. Р. Осипов // *Вестник ТОГУ*. – 2007. – № 2 (5). – С. 179–196.
5. Замятин, Д. Н. Власть пространства и пространство власти: географические образы в политике и международных отношениях / Д. Н. Замятин. – М. : РОССПЭН, 2004. – 352 с.
6. Малинова, О. Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России / О. Ю. Малинова. – М. : ИНИОН РАН, 2013. – 421 с.
7. Малинова, О. Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля / О. Ю. Малинова // *Символическая политика*. Вып. 1 : Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М. : ИНИОН РАН, 2012. – С. 5–16.
8. Михалев, А. В. Часовые фронта: памятники атаманам и политика коммеморации в условиях дальневосточного пограничья / А. В. Михалев // *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы : коллектив. моногр. / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко*. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. – С. 322–335.
9. Поцелуев, С. П. «Символическая политика»: к истории концепта / С. П. Поцелуев // *Символическая политика*. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М. : ИНИОН РАН, 2012. – С. 17–54.
10. Ремнев, А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков / А. В. Ремнев. – Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. – 552 с.
11. Ремнев, А. В. «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или «сомнительные культуртрегеры» / А. В. Ремнев, Н. Г. Суворова // *Ab impenio*. – 2008. – № 2. – С. 157–222.

12. Русские Курилы. История и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы / А. Кошкин, А. Плотников, В. Зиланов, С. Пономарев. М. : Алгоритм, 2015. – 430 с.
13. Саблин, И. Дальневосточная республика. От идеи до ликвидации / И. Саблин. – М. : НЛЮ, 2020. – 480 с.
14. Шмитт, К. Теория партизана / К. Шмитт. – М. : Праксис, 2007. – 301 с.
15. Davis, S. The Russian Far East. The last frontier / S. Davis. – London ; New York : Routledge, 2003. – 155 p.
16. Edelman, M. The Symbolic Uses of Politics / M. Edelman. – Urbana etc : University of Illinois Press, 1972. – 201 p.
17. Kusenbach, M. Street phenomenology: the go-along as ethnographic research tool / M. Kusenbach // *Ethnography*. – 2003. – Vol. 4, № 4. – P. 455–485.
18. Meyer, T. Die Inszenierung des Scheins. Voraussetzungen und Folgen symbolischer Politik. Essay-Montage / T. Meyer. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1992. – 203 s.
19. Peshkov, I. In the shadow of ‘frontier disloyalty’ at Russia – China – Mongolia border zones / I. Peshkov // *History and anthropology*. – 2017. – Vol. 27. – P. 429–444. – DOI: <https://doi.org/10.1080/02757206.2017.1351358>.
20. Wood, A. Russia’s Frozen Frontier. A history of Siberia and Russian Far East 1581–1991 / A. Wood. – L. : Bloomsbury, 2011. – 272 p.

REFERENCES

1. Avchenko V. *Pravyy rul* [The Right Wheel]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2012. 368 p.
2. Bliakher L.E., Bliakher M.L. Zomija na Amure, ili Gosudarstvennyj porjadok protiv porjadka vne gosudarstva [Zomia on the Amur, or State Order Against the Order Outside of State]. *Politea*, 2018, no. 1 (88), pp. 148-171. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-88-1-148-171.
3. Bliakher L.E. Regionalnaja samoidentifikacija i transgranichnye praktiki na Dalnem Vostoke Rossii [Regional Self-Identification and Transborder Practices in Russian the East]. *Prostranstvennaja jekonomika* [Spatial Economics], 2005, no. 1, pp. 117-132.
4. Govoruhin G.Je., Osipov G.R. Nedoosvoennye territorii osvoennogo prostranstva (jekonomiko-sociologičeskij aspekt) [Underdeveloped Territories of the Developed Space (Economic and Sociological Aspect)]. *Vestnik TOGU* [Bulletin of PNU], 2007, no. 2 (5), pp. 179-196.
5. Zamjatin D.N. *Vlast prostranstva i prostranstvo vlasti: geograficheskie obrazy v politike*

i mezhdunarodnyh otnoshenijah [The Power of Space and the Space of Power: Geographical Images in Politics and International Relations]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 352 p.

6. Malinova O.Yu. *Konstruirovanie smyslov: Issledovanie simvolicheskoy politiki v sovremennoj Rossii* [Meaning Construction: A Study of Symbolic Politics in Contemporary Russia]. Moscow, INION RAN, 2013. 421 p.

7. Malinova O.Yu. Simvolicheskaja politika: kontury problemnogo polja [Symbolic Politics: Contours of the Problem Field]. *Simvolicheskaja politika. Vyp. 1: Konstruirovanie predstavlenij o proshlom kak vlastnyj resurs* [Symbolic Politics. Vol. 1: Constructing Representations of the Past as an Imperious Resource]. Moscow, INION RAN, 2012, pp. 5-16.

8. Mikhalev A.V. Chasovye frontira: pamjatniki atamanam i politika kommemoracii v uslovijah dalnevostochnogo pograničija [Frontier Watchmen: Atamans Monuments and the Policy of Commemoration Within Far East Frontiers]. *Politika pamjati v sovremennoj Rossii i stranah Vostočnoj Evropy. Aktory, instituty, narrativy: kolektiv. monogr.* [The Politics of Memory in Modern Russia and the Countries of Eastern Europe. Actors, Institutions, Narratives: A Collective Monograph]. Saint Petersburg, Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020, pp. 322-335.

9. Poceluev S.P. «Simvolicheskaja politika»: k istorii koncepta [“Symbolic Politics”: To the History of the Concept]. *Simvolicheskaja politika. Vyp. 1: Konstruirovanie predstavlenij o proshlom kak vlastnyj resurs* [Symbolic Politics. Vol. 1: Constructing Representations of the Past as an Imperious Resource]. Moscow, INION RAN, 2012, pp. 17-54.

10. Remnev A.V. *Rossija Dalnego Vostoka. Imperskaja geografija vlasti XIX – nachala XX vekov* [Russia of the Far East. Imperial Geography of Power

in the 19th – Early 20th Centuries]. Omsk, Izd-vo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, 2004. 552 p.

11. Remnev A.V., Suvorova N.G. «Russkoe delo» na aziatskih okrainah: «russkost» pod ugrozoi ili «somitelnye kulturtregery» [“The Russian Cause” on the Asiatic Borderlands: The “Russianness” Under Threat and “Questionable Kulturträgers”]. *Ab impeio*, 2008, no. 2, pp. 157-222.

12. Koshkin A., Plotnikov A., Zilanov V., Ponomarev S. *Russkie Kurily. Istorija i sovremennost. Sbornik dokumentov po istorii formirovanija russko-japonskoj i sovetsko-japonskoj granicy* [Russian Kuriles. History and Modernity. Collection of Documents on the History of the Formation of the Russian-Japanese and Soviet-Japanese Borders]. Moscow, Algoritm Publ., 2015. 430 p.

13. Sablin I. *Dalnevostochnaja respublika. Ot idei do likvidacii* [Far Eastern Republic. From Idea to Liquidation]. Moscow, NLO, 2020. 480 p.

14. Shmitt K. *Teorija partizana* [Theory of the Partisan]. Moscow, Praksis, 2007. 301 p.

15. Davis S. *The Russian Far East. The Last Frontier*. London and New York, Routledge, 2003. 155 p.

16. Edelman M. *The Symbolic Uses of Politics*. Urbana etc, University of Illinois Press, 1972. 201 p.

17. Kusenbach M. Street Phenomenology: The Go-Along as Ethnographic Research Tool. *Ethnography*, 2003, vol. 4, no. 4, pp. 455-485.

18. Meyer T. *Die Inszenierung des Scheins. Voraussetzungen und Folgen Symbolischer Politik. Essay-Montage*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1992. 203 s.

19. Peshkov I. In the Shadow of Frontier Disloyalty at Russia – China – Mongolia Border Zones. *History and Anthropology*, 2017, vol. 27, pp. 429-444. DOI: <https://doi.org/10.1080/02757206.2017.1351358>.

20. Wood A. *Russia's Frozen Frontier. A History of Siberia and Russian Far East 1581–1991*. London, Bloomsbury, 2011. 272 p.

Information About the Author

Alexey V. Mikhalev, Doctor of Sciences (Politics), Associate Professor, Director, Center of Political Transformation Studies, Buryat State University, Smolina St, 24a, 670000 Ulan-Ude, Russian Federation, mihalew80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7069-2338>

Информация об авторе

Алексей Викторович Михалев, доктор политических наук, доцент, директор Центра изучения политических трансформаций, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, ул. Смолина, 24а, 670000 г. Улан-Удэ, Российская Федерация, mihalew80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7069-2338>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.21>

UDC 324
LBC 66.0

Submitted: 31.08.2020
Accepted: 22.01.2021

SPATIAL FEATURES OF ELECTORAL CONFORMISM IN RUSSIA IN THE 2000s

Mihail I. Krishtal

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The focus of the article is on identifying spatial patterns of the conformist voting results in the federal elections of Russia in the 2000s. The relevance stems from the fact that the country is experiencing territorial and substantive localization of protest against the background of growing social tension. Therefore, the analysis of the election results acts as a mechanism for assessing socio-political and protest sentiments in the regions. *Methods and materials.* The methodological basis of the study was the sociological and rational-instrumental approaches. Voters give their preference according to their social affiliation and assessments of economic well-being. *Analysis.* The main research methods were statistical analysis methods. Through the use of Pearson's correlation analysis method, the influence of factors on voting was revealed. Calculations of variation coefficients made it possible to analyze the dynamics of electoral behavior for stability in the regions. Based on calculations of average values of loyalty ratios, regions were grouped according to the specifics of electoral behavior. *Results.* It was revealed that there is a significant negative correlation between the share of the Russian population, the level of urbanization and the results of conformist voting. In the recent federal elections, the influence of these factors is weakening, which is associated with the process of nationalization of the party system of Russia. The grouping of regions according to the specifics of the voting demonstrated the presence of moderate electoral nonconformism in almost all subjects of Siberia and the Far East, which creates the prerequisites for fixing the "eastern belt" of protest sentiments. A similar specificity was revealed in two capitals, a number of regions with a low quality of life index in the central and northwestern part of Russia, the exclave Kaliningrad region, the economically depressed Kurgan region, as well as in the Volgograd and Kirov regions. The highest level of electoral conformism is recorded mainly in regions with a high degree of authoritarianism regimes. An analysis of voting dynamics showed that in the regions where large-scale protests have taken place in recent years, stable non-conformist sentiments in elections have been formed during the preceding period.

Key words: electoral geography, parliamentary elections, presidential elections, electoral behavior, voting, conformism.

Citation. Krishtal M.I. Spatial Features of Electoral Conformism in Russia in the 2000s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 237-248. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.21>

УДК 324
ББК 66.0

Дата поступления статьи: 31.08.2020
Дата принятия статьи: 22.01.2021

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО КОНФОРМИЗМА В РОССИИ В 2000-е ГОДЫ

Михаил Игоревич Кришталь

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, г. Калининград, Российская Федерация

Аннотация. Фокус исследования акцентирован на выявлении пространственных закономерностей результатов конформистского голосования на федеральных выборах России в период 2000-х годов. Актуальность обусловлена тем, что на фоне роста социальной напряженности в стране происходит территориальная и содержательная локализация протеста. Поэтому анализ результатов выборов выступает в качестве меха-

низма оценки общественно-политических и протестных настроений в регионах. Методологической основой исследования выступали социологический и рационально-инструментальный подходы, согласно которым избиратели голосуют исходя из своей социальной принадлежности и оценок экономического благополучия. Основными методами исследования были методы статистического анализа. Посредством использования метода корреляционного анализа Пирсона выявлялось влияние факторов на голосование. Расчеты коэффициентов вариации позволили проанализировать динамику электорального поведения на предмет стабильности в регионах. На основе расчетов средних значений коэффициентов лояльности произведена группировка регионов согласно специфике электорального поведения. Выявлено, что существует значительная отрицательная корреляция между долей русского населения, уровнем урбанизации и результатами конформистского голосования. На последних федеральных выборах влияние этих факторов ослабевает, что связано с процессом национализации партийной системы России. Группировка регионов согласно специфике голосования продемонстрировала наличие умеренного электорального неконформизма практически во всех субъектах Сибири и Дальнего Востока, что создает предпосылки для фиксации «восточного пояса» протестных настроений. Схожая специфика выявлена и в двух столицах, ряде регионов центральной и северо-западной части России с невысоким индексом качества жизни, эксклавной Калининградской области, экономически депрессивной Курганской области, а также в Волгоградской и Кировской областях. Наиболее высокий уровень электорального конформизма зафиксирован преимущественно в регионах с высокой степенью авторитарности режимов. Анализ динамики голосования показал, что в регионах, в которых в последние годы прошли масштабные акции протеста, в течение предшествующего им периода сформировались устойчивые неконформистские настроения на выборах.

Ключевые слова: электоральная география, парламентские выборы, президентские выборы, электоральное поведение, голосование, конформизм.

Цитирование. Кришталь М. И. Пространственные особенности электорального конформизма в России в 2000-е годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 237–248. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.21>

Введение. Анализ пространственных закономерностей результатов голосования позволяет выявить факторы, влияющие на поддержку действующей власти в регионах, специфику сложившихся в них общественно-политических настроений и степень протестной активности. Данный анализ особенно актуален для крупных государств в силу существенных культурно-исторических, этнических, социально-экономических и иных различий регионов, которые накладывают отпечаток на их электоральный портрет. Безусловно, данное утверждение касается и России.

Использование географического подхода к исследованию электорального поведения актуально для современной России в силу того, что на фоне роста социальной напряженности [22, с. 105] происходит содержательная и территориальная локализация протестных действий. В качестве недавних примеров можно привести протесты в регионах, в основе которых лежат различные факторы: экологические (в Архангельской области и Республике Коми в связи с планами строительства мусорного полигона на станции Шиес), политические (в Хабаровском крае по причине

ареста губернатора С.И. Фургала) и др. В этой связи выборы выступают в качестве механизма оценки общественно-политической и социальной ситуации в субъектах Российской Федерации. Анализ динамики и специфики голосования в регионах, формирование их электоральных портретов может предоставить научную базу, на основе которой могут предприниматься государственные меры по предотвращению социально-политических кризисов.

Фокус настоящего исследования акцентирован на анализе географических особенностей результатов федеральных выборов 2000-х годов. Использование итогов выборов федерального уровня для электорального анализа обусловлено тем, что они отличаются наибольшей активностью избирателей и воспринимаются ими как наиболее значимые. Хронологические рамки научной статьи охватывают период с 2000 г. (прошли президентские выборы, на которых впервые одержал победу В.В. Путин) до 2020 г., когда состоялось общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ.

Этот электоральный период кардинально отличается от периода 1990-х годов. Во-

первых, в партийной системе страны в 2000-е гг. появилась доминирующая партия «Единая Россия», выборы президента страны стали заметно менее конкурентными. Во-вторых, ушел в прошлое привычный для 1990-х гг. электоральный раскол между реформистами (центристы и демократы) и консерваторами (коммунисты и национал-патриоты) [14, с. 14]. В 2000-е гг. возникло новое основное электоральное размежевание в стране, представляющее собой противостояние власти и «невласти» [11, с. 99; 12, с. 63–64]. В-третьих, с 2000 г. сформировалась достаточно устойчивая география голосования в поддержку участников федеральных выборов, представляющих власть (В.В. Путин, Д.А. Медведев и «Единая Россия»), а также поправок в Конституцию РФ в 2020 г., что подтверждают данные корреляционного анализа Пирсона (табл. 1). Этот тип электоральной поддержки обозначается в данном исследовании как конформистское голосование.

В результате в 2000-е гг. в России сформировалась структура электорального пространства, заметно отличающаяся от структуры 1990-х [20, с. 176]. Поэтому целью исследования является выявление региональных особенностей конформистского голосования в России в 2000-е годы. Исходя из поставленной цели выделены следующие задачи:

- выявление факторов, влияющих на уровень конформистского голосования в Российской Федерации;
- группировка регионов России согласно степени конформистского голосования;
- анализ стабильности уровня конформистского голосования в регионах России.

В качестве исследовательских гипотез научной работы представлены два предположения, которые в ряде случаев могут выступать как взаимоисключающие. Первое – начало протестов в регионах является следстви-

ем относительно низкой поддержки властей на выборах. Второе – невысокий уровень конформистского голосования обусловлен возникшей в регионе протестной ситуацией.

Методология и методы исследования. В современной научной литературе можно выделить три основных теоретических подхода электорального поведения: социологический, социально-психологический и рационально-инструментальный [16]. Социологический подход подразумевает, что электоральное поведение избирателей объясняется их принадлежностью к социальной группе, а также существующими в обществе размежеваниями (cleavages) [24]. В дальнейшем этот подход получил развитие в теории расколов С.М. Липсета и С. Роккана [27]. Они объяснили, что социальная дифференциация создает потенциальную основу для возникновения политических конфликтов, впоследствии приводящих к созданию социальной базы партий.

Для выявления связи между уровнем конформистского голосования и социальной дифференциацией в статье используется метод корреляционного анализа Пирсона. Корреляционные ряды построены в соответствии с административно-территориальным делением России. В качестве независимых переменных использовались такие социальные показатели, как доля русского населения, молодежи и уровень урбанизации в регионах. Эмпирической базой исследования выступали данные переписи населения России 2010 г. [7], которые использовались в качестве медианных показателей в период 2000–2020 годов. Регионы, присоединившиеся к более крупным субъектам страны до 2010 г., не были учтены в ходе корреляционного анализа. Итоги переписи 2014 г. в Крымском федеральном округе (Республика Крым и г. Севастополь) [8] использовались для выявления степени влияния различных факторов на конформистское голо-

Таблица 1. Географическая устойчивость конформистского голосования на федеральных выборах

Table 1. Geographic sustainability of conformist voting in federal elections

2000–2003	2003–2004	2004–2007	2007–2008	2008–2011	2011–2012	2012–2016	2016–2018	2018–2020
$r = 0,45$	$r = 0,8$	$r = 0,75$	$r = 0,86$	$r = 0,87$	$r = 0,92$	$r = 0,86$	$r = 0,86$	$r = 0,76$

Примечание. Составлено автором по: [2].

сование в этих двух регионах. Результаты конформистского голосования были взяты с сайта Центральной избирательной комиссии России [2].

Согласно социально-психологическому подходу в качестве объекта, с которым проявляет солидарность электорат, выступает малая социальная группа: политическая партия, союз, ассоциация [28]. При этом предполагается, что ранняя политическая социализация индивида происходит под серьезным влиянием семьи. Учитывая непродолжительную практику альтернативных выборов в России, среди населения не сложилось устойчивой партийной идентификации, поэтому этот подход не применяется в данном исследовании.

В соответствии с положениями рационально-инструментального подхода [25] электорат голосует за ту политическую силу, которая предоставит ему больше выгод, чем другие. М. Фиорина несколько развил идеи данного подхода, согласно его теории ретроспективного голосования [26] избиратели отдадут предпочтение власти исходя из своего экономического положения.

Для подтверждения связи влияния социально-экономических факторов на уровень конформистского голосования в статье также применяется корреляционный анализ Пирсона. В качестве независимых переменных выступали среднеарифметические показатели индексов качества жизни в российских регионах с 2012 по 2019 г., которые в этот период составляло универсальное рейтинговое агентство РИА Рейтинг [18]. Рейтинг регионов основывается на 70 показателях, объединенных в 11 групп: уровень доходов населения; занятость населения и рынок труда; жилищные условия населения; безопасность проживания; демографическая ситуация; экологические и климатические условия; здоровье населения и уровень образования; обеспеченность объектами социальной инфраструктуры; уровень экономического развития; уровень развития малого бизнеса; освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры. Использование совокупного комплекса социально-экономических показателей для выявления их влияния на электоральное поведение отличается от инструментария, используемого отечественными исследователями,

которые анализируют взаимосвязи голосования с отдельными переменными, отражающими социально-экономическое положение регионов страны [19, с. 52].

Для анализа различий уровней конформистского голосования в работе применяется расчет коэффициентов лояльности (КЛ). Они представляют собой выраженное в процентах отношение доли голосов, отданной избирателями за представителя власти на федеральных выборах или в поддержку поправок в Конституцию РФ в 2020 г., в отдельно взятом регионе к среднеарифметическому значению, полученному среди всех субъектов страны. Затем в случае с каждым регионом по итогам десяти избирательных кампаний рассчитывалось среднеарифметическое значение полученных КЛ, на основе которых производилась группировка субъектов Российской Федерации.

С целью анализа стабильности уровня конформистского голосования в регионах России рассчитывался коэффициент вариации десяти КЛ в каждом субъекте страны. Этот коэффициент представляет собой выраженное в процентах отношение среднего квадратического отклонения и среднего арифметического значения голосования. Чем ниже значение коэффициента вариации, тем стабильнее динамика конформистского голосования в регионе.

В статье не рассматривается влияние фактора электорального абсентеизма на конформистское голосование, поскольку достаточно сложно выявить, почему избиратель не принял участие в выборах: по причине плохой погоды, болезни или из желания протестовать против действующей власти [3, с. 26]. По этой причине в статье не проводится анализ явки избирателей в регионах России.

Анализ. Различные параметры социальной дифференциации, а также качества жизни в регионах на разных этапах имели неравномерную корреляционную связь со степенью конформистского голосования (см. табл. 2). Наибольшая взаимосвязь, причем отрицательная, выявлена между рассматриваемым типом электорального поведения и долей русского населения в регионе. Данный факт подтверждает концепцию Н.В. Зубаревич «Четыре России» [6], согласно которой «четвертая Россия» (национальные республики Северно-

Таблица 2. Корреляционная зависимость между показателями социальной дифференциации и качества жизни в регионах России и результатами конформистского голосования

Table 2. Correlation between indicators of social differentiation and quality of life in Russian regions and the results of conformist voting

Независимые переменные	2000 г.	2003 г.	2004 г.	2007 г.	2008 г.
% русского населения	-0,4 **	-0,72 **	-0,77 **	-0,76 **	-0,72 **
% городского населения	–	-0,39 **	-0,4 **	-0,52 **	-0,43 **
% молодежи	0,24 *	0,47 **	0,42 **	0,57 **	0,47 **
Индекс качества жизни	–	-0,32 **	-0,3 **	-0,38 **	-0,22 *

Примечание. Составлено автором по: [2; 7; 8; 18]; * – корреляция значима на уровне 0,05; ** – корреляция значима на уровне 0,01.

Окончание таблицы 2

End of Table 2

Независимые переменные	2011 г.	2012 г.	2016 г.	2018 г.	2020 г.
% русского населения	-0,75 **	-0,74 **	-0,65 **	-0,51 **	-0,33 **
% городского населения	-0,48 **	-0,47 **	-0,47 **	-0,3 **	-0,31 **
% молодежи	0,56 **	0,57 **	0,37 **	0,2 *	0,22 *
Индекс качества жизни	-0,29 **	-0,36 **	–	–	–

го Кавказа и юга Сибири) в силу глубокой зависимости от федеральной помощи демонстрирует наиболее сильную поддержку участников выборов, представляющих власть. Однако можно наблюдать, что этот фактор на последних федеральных выборах оказывал все меньшее влияние. Схожая ситуация фиксируется в случае с корреляционной зависимостью между уровнем урбанизации и конформистским голосованием: на федеральных выборах 2018 и 2020 гг. происходит снижение влияния этого фактора. Факт того, что с ростом доли молодежи происходит повышение уровня конформистского голосования, объясняется тем, что среди регионов, где высок процент молодых людей, преобладают национальные республики. При этом также с 2016 г. происходит снижение роли данной переменной. Социально-экономические факторы, на основе которых формировался индекс качества жизни в регионах, оказывали наименьшее влияние на уровень конформистского голосования. Более того, в ходе избирательных кампаний 2016, 2018 и 2020 гг. их воздействие фактически отсутствовало.

Существенное снижение влияния рассматриваемых факторов на степень конформистского голосования является последствием процесса национализации партийной системы, под которой понимается рост террито-

риальной гомогенности электоральных предпочтений [15, с. 223]. По мнению Р.Ф. Туровского [21], этот процесс происходит под влиянием развития авторитарных черт в российском политическом режиме при параллельном формировании партийной системы с доминирующей партией. Таким образом, упрощение электоральной карты страны стало следствием упрощения структуры партийной системы. При этом автор отмечает нестабильность этого процесса, упоминая периодически возникающие тенденции, способствующие региональной неоднородности электоральных предпочтений [21, с. 104]. Ю.О. Гайворонский подчеркивает [5, с. 57], что важным фактором в национализации партийной системы России является влияние региональных правящих элит, консолидирующих имеющиеся ресурсы и мобилизующих лояльный электорат на подчиненной территории.

Посредством расчетов средних значений КЛ и проведенного на их основе кластерного анализа было выделено пять групп российских регионов согласно сложившейся специфике конформистского голосования (см. табл. 3). Наиболее высокая степень конформизма зафиксирована в республиках Северного Кавказа, в ряде национальных республик Приволжского федерального округа с высокой долей титульного этноса, в Тыве, Калмыкии, а так-

Таблица 3. Кластеры российских регионов согласно средним значениям КЛ (указан в скобках)

Table 3. Clusters of Russian regions according to average CL values (indicated in parentheses)

Крайне высокий уровень электорального конформизма	
КЛ > 135 %	Республика Дагестан (144,4 %); Республика Ингушетия (141,1 %); Республика Кабардино-Балкария (141,1 %); Республика Мордовия (141 %); Республика Тыва (138,8 %); Республика Чечня (149,3 %)
Высокий уровень электорального конформизма	
135 % > КЛ > 115 %	Республика Башкортостан (117,7 %); Республика Калмыкия (115,3 %); Республика Карачаево-Черкесия (132,3 %); Республика Крым (126,6 %); Республика Северная Осетия – Алания (117,1 %); Республика Татарстан (129,6 %); Чукотский АО (120 %); Ямало-Ненецкий АО (121,9 %)
Умеренно высокий уровень электорального конформизма	
115 % > КЛ > 108 %	Республика Адыгея (108,2 %); Кемеровская область (112,1 %); Саратовская область (110,8 %); Севастополь (111,1 %); Тюменская область (112,2 %)
Отсутствие ярко выраженного электорального конформизма/нонконформизма	
106 % > КЛ > 92 %	Республика Алтай (93,8 %); Архангельская область (92,1 %); Астраханская область (100,5 %); Белгородская область (95,9 %); Брянская область (98,4 %); Республика Бурятия (93,6 %); Вологодская область (95 %); Воронежская область (96,1 %); Еврейская автономная область (94,7 %); Забайкальский край (93,7 %); Калужская область (92,2 %); Камчатский край (92,9 %); Республика Коми (96,6 %); Краснодарский край (103,5 %); Курская область (93,6 %); Ленинградская область (98,5 %); Республика Марий Эл (96,3 %); Мурманская область (92,2 %); Нижегородская область (96 %); Новгородская область (92,9 %); Орловская область (92,8 %); Пензенская область (105,9 %); Пермская область (92,7 %); Псковская область (95 %); Ростовская область (104,2 %); Рязанская область (92,8 %); Республика Саха (Якутия) (94,5 %); Свердловская область (93 %); Ставропольский край (97,6 %); Тамбовская область (103,7 %); Тверская область (92,6 %); Тульская область (99,1 %); Ульяновская область (92,6 %); Республика Удмуртия (99,8 %); Ханты-Мансийский АО (98,4 %); Челябинская область (92,5 %); Республика Чувашия (93,9 %)
Умеренный уровень электорального нонконформизма	
92 % > КЛ	Алтайский край (83,3 %); Амурская область (89,9 %); Владимирская область (88,6 %); Волгоградская область (91,5 %); Ивановская область (91,5 %); Иркутская область (85,2 %); Калининградская область (90 %); Республика Карелия (91,2 %); Кировская область (89,5 %); Костромская область (86 %); Красноярский край (86,6 %); Курганская область (91,4 %); Липецкая область (91,8 %); Магаданская область (90,6 %); Москва (87,1 %); Московская область (90,9 %); Ненецкий АО (86,8 %); Новосибирская область (82,5 %); Омская область (83,4 %); Оренбургская область (84,4 %); Приморский край (82,1 %); Самарская область (89,7 %); Санкт-Петербург (91,9 %); Сахалинская область (88,9 %); Смоленская область (89,3 %); Томская область (87,8 %); Хабаровский край (85,6 %); Республика Хакасия (84,5 %); Ярославская область (87,9 %)

Примечание. Составлено автором по: [2].

же в автономных округах, находящихся на Крайнем Севере страны. Социально-экономические показатели и степень экономической зависимости от Федерального центра в данных регионах существенно различаются. Однако большинство из них кроме высокой доли титульного этноса в населении объединяет авторитарный характер региональных режимов [4, с. 35–37]. Он проявляется в контроле над СМИ, низких возможностях политического участия и прихода к власти оппозиции посредством выборов [4, с. 24]. Исключениями являются Карачаево-Черкесия, Северная Осетия, Тыва и особенно Ханты-Мансийский АО.

Поэтому можно предположить, что наиболее высокий уровень электорального конформизма обусловлен не столько социально-экономическими и иными причинами, сколько результатом сложившихся в регионах политических систем, искусственно усиливающих позиции провластных кандидатов. Поэтому возможная демократизация данных региональных режимов может впоследствии привести к возникновению новых специфик голосования в наиболее электорально-конформных субъектах страны. Также в эту группу регионов входит Республика Крым, что обусловлено эффектом воссоединения полуострова с Россией. С те-

чением более продолжительного электорального периода в этом регионе можно ожидать трансформацию предпочтений избирателей. Это утверждение касается и Севастополя, который входит в группу регионов с умеренно высоким уровнем электорального конформизма. Отметим, что Адыгея, Кемеровская и Тюменская области, входящие в данную группу, также отличаются высокой степенью авторитарности своих региональных режимов. Акцентируя внимание на Тыве и Саратовской области как на исключениях взаимосвязи между авторитарностью регионального режима и голосованием, можно предположить, что высокий уровень электорального конформизма в них объясним эффектом друзей и соседей. Он связывает голосование за участников выборов с их территориальным происхождением. В данном случае стоит отметить, что министром обороны России с 2012 г. является уроженец Тывы С.К. Шойгу, а пост председателя Госдумы с 2016 г. занимает В.В. Володин, родившийся в Саратовской области. При этом и до занятия своих нынешних постов их можно было рассматривать в качестве представителей властной элиты.

Во всех регионах Сибирского (СФО) и Дальневосточного (ДФО) федеральных округов, кроме уже упомянутых Кемеровской области, Тывы и Чукотского АО, зафиксированы одни из самых низких средних значений КЛ. Эти субъекты страны или входят в группу регионов, для которых характерен умеренный электоральный конформизм, или находятся на грани попадания в нее. Таким образом, в восточной части России существует сплошной ареал, занимающий огромную территорию, в котором наиболее сильны протестные настроения на выборах. Его формированию способствует совокупность негативных факторов географического и социально-экономического характера [1, с. 48]. Причем основными бенефициарами сложившейся ситуации на выборах являются КПРФ и ЛДПР, пользующиеся на данной территории устойчиво повышенной поддержкой избирателей [17, с. 128]. Можно наблюдать практические проявления таких настроений и на выборах регионального уровня: победа С.Г. Левченко (КПРФ) на губернаторских выборах 2015 г. в Иркутской области, аналогичная победа С.И. Фурга-

ла (ЛДПР) в 2018 г. в Хабаровском крае, избрание главой Якутска С.В. Авксентьевой от «Партии возрождения России» в 2018 г. и т. д. Данная реакция на практике реализуется не только посредством политических действий, но и через миграцию в западную часть России: в период 2000-х гг. в СФО и ДФО зафиксирован самый большой отток населения в стране [23].

Другие конформистские регионы имеют различное географическое и социально-экономическое положение. Умеренный уровень конформистского голосования зафиксирован в мегаполисах с самым высоким уровнем жизни: в Москве, прилегающей к ней Московской области, и Санкт-Петербурге. Такая специфика голосования, вероятно, связана с высокой долей в этих регионах среднего класса, часть которого, главным образом предприниматели и интеллигенция, настроена на экономические и политические изменения в стране [9, с. 180–181]. Также эта группа включает ряд регионов Центрального (ЦФО) и Северо-Западного (СЗФО) федеральных округов с относительно невысоким индексом качества жизни: Карелия, Ненецкий АО, Кировская область, Костромская область, Ивановская область. Таким образом, данная часть России также имеет потенциал для возникновения политического конфликта. Отметим нахождение в группе Курганской области, в которой фиксируется один из самых низких индексов качества жизни, Волгоградской и Кировской областей, входящих в Приволжский федеральный округ (ПФО). Также в эту группу вошла Калининградская область, умеренный электоральный конформизм которой, возможно, связан с особым набором социально-экономических проблем, вызванных эксклавностью [13].

Анализ динамики стабильности специфики голосования продемонстрировал, что сильнее всего показатели КЛ менялись в регионах с крайне высоким уровнем конформизма на выборах (см. табл. 4): в Чечне (коэффициент вариации КЛ – 24,9 %) и Мордовии (21,4 %), а также в Кемеровской области (24,7 %), в которой зафиксирован умеренный уровень электорального конформизма. В Чечне и Мордовии это связано со значительными колебаниями высокого показателя КЛ. Таким

Таблица 4. Динамика КЛ в регионах с наиболее высокой электоральной нестабильностью и в субъектах страны, в которых в последние годы прошли крупные протесты, %

Table 4. CL dynamics in regions with the highest electoral instability and in the subjects of the country in which major protests have taken place in recent years, %

Регион	КЛ 2000	КЛ 2003	КЛ 2004	КЛ 2007	КЛ 2008	КЛ 2011	КЛ 2012	КЛ 2016	КЛ 2018	КЛ 2020	V
Чечня	93	202	127,7	152	126,9	202,2	154,9	186,3	119,5	128,6	24,9
Кемеровская область	46	131,9	98,9	117,6	100,9	130,5	119,9	149,5	111,7	114,7	24,7
Мордовия	110,1	192,7	126,3	142,8	129,2	186,2	135,2	163,2	111,6	112,5	21,4
Архангельский край	109,6	95,9	107,1	86,7	95,9	64,8	90	86,1	98,4	86,5	13,7
Коми	110,1	83,5	101,8	95	102,6	119,5	101	73,3	93,4	85,5	14
Москва	85,1	86,3	95	82,9	102,3	94,7	72,9	73,1	92,7	85,8	10,8
Хабаровский край	91	86,8	89,2	92,8	91,7	77,4	87,2	72,1	86	81,9	7,8

Примечание. Составлено автором по: [2]. V – коэффициент вариации.

образом, в этих регионах менялась не специфика голосования, а степень ее проявления. Несколько иная ситуация в Кемеровской области. На выборах президента России 2000 г. в этом регионе В.В. Путин получил самый низкий результат в связи с участием в избирательной кампании тогдашнего лидера Кемеровской области А.Г. Тулеева. На предстоящих четырех федеральных выборах партия «Единая Россия» получала высокий уровень поддержки, а В.В. Путин и Д.А. Медведев – средний. Однако с 2011 г. в регионе фиксируется исключительно высокий уровень конформистского голосования. Некоторое снижение показателей КЛ в этих регионах произошло в 2018 и 2020 гг., что связано с ростом территориальной гомогенности голосования, происшедшим в России в данный период.

Заметим, что согласно статистическим расчетам разброс показателей коэффициента вариации считается неоднородным, если он выше 33 %. Поэтому в целом можно говорить об относительной стабильности результатов голосования в российских регионах.

При анализе динамики голосования был сделан акцент на регионах, в которых в последние годы проходили или проходят крупные протестные акции: Архангельский край, Республика Коми, Москва и Хабаровский край. Выявлено, что в Москве и особенно в Хабаровском крае на протяжении 2000-х гг. сложилась устойчивая специфика умеренного неконформистского голосования. Таким образом, в данных регионах сформировалась общественно-политическая среда, предполагающая при наличии актуальных для населения

поводов возникновения протестной активности. В Республике Коми в 2000-е гг. произошла трансформация электоральной специфики: начиная с выборов в Госдуму 2016 г., в регионе фиксируется умеренный уровень электорального неконформизма. Это не может быть связано с протестами в Шиесе, которые начались в июле 2018 года. Велика вероятность, что ключевую роль в данной трансформации сыграл арест в 2015 г. главы республики В.М. Гайзера. Во-первых, сам факт задержания руководителя региона, члена «Единой России», повлиял на рейтинг доверия партии. Во-вторых, при В.М. Гайзере активно подавлялись независимые СМИ и оппозиция [10, с. 25], что способствовало искусственному росту электорального конформизма.

В Архангельском крае на президентских выборах избиратели не демонстрировали ярко выраженный конформизм или неконформизм, а в ходе избирательных кампаний в Госдуму и во время голосования по поправкам в Конституцию РФ проявляется с 2006 г. относительно высокая степень неконформистских настроений.

Таким образом, скорее подтвердилась гипотеза, согласно которой масштабные протесты регионального уровня происходят в регионах с высоким по российским меркам уровнем электорального неконформизма. Однако нельзя полностью нивелировать значение ситуативного фактора. Пример тому – итоги голосования по поправкам в Конституцию РФ 2020 г. в Ненецком АО. Это единственный регион, где большинство высказалось «против», что связано с недовольством жителей

относительно планов по объединению автономного округа с Архангельским краем. Хотя нужно отметить, что в Ненецком АО, начиная с выборов в Госдуму 2007 г., стабильно фиксируется значительный уровень электорального неконформизма. Также, как уже упоминалось, ситуативный фактор (эффект воссоединения с Россией) оказывает влияние на голосование в Республике Крым и Севастополе.

Результаты. Обнаружено, что в качестве основных факторов, с которыми сильнее всего коррелирует конформистский тип голосования, причем отрицательно, выступают доля русского населения и уровень урбанизации. Самый высокий уровень электорального конформизма фиксируется в национальных республиках Северного Кавказа, Поволжья, автономных округах Крайнего Севера, Тыве и Калмыкии. Поскольку в большинстве этих регионов проживает более высокая, чем в среднем по стране доля молодежи, корреляция продемонстрировала положительную связь между данной переменной и уровнем голосования. Однако более глубокий анализ позволил предположить, что не эти факторы являются основными составляющими формирования специфики электоральных предпочтений, а степень авторитаризма в данных субъектах России. Именно эта особенность, заключающаяся в сильном контроле над СМИ, низких возможностях участия в политике и прихода к власти оппозиции, объединяет абсолютное большинство регионов с высоким уровнем электорального конформизма. В свою очередь существенной связи между социально-экономическими показателями и долей конформистски настроенного электората не выявлено. Более того, зафиксировано, что значение факторов, имеющих существенную корреляционную связь с итогами голосования, начиная с выборов 2011–2012 гг., заметно снижается. Этот факт является следствием процесса национализации партийной системы, представляющего собой рост территориальной однородности электоральных предпочтений.

В список регионов, для которых характерен умеренный уровень электорального неконформизма, входит большинство субъектов ДФО и СФО. Они формируют огромную по

размерам территорию с относительно высоким протестным потенциалом. Это представляет высокую угрозу для страны по причине геополитической значимости данных федеральных округов, учитывая наличие в них богатых месторождений полезных ископаемых и близость к активно развивающемуся Азиатско-Тихоокеанскому региону. Также в эту группу входят мегаполисы (Москва, прилегающая к ней Московская область, и Санкт-Петербург), экономически депрессивная Курганская область, регионы ЦФО и СЗФО с невысоким индексом качества жизни, эксклавная Калининградская область, а также Волгоградская и Кировская области. Наличие в этой группе регионов с различным социально-экономическим положением и социальной структурой населения позволяет констатировать, что причинные основы электорального неконформизма в России имеют существенные отличия. При этом на географическом уровне можно выделить сразу два территориальных размежевания. В пределах всей страны: более неконформистский Восток – более лояльный и электорально неоднородный Запад. В пределах Европейской части России существует примерно такая же дихотомия в разрезе Север – Юг.

Наибольшая нестабильность динамики голосования присуща регионам со значительным уровнем конформизма на выборах: Чечня, Мордовия и Кемеровская область. В первых двух менялась не специфика голосования, а степень ее проявления. В Кемеровской области произошла трансформация от региона, где В.В. Путин в 2000 г. получил худший результат на выборах (по причине участия в них главы области А.Г. Тулеева), до области с высоким уровнем электорального конформизма.

Анализ электоральной стабильности в регионах, в которых прошли крупные протестные акции, показал, что на протяжении 2000-х гг., или периода, предшествовавшего протестам, на выборах фиксируются существенные неконформистские настроения. Поэтому можно констатировать, что электоральный анализ может выступать в качестве механизма прогнозирования возможных проявлений массового протеста. В качестве примеров, подтверждающих это утверждение, можно привести кейсы в регионах с умеренным электоральным не-

конформизмом: Приморский край (акции протеста 2008–2009 гг. по причине роста ввозных пошлин на иномарки), Калининградская область (протесты 2009–2010 гг. в связи с повышением транспортного налога), Москва (протестные акции 2011–2012 гг., вызванные недоверием к результатам выборов в Госдуму 2011 г., митинг в поддержку И.В. Голунова 2019 г.), Хабаровский край (протесты 2020 г. из-за ареста С.И. Фургала) и т. д. Также в качестве примера можно привести Архангельскую область, лишь формально не вошедшую в данную группу регионов (КЛ = 92,1 %), в которой прошли протестные акции 2018–2020 гг. в связи с планами строительства в ней мусорного полигона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ареал социально-экономического отставания и протестного электорального поведения в восточной части РФ / П. Л. Попов, А. А. Черенев, В. Г. Сараев, Д. А. Галес // *Власть*. – 2019. – Т. 27, № 2. – С. 43–51. – DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i2.6296>.
2. Архив выборов и референдумов // Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/ (дата обращения: 22.08.2020). – Загл. с экрана.
3. Ахременко, А. С. Голосование «против всех» как форма политического протеста: проблемы изучения / А. С. Ахременко, Е. Ю. Мелешкина // *Политическая наука*. – 2002. – № 1. – С. 23–49.
4. Гайворонский, Ю. О. Региональные политические режимы в России: концептуальные новации и возможности измерения / Ю. О. Гайворонский // *Полития*. – 2015. – № 2. – С. 21–37.
5. Гайворонский, Ю. О. Факторы национализации партийной системы современной России / Ю. О. Гайворонский // *Полис. Политические исследования*. – 2018. – № 1. – С. 45–61. – DOI: [10.17976/jpps/2018.01.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.04).
6. Зубаревич, Н. В. Четыре России / Н. В. Зубаревич // *Ведомости*. – 2011. – Т. 30. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_gossii (дата обращения: 22.08.2020). – Загл. с экрана.
7. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/peregpis2010/croc/peregpis_itogi1612.htm (дата обращения: 22.08.2020). – Загл. с экрана.
8. Итоги переписи населения 2014 года в Крымском федеральном округе. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/prez_surinov\(1\).pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/prez_surinov(1).pdf) (дата обращения: 22.08.2020). – Загл. с экрана.
9. Камерон, Р. Российский средний класс: Агент демократии или оплот консерватизма? / Р. Камерон // *Политическая наука*. – 2017. – № 1. – С. 162–185.
10. Ковалев, В. А. «Гайзергейт» в Республике Коми: неработающие институты авторитарного администрирования и политический порядок / В. А. Ковалев // *Россия и современный мир*. – 2016. – № 2. – С. 22–38.
11. Коргунюк, Ю. Г. Выборы по пропорциональной системе как массовый опрос общественного мнения / Ю. Г. Коргунюк // *Политическая наука*. – 2017. – № 1. – С. 90–119.
12. Коргунюк, Ю. Г. Президентские выборы в постсоветской России через призму концепции размежеваний / Ю. Г. Коргунюк // *Полития*. – 2018. – № 4. – С. 32–69. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-91-4-32-69>.
13. Кришталь, М. И. Электоральная специфика Калининградской области в условиях эксклавноности / М. И. Кришталь // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки*. – 2018. – № 2. – С. 93–108.
14. Левада, Ю. А. Социально-пространственная структура российского общества: центр и регионы / Ю. А. Левада // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 1996. – № 2. – С. 13–17.
15. Лихтенштейн, А. В. Федерализм и «партии власти» в России: территориальное распределение электоральной поддержки / А. В. Лихтенштейн // *Третий электоральный цикл в России: 2003–2004 годы. Вып. 14 / отв. ред. В. Я. Гельман*. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. – С. 217–245.
16. Мелешкина, Е. Ю. Исследования электорального поведения: теоретические модели и проблемы их применения / Е. Ю. Мелешкина // *Политическая наука*. – 2001. – № 2. – С. 187–212.
17. Попов, П. Л. Анализ региональных и макро-региональных факторов поддержки основных политических партий на выборах в ГД РФ 2016 г. / П. Л. Попов, А. А. Черенев, В. Г. Сараев // *Вестник Томского государственного университета*. – 2018. – № 436. – С. 124–130. – DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/436/14>.
18. Рейтинговое агентство РИА Рейтинг. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://rating.ru/regions/> (дата обращения: 22.08.2020). – Загл. с экрана.
19. Туровский, Р. Ф. Влияние экономики на электоральное поведение в России: работает ли «контракт» власти и общества? / Р. Ф. Туровский, Ю. О. Гайворонский // *Полития*. – 2017. – № 3. – С. 42–61. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-86-3-42-61>.
20. Туровский, Р. Ф. Национализация и регионализация партийных систем: подходы к исследо-

ванию / Р. Ф. Туровский // *Полития*. – 2016. – № 1. – С. 162–180. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-80-1-162-180>.

21. Туровский, Р. Ф. Электоральное пространство России: от навязанной национализации к новой регионализации? / Р. Ф. Туровский // *Полития*. – 2012. – № 3. – С. 100–120.

22. Фролов, А. А. Протесты в России: СМИ и реакция властей / А. А. Фролов, А. В. Палагичева, Я. В. Барский // *PolitBook*. – 2018. – № 1. – С. 104–114.

23. Щербакова, Е. М. Миграция в России, предварительные итоги 2019 года / Е. М. Щербакова // *Демоскоп*. – 2019. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0851/barom04.php> (дата обращения: 26.08.2020). – Загл. с экрана.

24. Berelson, B. Voting: A study of opinion formation in a presidential campaign / B. Berelson, P. Lazarsfeld, W. McPhee. – Chicago ; L. : Univ. of Chicago press, 1954. – XIX, 395 p.

25. Downs, A. An economic theory of democracy / A. Downs. – N. Y. : Harper and Row, 1957. – 310 p.

26. Fiorina, M. Retrospective voting in American national elections / M. Fiorina. – New Haven : Yale University Press, 1981. – 193 p.

27. Lipset, S. M. Cleavage structures, party system, and voter alignments: An introduction / S. M. Lipset, S. Rokkan // *Party system and voter alignments*. – N. Y. : Free Press, 1967. – P. 27–45.

28. The American Voter / A. Campbell, Ph. E. Converse, W. E. Miller, D. E. Stokes. – N. Y. : Wiley, 1960. – 573 p.

REFERENCES

1. Popov P.L., Cherenev A.A., Saraev V.G., Gales D.A. Areal social'no-jekonomicheskogo otstavaniya i protestnogo jelektoral'nogo povedeniya v vostochnoj chasti RF [Areal of Social and Economic Retention and Protest Electoral Behavior in the East of the Russian Federation]. *Vlast'*, 2019, vol. 27, no. 2, pp. 43-51. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i2.6296>.

2. Arkhiv vyborov i referendumov [Archive of Elections and Referendums]. *Tsentralnaia izbiratelnaia komissiiia Rossiiskoi Federatsii* [Central Election Commission of the Russian Federation]. URL: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/ (accessed 22 August 2020).

3. Akhremenko A.S., Meleshkina E.Iu. Golosovanie «protiv vseh» kak forma politicheskogo protesta: problemy izucheniia [The “Against All” Voting as a Form of Political Protest: Problems of Study]. *Politicheskaiia nauka* [Political Science], 2002, no. 1, pp. 23-49.

4. Gaivoronskii Iu.O. Regionalnye politicheskie rezhimy v Rossii: kontseptualnye novatsii i

vozmozhnosti izmereniia [Regional Political Regimes in Russia: Conceptual Innovations and Measurement Possibilities]. *Politeia*, 2015, no. 2, pp. 21-37.

5. Gaivoronskii Iu.O. Faktory natsionalizatsii partiinoi sistemy sovremennoi Rossii [Factors of Nationalization of the Party System of Modern Russia]. *Polis, Politicheskije issledovanija* [Polis. Political Studies]. 2018, no. 1, pp. 45-61. DOI: 10.17976/jpps/2018.01.04.

6. Zubarevich N.V. Chetyre Rossii [Four Russias]. *Vedomosti*, 2011, vol. 30. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/12/30/chetyre_rossii (accessed 22 August 2020).

7. *Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2010 goda* [Results of the 2010 National Census]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 22 August 2020).

8. *Itogi perepisi naseleniia 2014 goda v Krymskom federalnom okruge* [Results of the 2014 National Census in the Crimean Federal District]. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/prez_surinov\(1\).pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/prez_surinov(1).pdf) (accessed 22 August 2020).

9. Kameron R. Rossiiskii srednii klass: Agent demokratii ili oplot konservatizma? [Russian Middle Class: A Democracy Agent or a Stronghold of Conservatism?]. *Politicheskaiia nauka* [Political Science], 2017, no. 1, pp. 162-185.

10. Kovalev V.A. «Gaizergeit» v Respublike Komi: nerabotaiushchie instituty avtoritarnogo administrirovaniia i politicheskii poriadok [“Gaisergate” in the Komi Republic: Non-Functioning Institutions of Authoritarian Administration and Political Order]. *Rossiiia i sovremennyi mir* [Russia and the Modern World], 2016, no. 2, pp. 22-38.

11. Korguniuk Iu.G. Vybory po proporsionalnoi sisteme kak massovyi opros obshchestvennogo mneniia [Proportional Elections as a Public Opinion Poll]. *Politicheskaiia nauka* [Political Science], 2017, no. 1, pp. 90-119.

12. Korgunyuk Yu.G. Prezidentskie vybory v postsovetskoj Rossii cherez prizmu koncepcii razmezhevanij [Presidential Elections in Post-Soviet Russia Through Lenses of Cleavage Theory]. *Politeia*, 2018, no. 4, pp. 32-69. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-91-4-32-69.

13. Krishtal M.I. Elektoralnaia spetsifika Kaliningradskoi oblasti v usloviakh eksklavnosti [The Electoral Specifics of the Kaliningrad Region in the Conditions of Exclavity]. *Vestnik Baltiiskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriiia: gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [IKBFU's Vestnik. Series: Humanities and Social Sciences], 2018, no. 2, pp. 93-108.

14. Levada Yu.A. Sotsialno-prostranstvennaia struktura rossiiskogo obshchestva: tsentr i region [Socio-Spatial Structure of Russian Society: Center and

Regions]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes], 1996, no. 2, pp. 13-17.

15. Liechtenstein A.V. Federalizm i «partii vlasti» v Rossii: territorialnoe raspredelenie elektoralnoi podderzhki [Federalism and “Parties of Power” in Russia: Territorial Distribution of Electoral Support]. Gel'man V.Ja. ed. *Tretii elektoralnyi tsikl v Rossii: 2003–2004 gody* [Third Electoral Cycle in Russia: 2003–2004]. Saint Petersburg, Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2007, pp. 217-245.

16. Meleshkina E.Yu. Issledovaniia elektoralnogo povedeniia: teoreticheskie modeli i problemy ikh primeneniia [Studies of Electoral Behavior: Theoretical Models and Problems of Their Application]. *Politicheskaia nauka* [Political Science], 2001, no. 2, pp. 187-212.

17. Popov P.L., Cherenov A.A., Saraev V.G. Analiz regionalnykh i makroregionalnykh faktorov podderzhki osnovnykh politicheskikh partii na vyborakh v GD RF 2016 g. [Analysis of Regional and Macro-Regional Factors for Supporting the Main Political Parties at the Elections to the State Duma of the Russian Federation in 2016]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2018, no. 436, pp. 124-130. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/436/14>.

18. *Rejtingovoe agentstvo RIA Rejting* [Rating Agency RIA Rating]. URL: <https://riarating.ru/regions/> (accessed 22 August 2020).

19. Turovskii R.F., Gaivoronskii Iu.O. Vliianie ekonomiki na elektoralnoe povedenie v Rossii: rabotaet li «kontrakt» vlasti i obshchestva? [The Influence of the Economy on Electoral Behavior in Russia: Does the “Contract” of Power and Society Work?]. *Politeia*, 2017, no. 3, pp. 42-61. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-86-3-42-61>.

20. Turovskii R.F. Natsionalizatsiia i regionalizatsiia partiinykh sistem: podkhody k issledovaniiu [Nationalization and Regionalization of Party Systems: Approaches to Research]. *Politeia*, 2016, no. 1, pp. 162-180. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-80-1-162-180>.

21. Turovskii R.F. Elektoralnoe prostranstvo Rossii: ot naviazannoi natsionalizatsii k novoi regionalizatsii? [The Electoral Space of Russia: From Imposed Nationalization to New Regionalization?]. *Politeia*, 2012, no. 3, pp. 100-120.

22. Frolov A.A., Palagicheva A.V., Barskii Ia.V. Protesty v Rossii: SMI i reaktsiia vlastei [Protests in Russia: Media and Government Reaction]. *PolitBook*, 2018, no. 1, pp. 104-114.

23. Shcherbakova E.M. Migratsiia v Rossii, predvaritelnye itogi 2019 goda [Migration in Russia, Preliminary Results of 2019]. *Demoskop Weekly*, 2019. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0851/barom04.php> (accessed 26 August 2020).

24. Berelson B., Lazarsfeld P., McPhee W. *Voting: A study of Opinion Formation in a Presidential Campaign*. Chicago, London, University of Chicago Press, 1954, XIX, 395 p.

25. Downs A. *An Economic Theory of Democracy*. New York, Harper and Row Publ., 1957. 310 p.

26. Fiorina M. *Retrospective Voting in American National Elections*. New Haven, Yale University Press, 1981. 193 p.

27. Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party System, and Voter Alignments: An Introduction. *Party System and Voter Alignments*. New York, Free Press Publ., 1967, pp. 27-45.

28. Campbell A., Converse Ph.E., Miller W.E., Stokes D.E. *The American Voter*. New York, Wiley Publ., 1960. 573 p.

Information About the Author

Mihail I. Krishtal, Candidate of Sciences (Geography), Researcher, Sociological Lab of the Institute for Geopolitical and Regional Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, A. Nevskogo St, 14, 236041 Kaliningrad, Russian Federation, MKrishtal@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6167-1025>

Информация об авторе

Михаил Игоревич Криштал, кандидат географических наук, научный сотрудник, Социологическая лаборатория Института геополитических и региональных исследований, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, ул. А. Невского, 14, 236041 г. Калининград, Российская Федерация, MKrishtal@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6167-1025>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.22>

UDC 24(73)“2018/2020”2323

LBC 63.3(7Coe)64-3

Submitted: 24.09.2020

Accepted: 22.01.2021

**THE SITUATION OF LATINOS IN THE UNITED STATES
DURING D. TRUMP’S PRESIDENCY:
OVERVIEW OF POLITICAL TRANSFORMATIONS’ ISSUES
IN THE PUBLICATIONS OF AMERICAN AUTHORS FOR 2018–2020¹**

Ilya A. Sokov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The overview’s subject is the problem of Latin Americans’ situation (citizens and noncitizens of the USA) during the D. Trump’s presidency, reflected in new works by American authors. The historiography overview consist of researchers’ monographs from American universities and analytical articles from academic journals and periodicals. The overview’s logical systematization is based on two principles: the established chronological framework and the grouping of author’s views on a particular problem. *Relevance.* The overview topic’s relevance is caused by significant reduction in the rights and increased prosecution of Latinos in the contemporary of the United States which is emphasized by the American authors themselves. The authors emphasized the theoretical basis for the new migration political process was making D. Trump’s conservative nationalist policy which is called “America First”. The implementation of such policy leads to new challenges in ensuring national security, exacerbating social conflicts and splitting the American society. *Purpose.* The work’s purpose is to highlight new trends in the US immigration policy that significantly restricted the rights and freedoms of Latin American citizens and Latin American refugees living in the country during this period. *Methods.* The author of the article used the following methodological tools: the scientific principle of objectivity, which allowed us to assess the degree of subjective information contained in the publications; the ontological (substantive) approach, which was used to clarify the actors of conflict interaction in the process of the White House’s transformational policy presented in new American studies; the institutional method based on the research works, which allowed us to determine changes in the functions and activities of the US government’s departments when dealing with immigration issues and the situation of Latin American citizens and non-citizens in the United States during the D. Trump’s presidency. *Results.* The results consist in the recognition of the nativist and conservative nationalist policy of the US government towards Latin Americans by the American academic and expert community, which contradicts the values declared by the American society and contributes to its separation and division creating greater inequality within it. Although the historiography overview did not aim to examine Latinos’ situation in the United States in historical retrospect. All of these could be noted in the above works that no American author noted an improvement in the situation of Latinos during D. Trump’s presidency, compared to the previous administrations of B. Clinton, G.W. Bush and B. Obama. Many authors noted that new problems have been added to the old problems of Latinos and incoming immigrants. *The results area.* The results obtained can be used by Russian Americanist researchers to conduct their further researches in the fields of area studies, international relations, international processes, and the history of foreign countries. *Conclusion.* The Latinos’ situation analysis in the United States during the D. Trump’s presidency was based on American authors’ publications for 2018–2020, which suggests not only the devastating impact of the White House’s transformative policies toward Latinos, but also the changing structure of American society itself, which is inherently immigrant.

Key words: D. Trump, L. Obrador, Latinos, “Sun Belt”, carceral states, discrimination, American-Mexican relations, political transformation.

Citation. Sokov I.A. The Situation of Latinos in the United States During D. Trump’s Presidency: Overview of Political Transformations’ Issues in the Publications of American Authors for 2018–2020. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 249–263. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.22>

УДК 24(73)“2018/2020”2323
ББК 63.3(7Coe)64-3

Дата поступления статьи: 24.09.2020
Дата принятия статьи: 22.01.2021

ПОЛОЖЕНИЕ ЛАТИНОС В США ВО ВРЕМЯ ПРЕЗИДЕНТСТВА Д. ТРАМПА: ОБЗОР ПРОБЛЕМАТИКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ПУБЛИКАЦИЯХ АМЕРИКАНСКИХ АВТОРОВ ЗА 2018–2020 ГОДЫ ¹

Илья Анатольевич Соков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Предметом обзора явилась проблематика положения латиноамериканцев (граждан и не граждан США) за время президентства Д. Трампа, отраженная в новых работах американских авторов. В историографический обзор вошли монографии исследователей американских университетов, аналитические статьи из академических и периодических журналов. Логика систематизации обзора исходит из двух принципов: установленных хронологических рамок и группировки авторских взглядов на определенную проблему. Актуальность темы обзора вызвана существенным снижением прав и усилением притеснения латиноамериканцев в современных США, что подчеркивают сами американские авторы. Особо ими выделяются новые условия миграционного процесса, теоретическим основанием которого явилось проведение администрацией президента Д. Трампа консервативной националистической политики «Америка прежде всего». Цель работы состоит в выявлении взглядов американских исследователей и экспертов на проблему положения латиноамериканцев в США в период работы администрации президента Д. Трампа. *Методы.* В статье использовались следующие методологические инструменты: научный принцип объективности, который позволил оценить степень субъективной информации, содержащейся в использованных публикациях; онтологический (субстанциональный) подход, который использовался для уточнения акторов конфликтного взаимодействия в процессе трансформационной политики Белого дома, представленных в новых американских исследованиях; институциональный метод, позволивший на основании исследуемых работ определить изменения функций и деятельности ведомств американского правительства при решении иммиграционных вопросов и положения латиноамериканских граждан и не граждан в США при президентстве Д. Трампа. *Результаты.* Заключаются в признании американским академическим и экспертным сообществом проведения нативистской и консервативной националистической политики правительством США в отношении латиноамериканцев, что противоречит декларируемым американским обществом ценностям и способствует его разобщению и разделению, созданию в нем большего неравенства. Всеми американскими авторами отмечено ухудшение положения латиносов во время президентства Д. Трампа, по сравнению с прошлыми администрациями Б. Клинтона, Дж. Буша-мл. и Б. Обамы. *Область применения результатов.* Полученные результаты могут использоваться российскими американистами для проведения своих дальнейших исследований в области международных отношений.

Ключевые слова: Д. Трамп, Л. Обрадор, латиносы, «Солнечный пояс», тюремные штаты, дискриминация, американо-мексиканские отношения, политическая трансформация.

Цитирование. Соков И. А. Положение латиносов в США во время президентства Д. Трампа: обзор проблематики политических трансформаций в публикациях американских авторов за 2018–2020 годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 249–263. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.22>

Введение. Положение латинос и особенно чиканос (это мексиканцы или потомки мексиканцев, проживающих в США) значительно отличается от положения афроамериканцев, не говоря уже о положении белого населения. В русском языке, как и в английском, термин «латинос» не является неполиткорректным, и поэтому используются оба термина «латинос» и «латиноамериканцы». Достаточно упомянуть используемую в настоящей статье англоязычную монографию [6], а также многочисленное использование термина латинос в статьях базы РИНЦ e-library в качестве ключевого слова.

В прокатившихся в прошлом году по всей стране выступлениях чернокожего населения в защиту своих гражданских прав в связи с убийством 46-летнего афроамериканца Джорджа Флойда 25 мая 2020 г. полицейским при его аресте Дерекком Шовиним в Миннеаполисе не прозвучали выступления латинос за свои права, хотя их дискриминация намного значительнее, чем афроамериканцев. Права афроамериканцев после длительной борьбы были формально подтверждены принятыми законами в США во второй половине XX века. Права латинос, значительная часть которых не являются гражданами этой страны, не защищены законом, и на них, кроме законов, регулирующих миграцию, распространяются также действия указов президента. По этим указам строятся пограничные стены с Мексикой, недокументированные мигранты арестовываются и целыми семьями ждут своей участи в местах заключения, родившиеся в США дети и считающиеся гражданами США отделяются от своих родителей и разлучаются с ними. Все эти и другие подобные действия правительства США указывают на правовую и политическую сегрегацию латиноамериканцев в стремлении, как выразился Д. Трамп, к «освобождению» (liberation) американских городов от латинос и «возвращению Америки к политике “законности и правопорядка” (времен. – И. С.) никсонианства» [3, р. 1].

Прошедшим итогом четырехлетнего пребывания Д. Трампа в качестве президента США можно констатировать, что положение латинос только ухудшилось, а их «расовое неравенство и расовые социальные различия» (racial disparity and inequality) усилились

[3, р. 2]. Это утверждение целиком подтверждается нижеприведенным обзором публикаций американских авторов за 2018–2020 годы.

Методы. Для исследования указанных в обзоре публикаций использовался научный принцип объективности, который позволил оценить степень субъективной информации, содержащейся в обзоре использованных публикаций, порой отражающих разные политические предпочтения авторов и иногда искажающих реальное положение дел. Онтологический (субстанциональный) подход позволил уточнить изменения как в составе самих акторов, так и их действия в конфликтном процессе трансформационной политики Белого дома, который был представлен в новых американских исследованиях. Использование институционального метода дало возможность определить взгляды американских исследователей на изменение функций и деятельности различных ведомств американского правительства при решении иммиграционных вопросов и положения латиноамериканских граждан и не граждан в США во время президентства Д. Трампа.

Анализ. По данным Бюро переписи населения США, по состоянию на 2017 г. испаноязычное население в США составляло около 18 % от общей численности населения страны, но их неравное положение по сравнению с белым населением требует дополнительных исследований [18, р. 7].

Анализ положения латиноамериканцев в США необходимо начать с коллективной монографии «Депортация в Америках: истории выдворения и сопротивления», которая развенчивает устоявшийся миф об этом государстве как «страны иммигрантов», «страны белых, которая депортировала, а не приветствовала людей, не белых или не совсем белых» [10, р. 1]. Восемь авторов и два редактора в семи главах убедительно показывают различные механизмы выдворения «нежелательных иностранцев» разных рас, национальностей и политических взглядов с территории Соединенных Штатов на протяжении более ста лет (с 1890 до 2015 г.). Нас по теме исследования в большей степени заинтересовали: Введение, написанное Донной Р. Габачча, Глава 2, подготовленная Эллиотом Янгом, и Глава 6, представленная Наталией Молина.

Д.Р. Габачча отмечает, что история депортации цветного населения, и в большей степени мексиканцев, включает эволюцию методов высылки от простой депортации «за пределы деревни» (*village outward*) до «вынужденного перемещения» (*coerced movement*) согласно законодательству на федеральном и штатном уровне Соединенных Штатов [10, р. 2]. Причем, отмечает автор, подобный механизм нациостроительства был свойственен не только США, но и Мексике, и Канаде, хотя «различия, как и характер “создаваемых” наций, существенно различаются» [10, р. 2].

Д.Р. Габачча отметила, что за годы президентства Б. Клинтона депортация в Мексику составила 12 млн чел., при Дж. Буше-мл. – 10 млн чел., во время администрации Б. Обамы она сократилась до 5 млн чел., во многом потому, что количество незаконных переходов через южную границу резко сократилось после финансового кризиса 2008 г. [10, р. 5]. Следующий президент США Д. Трамп обвинил Б. Обаму в неспособности контролировать границу страны с Мексикой и в слишком мягком отношении со стороны правительства к нелегальным иммигрантам «в части предоставления прав на работу и обучение “мечтателей” (*Dreamers*)» [10, р. 5]. (Следует пояснить, что «мечтатели» – это дети иммигрантов, которые были доставлены в Соединенные Штаты без документов своими родителями и тем самым были временно защищены законом от их депортации.)

По мнению автора, клеймение преступниками мексиканцев, пересекающих американскую границу без документов, в период президентства Д. Трампа в 2017 г. описывало две новые тенденции. С одной стороны, в это время увеличился поток мигрантов из стран Центральной Америки, по сравнению с мигрантами из Мексики, а с другой – беженцы из этих стран, задержанные пограничниками США, многие из которых были просителями политического убежища, вместе с детьми, томились в американских центрах содержания под стражей неопределенное время, «поскольку ни Мексика, ни Соединенные Штаты не проявляли большого интереса к предоставлению им убежища» [10, р. 6].

Как обеспокоенно указывает другой автор монографии, Эллиот Янг: «Зажигательная

антииммигрантская риторика президента Трампа и запланированное строительство пограничной стены (между США и Мексикой. – *И. С.*) могут привести к разрыву того, что было столетием сотрудничества по вопросам безопасности границ» [10, р. 63]. Но, ради справедливости, следует признать, что Мексика выполняет свои обязательства перед США по укреплению своих собственных южных пограничных сил, которые финансируются американцами в рамках Южного пограничного плана.

Кроме того, автор второй главы подчеркивает, что американская сторона часто нарушает свои и международные обязательства по приему беженцев из стран Центральной Америки, возлагая ответственность на Мексику за пропуск мигрантов, имеющих «законные ходатайства о предоставлении убежища» [10, р. 64]. («Свои обязательства» заключаются в том, что с начала 1990-х гг. американский Конгресс ежегодно выделяет денежные средства Мексике в качестве компенсации затрат, связанных с высылкой мигрантов из стран третьего мира, главным образом из стран Центральной Америки, тех, кто направляется в Соединенные Штаты через Мексику.)

Следующий автор, Наталия Молина, в своем исследовании подчеркивает, что несмотря на конституционные основания (14-я поправка Билля о правах) о том, что любой родившийся в Соединенных Штатах является американским гражданином, многие мексиканские дети не могут получить Свидетельства о своем рождении в силу того, что у их родителей, имеющих мексиканские консульские удостоверения личности, со временем истекли сроки, что стало формальным препятствием для их идентификации. (По мексиканским законам родители-иммигранты, живущие в США, не могут возобновить эти карты.) В результате эти отказы препятствовали родителям организовать крещение своих детей, зачислить их в детские сады, школы или в специальные образовательные службы. А через годы, повзрослев, эти дети не смогут получить паспорта и водительские права, карточки социального страхования и работу. С другой стороны, под угрозу попала способность родителей получить работу, медицинскую страховку, свободно пе-

решаться без документов, подтверждающих их родительские права [10, p. 164].

По мнению Наталии Молина, борьба за свидетельства о рождении является продолжением модели, коренящейся в популистских дискурсах и культурных представлениях, которые продвигают образ беременных мексиканских матерей, въезжающих в Соединенные Штаты со стратегической целью, рожать за счет американских налогоплательщиков, «намеренно рожая в США с целью обеспечить себе американское гражданство» [10, p. 165].

Тем самым родившиеся в США дети являются «якорем» в дальнейшей жизненной гавани своих родителей. Поэтому не случайно в Америке появился и прижился дословно «якорный малыш» (*anchor baby*), или термин «ребенок-гарант». Хотя этот термин является оскорбительным по содержанию для гражданина США, он фактически отражает суть американской иммиграционной политики, которая является неэффективной, если мексиканцы представляют собой больше чем половину недокументированных мигрантов в Соединенных Штатах [10, p. 166].

Кроме того, Н. Молина отмечает, что термин «ребенок-гарант» не используется для других групп иммигрантов с похожей историей из не латиноамериканских стран, что «изображает мексиканских иммигрантов недостойными для проживания в США» [10, p. 166].

Особое место в нашем обзоре занимает монография Эдуардо Контрераса «Латиноамериканцы и либеральный город: политика и протест в Сан-Франциско» [6]. Автор задался вопросом, почему латиноамериканцы либерального города Сан-Франциско проявляют меньшую политическую активность на выборах различного уровня, чем белые и афроамериканцы, хотя чувствуют себя комфортнее, чем в других городах Америки. Его исследования показали, что этому способствует сложившаяся городская среда из многоликого цветного населения и низкий уровень безработицы. В Сан-Франциско в июле 2018 г. на местном уровне был установлен минимальный размер оплаты труда в 15 долл. США в час, что было значительно выше, чем в других городах Америки [6, p. 255]. Кроме того, им было выяснено, что партийная принадлежность латиноамериканцев на протяжении

XXI в. оставалась относительно неизменной – либеральной. Та же политическая идентификация ожидается и на предстоящих выборах президента США 3 ноября 2020 года.

По мнению автора, несмотря на многочисленные исторические примеры проявления протеста латиноамериканцами в XX в., в последнее время эти граждане Сан-Франциско в большей степени заняты вопросами социального прогресса внутри своей среды, чем политической борьбой. Как считает Э. Контрерас, этому способствуют особенности латинской культуры (*latinidad*), которая создает «особые этнорасовые маркеры, такие как *Latino/a* (латиноамериканец/латиноамериканка в США), *Latin@* (латинянин или кто-то латиноамериканского происхождения) и *Latinx* (гендерно-нейтральный неологизм, используется вместо *Latino* или *Latina*, чтобы обратиться к людям из Латинской Америки. Данный термин обозначает культурную или этническую идентичность в Соединенных Штатах. Суффикс (-X) может заменяться на <-o / -a> в окончании существительных и прилагательных, которые типичны для грамматического рода на испанском языке. Множественное число – *Latinxs*) – жест в сторону гендерной инклюзивности и плавного развития» [6, p. 14].

Вряд ли с этим мнением можно полностью согласиться. Безусловно, латиноамериканская культура имеет богатое прошлое и настоящее, но работы других американских авторов, в том числе указанных и в нашем обзоре, убедительно доказывают, что меньшая политическая активность латиноамериканцев связана с большей сегрегацией этой группы населения в США, по сравнению с другими этнорасовыми группами и большой прослойкой проживающего недокументированного, а, следовательно, и бесправного населения.

Монография Мануэля Гонсалеса «Мексиканцы: история мексиканцев в Соединенных Штатах» [14] в 2019 г. вышла третьим изданием (первое – состоялось в 1999 г.). Этот капитальный труд, охватывающий период с 1500-х гг. до настоящего времени, уточнялся и дописывался дважды, через каждые 10 лет. Его строго академическая библиография включает более 900 наименований.

Главная миграционная проблема для США, по мнению М. Гонсалеса, в период пре-

зидентства Д. Трампа заключается в массовом прибытии иммигрантов из стран Центральной Америки через американо-мексиканскую границу. Это, по сути, вынужденное бегство от тотального насилия организованной преступности и невозможности достойного существования большинства людей в этих странах [14, р. 377]. Для США иммиграционная проблема стала комплексной, и включает в себя множество других проблем, требующих своего решения.

Первая из них – обратная депортация. Более 80 % ходатайств, поданных беженцами из стран Центральной Америки, были отвергнуты миграционной службой США. Задержанные мигранты, в ожидании решения в течение нескольких месяцев, томились в тюрьмах, после чего были отправлены на свою родину. Как пишет автор Шанталь Да Сильва в журнале «Ньюсуик», Иммиграционно-таможенное управление США использовало авиакомпании – «Объединенные авиалинии», «Американские авиалинии» и «Дельта» для осуществления более 1 200 рейсов в страны Центральной Америки для депортации беженцев в 2019 году. Кроме того, этим управлением использовались коммерческие авиакомпании для выполнения дополнительных чартерных рейсов по депортации [7]. При этом Сара Нельсон, президент Ассоциации стюардесс-CWA, которая представляет 50 тыс. стюардесс 20-ти авиакомпаний, сообщила журналу, что стюардессы не подписывались под тем, чтобы помогать в выполнении американской иммиграционной политики, «разрывающей семьи и разрушающей все (иммигрантские. – И. С.) сообщества» [8, р. 70–71].

Вторая проблема – это пересечение границы «несопровождаемыми» (unaccompanied) детьми, которые хотят воссоединиться со своими родителями, живущими в США. В 2016 г. около шестидесяти тысяч несопровождаемых детей были задержаны на американо-мексиканской границе Таможенно-пограничной службой США, большинство из них были дети из стран Центральной Америки. «Практически все они были перевезены койотами, которые взимали (с посредников. – И. С.) около семисот пятидесяти долл. США с каждого человека» [14, р. 378].

Третья проблема заключается в составе населения штатов «Солнечного пояса» [В литературе можно встретить название штатов «Солнечного пояса», как штаты южного края или Гранд Каньона (States of the Southern Rim)]. В США латиноамериканское население удваивается каждые 12–14 лет как за счет притока иммигрантов, так и высокой рождаемости в их среде. Население латиноамериканцев (с учетом нелегалов) в штате Калифорния составляет почти 45 % от общей численности штата, в штате Техас – 37 %. В ряде городов (Майами, Лос-Анджелесе, Сан-Антонио, Хьюстоне) латиноамериканцы составляют уже относительное большинство населения, и их доля повсеместно быстро увеличивается.

Четвертая проблема состоит в том, что латиноамериканские иммигранты растекаются по большинству штатов с преимущественно белым населением. По данным Исследовательского центра Пью (Pew Research Center) [19], мексиканцы стали самой многочисленной иммигрантской группой в тридцати трех штатах США в 2013 г., вызывая всплеск нативистских чувств у старожилов как по причине иных общекультурных традиций и ценностей (59 % мексиканских иммигрантов не имеют завершеного школьного образования, 45 % мексиканок в возрасте от 15 до 44 лет являются матерями-одиночками, 27 % мексиканцев живут за чертой бедности, 33 % не имеют медицинской страховки, а 57 % вообще какого-либо страхования), так и незнания принятого языка общения (лишь 66 % из них владеют английским разговорным языком).

Пятая, гуманитарная проблема, заключается в том, что увеличение препятствий возможного пересечения американо-мексиканской границы толкает людей на переход по пустынным территориям. Последствиями такого перехода являются обезвоживание, гипотермия, голодание и пропажа людей. М. Гонсалес приводит данные, что «с середины 2016 г. до середины 2017 г., таким образом, пропали без вести приблизительно 1 200 человек» [14, р. 381].

Шестая проблема заключается в криминализации территорий по обе стороны американо-мексиканской границы, где известные

картели (Juárez Cartel, Gulf Cartel, Sinaloa Cartel, Beltrán Leyva Cartel, Arellano-Félix Organization, Los Zetas, and La Familia Michoacana)², объединившие торговцев наркотиками, койотов и контрабандистов, терроризируют пограничное население [14, p. 380].

М. Гонсалес обращает внимание на то, что в эру Д. Трампа перечисленные проблемы не только обострились, но к ним добавились новые, потому что либеральное отношение времен Б. Обамы к латиноамериканцам резко поменялось. Еще во время кампании по выборам президента Трамп признал свою собственную антипатию к мексиканским иммигрантам, «назвав их насильниками и наркодилерами, и обещал возвести стену, охватывающую всю американо-мексиканскую границу, чтобы не пустить этих “плохих парней” (bad hombres)» [14, p. 389].

Поэтому *седьмой проблемой* для латиноамериканцев стало решение президента Д. Трампа ограничить легальную иммиграцию. Миграционная реформа президента, по мнению М. Гонсалеса, не столько преследовала его цель «Сделать Америку снова великой» (make America great again), сколько «сделать Америку снова белой» (make America white again) [14, p. 397]. Д. Трамп не раз упоминал о необходимости вернуться к «историческим нормам» (historical norms) [14, p. 397] населения США. Для этого 2 августа 2017 г. президент обнародовал планы реформирования Закона об американской иммиграции для полной занятости (Reforming American Immigration for Strong Employment – RAISE), положения которого предполагали сокращение выдачи грин-карт ежегодно на 50 %, отмену положения о воссоединении семей, которое содержалось в историческом Законе об иммиграции 1965 г., требования иметь определенные навыки и образование, а также способности говорить по-английски [14, p. 396]. Как продолжает М. Гонсалес: «Не может быть никаких сомнений в том, что эти меры были направлены, прежде всего, на мексиканцев и других латиноамериканских иммигрантов» [14, p. 396].

Восьмой проблемой для латиноамериканцев стало решение Д. Трампа продолжить строительство пограничной стены, начатое еще Дж. Бушем-мл. В середине февраля

2019 г., обращаясь к собравшимся в г. Эль-Пасо, он сказал, что благодаря крепкой стене на границе в Эль-Пасо, Техас – это один из самых безопасных городов Америки сегодня [3]. По мнению автора исследования, «стена всегда была джокером в рукаве Трампа» в его популистской политике «по запрету въезда мусульман, высылке “плохих парней” и восстановления “законности и правопорядка”» [3].

Между тем, как показывает история строительства пограничных стен, они не являются полным препятствием для проникновения на другую территорию [2]. Возникновение любых новых сложностей для перехода американо-мексиканской границы толкает мексиканцев и других латиноамериканцев на обращение к представителям организованной преступности, которые связаны с коррумпированными чиновниками по обе стороны границы, создавшими в эпоху Д. Трампа невиданно успешный и процветающий бизнес. Даже задержание на территории США становится частью этого бизнеса, где «из-за серьезных отставаний в принятии судебного решения по депортации такое задержание может продолжаться многие месяцы или даже годы» [15, p. 1855].

Выводы из исследования Кэтрин И. Ким, профессора права Бруклинской юридической школы, и Эми Самет, лектора количественных исследований в области социологии и политологии Колумбийского университета, состоят в том, что имеющиеся подходы в задержании не граждан и рассмотрение их дел должны быть изменены: необходимо выработать более строгие руководящие принципы в отношении факторов, которые следует учитывать при определении того, следует ли задерживать или освободить не гражданина. «Единообразие не должно склоняться к длительному по времени содержанию под стражей» [15, p. 1900].

В более широком контексте о значении строительства различных стен в межкультурной коммуникации президентом Д. Трампом говорится в монографии Колина Дюка «Эпоха железа: о консервативном национализме» [11]. В ней автор утверждает, что президент США строит из Америки «крепость из различного вида серии стен – тарифных стен против иностранного экспорта, стен безопас-

ности против мусульманских террористов, буквальных стен против латиноамериканских иммигрантов» [11, р. 3].

Похожий вывод делает Назли Авдан (Nazli Avdan) в своем исследовании «Визы и стены: пограничная безопасность в эпоху терроризма». Он пишет, что границы продолжают иметь значение, но они берут на себя «роль щита против межнациональных угроз, а не традиционных, военных угроз» [2, р. 17]. Другими словами, для США латиноамериканская иммиграция представляет национальную угрозу в политическом, экономическом и культурном значениях.

Девятой проблемой стало решение президента Д. Трампа использовать IT-технологии, разрабатываемые в Силиконовой долине, для поиска, сбора, хранения и обработки информации о недокументированных мигрантах. Для этого Иммиграционная и таможенная полиция США (Immigration and Customs Enforcement – ICE) заключила коммерческий договор на 49 млн долл. США с фирмой Палантир (Palantir), основателем которой является Питер Тил (Peter Thiel), сроком до 2020 г. [Питер Тил, миллиардер с состоянием 2,5 млрд долл. США на конец 2018 г., соучредитель Палантир Технологис (Palantir Technologies), занимал должность советника президента Д. Трампа в конце 2016 – начале 2017 г.]. В результате взаимодействия с IT-компаниями сотрудники ICE устраивают массовые облавы латиноамериканцев на рабочих местах. Так, 7 августа 2019 г. они арестовали 680 работающих мужчин и женщин на птицефабриках в штате Миссисипи. Это были недокументированные рабочие, главным образом родом из Мексики и Центральной Америки, подлежащие депортации и в некоторых случаях федеральному судебному преследованию [9, р. 37]. Среди них были латинос, которые уже прожили в США более двух десятилетий, имеющие не только детей, но и внуков – граждан США. На их лодыжки были надеты тюремные браслеты, и они были отпущены по домам для последующего разбирательства [9, р. 37].

Разработанная фирмой Палантир программа «*tipline*» является не только информационной базой ICE, но также мощной поисковой системой Управления следственными делами, которая «агрегирует информацию сра-

зу из сотен баз данных, способствуя сотрудникам проводить расследования» [9, р. 37]. Важно также сказать о том, что «Палантир» по требованию Министерства труда США в судебном порядке была оштрафована на 1,7 млн долл. США за дискриминационное отношение к латинос при найме на работу [16].

Десятой проблемой для латиноамериканцев, как живущих в США, так и за ее пределами, стали объективные ограничения, связанные с кризисом коронавируса. Запрет на путешествия, объявленный американским президентом Д. Трампом 11 марта 2020 г., ограничил перемещения через американо-мексиканскую границу не только для туристических и деловых поездок, но также и для запланированных миграционной службой поездок для воссоединения семей.

Далее 18 марта 2020 г. президент Д. Трамп ограничил права просителей убежища на американской южной границе под предлогом ограничения распространения коронавируса. Тем самым США вынудили 60 тыс. латиноамериканцев ожидать результаты судебных слушаний по их запросу об иммиграции в Мексике неопределенное время. Причем «Трамп жаловался, что его чиновники неспособны к выполнению его желания “закрыть границу” полностью» [23, р. 7].

Американские исследователи и эксперты считают, что пандемия коронавируса играет на руку националистам, которые выступают за усиление иммиграционного контроля и протекционизма [17, р. 23]. Пандемия в условиях предстоящих в США президентских выборов у электората повысила запрос на сильное правительство, способное поддерживать национальную безопасность, даже в ущерб некоторым ограничениям в правах и свободах, а также в необходимых социальных потребностях.

Следующая коллективная монография «Сепараторные границы и лишение свободы в тюремных штатах, иммиграционные задержания и активное сопротивление» [4] написана коллективом, состоящим из четырнадцати ученых университетов США, Канады и Австралии, и опубликована в издательстве университета Северная Каролина в 2019 году. В ней отражены история и современное состояние положения цветного населения, про-

живавших и проживающих в южных, юго-западных и западных штатах США, так называемого «Солнечного пояса». Авторы на большом историческом материале указывают на правовую и политическую сегрегацию латиноамериканцев (и прежде всего мексиканцев), которая была и остается значительной.

Редактор монографии Р. Чейз в своем обращении к читателю сразу же объясняет необходимость выхода в свет подобного исследования, указывая на то, что избрание президентом США Дональда Дж. Трампа способствовало соединению и переплетению двух отдельных сфер американского права – уголовного производства и иммиграции. Выступая перед офицерами Иммиграционной и таможенной полиции США (Immigration and Customs Enforcement – ICE) после вступления в должность в январе 2017 г., президент пообещал увеличить численность сотрудников этого ведомства почти втрое, с 6 тыс. до 16 тыс. чел., чтобы «приручить» (tame) западную границу и освободить американские города от «недокументированных иммигрантов» через массовое лишение свободы» [4, р. 1].

Включенные в монографию работы авторов исследуют тюремные режимы различных штатов американского Юга и Запада для цветных, начало которых исходит от расового притеснения колониального периода в пограничных регионах и вдоль западных границ, с использованием дополнительных южных методов лишения свободы рабовладельческого времени [4, р. 2].

Использование образного термина «тюремные штаты» (carceral states) связано, по мысли редактора, с тем, что перед авторами монографии стояли задачи, во-первых, исследовать, географические различия, региональные истории, отдельные тюремные методы, государственные акты, найти ответы на вопрос о построении сложной системы тюрем и действующих акторов на местном, штатном, региональном, национальном и даже межнациональном уровнях [4, р. 4], а во-вторых, показать, что федеральная власть в условиях построения широкой федерации самоустранилась от правоприменительной практики, передав ее в юрисдикцию штатов [4, р. 5]. В то же время в каждом эссе прослеживаются вопросы научного исследования о том, как в Со-

единенных Штатах появился «самый высокий в мире уровень тюремного заключения и система, которая в основном заключает под стражу этнические меньшинства» [4, р. 5].

Редактор указывает на то, что в 2016 г. в США было 2,3 млн заключенных. При численности населения 5 % от мировой численности, Соединенные Штаты имеют 25 % заключенных от числа всех заключенных в мире, которые содержатся в 102 федеральных тюрьмах, в 1 719 тюрьмах штатов, в 2 259 исправительных учреждениях для малолетних преступников, в 3 283 муниципальных и 79 специальных тюрьмах для индейцев. К этому числу следует добавить 200 пунктов для временного содержания иммигрантов [4, р. 6].

Если до событий 9/11, за тридцать лет после бунта в тюрьме Аттики (Аттика – это тюрьма штата Нью-Йорк категории максимальной/супермаксимальной безопасности, расположена в г. Аттика, находится в ведении Департамента исправительных служб штата Нью-Йорк. После завершения строительства в 1930-х гг. там содержались многие опасные преступники того времени. В столовой и производственных помещениях тюрьмы установлена система, распыляющая слезоточивый газ с целью подавления конфликтов) в 1971 г. число заключенных латиноамериканцев увеличилось в 10 раз, то с созданием Министерства внутренней безопасности после принятия Патриотического Акта 2001 г. «иммиграционное право полностью перешло из области внешней политики и стало вопросом уголовного права и агрессивного принуждения» [4, р. 8]. Следует отметить, что этот авторский вывод полностью подтверждается авторами других публикаций.

В американскую статистику роста числа преступлений среди латиноамериканцев включаются общие цифры проживающих латиносов на территории США незаконно, без надлежащих документов. Учитывая, что эта категория людей утроилась с 3,5 млн в 1990 г. до 11,2 млн в 2013 г., можно согласиться с политическим географом Майком Дэвисом (Mike Davis), что американская «граница – больше, чем просто национальная линия обрывов, отделяющая две страны, ...она следует за рабочими латиноамериканцами везде, где они живут и независимо от того, сколько

времени они прожили в Соединенных Штатах» [8, р. 70–71].

Со времен президентства Дж. Буша-мл. проблема проживания в США латинос выросла в национальную проблему. Действительно, по этим вопросам имеется многочисленная библиография исторических и политологических работ американских авторов за последние двадцать лет.

Латиноамериканцы в силу их значительного проживания без документов подвергаются «криммиграции» (crimmigration) или криминальной миграции (криминальная миграция – это перемещение людей через границы или иные территории в целях совершения преступлений, как правило, в сфере экономической деятельности, а также террористических актов, что объективно представляет повышенную опасность для общества и существенно влияет на состояние криминогенной обстановки). Так, в 2013 г. из общего числа иммигрантов, высланных Иммиграционной и таможенной полицией США, 438 000 чел. были латиноамериканцы, которые составили 97 % от числа всех депортированных [4, р. 9].

Во второй части этой монографии исследуется введение в научный оборот термина «Солнечный пояс», состоящего из американских штатов, которые после Второй мировой войны заметно возвысились в области экономики за счет привлечения сезонных латиноамериканских рабочих. «Южные агропредприятия создали более сложную мозаику новых политических союзов, этнических разделений и культурных практик» [4, р. 14].

В эссе «“Они все, что у нее есть”»: бывшие заключенные женщины и право голоса, в 1890–1945 гг.» профессора истории университета Среднего Теннесси, Пиппы Холлоуэй (Pippa Holloway), рассматривается борьба американских женщин «Солнечного пояса» за предоставление им полных гражданских прав согласно XIX поправки к Конституции США, благодаря которой в 1920 г. вводилось активное избирательное право для женщин (XIV поправка, ратифицированная 1868 г., давала право на гражданство США всем родившимся на территории страны, но не давала избирательных прав женщинам и преступникам).

Автор эссе указывает, что любое осуждение женщины по суду лишало ее гражданс-

ких избирательных прав на всю оставшуюся жизнь. «Между 1874 и 1882 гг. все южные штаты, кроме штата Техас, внесли поправки в свои конституции и пересмотрели свои законы, чтобы лишить гражданских прав (женщин. – И. С.) за мелкое воровство» [4, р. 190].

Южные штаты США поддержали *юридическую традицию позора* (legal tradition of infamy), увековечивая идею, что осужденные «на позор» должны иметь полное или частичное лишение гражданских прав. Такие осужденные не могли служить в качестве поверенных, в Мэриленде – страховыми брокерами, в Аризоне, Техасе и восьми других штатах не могли получить медицинские лицензии, в Миссури – лицензии на продажу спиртного [4, р. 194]. Учитывая, что перечисленные профессии в большей мере затрагивали мужчин, ограничение в гражданских правах касалось и женщин.

В эссе «Что случилось с южными “скованными цепью бригадами”? Изобретение дорожной тюрьмы в “Солнечном поясе” Флориды» адъюнкт-профессора из университета Ноттингема Вивьена Миллера исследуются изменения, которые произошли в дорожных тюрьмах штата Флорида после известного пожара в тюрьме Джей-роуд в 1967 г., когда погибли 38 заключенных в деревянной тюрьме. Это событие в период борьбы за гражданские права вызвало волну протестов на территории США и способствовало модернизации тюремной системы в штатах «Солнечного пояса»: дорожные департаменты штатов (State Road Department – SRD), управлявших «скованными цепью бригадами» из заключенных на строительстве дорог, были заменены Общественными исправительными центрами (Community Correctional Centers – CCCs). Позже всех замена дорожных тюрем произошла в штате Флорида: последняя тюрьма была ликвидирована лишь в апреле 2017 г. [4, р. 230].

Автор указывает, что модернизация системы дорожных тюрем проводилась в течение тридцати лет и включала в себя процесс десегрегации (тюрьмы пополнялись белыми и цветными заключенными), заключенные проходили профессиональное обучение и могли использовать полученные знания для выполнения работы более эффективно, некоторые тюрьмы для преступников низкого уров-

ня были преобразованы в лагеря лесоводства в штате Калифорния, другие переданы под Управление национальными парками и лесами во Флориде.

Редактор монографии справедливо считает, что анализ В. Миллера показывает, что «дорожные тюрьмы “остаются частью уголовного портфеля штатов в конце XX – начале XXI в.”, где переход от Нового юга к “Солнечному поясу” определялся скорее “переработкой и переобновлением, а не драматической реформой и реструктуризацией”» [4, р. 32].

В XX в., как указывает Хизер Маккарти, процесс создания внутренних тюремных сообществ (названных бригадами) по их принадлежности к определенному виду криминальной культуры или направлений криминальной деятельности оставшихся на свободе преступников, непрерываемой с ними связи и конкуренции между «бригадами» проходил сначала в среде белых преступников, затем афроамериканских. В XXI в. первенство от них перешло к бригадам, состоящим из латиноамериканцев [«Мексиканская мафия», также известная как «Ла Эме» (Mexican Mafia or La Eme), «Нуэстра Фамилия» (Nuestra Familia (NF) or La Familia)].

К тому же администрация тюрем, например, Калифорнии, поддерживала расовый сепаратизм и межрасовое насилие, создавая напряженные отношения в тюремной системе. Это происходило по понятным причинам: афроамериканские бригады, кроме всего прочего, участвовали в политическом движении за гражданские права, в то время как мексиканские бригады «торговали в тюрьме героином и занимались ростовщичеством» [4, р. 257]. Бригада «Нуэстра Фамилия» стала самой влиятельной преступной группировкой, использовала революционную риторику, политику «кровь за кровь», структуру военной организации: бригадой командовал генерал Ностра, через капитанов и лейтенантов привлекали в рядовые члены – *soldados*, которые спонсировали бригаду входной платой и давали клятву верности [4, р. 259].

Хизер Маккарти утверждает, что в период президентства Р. Рейгана из-за потери контроля над тюремными бригадами в США были построены тюрьмы строгого режима (*supermax prisons*), но они не способствовали

решению проблемы: «Сегодня бригады продолжают управлять большей частью социального мира заключенных, и усилия тюремных служащих подорвать это управление терпят неудачу» [4, р. 271]. Поэтому автор делает вывод, что в регионе «Солнечного пояса» создана новая система применения закона Джима Кроу в замаскированной криминализованной форме. Во-первых, в «штатах южной оправы» находятся 78 из 105 национальных тюрем строгого режима, с более чем двумя тысячами заключенных, во-вторых, эти тюрьмы содержат в основном камеры смертников и в них более половины заключенных США были приговорены к смерти [4, р. 280]. В-третьих, в этих штатах используют отличную от национальной систему общественного блага – большинство общественных работ выполняется заключенными, а выборы в органы власти традиционно проходят под лозунгом: кто из кандидатов пообещает не увеличение дохода от собираемых налогов, а более дешевые контракты на выполнение общественных работ за счет бесплатной тюремной рабочей силы. В-четвертых, начиная с 1960-х гг. эволюция частного предпринимательства в «Солнечном поясе» шла от предоставления услуг в небольших «социальных гостиницах» для условно освобожденных преступников до полного управления частными тюрьмами в XXI веке. По словам В. Янссена: «Переход от заботливого ухода к содержанию под стражей и от общественной помощи к наказанию включал в себя экономические преобразования и сложную сеть решений на уровнях регионального управления, тюремной администрации и корпорации, которые вместе включались в политэкономии “Солнечного пояса”» [4, р. 282].

Другой авторский вывод заключается в том, что создание тюремного промышленного комплекса в регионе «Солнечного пояса» было обеспечено двумя условиями: поддержкой его создания федеральным правительством и близким расположением государственной границы. Поэтому уже к 2004 г. в «Солнечном поясе» было три четверти частных тюрем США [4, р. 283]. В то же время В. Янссен не берется судить о том, как будет развиваться частная сеть тюрем «Солнечного пояса» в жестких условиях, предъявляемых новым президентом США Д. Трампом к су-

шествующему потоку недокументированных иммигрантов из Мексики и стран Центральной Америки.

Рассуждая далее, автор указывает на странность, что ни у одного законодателя подобная внутритюрная модернизация не вызвала вопросов в ее необходимости или желательности, и ни один судья не подверг сомнению отправку заключенных в такие тюрьмы, в которых «крайняя форма наказания» (*extreme form of punishment*) превышала установленную приговором [4, p. 331].

В свете перечисленных условий соблюдения прав латинос в США не может не быть рассмотренной коллективная монография «Кризис прав человека в Мексике» [18] под редакцией Алехандро Анайя-Муньоса, профессора-исследователя кафедры социальных, политических и юридических исследований Западного института технологий и высшего образования (*Instituto Tecnológico y de Estudios Superiores de Occidente – ITESO*), и Барбары Фрэй, доктора юридических наук, старшего лектора института глобальных исследований в университете Миннесота. В ней авторы исследуют причины массового исхода мексиканцев и латиноамериканцев из стран региона в США в XXI в. и делают вывод, что эти люди становятся вынужденными иммигрантами в силу объективных причин – невозможности существования в своих странах. При этом действия администрации президента Д. Трампа в вопросе латиноамериканской иммиграции выглядят антигуманными и антипереселенческими (*antirefugee*).

Президент США не хочет признавать условия, которые вызывают рост нелегальной иммиграции в более чем половине штатов его страны: это кризис прав человека в Мексике, связанный в первую очередь с тремя категориями насилия – *внесудебными убийствами, исчезновениями и пытками мексиканцев*.

Внесудебные убийства начались во время президентства Винсента Фокса (2000–2006 гг.) как «демонстрация силы» (*shows of force*) (армией, флотом и федеральной полицией) и «кровавого ответа» (*bloody response*) правительства (наркокартелям и организованной преступности) [1, p. 2].

Следующий президент Фелипе Кальдерон (2006–2012 гг.) начал свою так называе-

мую «войну с наркотиками» (*war on drugs*), в которой главным образом были задействованы правительственные войска. Развернувшиеся многочисленные битвы увеличили в несколько раз насилие в стране, что, безусловно, сказалось на населении, и люди были вынуждены бежать (в том числе и нелегально) в США, чтобы иметь для себя более безопасное место для проживания.

Несмотря на то что президент Энрике Пенья Ньето (2012–2018 гг.) оставил подстрекательскую риторику «войны с наркотиками», федеральные силы не только продолжали эту войну, но и усилили ее эффективность. Если в 2007 г. на каждого раненого «федерала» приходилось 6,8 чел. убитых преступников, то в 2013 г. соответственно – 19,4 чел. [1, p. 11–12].

Мексиканский президент Лопес Обрадор, принявший присягу 1 ноября 2018 г., немного сделал, чтобы восстановить права человека в Мексике. Он избежал поединков с Д. Трампом по вопросам иммиграционной политики, и у них обоих сложились «удивительно теплые отношения, несмотря на принадлежность к различным концам политического спектра» [21, p. С7]. Оба президента говорят об искренней дружбе между США и Мексикой, которая, кажется, проявляется в их стремлении следовать националистической повестке дня [20, p. 49].

Отметим, что действия правительства США и президента Д. Трампа, направленные на ограничение «американского убежища» для латиноамериканцев, привели к тому, что «Совет по иммиграционным апелляциям (*Board of Immigration Appeals – BIA*) и федеральные суды стали узко толковать право на его получение, когда заявители ходатайствуют о защите от возмездия со стороны преступных группировок. Суды отказываются признавать “политическое действие” или принадлежность к “конкретной социальной группе” (к преступным группировкам. – *И. С.*), когда истцы, например, утверждают, что сопротивление вербовке или действиям сексуального характера (членами банды) представляет собой “политическое действие” или что преступные группировки представляют собой “конкретную социальную группу”» [1, p. 172].

Конечно, возникает вопрос о том, как гражданское общество США реагирует на

трансформационные изменения в иммиграционной политике Д. Трампа? В целом борьба против насильственных мер правительства в вопросе латиноамериканской иммиграции носит спокойный, уравновешенный и ненасильственный характер. В качестве активистов выступают: «Католическое движение социальной справедливости» (Catholic social justice movement); Католическая коалиция лидерства (Catholic Leadership Coalition); Католическая коалиция федерального округа Колумбия (DC Catholic Coalition); Сестры милосердия Америк (Sisters of Mercy of the Americas); американские отделения Международного католического христианского движения «За мир», расположенные в Штатах (Pax Christi) [22, p. 1]. Кроме того, ширится движение за декриминализацию американо-мексиканской границы, которая может быть достигнута, с одной стороны, «политикой нулевой терпимости администрации» (administration's zero-tolerance policy), а с другой – необходимой отменой в федеральном уголовном праве раздела 1325 «о незаконном въезде» (illegal entry) и раздела 1326 «о незаконном возвращении» (illegal reentry) [12, p. 1967A].

Необходимо также учитывать, что если на выборах президента США в 2016 г. участвовали 12,7 млн латиноамериканских избирателей, то в 2020 г. их участие составит уже 15 млн чел., и, таким образом, латиноамериканское голосование становится «джокером» (wild card) или непредсказуемым фактором на президентских выборах 2020 г. [5, p. 41].

Результаты. Проведенный обзор проблематики политических трансформаций американской политики в отношении латинос во время президентства Д. Трампа по публикациям американских авторов за 2018–2020 гг. позволил получить новые общие и частные результаты для отечественной историографии. Общие результаты заключаются в том, что за последние годы в американском научно-экспертном сообществе сформировалось устойчивое мнение, что несмотря на трансформацию внутренней и внешней политики каждым последующим правительством США в XXI в. положение латиноамериканцев существенно не меняется. «Проблема латинос» остается и передается для ее решения следующему правительству. Другой особен-

ностью всех представленных работ является выражение беспокойства по вопросу усугубления нативистского положения латиноамериканских граждан и не граждан в США. Третье положение отражает мнение авторов публикаций о том, что подобная политика ведет к «размыванию» американских ценностей как страны иммигрантов. Четвертое, и в этом американские авторы едины: проводимая администрацией президента Д. Трампа этническая и иммиграционная политика способствует не единению, а большому разобщению американского общества [13, p. 1–2].

Из частных результатов можно выделить указание американских авторов на то, что наибольшее нарушение прав и свобод латиноамериканцев происходит в штатах так называемого «Солнечного пояса» и западных штатов США; нарушения же в правах латиноамериканских беженцев чаще всего наблюдаются на южной американо-мексиканской границе. Часть авторов считает, что проблема иммиграции латиноамериканцев в США не может решиться без совместных действий американского и мексиканского правительств. В целом же при растущей критике положения латинос в США авторы исследований не предлагают кардинального решения этой проблемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00040.

The reported study was funded by RFBR, project number 20-014-00040.

² Латиноамериканские криминальные организации, действующие на территории Мексики и стран Центральной Америки:

Juárez Cartel – картель Хуареса, также известный как «Организация Висенте Каррильо Фуэнтеса» – один из крупнейших мексиканских наркокартелей, базирующийся в городе Сьюдад-Хуарес (Чиуауа, Мексика), поставляет в США и Европу кокаин, марихуану и героин.

Gulf Cartel – картель Гольфо («картель Мексиканского залива», *Cártel del Golfo*) – криминальная организация в Мексике, занимающаяся международной торговлей наркотиками и другими видами криминальной деятельности, располагается на территории мексиканского города Матаморос.

Sinaloa Cartel – Тихоокеанский картель (исп. Sinaloa; Pacific Cartel) – самый крупный наркокартель Мексики. Известен также как Guzmán-Loera Organization. На долю картеля приходится до 60 % всего наркотрафика в США. 31 октября 2011 г. в ходе масштабной спецоперации мексиканские вооруженные силы захватили 599 самолетов и вертолетов, связанных с картелем Синалоа. Это почти в пять раз больше отечественного флота Aeroméxico, хотя, надо отметить, большая часть самолетов картеля Синалоа небольших размеров.

Beltrán Leyva Cartel – Бельтран Лейва – один из крупнейших наркокартелей в Мексике. Картель Бельтран Лейва ответственен за транзит и оптовую торговлю кокаином, производство и оптовую торговлю марихуаной и героином, управляет многочисленными транзитными коридорами торговли наркотиками и участвует в контрабанде людьми, отмывании денег, вымогательстве, похищении, убийствах и контрабанде оружия.

Arellano-Félix Organization – Тихуанский картель, или организация Арельяно-Феликса (Картель Арельяно-Феликса, CAF) является мексиканским наркокартелем, основанным в Тихуане. В 2016 г. организация стала известна как Картель Тихуаны Нового Поколения (Cartel Tijuana Nueva Generación) и начала присоединяться к картелю Нового поколения Халиско вместе с организацией Бельтрана Лейва (BLO) для создания союза против картеля Синалоа.

Los Zetas – «Лос-Сетас» – криминальная организация Мексики, занимающаяся международной торговлей наркотиками и другими видами криминальной деятельности. Этот наркокартель укомплектован дезертирами из элитных частей мексиканской армии (спецназ GAFE (Grupo Aeromóvil de Fuerzas Especiales) и стрелковой парашютной бригады (BFP), связан с коррумпированными чиновниками из федерального правительства и местных администраций и полицейскими офицерами, кроме этого, в картель вступили бывшие военнослужащие Гватемалы.

La Familia Michoacana – Ла Фамилия Мичоакана (La Familia) – один из основных мексиканских наркокартелей, действовавший в 2006–2011 годах. Штаб-квартира картеля находилась в юго-западном штате Мичоакан. Ранее картель действовал в союзе с Лос-Сетас как часть картеля Гольфо. С 2006 г. Ла Фамилия стал независимой преступной организацией. Лидер картеля и один из его основателей Насарио Морено Гонсалес, известный как Эль Мас Локо (исп.: «самый сумасшедший»). По словам генерального прокурора Мексики Эдуардо Медина Мора, Ла Фамилия – «самая жестокая преступная организация в Мексике».

REFERENCES

1. Anaya-Muñoz A., Frey B. *Mexico's Human Rights Crisis*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2019. 326 p.
2. Avdan N. *Visas and Walls: Border Security in the Age of Terrorism*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2019. 244 p.
3. Burleigh N. How Donald Trump Played the (White) Race Card and Reshaped the Democratic Party; the President Changed the Way We Talk About Race. Now 2020 Is a Referendum on Diversity. *Newsweek*, 2019, vol. 172, iss. 8, March 15, p. 68. URL: <https://www.newsweek.com/2019/03/15/trump-race-democrats-identity-politics-2020-1352568.html> (accessed 28 September 2020).
4. Chase R.T., ed. *Caging Borders and Carceral States: Incarcerations, Immigration Detentions, and Resistance*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 2019. 427 p.
5. Castallanos N., Heltzel P.G., Valentin E. The Wildcard: Evangelicos in the 2020 Election. *Cross Currents*, 2020, vol. 70, iss. 1, p. 41.
6. Contreras E. *Latinos and the Liberal City: Politics and Protest in San Francisco*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2019. 316 p.
7. Da Silva Ch. United, Delta and American Airlines Used for More Than 1,000 Deportation Flights to Central America in 2019; United Airlines Facilitated 677 Discounted Deportation Flights from January 1, 2019 to January 16, 2020. *Newsweek*, 2020, vol. 174, iss. 4, February 14. URL: <https://www.newsweek.com/united-delta-american-airlines-deportation-flights-central-america-1484940> (accessed 30 September 2020).
8. Davis M. *Magical Urbanism: Latinos Reinvent the Big U.S. City*. New York, Verso Press, 2001. 172 p.
9. Del Valle G. Deported by Silicon Valley. *New Internationalist*, 2020, iss. 523, p. 37.
10. Zimmer K., Salinas C., eds. *Deportation in the Americas: Histories of Exclusion and Resistance*. College Station, Texas A&M University Press, 2018. 232 p.
11. Dueck C. *Age of Iron: On Conservative Nationalism*. New York, Oxford University Press, 2019. 228 p.
12. Eagly I.V. The Movement to Decriminalize Border Crossing. *Boston College Law Review*, 2020, vol. 61, iss. 6, January 1, p. 1967A.
13. Chase R.T., ed. *Forget the Tweets, Read the Contract. Caging Borders and Carceral States: Incarcerations, Immigration Detentions, and Resistance*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 2019. 440 p.
14. Gonzales M.G. *Mexicanos: A History of Mexicans in the United States*. Bloomington, IN, Indiana University Press, 2019. 475 p.

15. Kim C.Y., Semet A. Presidential Ideology and Immigrant Detention. *Duke Law Journal*, 2020, vol. 69, iss. 8, pp. 1855-1903.

16. Kravets D. Palantir Settles US Charges that it Discriminated Against Asian Engineers. *Ars Technica*. Retrieved 26 April 2017. URL: <https://arstechnica.com/tech-policy/2017/04/palantir-settles-us-charges-it-discriminated-against-asian-engineers/?comments=1> (accessed 28 September 2020).

17. Legrain Ph. Will the Coronavirus Kill Globalization? The Pandemic Is Legitimizing Nationalists and Turning Their Xenophobia into Policy. *Foreign Policy*, 2020, iss. 236, p. 23.

18. Mateos E. Latinos in America: USA Today Launches Hecho En USA, a Spanish-Language Series. *Editor & Publisher*, 2020, vol. 153, iss. 3, p. 7.

19. Modern Immigration Wave Brings 59 Million to U.S., Driving Population Growth and Change Through 2065. *Pew Research Center*, Sept. 28, 2015. URL: <http://www.pewhispanic.org/2015/09/28/modern-immigration-wave-brings-59-million-to-u-s-driving-population-growth-and-change-through-2065/> (accessed 28 September 2020).

20. Nau H.R. Course Correction. *The National Interest*, 2020, iss. 167, p. 49.

21. Riechmann D., Colvin J. Trump Forgoes Insults of Past, Calls Mexico Cherished Friend. *Telegraph – Herald (Dubuque)*, 2020, July 9, p. C7.

22. Salvadore S. Immigration Activists Step Up in Battle Against Trump Policies. *National Catholic Reporter*, 2020, vol. 56, iss. 10, February 21, p. 1.

23. Trump Changes His Coronavirus Prognosis. *The World Today*, 2020, vol. 76, iss. 2, p. 7.

Information About the Author

Илья А. Соков, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of International Relations, Political Science and Area Studies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, sokov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7146-7340>

Информация об авторе

Илья Анатольевич Соков, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, sokov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7146-7340>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
- ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
- содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
- бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2021 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20988.

Стоимость подписки на II полугодие 2021 года 2503 руб. 83 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The Editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
  - to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
  - to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
  - to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.
-
-

Dear readers!

Subscription for the 2nd half of 2021 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20988.

The cost of subscription for the 2nd half of 2021 is 2503.83 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://hfrir.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY.
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

